

Победитель Российского конкурса
краеведческих периодических изданий фонда Д.С. Лихачева

ОРЕДЕЖ

литературно-краеведческий альманах

Санкт-Петербург
Издательство «ЛЕТОПИСЬ»

2021

26.89(2)

О-65

Фото на обложке: Лариса Киселева

Куратор: **Наталья Геннадьевна КУДЕЛЯ**, управляющий делами администрации Гатчинского муниципального района

Составители: **Елена Леонидовна БАБИЙ**, директор МКУ «Межпоселенческая центральная районная библиотека им. А.С. Пушкина», заслуженный работник культуры РФ, почетный гражданин Гатчинского муниципального района

Светлана Александровна ТОПОРИКОВА, заведующая инновационно-методическим отделом МКУ «Межпоселенческая центральная районная библиотека им. А.С. Пушкина»

Выражаем благодарность за деятельное участие в подготовке этого издания:

Ольге Леонидовне СОКОЛОВОЙ, заведующей отделом библиографии, информации и краеведения МКУ «Межпоселенческая центральная районная библиотека им. А.С. Пушкина»

Любови Николаевне ВАВУЛИНОЙ, заведующей отделом обслуживания МКУ «Межпоселенческая центральная районная библиотека им. А.С. Пушкина»

Оредеж: литературно-краеведческий альманах: Вып. 18. — Санкт-Петербург: ЛЕТОПИСЬ, 2021. — 280 с.: ил., — 12 л. цв. ил.

ISBN 978-5-904545-78-9

В альманахе опубликованы материалы, посвященные различным периодам истории Гатчинской земли — от возникновения и становления до сегодняшнего дня.

Совместными усилиями авторов и составителей постепенно альманах стал площадкой сохранения «национальной памяти», краеведческого и литературного просветительства.

Особенно ценно, что материалы предоставлены нашими земляками — краеведами, музейными работниками, журналистами, библиотекарями, поэтами и прозаиками, художниками и фотографами, и профессиональными исследователями, и любителями истории, которые изучают, сохраняют и создают наследие Гатчинского края.

В альманахе представлен широкий иллюстративный ряд, включающий репродукции старинных гравюр, рисунков, чертежей и карт, архивных и современных фотографий.

Издание адресовано всем читателям, интересующимся культурно-историческим наследием одного из самых динамично преобразующихся районов Ленинградской области.

ISBN 978-5-904545-78-9

© Администрация Гатчинского муниципального района, 2021
© Редакционная подготовка. ООО «Издательство «ЛЕТОПИСЬ», 2021

Уважаемые читатели!

В последние годы у нас, в Гатчинском районе, появляется немало хороших изданий. Но ежегодный литературно-краеведческий альманах «Оредеж» выгодно выделяется на их фоне. Его основное преимущество заключается в уникальном творчестве авторов. Их много — это люди разных профессий, национальностей, возрастов, увлечений, которых объединяет истовый интерес и безграничная любовь к родному краю. Они чувствуют живой пульс жизни нашей земли, при этом трогательно прикасаются к ее богатому историческому прошлому. У каждого автора свое видение исторических событий, судеб людей, красоты окружающего мира, по-разному они размышляют, пишут тексты, а в целом получается интереснейшее жизнеописание во времени и пространстве жизни разных поколений.

Вновь нас удивят уникальные материалы Гатчинских краеведов, которые работают, практически профессионально, в архивах, в музеях, находят очевидцев или участников событий.

Нас порадуют цветные вкладки альманаха. Яркие страницы представят работы Гатчинских художников, познакомят с событиями православного календаря, проиллюстрируют ежегодный Пушкинский праздник.

Приятно, что в авторских материалах альманаха «Оредеж» № 18 нашли отражение Год Чистой воды в Ленинградской области и Год Науки и техники в Российской Федерации.

Как неисчерпаема и полноводна Оредеж река, так и альманах «Оредеж» наполнен, глубок и безграничен.

Все, о чем вы прочитаете в этом альманахе, будет интересно, спорно, заставит задуматься, удивиться, порадоваться и обязательно испытать чувство гордости за красивую землю, на которой мы живем, работаем, где растут наши дети. Духовный ландшафт Гатчинского района — это святой источник и кладь для людей, которые умеют видеть невидимое, исследовать непознанное и замечать самые скрытые исторические факты.

Глава Гатчинского муниципального района и МО «Город Гатчина»
В.А. Филоненко

Глава администрации Гатчинского муниципального района
Л.Н. Нецадим

Речка Оредеж

*Изгиб речушки Оредеж
Излучина заветная,
Где в годы стародавние
Промчалось детство светлое,
Где пульс посёлка мерили
Гудками - электричками,
Где мхом лесным застелены
Брусники гроздь с лисичками...*

*Но вот мы, вроде, выросли,
А все шпана с Михайловки,
Здесь наш осколок Родины
От речки до завалинки...*

*А сосны корабельные
Все вдоль дороги высятся.
Нам пацанам- бездельникам
Не удавалось выспаться.*

*А речка, речка Оредеж,
Несет течение темное,
Оно и романтическое,
От трав лесных зеленое...*

*Сквозь все года и месяцы
Течет река родимая.
Земля, как прежде, вертится,
С ней Вырица любимая.*

Василий Пусетт

НАРОДНАЯ ПУШКИНИАНА

*Никто покуда в мире тех высот,
Что Пушкин взял, достигнуть был не в силах,
А значит верно — Пушкин наше всё!
Есть Пушкин, значит — есть Россия!*

Игорь Шептухин

УСАДЬБА СУЙДА

Наталья Спичак

Абрам Петрович Ганнибал — прадед А.С. Пушкина стал владельцем Суйды в начале 1759 года. Он приобрел поместье у графа Федора Алексеевича Апраксина, внука Петра Матвеевича, сподвижника Петра I. Абрам Петрович не сразу поселился в поместье, а после 1762 года, выйдя в отставку. Опытным взглядом инженера, исследователя он оценил местный ландшафт, особенности климата, почвы, природы местности и приступил к обустройству своего дома. По задумке нового хозяина усадьба должна была быть олицетворением красоты и рациональности.

Месторасположение дома

На «Геометрическом специальном плане... мызы Суйды 1857г.»¹, показано расположение дома, который был обнаружен Светланой Романовной Долговой и впервые продемонстрирован в документальном фильме «Под сенью липовых аллей» реж. Артюхов К.В.

Планы были сочинены в 1746 при Ингерманландском межевании, когда была отмежевана Суйда, а по указу «Межевой канцелярии... межевание вновь сочинено в ноябре 1857 года...».

Фиксационный план был нарисован от руки и не совсем точен в пропорциях и соотношениях форм.

«На этом плане видны земельные

Геометрический специальный план... мызы Суйды 1857г.

участки под мызой Суйда, селом Воскресенским, деревнями Мельницей и Пижмы. Показаны постройки мызы Суйда, появившиеся здесь более чем за сто лет с 1746 по 1857 гг., четко выписана планировка парка, его центральной части, показан большой пруд».²

При рассмотрении плана становится очевидной лучевая планировка всего усадебного комплекса. Такая система расположения улиц характерна для таких городов как: Санкт-Петербург, Тверь, Рим, Ярославль, Астрахань и Версаль. Многолучевая (или звёздчатая) структура размещения объектов и улиц формировалась при строительстве Великого Новгорода и Парижа.

Для усадебного комплекса А.П. Ганнибал использовал планировочную композицию фортификационных со-

¹ ЦГАДА ф.1328, оп.5, ед.хр. 493 // Грановская Н.И. Если ехать вам случится: Очерк путеводитель. — Л.: Лениздат, 1989. — с. 150-151

² ЦГАДА ф.1328, оп.5, ед.хр. 493 // Грановская Н.И. Если ехать вам случится: Очерк путеводитель. — Л.: Лениздат, 1989. — с. 150-151

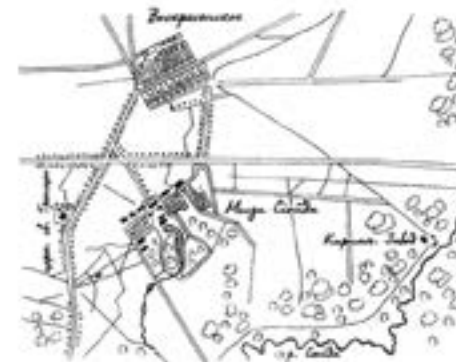

Петрополис

оружий. Дорожки и строения своей ориентацией формируют форму крепостного рavelина.

Центром композиции является усадебный дом — это центральная постройка всего усадебного ансамбля. По сравнению с другими постройками, например с гостевым флигелем, дом имеет достаточно большие размеры. На плане его форма соответствует строгому четырёхугольнику, вытянутому с северо-востока на юго-запад.

От села Воскресенское к нему ведет подъездная дорога — Березовая аллея. Перед домом находится открытый двор за ним небольшой сад. За садом через дорогу расположена регулярная часть усадебного парка с многочисленными аллеями-дорожками. Регуляр-

План усадьбы Суйда 1855 г. из книги А.А. Сёмочкина

ную часть парка от пейзажной отделяет пруд. По правую и левую сторону от главного фасада дома находятся дворовые постройки — каменный гостевой флигель, дом управляющего имением, каретный сарай, конюшня, оранжереи, людская и другие. На плане показаны разнообразные хозяйственные сооружения огорода, пашни, подъездные дороги.

Все вышеуказанные сведения косвенно подтверждаются и на плане 1855 года, опубликованный в книге А.А. Сёмочкина «Усадьба Суйда».³

Такой же замкнутый прямоугольник двора с симметричным и рациональным размещением построек мы можем видеть на плане «Место двора Его Превосходительства господина генераль-аншефа и кавалера Ганнибала» (КП 78)⁴.

При рассмотрении этого плана можно составить представление о том, что входило в усадебный комплекс: «большие хоромы, которые имеют пять покоев», «лубяная изба с кухней», «ледяной погреб с сушильной наверху», «конюшня с 10 стойлами», «сарай», «анбар с погребом», «месте под огородом». На плане представлена типичная барская усадьба середины XVIII века — мыза, так назывались загородные дачи в Ингерманландии.

На место расположение усадебного дома указывает и факт находок 1990 года на территории, примыкающей к зданию бывшего гостевого флигеля Ганнибалов. Во время прокладки газопровода в Суйде были обнаружены фрагменты печных изразцов, посуды, курительных трубок, осветительных

³ Сёмочкин А.А. Усадьба Суйда / А.А. Сёмочкин. — СПб.: Летопись, 2018. — 2018. — с. 24 (источник плана в книге не указан, можно уточнить у автора).

⁴ В Музее-усадьбе «Суйда» хранится копия, подлинник 1765 года хранится в РГАДА (Москва).

приборов, бутылки, подковы, фрагмент ограды дома⁵.

На границе с гостевым флигелем и не далеко от линии газопровода стоят три лиственницы, которые были частью усадебного сада. По последней инвентаризации их возраст составляет более 250 лет. Несколько лиственниц было утрачено в послевоенный период. Дом скорей всего стоял в нескольких метрах от них.

На плане обозначена примерная линия газопровода и примерное месторасположение 3-х лиственниц

Также по воспоминаниям Егора Николаевича Горенкова: «Когда фундамент был снесен, мой отец руководил мощением подъездной дороги, которая прошла через центральную часть бывшего барского дома»⁶

Анализируя представленные факты можно утверждать, что «Геометрический специальный план... мызы Суйды» 1857 г. верно отображает месторасположение усадебного дома. Он стоял посередине современной дороги, полностью её перегораживая.

⁵ Предметы включены в фонд музея-усадьбы «Суйда».

⁶ Бурлаков А. В. Усадебный дом Ганнибалов в Суйде. История и современность. Перспективы его восстановления. Создание в нём нового музея // А.В. Бурлаков Лукоморье: Краеведческий альманах музея-усадьбы «Суйда» — г. Гатчина, 2006, № 1 Гатчина 2006 — с. 8.

Внешний вид

Подлинных изображений усадебного до сих пор не найдено. Подробное архивное описание было найдено Бурлаковым А.В. в «описи на предмет залога имения» 1873 г.: «Усадебный дом владельца, деревянный на каменном фундаменте с мезонином, крыт лучшей 7 х 5 саж. Оценка 2500».

Под такое описание подходит изображение из книги Ульянского А.И. «Няня Пушкина». Выдержка из книги: «Из нескольких более поздних построек также сохранились деревянный жилой дом-флигель (бывший барский с мезонином) с деревянной же пристройкой, обшитый рустиком, постройки 1812 г.; последующие пристройки к нему относятся к 1850-м го-

Фотоплан флигеля бывшего барского дома. Построен в 1812 г. с последующими пристройками 1830 г. Фото. апрель 1938 г.

Ульянский А.И. Няня Пушкина. СПб. Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. с. 18.

дам⁷. Об этом доме писала Анна Семёновна Ганнибал⁸.

Воспоминания Анны Семёновны: «Мыза Суйда лежит в небольшом расстоянии от села, к ней ведет аллея, бывшая, вероятно, когда-то густой и тенистой. В парке стоял большой дом, с обширной террасой, выходящей в сад... Большой дом сгорел, недавно только разобрали его фундамент. Нынешний владелец Геймбюргер живет в старинном флигеле, неоднократно перестроенном. От старины уцелели, может быть, только резные украшения на флигеле, в виде полотенец. Под парком и теперь ещё до сорока десятин, его вековые дубы и липы в два обхвата существуют, несомненно, со времен самого Ганнибала»⁹.

То есть, на фотографии 1938 года из книги Ульянского представлен не усадебный дом, а перестроенный гостевой флигель с несколькими деревянными пристройками.

По мнению исследователя и архитектора А. А. Семочкина господский дом выглядел следующим образом: «просторный, деревянный, из мощных бревен дом, стоит на высоком, из валунных камней, цоколе». Эти слова были подтверждены и воспоминаниями А.С. Бритиковой (урожд. Шарапенкова): «...Дом был деревянным и стоял перед входом в парк...»¹⁰

⁷ Опись строений и сооружений совхоза «Суйда» на 1 января 1932 года.

⁸ Ульянский А.И. Няня Пушкина. — СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. — с. 18, с. 28.

⁹ Воспоминания А.С. Ганнибал, опубликованные в литературном приложении газеты «Новое время» // Бурлаков А. В. Усадебный дом Ганнибалов в Суйде. История и современность. Перспективы восстановления. Создание в нём нового музея / А.В. Бурлаков Лукоморье: Краеведческий альманах музея-усадьбы «Суйда» — г. Гатчина, 2006, № 1 Гатчина 2006 — с. 9.

¹⁰ Ульянский А.И. Няня Пушкина. — СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. — с. 18, с. 28

¹¹ РНБ Ф.423, д.231 Лбовский А.Н. Воспомина-

По предположению Н.И. Грановской суйдинский дом «...имел два фасада. Один выходил на подъездную дорогу, второй прямо в сад...»

Описание высокого цоколя дома приводится в разных исследованиях и воспоминаниях. Примером того может служить несколько воспоминаний местных жителей поселка Суйда:

Горенков Егор Николаевич: «В детстве я не раз бывал в усадьбе, и хорошо помню старый высокий фундамент из дикого камня и вставками красного кирпича, видимо всё, что осталось от дома после пожара, где, как говорили старики, жил когда-то Ганнибал».

Мария Никодимовна Кловве: «...в детстве я ещё застала развалины каменного фундамента сгоревшего дома. В них упиралась дорога, обсаженная березами. С мальчишками и девчонками я не раз забиралась под своды кирпичных арок старого фундамента. Тогда еще сохранялись полукруглые окна, обложенные красным кирпичом, в которые можно было проникнуть... примерно в 1910 году фундамент снесли... а вскоре на месте барского дома построили дорогу».

На примере планировки усадебного комплекса можно убедиться в приверженности Абрама Петровича к привычным формам и планировкам. «Он довольно долго жил в Прибалтике, в Эстляндии и оценил прибалтийскую практику строить дома и хозяйственные постройки на высоких каменных фундаментах»¹¹.

«В своей службе он проявлял неоян различных лиц. Бритикова А.С. // Бурлаков А. В. Усадебный дом Ганнибалов в Суйде. История и современность. Перспективы его восстановления. Создание в нём нового музея // А.В. Бурлаков Лукоморье: Краеведческий альманах музея-усадьбы «Суйда» — г. Гатчина, 2006, № 1 Гатчина 2006 — с. 8.

¹¹ Семочкин А.А. Усадьба Суйда / А.А. Семочкин. — СПб.: Летопись, 2018. — 2018. — с. 20.

бычайную добросовестность, погруженность в инженерные проблемы от самых широких вопросов, до, казалось бы, незначительных мелочей.... А это в свою очередь предполагает высокий профессионализм и достоинство».¹² Помня как жил «при жизни блаженной и вечно славы высокодостойной памяти Государе Императоре Петре Великом»¹³ он не выстроил себе богатый дом. Любитель всего рационального Абрам Петрович не использовал привозной материал для строительства своей усадьбы, а взял камень и дерево, которые были рядом в изобилии.

*Почтенный замок был построен,
Как замки строятся должны:
Отменно прочен и спокоен
Во вкусе умной старины.
Везде высокие покои,
В гостиной штофные¹ обои,
Царей портреты на стенах,
И печи в пестрых изразцах.¹⁴*

Н.И. Грановская считала, что эти строки больше могли быть отнесены к руновской мызе. Она писала: «Дом был похож на старинный боярский терем, удобный и поместительный. Чтобы попасть во флигеля, не надо было выходить во двор – одни находились под одной кровлей с домом. В них помещались кухня и кладовые, а также людские и девичьи для многочисленных дворовых. В самом же доме – больших хоромы – жили господ».¹⁵ Такое же впечатление соз-

¹² Гусарова Е.В.

¹³ Письма Абрама Ганнибала с. 72 // Леец Г. Абрам Петрович Ганнибал: Биографическое исследование. – Таллин: Ээсти раамат, 1984. – с.133

¹⁴ Пушкин А.С. Роман в стихах. Евгений Онегин

¹⁵ Грановская Н.И. Вместе с Пушкиным от Царского села до Михайловского. Очерк-путеводитель, предлагающий путешествие по пушкинским местам. – СПб: Из-во «Нотабене», 1999. – с. 117

дается и при изучении материалов о суйдинской усадьбе.

К первым иконографическим материалам об усадьбе можно отнести рисунки Е.Н. Померанцевой 1949 года.

«Усадьба Ганнибала. Суйда»

«Суйда. Церковь в которой венчались родители А.С. Пушкина»

«Суйда. Усадьба Ганнибалов». Дом молочника¹⁶ или «Суйда. Старый дом в усадьбе Ганнибала»¹⁷

¹⁶ Хранится в музее-усадьбе «Суйда»

¹⁷ Хранится в ГБУК «Государственный музей А.С. Пушкина» (Москва) ГК 19511372.

В 1953 году Суйду посетил художник А. Васильев, который нарисовал художественную ретроспекцию усадебного дома¹⁸. Такими же чертами он наделяет и дом молочника.

Суйда. Бывшее имение Ганнибалов.
Художник А. Васильев, 1953 год

Здесь необходимо уточнить, что рисунки сделанные художником, не являются изображением дома с натуры или по памяти. А.А. Сёмочкин предполагает, что художник воссоздавал образ усадебного дома по рассказам старожилов Суйды, а возможно и по аналогии с домом молочника, который до той поры вполне мог сохраниться.

На рисунке архитектора и художника С.П. Светлицкого, можно наблюдать такую же попытку в отношении дома управляющего, который сохранился до нашего времени. Опять перед нами дом на высоком каменном основании и два этажа деревянный с похожей архитектурой, как на рисунках Васильева. Только по отношению к современному

¹⁸ Сёмочкин А.А. Усадьба Суйда / А.А. Сёмочкин. – СПб.: Летопись, 2018. – 2018. – с. 22

Суйда. Флигель Ганнибалов и дом управляющего.
Рисунок С.П. Светлицкого

дому управляющего, дом на рисунке немного выше.

Любопытно, что крыша на гостевом флигеле и на здании бывших конюшен в современном виде четырехскатная, с меньшими изломами, но она похожа на крышу усадебного дома на рисунке Васильева.

В 1949 году художница Е.Н. Померанцева делает свой рисунок «Усадьба Ганнибала. Суйда».¹⁹ Этот рисунок раньше относили к изображениям гостевого флигеля, но ориентируясь на перспективу изображения и на «Геометрический специальный план... мызы Суйды» 1857 г. можно предположить, что стоял он за гостевым флигелем, вполне вероятно это были людские. Крыша на нем другая, а вот изображение предположительно конюшни очень интересно в плане отображения внешних стен и крыши. Видно, что построена она тоже из кирпича и природного камня, окна арочной формы.

Иконография собранная в советские годы дает основание полагать, что все усадебные постройки были возведены примерно в одно и тоже время и из одного материала: камень, кирпич, дерево и с характерным изломом крыши на зданиях усадьбы.

¹⁹ Хранится в ГБУК «Государственный музей А.С. Пушкина» (Москва) ГК 19511372.

**ПАМЯТИ
МИХАИЛА ИОСИФОВИЧА ЛЕЙКИНА
ПОСВЯЩАЕТСЯ**

*Михаил Иосифович Лейкин
(1943–2016),*
петербургский режиссер,
драматург, поэт.
С 1986 по 2015 год —
художественный руководитель,
сценарист и главный режиссер
Пушкинских праздников.
Автор книг о Пушкинских
праздниках, о праздниках цикла
«Народный календарь Арины
Родионовны», традиционно
проводившихся в Гатчинском районе,
текста гимна
Ленинградской области и
гимна Гатчинского района.

*Это прекрасная возможность
сохранить память о прекрасном
человеке, талантливом поэте
и любимом нами Пушкинском
празднике!*

19 ОКТЯБРЯ

Песня из спектакля «Бывают странные сближенья...»

По аллеям бродил царскосельским,
Ожидая явления муз,
Резвый отрок в мундире лицейском,
Отвечавший на кличку «Француз».

Припев: Любая ему ненавистна опека,
Какая банальность — родительский кров!
Но... Пущин и Дельвиг... Где мой Кюхельбекер?
Матюшкин и Яковлев. Где Горчаков?

Ах, как тянется ссылка в деревне,
Все дороги снега замели,
И колотится сердце мгновенно,
Колокольчик услышав вдали.

Припев.

Пусть в глазах петербургского света,
Он смешон — камер-юнкер в летах.
Изменяют друзья в эполетах,
Часто снятся друзья в кандалах.

Припев.

Слово Пушкина живо в столетях,
Он поэзии русской исток.
Отчего же поэт перед смертью
Беспощадно так был одинок?

Припев.

Держит время нас всех под прицелом,
Радость жизни уходит не вдруг...
И поэтому, в дату Лицея
Собираем друзей тесный круг!

Припев: Любая ему ненавистна опека,
Какая банальность — родительский кров!
Но... Пущин и Дельвиг... Где мой Кюхельбекер?
Матюшкин и Яковлев. Где Горчаков?

ПТИЦЫ

Зонг для спектакля «Чудные мгновенья»

В деревне с названием Суйда
Опальный живет генерал.
Пусть тот Ганнибала осудит,
Кто счастья в любви не искал.
То Африка ночью приснится,
То флаги петровских солдат...

И птицы, тревожные птицы,
Ему, не давая забытья,
Летят, не заметив границы,
Сквозь сердце солдата летят!

Что правнуку прадед оставил?
Анфас африканский лица,
Да блеск переменчивой славы,
Да счастье любить до конца!
Пурга над Михайловским злится.
Светаёт. Монахи звонят.

И птицы, тревожные птицы,
Ему, не давая забытья,
Летят, не заметив границы,
Сквозь сердце поэта летят.

От предков даны нам с рожденья
Рисковость да русская речь
И женщины обожествленье...
Как это богатство сберечь?
Пусть в Суйде моей и столице
Сердца от неправды болят...

И птицы, тревожные птицы,
Ему, не давая забытья,
Летят, не заметив границы,
Сквозь сердце потомка летят.

2004

ЗВЕЗДА АРИНЫ

Ах, Сашенька, нет на земле родней,
Любовь с тревогой неразрывно слита...
Беду и радости приносит к ней,
И песню просит, а порой молитву...

Спаси, Господь, его от сущих бед,
Пусть пролетит злодейка-пуля мимо...
Он для кого-то признанный поэт,
А для нее — лишь Сашенька родимый.

Припев: Пускай наш путь неведомо куда,
Завьюженный холодными снегами...
Звезда Арины, верная звезда,
Горит в ночи над русскими полями!

Живет, как все крестьянки, без затей,
Но больше всех должна она стараться, —
Свои кровинки — четверо детей —
Живут вдали и лишь ночами снятся.

Ее мечты, всем женщинам потом
На сердце лягут, — такова их доля, —
Что б у ребяток был родимый дом,
Чтобы была подарена им воля.

Припев.

Любить у нас, так значит побережь
Его, родного, не себя, конечно,
Да про синицу за морем пропеть,
И про девицу, что ходила к речке!

А Лукоморье будет на века,
Богатыри сразятся с колдунами!
И пусть любовь, нежна и глубока,
Не растается, как Арина, с нами.

Припев: Пускай наш путь неведомо куда,
Завьюженный холодными снегами...
Звезда Арины, верная звезда,
Горит в ночи над русскими полями!

2008

МАЛЬЧИШКИ

Посвящается В. Б. Азарову и М. К. Аникушину

Мальчуган сегодня был расстроен, —
Он узнал, что сказка «Лукоморье» —
Только сказка. Сказка... Что же делать?
Значит, в Лукоморье не побегать?
И нельзя дружить с богатырями,
Разговаривать с котом стихами,
С колдунами не сражаться лихо?..
Отвечала мама сыну тихо:

Припев: «Когда выйдешь за ворота,
До седьмого поворота
По тропе незнакомой шагай.
Там, на вольном просторе,
Что от моря до моря,
Лукоморье — отчий край».

Быстро на Руси растут мальчишки,
Узнают дорогу не по книжкам,
А когда набат зовет их к бою,
Защищают Родину собою.
И становятся богатырями,
Воспевают край родной стихами,
Отыскав в урочный час невесту,
Начинают свадебную песню:

Припев.

В старости, чем дальше — тем виднее,
Правда, на подъеме шаг труднее.
Не дано живой водой напиться —
Даль зовет, но тянет вниз земляца.
Только седовласые мальчишки
Знают в сказку путь не понаслышке...
И встречают щедрый день вопросом:
«Не пора ль судьбу, как жребий, бросить?»

Припев: «Когда выйдешь за ворота,
До седьмого поворота
По тропе незнакомой шагай.
Там, на вольном просторе,
Что от моря до моря,
Лукоморье — отчий край».

1997

«МЫ ВСЕ УЧИЛИСЬ ПОНЕМНОГУ...»

Елена Киселёва

В начале жизни школу помню я;
Там нас, детей беспечных, было много...

А.С. Пушкин

19 октября 2021 года
исполнится 210 лет со дня
основания Царскосельского Лицея.

Известно, что отмечаемая всеми современниками изумительная образованность А.С. Пушкина берет свое начало в Лицее. Но в Лицее он учился всего шесть лет. Велик ли этот срок или не очень? Знания каких предметов вкладывали преподаватели головы своих юных учеников? И, наконец, велик соблазн решиться на последнюю дерзость: как соотносится «наше» учение с лицейским, и как мы выглядим сами в сравнении с лицеистами? Разумеется, прогресс цивилизации, который, как нам кажется, возвышает нас в сравнении с предшествующими поколениями, — такой совокупный прогресс действительно имеет место; но посмотрим на дело совсем просто — попытаемся хотя бы мысленно сравнить тогдашнего лицеиста с сегодняшним школьником.

На летние каникулы в Лицее отводился всего один месяц — июль (у сегодняшних учеников — три месяца); за счет промежуточных каникул, которых у лицеистов вовсе не было, нынешние школьники имеют ещё почти целый месяц отдыха.

Итог любопытен; за шесть лет лицейские затворники набирали допол-

нительно 18 месяцев учебы, т.е. ещё два лишних года и два месяца против наших школьников. Согласно запискам Пушкина, в Царскосельском Лицее вставали по звонку в 6 (!) утра, вечерняя молитва и сон — в 10 вечера; итак — 16 часов бодрствования, из которых занятия в классах продолжались 8 часов. Приняв, что в среднем современный школьник проводит в классах 6 часов (с 9.00 до 15.00 часов дня), снова получим любопытный

результат: шесть лицейских лет равнозначны нашим восьми, т.е. ещё два года в пользу Лицея. Сверх упомянутых 8 часов, по средам и субботам в Лицее шли обязательные занятия — «танцеванье или фехтованье».

Таким образом, нехитрая арифметика говорит о том, что шесть лицейских лет эквивалентны почти одиннадцати годам нашей школы. При этом следует иметь в виду, что лицеисты были выпущены с высшим образованием, тогда как нам потребовалось бы для этого еще пять лет пребывания в институте! Отсюда, кажется, следует, что мы весьма самонадеянно приобщились к пушкинской иронии в адрес Онегина: «Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь», — скорее, эти слова нам следует отнести на свой счет.

В мае 1817 года «Санкт-Петербургские ведомости» пригласили публику и родителей на первые выпускные экзамены Царскосельского Лицея. 15 экзаменов были распределены на 17 дней. Каждый день испытания проводились с 8.00 до 12.00 часов утра и с 16.00 до 20.00 вечера:

15 мая — латинский язык.

16 — закон божий; на обоих экзаменах присутствует министр и другие важные лица.

17 — российская словесность.

18 — немецкая словесность.

19 — французская словесность.

21 — иностранная география и статистика.

22 — всеобщая история «с особым вниманием к трем последним векам». Среди гостей на экзамене присутствуют Карамзин и Вяземский.

23 — политэкономия и финансы.

24 — естественное, частное и публичное право.

25 — уголовное и гражданское

26 — отечественная география и статистика.

28 — чистая математика.

29 — прикладная математика.

30 — фортификация и артиллерия.

Среди гостей на экзамене снова присутствуют Карамзин и Вяземский.

31 — физика.

Прочитаем свидетельство выпускника Александра Пушкина: «В течение шестилетнего курса обучался в сем заведении и оказал успехи: в законе божьем и священной истории, в логике и нравственной философии, в праве естественном, частном и публичном, в российском гражданском

и уголовном праве хорошие; в латинской словесности, в государственной экономии и финансах весьма хорошие; в российской и французской словесности, также в фехтовании превосходные. Сверх того, занимался историей, географией, статистикой, математикой и немецким языком».

Итак, к восемнадцати годам Пушкин получил великолепное лицейское образование, помноженное на самообразование, помноженное ещё раз на дар Божий и возвращенное тайной, разгадать которую не дано никому — ни времени, ни людям.

Сравнительные оценки, приведенные выше, ориентировали на «наше» десятилетнее обучение, которое после 1917 года, в основном сохранилось в нашей стране в течение 70–75 лет. В год 210-летия Царскосельского Лицея юношеству XXI века открылась заманчивая возможность подтвердить

слова Н.В. Гоголя о том, что Пушкин — это русский человек, который в окончательном развитии явится через двести лет.

Литература

1. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 9-ти томах. — 4-е изд. — Л., 1977.
2. «Дней Александровых прекрасное начало...»: Пушкинский Лицей: наставники и питомцы. Журнал «Лицей» №2. /Ответственный редактор выпуска С.М.Некрасов. — СПб, 1996.
3. Жизнь Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники. В 2-х томах. Т1. /Составитель, вступительные очерки и примечания В.В. Купина. — М.: Правда, 1987.
4. Кружнов Ю.Н. Экзамен В Царскосельском Лицее. Роман-версия. СПб: Серебряный век, 2011.
5. Лицейская энциклопедия. Императорский Царскосельский Лицей (1811—1843): /Под редакцией С.М. Некрасова. — СПб, «Logos». 2010.
6. «Отечество нам Царское Село» /Автор-составитель Л.А. Богодаева. — Новосибирск: Издательство НИПКИПРО, 2006.
7. Павлова С.В. Пушкинский Лицей: путеводитель. — СПб, Паритет, 2004.

* * *

Иван Радюкевич

Как мимолетно все и хрупко,
Пронзительно и быстротечно как.
И кто запомнит это утро?
И пролетевшей ночи мрак?

И этот иней на ресницах,
Узор морозный на стекле.
И этот крик вечерней птицы,
И свет луны в полночной мгле.

Нам все острее быть и небыть,
А ветер дует нам в лицо.
И только звезды в чистом небе
И знают все, и помнят все.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Светлана Оболенская

*«Поэт нам дорог тем, что он
О счастье нам напоминает
И сумрак жизни озаряет»
И. Бунин*

Более двадцати лет экскурсоводческой практики, тысячи километров наших дорог, встречи с разными людьми, позволили накопить впечатления, мысли, заметки по поводу и случаю, в том числе и на туристических маршрутах Пушкинианы. Слова Аполлона Григорьева: «Пушкин — наше все» должны стать девизом этих маршрутов, ведь мы едем не только к А.С. Пушкину и его родным, мы смотрим и природные достопримечательности, и архитектуру, и памятники Великой Отечественной войны. Все это нанизывается на дорогу к Поэту. Чаще всего такие маршруты проходят по Гатчинскому району, в Пушкиногорье Псковской области, в Санкт-Петербург и г. Пушкин. Тема петербургской Пушкинианы обширна, мы ее касаться не будем. А вот туристические маршруты из Гатчины по району и в Пушкинские горы дают интересные наблюдения.

Экскурсия — это коллективный или индивидуальный краткий выезд (отступление от привычной нам жизни) с ознакомительной целью по конкретной теме. На маршруты, связанные с жизнью поэтов, писателей осознанно выходят совершенно определенные категории людей. Мне не встречались в группах туристов те, кто профессионально занимается литературоведением как наукой. И это понятно: они, как

правило, сами изучают объект (писателя как личность) и предмет (жизнь и творчество). А вот любители поэзии, знающие творчество А.С. Пушкина, посещали наши экскурсии. Общение с ними для экскурсовода всегда интересно, так как эти туристы могут украсить экскурсию чтением произведений, главное, чтобы они знали меру и были тактичны по отношению к экскурсоводу.

Вторая категория туристов — люди с широким кругозором, знающие что-то об А.С. Пушкине, когда-то (чаще всего в школе) читавшие его произведения и имеющие представление о том, что значит «Пушкин — наше все». Они ждут чего-то нового, интересного от экскурсовода, возможно каких-то научных фактов, которые экскурсоводу надо излагать кратко, доступно, не углубляясь в теории и научные споры. Чаще всего людей интересуют объекты по пути следования, связанные с поэтом и его окружением. И здесь широкое поле деятельности для экскурсовода: надо изучать краеведческие источники, интересоваться материалами научно-практических конференций и т.д.

Есть еще такая категория туристов, как школьники. Они коллективно едут на экскурсии по Пушкинским местам в рамках обязательного изучения жизни и творчества поэта. Для большин-

ства сегодняшних школьников такие экскурсии — развлечение. Чаще всего интерес к Пушкинской теме пропадает на 5–10 минуте общения с ними. Дети общаются с «гаджетами», и никогда не поймешь: то ли тебя проверяют, то ли играют в игры, то ли переписываются между собой. Отвлечь их ненадолго можно интересным фактом (чаще всего — спорным) или вопросом по теме. Но тут можно скатиться к банальному воспроизведению урока — вопрос-ответ: «садись — два» (варианты «четыре — пять» редки). На автобусной экскурсии метод «вопрос-ответ» применяется условно (дальние ряды пассажиров вне поля внимания экскурсовода). Хотя школьники активны именно в диалоге... По моим наблюдениям, большинство ребят слабо знают творчество поэта, знания о самом поэте — отрывочны, и уж тем более, многие не умеют анализировать судьбу поэта в рамках истории XIX века. Конечно, есть исключения — гуманитарные классы, детские литературные объединения, но это — счастливое для экскурсовода исключение.

На такие разные группы туристов должен ориентироваться экскурсовод, гид-сопровождающий в своих экскурсионных маршрутах по Пушкинской тематике.

Пушкинистика дает огромное поле деятельности для экскурсовода. Есть несколько категорий экскурсоводов, которые проводят экскурсии по Пушкинским местам. Одну категорию составляют научные сотрудники Пушкинских музеев, литературоведы, библиотекари. Они, безусловно, обладают широкими знаниями по теме. Но именно от их подачи материала зависит интерес туриста к памятному месту. Мне вместе с туристами приходилось слушать научные лекции в рамках экскурсии, и тогда туристы вежливо

отстранялись, уходили в «самостоятельное плавание» по объекту. Гораздо интереснее выглядели экскурсии, в которых гармонично сочеталось «предмет — поэт — поэзия». Так, например, в Пушкинском заповеднике (п. Пушкинские Горы Псковской области), практически все экскурсоводы так или иначе обладают необходимыми приемами и знаниями.

Вторая категория экскурсоводов — те, кто работает на маршрутах разнообразной тематики, и пушкинская тема для них звучит в ряду других экскурсионных тем. Здесь многое зависит от уровня знаний самого экскурсовода и грамотной, методически выверенной подачи биографического, исторического и литературного материала. Третья категория экскурсоводов — гиды, сопровождающие туристов в автобусных экскурсиях до Пушкинского места (музея, заповедника). И для них важно подготовить туриста к восприятию темы. А это значит — напомнить биографию поэта, рассказать о его родных и знакомых, связать биографии этих людей с теми достопримечательностями, которые мелькают в окне автобуса.

Наш край дает большие возможности для туристической Пушкинианы. Туристическая Пушкиниана вне Санкт-Петербурга — это Пушкинский заповедник в Псковской области, г. Псков, Гатчинский и Лужский районы (а именно через них проходит путь в Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей А.С. Пушкина «Михайловское» (Пушкинский заповедник). Именно эти дороги раскрывают туристам множество Пушкинских тем и достопримечательностей.

Пушкинская тема в экскурсиях на Гатчинской земле проходит через три музея, объединенные в один экскурсионный маршрут: литературно-мемо-

риальный музей «Дом станционного смотрителя» в д. Выра, музей-усадьба А.П. Ганнибала в п. Суйда, музей «Домик няни А.С. Пушкина» в д. Кобринно. Конечно, логика подсказывает, что именно с усадьбы А.П. Ганнибала начинается экскурсия. По многолетним наблюдениям отмечаю, что наш турист в общей массе не знает практически ничего об Абраме Петровиче, кроме: «арап Петра Великого», «вспыльчивый был», заточил первую жену в монастырь, один из первых в России усердно разводил картошку. Наш турист, за редким исключением, не осведомлен о том, что прадед А.С. Пушкина — управляющий инженерной частью всей армии, военный инженер, фортификатор, под его руководством возводились укрепления Тоболо-Ишимской линии, в Кронштадте, Риге, в Петербурге. А ведь А.П. Ганнибал честно служил Отечеству и сделал немало для его пользы!

В музее «Домик няни А.С. Пушкина» мы продолжаем тему родных и близких поэта, затрагивая обширнейший материал по русскому быту, говорим о роли воспитания в жизни человека. Но при этом совсем без настоящего туристического внимания остается находящаяся рядом мыза Руново. В 1770-е гг. имение было закреплено за внучкой А.П. Ганнибала — Надеждой Осиповной Ганнибал и стало ее приданным, когда в 1796 г. она венчалась с С.Л. Пушкиным (речь идет о матери и отце А.С. Пушкина). И вот про Руново наш турист ничего, как правило, не знает, эта тема становится открытием, да еще каким: ведь в XIX и начале XX века эта мыза связала имена Лисянских, Карташевских, Аксаковых, Мережковского и Гиппиус. Но, к сожалению, Пушкинское место — мыза Руново — не является сейчас полноценным туристическим объектом.

Руново

Музей «Дом станционного смотрителя» через Пушкинского литературного героя позволяет вывести туристов на разговор и размышления не только о судьбе «маленького человека», но и об истории почты России, об устройстве станций со всеми бытовыми особенностями. И, конечно же, затрагивает тему дороги и в прямом практическом значении, и в философском. И даже, проезжая без остановки в Пушкинские Горы Псковской области, мимо «Дома станционного смотрителя», мы обязательно говорим и о Самсоне Вырине, и философствуем на тему дороги.

Музей «Дом станционного смотрителя» в деревне Выра

Лужский район Ленинградской области своими достопримечательностями по пути следования в Пушкинские Горы напоминает нам о родственни-

ках А.С. Пушкина. Мало кто из туристов знает, что дочери А.П. Ганнибала — Анна и Елизавета — получили в приданое несколько сел в районе Луги, двоюродной тете поэта — К.С. Неловой принадлежал ряд имений в окрестностях города. И мы обязательно упоминаем их в рассказе о достопримечательностях Лужского района. А вот двоюродный дядя А.С. Пушкина — Павел Исаакович Ганнибал (1776–1841) — проживал в Луге с 1833 года. Он был женат на Варваре Ланге, земли которой получили название Лангина Гора. На именинах П.И. Ганнибала бывали родители А.С. Пушкина. Сам П.И. Ганнибал похоронен на лужском Вревском кладбище.

Поэт не раз проезжал через Лугу и оставил знаменитую эпиграмму:

*Есть в России город Луга
Петербургского округа;
Хуже не было б сего
Городишки на примете,
Если б не было на свете
Новоржева моего.*

Это остроумное и блистательное стихотворение дает повод говорить о городе и его развитии, и о поэте и его судьбе. Мы отмечаем, что эта дорога — в 1837 году последний путь поэта от Санкт-Петербурга в Святые Горы к месту упокоения. По некоторым сведениям, кибитка с гробом поэта останавливалась в Луге.

Лужская Пушкиниана дает возможность перебросить информационный «мостик» к Псковским землям, она становится открытием для нашего туриста, который от вопросов: «Луга? А что там смотреть? И Он там был, разве?», переходит к пониманию разнообразных родственных связей поэта и значению Семьи в его творчестве.

Тема пребывания А.С. Пушкина на Псковской земле необъятна, как и пе-

тербургская Пушкиниана. Но, рассматривая псковские достопримечательности нашего Пушкинского маршрута, мы возвращаемся к темам почтовых станций (Городец, Феофилова Пустынь, Залазы), друзей А.С. Пушкина, прежде всего — декабристов (встреча с В. Кюхельбекером на станции Залазы, судьба М. Назимова).

Псковская Пушкиниана связана с родственниками писателя В. Набокова, об этом мы упоминаем, проезжая усадьбу Рукавишниковых-Набоковых в с. Рождествено Гатчинского района Ленинградской области. И.А. Набоков (прадед писателя) был женат на сестре декабристов Пушциных и проживал с 1822 г. во Пскове. А в декабре 1826 г., уезжая из Псковской губернии и прощаясь с декабристами Иваном и Михаилом Набоковыми, поэт оставил им для пересылки в Сибирь своё знаменитое послание к И. Пушину: «Мой первый друг, мой друг бесценный...». Псковские дворяне Набоковы были в родстве с семьей Назимовых. А.С. Пушкин неоднократно гостил во Пскове у Назимовых, например, в 1826 г., ожидая вестей о суде над декабристами. Надо заметить, что у туристов тема декабрьского восстания, как правило, вызывает бурные обсуждения, тема довольно политизирована. А псковская история дает возможность оценить восстание декабристов с точки зрения перелома судьбы конкретного человека, сохранения достоинства, проявления самопожертвования (М. Нарышкин и его жена Елизавета (Коновницына), братья Коновницыны, М. Назимов).

Рассказ о псковских друзьях поэта звучит по дороге к Пушкиногорскому заповеднику. Предваряя экскурсию по усадьбам Михайловское (где поэт отбывал ссылку), Тригорское (где проживали его друзья Осиповы-Вульф) и Петровское (усадьба А.П. Ганнибала),

Михайловское

Пушкин в Михайловском. П.П. Кончаловский, 1940 г.

мы успеваем рассказать о подвижнике и литературоведе С.С. Гейченко, который приложил немало усилий для возрождения послевоенного заповедника.

Экскурсия по усадьбам Пушкиного-ря зрелищна и информационно насыщена в любое время года. Замечу, что даже если турист устает от обилия разнообразной информации, то у него есть возможность полюбоваться архитектурой усадебных построек, пейзажами реки Сорочь, Савкиной горкой и городищем Воронич, мельницей и заливными лугами.

Туристы, в целом, впечатляются восстановленными и поддерживаемыми на должном уровне объектами Пушкинского культурного наследия, но запоминают чаще всего те факты биографии поэта и его окружения, которые касаются личной жизни поэта и очень удивляются, когда им напоминают о нетактичности коллективного обсуждения некоторых тем («А почему нам в Михайловском не рассказали...»). Восприятие информации о поэте и его окружении отражает нравственное состояние нашего общества, позволяет определить уровень его литературного образования в целом и общей культуры в частности.

В заключение хочется отметить, что лучшим украшением пушкинских туристических маршрутов является его поэзия, которая позволяет нивелировать любые ситуации, создает нужное настроение, всегда звучит уместно и ярко. Экскурсии по пушкинским местам продолжают формировать современного человека, открывая по-новому личность и творчество Александра Сергеевича Пушкина.

Литература

1. Гейченко С.С. У Лукоморья: Рассказы хранителя Пушкинского заповедника. — 5-е изд, Л.: Лениздат, 1986.
2. Грановская Н.И. Если ехать вам случится... Очерк-путеводитель — Лениздат, 1989.
3. А. Носков. Луга. СПб, 2013.
4. Окулич-Казарин Н.Ф. Спутник по древнему Пскову: (Любителям родной старины). 3-е изд., Псков, 2001.

А.С. Пушкину

Евгения Корн

Уже расписаны все роли
В придуманный Творцом сюжет,
Где по веленью царской воли
В деревню сослан был поэт.
Вдали от суеты столицы,
В поэзию строки влюблён.
Слетались музы на страницы,
Любовью в сердце окрылён.
Талантлив, вольнодум...повеса...
Дней роковых назначен срок.
Самой судьбой в руке Дантеса,
Взведён безжалостно курок.
Театр и роли — не забава,
Со дня рождения до тризн.
Судить Творца — не наше право.
Театр Абсурда — это жизнь.
Вне оправданий козни Света,
Виновникам прощенья нет,
Когда под дулом пистолета
Шагнул в бессмертие поэт...

“Тебя ж, как первую любовь, России сердце не забудет...”

XXXVI Пушкинский праздник на Гатчинской земле.
222-ой годовщине со дня рождения А.С. Пушкина посвящается...

«Вокруг Пушкина...» Круглый стол
Межпоселенческая центральная районная библиотека
им. А.С. Пушкина, г. Гатчина

Фото 1

Кот ученый

Фото 2

С.М. Некрасов, заслуженный деятель искусств РФ, доктор культурологии, профессор,
сценарист, директор Всероссийского музея А.С. Пушкина

Фото 3

Е.Л. Бабий, засл. работник культуры РФ, почетный гражданин ГМР,
директор Межпоселенческой центральной районной библиотеки им. А.С. Пушкина

Фото 4

С.Ю. Никитин, председатель комитета по культуре и туризму ГМР

Фото 5

Л.Н. Вавулина, заведующая отделом обслуживания
Межпоселенческой центральной районной библиотеки им. А.С. Пушкина

Фото 6

Д. Байтемиров, лауреат всероссийских и международных конкурсов,
победитель вокального конкурса «Гатчинская Романсиада»,
аккомпаниатор — **А. Казан**, заслуженный артист РФ

Фото 7

Н.А. Ключина, зав. кобринским филиалом
ГБУК ЛО «Музейное агентство» — музей «Домик няни А.С. Пушкина»;
Л.И. Румянцева, засл. работник культуры РФ,
член Совета по культуре при главе администрации ГМР

Фото 8

В.Н. Кайкова, заведующая Вырским филиалом ЛО ГУК «Музейное агентство»
музеем «Дом станционного смотрителя»

КРАЕВЕДЕНИЕ

Большие липы, шатаясь, пели...

Мне больно было взглянуть назад...

Там осень грелась в моём апреле, —

Всё та же осень, всё тот же сад...

В.В. Набоков

УСАДЬБА «ВОЙСКОВИЦЫ» НА ИМПЕРАТОРСКОЙ СЛУЖБЕ

Андрей Бурлаков

В 1871 году владельцем земель, примыкающих к Гатчинскому дворцовому имению с запада, становится купец, почётный гражданин, выходец из польских евреев — Авраам Исаевич Горвиц, купивший это старинное поместье у помещиков Кандалинцевых. Более полувека им принадлежала старинная усадьба «Войсковицы» и около двух десятков деревень и хуторов. Одним из первых организационных действий нового владельца стало открытие железнодорожного полустанка «Горвицы» (ныне — станция Войсковицы) на Балтийской железной дороге, строительство которой прошло через барские владения. Господский дом и службы самого поместья в очередной раз перестраивались и стали использоваться под сдачу на летний период столичным дачникам. Особого дохода это поместье не приносило и, видимо, поэтому было выставлено на торги.

В 1882 году усадьба была куплена Главным Управлением Уделов для размещения здесь лесной дачи Гатчинского дворцового императорского имения. Войсковицы стали «дачной», охотничьей резиденцией последних представителей династии Романовых. Здесь бывали императоры Александр III и Николай II, многочисленные представители их семьи, высокопоставленные особы и зарубежные гости. Обычно Войсковицкая мыза служила местом кратковременных остановок государей на отдых, завтраки и пикники. Сама охота проходила в окрестных лесах, расположенных в окрестностях

Усадьба «Войсковицы».
Реконструкция худ. Романа Крушельницкого

деревень Войсковицы, Сеппелево, Большие и Малые Борницы, Дубицы, Питкелево, Черново, Большое и Малое Сяськелево, Туганицы и других. В

Император Николай II на охоте
в окрестностях Гатчины. Фотография 1895 года

дневниковых записях императора Николая II за 1895 год имеются записи о посещении этого имения:

«29 сентября. Пятница.

Встали с дивной погодой. В 8 часов поехал со всеми прежними охотниками в Войсковицы. Прямо из вагона стали на свои места в 1-м кругу. Завтракали в поезде и затем продолжили охоту с другой стороны железной дороги. Всего было убито 314 штук; из этого числа мною: 1 тетерев, 2 рябчика, 1 вальдшнеп и 19 беяков. Под конец охоты начал моросить дождик. Охота окончилась в 5 часов и, благодаря этому, мы рано вернулись в Царское (Царское Село — А.Б.).»

«3-го октября. Вторник.

Простившись с душкой Аликс, в 8 час. отправился с теми же охотниками в Гатчино. Облава происходила в Горвицкой даче. Погода была холодная, ветреная и, временами, с ливнями. Всего убито 225 штук: мною — 14, тетеревей — 3, 1 вальдшнеп и 1 рябчик, беяков — 6. По числу убитого пера облаву можно считать весьма удачной. Завтракали в старом доме Горвица. Вернулись в Царское в 7 ½».

А вот ещё одна запись, относящаяся к 1906 году:

«17-го ноября. Пятница.

В 8.20 отправились вместе с теми же участниками за Гатчину. Охота была в Горвицкой даче на знакомых местах. Погода стояла приятная и мягкая. Завтракали в финском домике. Всего убито: 600. Мною: 2 тетерева, 76 фазанов, русак и 2 беяка — итого 81. Вернулись в Царское в 5 ч.»

Как видно из первого текста, в лесную дачу добирались через полустанок Горвицы, от которого к Войсковицкому охотничьему дому вела хорошая подъездная дорога. До наших дней сохранились фрагменты так называемой «Царской дороги». На территории

лесной дачи располагалось несколько малых охотничьих домиков. В организации и устройстве охот участвовали егеря Императорской охоты и местные крестьяне. В имении постоянно дежурили в ожидания приезда Высочайших особ управляющий с небольшим штатом придворных.

Краткая характеристика имения «Войсковицы», усадебных строений и лесных угодий, содержится в «Отчёте о состоянии и устройстве Войсковицкой лесной дачи, Гатчинского Дворцового имения, 1-го округа Санкт-Петербургской Удельной Конторы» 1889–1894 годов. Этот любопытный документ был обнаружен мною в Центральном государственном архиве в Санкт-Петербурге.

Войсковицкая мыза, сообщается в отчете, состояла из «Барского дома №1, предназначенного для временного

Лист из журнала
«Иллюстрированная Россия» 1896 г.

выезда Высочайших Особ во время устройства в даче охот; кухни при нем с квартирою для прислуги и ледником». Здесь же помещалась квартира арендатора, две квартиры для рабочих и прачечная, квартира лесника с сараем для птиц. На территории дачи находились: скотный двор, «амбар с санным сараем при нем», сарай для дров, рига, конюшня на 25 лошадей, каретный сарай, кучерская изба, дом садовника, оранжерея, «теплицы оранжерейные», навес, кузница, «барская баня», баня для прислуги и рабочих, ледник, погреб, «водогрейка», весы. В отчёте указано, что почти все строения, кроме дома, ветхие. Парк и сад имели площадь 6,1 десятины.

Далее в отчёте даётся подробное описание «Барского дома»:

«Строение деревянное, в 1 этаж с мезонином, на каменном фундаменте с цоколем, крытое железом. Стены рублены из бревен, снаружи обшиты тесом и окрашены масляною краскою, внутри оштукатурены, и обклеены обоями. Полы фризковые окрашены, в 1 комнате дубовый паркет. Потолки оштукатурены, карнизы вытянутые, в мезонине стены и потолки не оштукатурены, оконные переплёты двойные, двери столярные, окрашены. Прибор медный и железный. Печи голландские изразцовые, 2 мраморных каминна, 2 круглые утермарковские печи, 2 изразцовые кухонные плиты. Внутри 4 досчатые лестницы до мезонина. Со стороны сада при главном фасаде строения, против мезонина, терраса деревянная с 4-мя деревянными колоннами с коринфскими капителями и с балконом во 2 этаж. Так же при главном фасаде ещё 2 террасы меньшего размера, с левой стороны сени.

Строение не новое, но чисто содержится, находится в удовлетворительном состоянии».

Войсковицкий охотничий дом.
Фотография конца XIX века

Значительное место в отчёте уделено характеристике самой лесной дачи — обширной территории Войсковицкого поместья. Мыза с охотничьим домом располагалась в трёх верстах от полустанка Горвицы Балтийской железной дороги, сообщается в старинном документе. Лесная дача имела площадь 4510, 2 десятины. В её состав входили 38 селений, самым крупным по числу крестьянских дворов являлась деревня Парица — 90 дворов. Имеется полумызок — «Черново», состоящий из каменного одноэтажного с мезонином жилого дома, конюшни, сараев. Все здания имеют ветхое состояние и давно не ремонтировались. Здесь же имеется каменная мельница с хозяйственными строениями. При деревне Борницы — караулка. Лесная дача делится на обходы: Войсковицкий, Хиндикиловский, Черновский, Борницкий и Тойворовский.

Основная территория угодий покрыта лесом и лугами. Здесь протекает река Парица и находится озеро Чёрное (в северо-восточной части дачи), «не заключающее в себе каких-либо ценных сортов рыбы, ловля которой никому, впрочем, на озере не разрешается». При прежнем помещике Кандалинцеве здесь проводился вылов большого количества рыбы. Из озера вытекает река Чёрная, на которой «стоит каменная о 2-х поставах мельница». Эта

река является притоком реки Парицы. На территории лесной дачи есть также Хиндикиловский ручей. Во времена помещика Кандалинцева в имении добывали известковый камень, близ деревни Борницы имеются «следы ломки». При последнем помещике Горвице управляющим усадьбы «Войсковицы» служил господин Грабовский.

Время сохранило до наших дней целую серию старинных фотографий, выполненных любительским способом в 1902–1903 годах в Войсковицах. На одном из снимков — господский дом, на ступеньках которого стоит император Николай II с собакой, на других фотографиях — представители императорской фамилии и их приближённые около дома, в парке, на пикнике... Эти уникальные фотографии удалось найти в одном из архивов Москвы сотрудникам Государственного музея-заповедника «Гатчина». Именно по этим снимкам в наши дни удалось реконструировать утраченный господский дом, представить, какой была усадьба в начале XX столетия.

Охотничья слава Войсковицкого края продолжалась до самой революции. Сообщения о Великосветских забавах встречаются в местной прессе. Например, газета «Жизнь Царкосельского района» в ноябре 1913 года сообщала: «3 ноября в лесу близ деревень Вохоново, Реполки, Войсковицы и Педлино происходила великосветская

охота на зайцев и фазанов. На охоте присутствовали: Светлейший князь Д.Б. Голицин, Ловчий Его Величества В.Р. Диц, князь Масальский, князь Волконский, граф Шереметев и другие приглашённые лица. Охота закончилась в 6 часов вечера. Всего убито более 100 зайцев и около 20 фазанов».

Упоминания о посещении Войсковицкого охотничьего дома можно найти в Дневнике великого князя Михаила Александровича, 11 мая 1915 года: «12 ½ Наташа и я поехали с Вяземскими, Абакановичами, Джонсоном, Татой, Кирюшей в Горвицы (ехали мы в 3 автомобилях). Приехав туда, мы накрыли стол на лужайке перед главным фасадом и завтракали... После прогулки по саду мы сделали круг на автомобилях через Мотчино, Педлино и Егерскую. Пили шоколад и кофе на Ферме в саду».

Известно, что в 1913 году на мызе была расквартирована часть Санкт-Петербургской конной полиции «для

Панорама Войсковицкого дома. Фотография 1900-х гг.

объездки и обучения» 55 молодых лошадей, доставленных из Тамбовской губернии.

О прошлом Войковицкого имения ещё совсем недавно вспоминали старожилы. Так, Павел Иванович Ристаль, 1925 года рождения из деревни Тяглино, рассказывал, что участником царских охот был его дед — Филипп Иванович. Во время облавы он выполнял роль загонщика зверей — стучал в колотушки, трещал трещотками. После окончания охоты все участники — крестьяне получали денежное вознаграждение.

Интересная, давно забытая, страница истории Войковицкой усадьбы связана с устройством в ней учебного заведения. 25 апреля 1901 года председатель правления Общества попечения о питомцах Санкт-Петербургского Воспитательного дома Наталия Ивановна Гирш осмелилась направить письмо в Главное управление Уделов «о предоставлении помещения в Войковицком охотничьем доме для сапожной школы». И получила положительный ответ...

В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга хранится Дело, связанное с ходатайством об открытии этого учебного заведения. В своём прошении Н.И. Гирш сообщала, что Общество попечения об улучшении быта питомцев столичного Воспитательного дома, «воспитываемых в деревнях округов, расположенных по Балтийской железной дороге, содержит на счет Общества сапожную школу в селе Сиворицах (ныне — село Никольское, — А.Б.), в коей ныне обучается грамоте и мастерствам до 40 питомцев». «К крайнему сожалению, — писала просительница, — наёмный дом, занимаемый этой школой, должен

быть освобождён, согласно арендным условиям, к 1 июня 1901 года. К тому же здание не приспособлено для занятий: весь нижний этаж его заливается водою».

«Между тем, в Царскосельском уезде существует Войковицкий Дворцовый охотничий дом, с двумя при нем флигелями, ныне никем не занятыми, — сообщается в прошении. — В виду сего и полного отсутствия средств для найма помещения, Правление позволяет себе убедительно просить Главное Управление Уделов, не признает ли оно возможным представить под упомянутую школу помещение в указанных флигелях».

Это прошение было переадресовано в Управление Императорской охоты в Гатчину. В ответном письме в Управление Санкт-Петербургского Удельного Округа начальник хозяйственной части Императорской охоты генерал-майор Николай Иванович Кутепов сообщал: «Управление Императорской охоты уведомляет Управление Санкт-Петербургского Удельного Округа, что в Войковицкой даче флигель имеется один. Со стороны Управления охоты не имеем препятствий к устройству в этом флигеле помещения для школы питомцев...». Единственное условие, которое было указано Кутеповым — флигель необходимо отделить от территории усадьбы забором, «чтобы дети не могли забегать во двор и сад большого дома, по причине возможности приезда в большой дом Императорской Фамилии».

14 июня 1901 года Высочайшим соизволением указанное здание было передано для размещения сапожной школы — безвозмездно. Согласно оценке флигеля, сделанной в этот период, его каменное здание считалось ветхим и его

хотели снести. По сведениям на 1905 год, в школе обучалось 55 мальчиков из близлежащих деревень. Однако учебное заведение просуществовало недолго. 2 сентября 1906 года здесь случился пожар. В отчёте сообщалось, что школа была «подожжена злоумышленниками». Вся деревянная часть здания, кроме каменных стен и фундамента, сгорела дотла. Школа была застрахована в Первом Страховом обществе. Заведение получило сумму в размере 2000 рублей. О дальнейшей деятельности этого учебного заведения узнать не удалось.

В начале XX века, помимо осуществления своих основных «охотничьих» функций, усадьба и её окрестности становятся местом проведения различных учебно-практических курсов по молочному животноводству и скотоводству регионального значения. Этому способствовала образцовая, налаженная система ведения сельского хозяйства в имении «Войковицы». Здесь имелась отличная ферма, велось производство масла и сыра.

Например, зимой 1909 года Царскосельским уездным и Гатчинским сельскохозяйственными обществами здесь были устроены курсы молочного хозяйства. Учебный процесс проходил

на территории лютеранского пастората, недалеко от деревни Войковицы. «Пастор Бромс был настолько любезен и представил для пользования, за всё время курсов, помещения для занятий и также для жилья, — сообщается в отчёте агронома 3-го Гатчинского участка. — Кроме того все демонстрации работ: дойки и ухода за скотом производились в его хозяйстве, для чего в распоряжение курсистов было представлено стадо в 9 коров». Работой курсов руководил инструктор М.Я. Сандер. После их окончания свидетельства получили тридцать пять слушателей.

Летом 1910 года, уже непосредственно в самом имении, проходили курсы по скотоводству. Они были организованы Центральным губернским сельскохозяйственным обществом. Новая страница истории войковицкой усадьбы началась после октября 1917 года. На базе образцового поместья была создана сельскохозяйственная коммуна, одна из первых в стране. В 1919 году она стала молочно-животноводческим совхозом, а ещё через некоторое время — учебным хозяйством Ленинградского областного животноводческого института...

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ. СТАНЦИЯ СИВЕРСКАЯ

Среди старейших железнодорожных станций России именно Сиверской было определено стать знаковым, особым местом в отечественной истории. Здесь, в южных окрестностях Санкт-Петербурга, появилась новая дачная местность, получившая неофициальный статус дачной столицы. С тех пор многое изменилось, а станция Сиверская, как и прежде, принимает многочисленных пассажиров, проносятся мимо неё товарные составы и поезда дальнего следования, повседневную работу станции обслуживает большой коллектив железнодорожников. Ее историческое прошлое тесно переплетается с нашим временем, перелистаем некоторые страницы дореволюционной летописи, вспомним, как всё начиналось...

Как была открыта новая станция

В 1851 году Высочайшим повелением императора Николая I был обнародован указ:

«1. Соорудить железную дорогу от С.-Петербурга к Варшаве. 2. Дорогу именовать С.-Петербургско-Варшавской железной дорогой. 3. Работы начать с 1852 года, приступив к оним как от С.-Петербурга, так и от Варшавы».

Первый участок железной дороги протяжённостью 42 версты от Санкт-Петербурга до Гатчины был открыт для движения поездов 1 ноября 1853 года. К 1857 году Варшавская дорога достигла Сиверской, в 1859 году — Пскова, а в 1862 году своего конечного пункта — Варшавы.

Известно, что не все приветствовали

Станция Сиверская. В ожидании поезда.
Фотография 1900-х годов

появление Варшавской железной дороги, а некоторые оказывали её строителям упорное сопротивление. Среди сельского населения распространялись слухи, что «огненные машины» сожгут деревни, а ужасный грохот паровозов вызовет у людей потерю слуха, а у коров — молока. Под железную дорогу должна была отойти часть земельных владений местных помещиков и крестьян...

Одна из запланированных к открытию станций должна была вступить в строй на 63-й версте от Петербурга. В этом месте железная дорога вплотную подходила к усадьбе «Сиверская», пересекала шоссе, связывающую несколько помещичьих имений и крупных населённых пунктов: село Рождествено, деревни Старо-Сиверская, Куровицы, Межно, Выра и другие. Этот участок новой магистрали считался наиболее подходящим. Готовящаяся к открытию станция получила своё название в честь расположенной рядом усадьбы «Сиверская», принадлежавшей в то время дочери статского советника баронессе Софии

Петровне Черкасовой. В связи с тем, что Варшавская железная дорога прошла через территорию её поместья, Министерство путей сообщения выделило помещице полагающуюся ей денежную компенсацию.

Станция Сиверская впервые упоминается в архивных документах уже в 1855–1856 годах. Однако свои непосредственные пассажирские функции она стала выполнять с 5 декабря 1857 года. Этот день можно считать официальным открытием станции.

В 1855 году не приносившее особых доходов черкасовское имение было заложено за долги и выставлено на публичные торги. Первое объявление о торгах было опубликовано в декабре 1856 года в газете «Санкт-Петербургские губернские ведомости». Здесь сообщалось, что столичное губернское правление объявляет о продаже заложенного и просроченного поместья баронессы С.П. Черкасовой, состоящее в Санкт-Петербургской губернии, Царскосельского уезда, во 2-м стане, и включающее в свой состав мызу «Сиверская» и деревню Межно. «Земли при этом имении удобной и неудобной — 1486 дес., из числа коей отошло под С.-Петербургско-Варшавскую железную дорогу и станцию более 20 десятин», — сообщается в объявлении.

21 сентября 1858 года государь император Александр II, возвращаясь из путешествия по России, лично присутствовал на повторном, «высочайшим» открытии нового участка движения поездов между Гатчиной и Лугой. Станция Сиверская стала четвёртой по счету станцией от Варшавского вокзала в Петербурге после Александровской, Гатчины и Суйды.

К этому времени произошла очередная смена владельцев усадьбы «Сиверская». С 1856 года им стал генерал-лейтенант, впоследствии генерал

от инфантерии, барон Борис Андреевич Фредерикс. Заботливый хозяин способствовал развитию станции, понимая её стратегическое значение для будущей жизни региона. В 1859 году он жертвует значительную сумму денег для строительства здесь первого деревянного вокзала, до этого времени здесь существовала открытая платформа. Дорога от станции к имению, по распоряжению барона, была вымощена диким камнем и обсажена берёзами. Министерство путей сообщения возводит станционные службы, жилые дома для рабочих и служащих, благоустраивает прилегающую территорию. С начала шестидесятих годов усадьба «Сиверская» все чаще стала выполнять различные представительские функции, связанные с приёмом важных государственных особ: в окрестных лесах южного направления находились места царской и великосветской охоты. Здесь несколько раз делали остановки государя и многие представители правящей династии.

Например, в 1862 году на станцию Сиверская из Петербурга прибыл для проведения охоты император Александр II. После кратковременной остановки для чаепития в доме барона Б.А. Фредерикса, государь и сопровождающая его свита убыли в деревню Дамище (ныне — Даймище) в имении Донауровых. Охотничьи забавы и пикники для Высочайших особ устраивались в окрестностях Сиверской вплоть до начала XX столетия.

В 1874 году, после смерти Б.А. Фредерикса, усадьба перешла по наследству к его сыну, барону, впоследствии графу — Владимиру Борисовичу Фредериксу, одному из самых знаменитых людей дореволюционной России. Он был министром императорского Двора и Уделов при последнем государе и известным государственным деятелем.

Барон В.Б. Фредерикс. Фотография 1913 года

Именно В.Б. Фредерикс стал основателем Сиверской дачной местности и оказывал всяческое покровительство в повседневной деятельности железнодорожной станции. К концу XIX века здесь был построен новый железнодорожный вокзал. Прекрасное деревянное здание с крытой платформой, буфетом и рестораном, летним пассажирским павильоном и садом, стало

Дачники на фоне станции Сиверская. Фотография начала XX века

местом увеселения местных дачников. В станционном ресторане устраивались музыкальные вечера и танцы под оркестр, выступали столичные артисты. Здесь можно было встретить многих знаменитостей.

Листая старые страницы

Описание станции Сиверская и дачных особенностей прилегающей к ней местности можно найти в нескольких старинных изданиях. В путеводителе «Петербургские дачные местности в отношении их здоровости», подготовленным исследователем В.К. Симанским в 1881 году, сообщается:

«Сиверская — станция Варшавской железной дороги; но говоря о Сиверской, название это употребляют, так сказать, в собирательном смысле, означая им целый дачный район, тяготеющий к ст. Сиверской и состоящий в нескольких деревнях — Старо-Сиверской, Ново-Сиверской, Межно и др. Эти деревни, как ближайšie к станции, окончательно перешли от земледелия к дачному хозяйству. Здесь крестьянин интересуется не сколько урожаем на рожь, сколько урожаем на дачников. Дачный сезон является для сиверца краеугольным камнем в его годовом балансе... Дачная жизнь совсем преобразила Старо-Сиверскую: она дожила даже до открытия отделения китайского магазина Цзинь-Лунь; она имеет, наконец, свой театр под очень замысловатым названием...».

В другом издании: «Россия. Полное географическое описание нашего отечества...», составленном под редакцией В.П. Семёнова в 1900 году, в очерке, посвящённом описанию Варшавской железной дороги, сообщается, что станция Сиверская «грузит более 2 мил. пудов, преимущественно дров и лесных строительным материалов».

Здание станционной гостиницы. Почтовая открытка начала XX века

В 1883 году по ходатайству уездного исправника на станцию Сиверская была перенесена квартира начальника 2-го стана Царкосельского уезда, ранее находившаяся в селе Рождествено. Постоянно меняла свой облик станционная территория. К концу XX столетия здесь были построены гостиница, мануфактурный магазин, частные торговые лавки, склады лесоматериалов. Почти напротив вокзала находилась лесная биржа местного лесопромышленника Егора Ивановича Иванова.

В 1889 году станция Сиверская ежедневно принимала пять пассажирских поездов и два почтовых. Один ежедневный скорый поезд Петербург-Варшава следовал через станцию без остановки. Стоимость проезда зависела от класса пассажирских вагонов. Билет в вагоне 1-го класса от Петербурга до

Железнодорожный билет дореволюционного времени

Сиверской стоил 28 рублей 32 копейки, в вагоне 2-го класса — 21 рубль 36 копеек, в вагоне 1-го класса — 19 рублей 92 копейки.

«Когда поезд тронулся, он вошёл в отделение, и там было темно, оттого что в пустом вагоне кондуктор не счёл нужным зажечь огарки в фонарях. Он лёг навзничь на полосатый тюфяк лавки и в проёму дверцы видел, как за коридорным окном поднимаются тонкие провода среди дыма горящего торфа и смуглого золота заката. Было странно и жутковато нестись в этом пустом тряском вагоне между серых потолков дыма, и странные мысли приходили в голову, словно все это уже было когда-то, — так вот лежал, подперев руками затылок в сквозной грохочущей тьме, и так вот мимо окон, шумно и широко, проплывал дымный закат». Так описал свою поездку от Петербурга до Сиверской в вечернем поезде знаменитый писатель Владимир Владимирович Набоков, вспоминая свои детские и юношеские поездки на дачу — Вырское имение родителей, расположенную в девяти верстах от станции.

Начальники станции Сиверская

Время сохранило до наших дней имена первых начальников станции. Вспомним некоторых из них. В начале семидесятых годов этот пост занимал мещанин Фёдор Исидорович Мешакин. В 1873 году в церкви Рождества Пресвятой Богородицы в селе Рождествено он крестил родившуюся у него дочь Анну. Одним из восприемников при крещении был царкосельский 1-й гильдии купец Иван Фёдорович Чикин, владелец меднолитейного завода. В 1876 году упоминается станционный начальник — мещанин Григорий Петрович Богданов, живший здесь с семьёй — супругой Февронией

Никитичной и малолетней дочерью Елизаветой.

Примерно с 1879 года начальником станции был назначен лужский мещанин Александр Андреевич Дрессен. Согласно воспоминаниям его внучки Татьяны Михайловны Прокофьевой, которые я записал летом 1992 года, он приехал в Сиверскую из Пскова и был одним из первопроходцев, обустроивших дачную столицу. В деревне Старосиверская, на Большом проспекте, он купил большой участок земли и построил двухэтажный дом и две дачи, которые сдавал петербургским дачникам. В семье начальника станции воспитывалось десять детей. Старший сын Александр Александрович (1878–1909 гг.), служил прапорщиком. Его могила находится на Гатчинском городском кладбище. Ещё один сын А.А. Дрессена — Евгений — скончался в 1891 году в возрасте десяти лет и был похоронен на Рождественском кладбище; другой — Михаил (1884–1941 гг.) — окончил Сиверскую народную школу имени поэта А.Н. Майкова. Его женой стала дочь гатчинского купца Анна Сергеевна Севастьянова. Имена Александра Андреевича Дрессена и его супруги Татьяны Александровны вошли в число местных благотворителей. По сведениям на 1913 год в Старо-Сиверской А.А. Дрессену принадлежали три дачи, имевшие оценочную стоимость 2.980 рублей. В 1922 году его сын Михаил Александрович передал две дачи представителям советской власти для устройства детских оздоровительных учреждений. Оставшийся родовой дом Дрессенов был разобран за ветхостью в 1966 году. Потомки этого знаменитого семейства и сегодня проживают в Старосиверской.

В 1882 году, желая увековечить память мученической кончины импе-

ратора Александра II, на свои личные капиталы А.А. Дрессен построил на станции Сиверская небольшую каменную часовню. Её освятили в честь Святого Благоверного князя Александра Невского. Эта привокзальная часовня, приписанная к приходу церкви в селе Рождествено, была очень популярной у пассажиров и извозчиков. Её подробного описания не сохранилось. По рассказам старожилов, часовня была украшена иконами, пожертвованными местными дачникам

Станция в лучшие времена

До нашего времени дошло немало сведений о дореволюционном прошлом станции Сиверская. Удалось установить, что в 1905 году станционный штат состоял из сорока человек: начальника, его помощника, двух дежурных по станции, писаря, трёх кассиров, двух телеграфистов, составителя поездов, весовщика, двух приёмщиков, отправителя поездов, двух сцепщиков вагонов, двух носильщиков, двух стрелочников, двух переездных сторожей, двух обходчиков, двух рабочих по станции, двух ночных сторожей, заведующего буфетом, двух буфетчиков, двух официантов, заведующего складом, двух дворников, садовника, фельдшера и дежурно-

Панорама вокзала и платформы на станции Сиверская. Почтовая открытка 1905 года

го санитаря. В летнее время станцию обслуживало более 350 извозчиков — крестьян из окрестных деревень Большево, Лампово, Куровицы и других. Рядом с вокзалом находились: буфеты, ресторан, чайная, пивная, гостиница на двадцать мест, фельдшерский пункт, лавки и торговые дома. В стороне располагались: багажное отделение, пакгауз, водокачка, мастерские.

В 1907 году, по инициативе супруги начальника Варшавской железной дороги О.А. Валуевой, в ближайшей от станции дачной местности «Строганов мост» была устроена начальная школа. Она предназначалась для пятидесяти детей низших железнодорожных рабочих и служащих как из Сиверской, так и с ближайших станций. Это учебное заведение после Октябрьской революции было преобразовано в советскую железнодорожную школу первой степени обучения.

Информацию о том, что представляла собой станция Сиверская в начале XX столетия, можно почерпнуть из нескольких путеводителей и справочников. Наиболее подробное её описание можно найти в книге А.А. Лучинского и Н.В. Никитина «Сиверская дачная местность по Варшавской железной дороге», изданной в 1910 году:

«На 63-й версте от С.-Петербурга, по линии Варшавской ж.д. расположен в районе имения барона Фредерикса, почти в центре имения вокзал станции Сиверской. Это громадных размеров деревянное здание с крытой платформой. Кроме вокзала, в отдельном здании помещается буфет с открытыми верандами и садом для пассажиров 1 и 2 класса, а невдалеке от буфета 1 и 2 класса также буфет 3 класса, изолированный от них. Продолжительная остановка поездов 8–10 минут, частые поезда вносят значительное оживление и в то же время делают вокзал

местом многих торговых сделок, особенно по части купли и продажи лесного материала. Камня, кирпича и др. строительных материалов. Напротив здания вокзала, вдоль полотна железной дороги, расположены лесные биржи Иванова, Коренистова и Ефремова. В летнее время прогулки дачников на вокзал, особенно юного поколения, встреча приезжих, составляют одно из любимейших развлечений дачников».

Станционные картинки прошлого часто звучат в произведениях писателя Владимира Набокова: «Мне было шесть лет, брату пять, когда, в 1905 году, к нам приехала Mademoiselle... Год, как известно, был революционный, с бунтами, надеждами, городскими забастовками, и отец правильно рассчитывал, что семье будет покойнее в Выре... Я не поехал встречать её на Сиверскую, железнодорожную остановку в девяти верстах от нас; но теперь высылаю туда призрачного представителя и через него вижу ясно, как она выходит из жёлтого вагона в сумеречную глушь небольшой оснеженной станции...».

В 1913 году в здании вокзала, в зале 1-го класса, была торжественно установлена икона Святого Николая Чудотворца. Она была приобретена на деньги, пожертвованные местными землевладельцами и дачниками. Самую значительную сумму — 95 рублей

Железнодорожный мост через реку Оредеж в Сиверской. Почтовая открытка начала XX века

— внёс владелец усадьбы «Сиверская», барон Владимир Борисович Фредерикс.

Последним дореволюционным начальником станции был Максимилиан Германович Готшалок. При нем, в 1914 году, проходили масштабные работы по благоустройству станционной территории. В документальных источниках этого периода встречаются сведения о помощнике начальника станции — Н.С. Неверове, осмотрщике вагонов — А.Ю. Петрусевиче, буфетчице А.М. Гасилиной и других. В Сиверской и сегодня живут потомки бывших станционных служащих. Среди них Татьяна Викторовна Лозовская. Её дед — инженер-строитель Пётр Иванович Иванов — приехал в Сиверскую со станции Мшинская, ранее работал на станциях Преображенская (ныне — Толмачево) и Луга. Вместе с большой семьёй он жил в «железнодорожной казарме», расположенной к северу от станции вдоль полотна железной дороги. Хороший заработок позволил ему купить в посёлке участок и построить в 1916 году дом на Лесной улице.

Из расписания поездов за 1914/15 год можно установить, что на станции Сиверская делали остановку 15 пассажирских поездов. Стоянка поездов составляла от двух до трёх минут. Через станцию проходили также почтовые, курьерские и товарные составы. Станция имела большой грузооборот. Отсюда в Санкт-Петербург и его окрестности отправлялись вагоны со строительным материалом и дровами.

Сиверскую удостоил своим упоминанием последний император. Через эту станцию он проследовал царским поездом, возвращаясь Варшавской дорогой после поездки на юг России. «Ночью шёл дождь, и было прохладно спать, — записал император Николай II в своём «Дневнике», 5 июня 1914 года. — Пил чай в 9 час., когда поезд

проходил ст. Сиверскую. В 9.45 прибыли в Царское Село».

О времена, о нравы!

Станция нередко фигурирует в газетных публикациях того времени. Вот какое описание Сиверской даёт в одном из майских номеров уездной газеты «Царскосельское дело»: «К приходу поездов теперь, когда дачники стали уже съезжаться, гулять, на вокзале всегда масса публики, и почти каждый приход поезда сопровождается любопытными инцидентами. Только успеет сойти с поезда пассажир, как на него набрасывается толпа извозчиков и прямо-таки рвут его на части. Получается невообразимый хаос. Крики: «семь гривен», «шесть гривен» — «получено», «тридцать копеек», «пожалуйте» и крылатые словечки неакадемического лексикона, смешанные с бессильным возгласом жандармов: «Долой с платформы». Всё сливается в один общий гул и получается нечто невообразимое. Извозчики тянут публику за рукава. Станционные жандармы, которых в такой густонаселённой местности всего два, тянут извозчиков. Дачники за багаж, извозчики за дачников, жандармы за извозчиков, и в результате оторванный рукав, конечно, у дачников».

Для соблюдения порядка за станцией был закреплён жандармский унтер-офицер, однако это не мешало ей часто попадать в хронику местных происшествий. В центре внимания обычно оказывалась привокзальная гостиница, известная своей дурной репутацией, благодаря находившемуся здесь питейному заведению и собиравшимся здесь молодым парням. Гостиницу неоднократно закрывали, но спустя некоторое время она снова открывала двери для своих постояльцев. «С 1-го января

закрыта известная Сиверская гостиница с продажей крепких напитков и бильярдом, — сообщала в январской заметке за 1909 год газета «Царскосельское дело». — Совсем ли закрыта она или на время, не знаем. Но пока станция (гостиница у вокзала) с ее извозчиками притихла, не наблюдается также постоянных криков и брани близ гостиницы. Местные жители довольны, но надолго ли?»

В 1911 году в гостинице задержали находившихся здесь двух девушек лёгкого поведения, прибывших сюда из столицы. Они были сопровождены в полицейский участок. В другой раз отсюда пришлось разгонять пьяную заезжую молодёжь, устроившую в гостинице дом свиданий.

Несколько раз на станции полыхали пожары. Так, в июле 1907 года сгорели две казармы, в которых проживали рабочие. Пожар бушевал целые сутки. «Во время тушения его один из рабочих вместе с горящей крышей упал вниз, но получил только маленькие ожоги, — рассказывала местная газета. — Благодаря энергии рабочих пожар удалось локализовать, несмотря на присутствие рядом многих деревянных построек». В июне 1908 года пожар случился в подвальной части станционного буфета. Потушить его удалось благодаря быстро прибывшим пожарным отряда барона В.Б. Фредерикса Сиверского добровольного пожарного общества. При тушении было «побито много бутылок с вином, хранящихся в погребе, и попорчено водою немало разных закусок».

Из других случаев чаще всего фигурировали кражи. «26 января, по прибытию на станцию Сиверскую поезда в 6 часов 9 минут вечера, обнаружены пропажа всех ковров в вагонах 1-го класса, — сообщала в 1908 году газета «Царскосельское дело». — Кража, как предпола-

гает поездная прислуга, совершена при следовании от станции Гатчино до Сиверской. Похитители разыскиваются».

Оставил добрый след

Особой известностью в округе пользовался станционный фельдшер Пётр Иванович Чикер (1875–1954 гг.). В Сиверскую он приехал в 1902 году из села Чижи Бельского уезда Гродненской губернии после окончания Киевского военно-фельдшерского училища. Здесь он женился на Зинаиде Васильевне Ананьевой, уроженке деревни Куровицы. Сначала супруги поселились в служебной квартире, а в 1907 году Чикер приобрёл участок земли на Фёдоровской улице в дачном районе Сиверской — «Новом Дружноселье» и построил два дома. Здесь у П.И. Чикера родились дети: Валентина, Николай, Мария и Лидия.

Чикер обладал особыми медицинскими способностями, излечивал многочисленные болезни, поднимал на ноги уже потерявших надежду на выздоровление больных. Поэтому слава о нем росла с каждым годом. Это побудило руководство Варшавской железной дороги построить рядом со станцией специально оборудованное амбулаторное здание. Его строительство было завершено в 1910 году. Старинная постройка из красного кирпича, расположенная у железнодорожного переезда, сохранилась до настоящего времени.

На фельдшерском посту П.И. Чикер оставался вплоть до войны, работая в Сиверской железной дороге амбулатории, практиковал он и у себя дома. Занимался изготовлением лекарств, пчеловодством и сбором трав. Суровые испытания выпали на долю этого талантливого врача в советский период, когда ему пытались запретить враче-

вать. Старожилы помнят, как он ездил на велосипеде в зелёной медицинской фуражке с саквояжем в руке, объезжая больных по всей округе. Мария Осиповна Силкина, одна из последних сиверских старожилов, работавшая до войны с П.И. Чикером, вспоминая о нем, говорила: «Внимательный, хороший был врач, но мужиковатый».

Его сын Николай Петрович (1910–1988 гг.), выпускник Сиверской школы-колонии, стал контр-адмиралом, он был начальником аварийно-спасательной службы Военно-морского флота. Его имя носит одно из спасательных буксирных судов. Потомки Чикера и в наши дни являются сиверскими дачниками.

Сиверская

Евгения Корн

Там, где речка Оредеж бежит,
Омывая берега волною,
Белый замок на горе стоит...,
Укрываясь золотой листвою
Старых лип, что помнят дни мои
Светлого, безоблачного детства.
Вдаль летят по небу журавли,
Плача и тревожа мое сердце.
Здесь, плутая в шишкинских лесах,
По тропинкам тихо бродит осень
С милою лукавинкой в глазах,
Как монеты, листья наземь бросив...
На просторы оредежских вод,
Где, плескаясь, выводок утиный,
Свой плетёт прощальный хоровод,
В пенных брызгах старенькой плотины...
В лёгких ритмах солнечного дня,
Ветер, что гуляет на свободе.
Исполняет, струнами звеня,
Музыку из шварцевских мелодий...
Красотой своей сердца пленя,
Отражаясь в оредежской сини.
Сиверская — Родина моя,
Малая жемчужина России.

ОСТРОВ ДЛИННЫЙ НА ОЗЕРЕ БЕЛОМ

Валентина Федорова

«Сад – это попытка создания идеального мира взаимоотношений человека с природой».

Дмитрий Лихачев

Гатчинские парки принадлежат к числу лучших пейзажных парков мира.

С середины XVIII века их создатели — талантливые архитекторы и садоводы — сумели максимально использовать природные условия, особенности ландшафта и красоту северного края России.

Композиционной основой Гатчинских парков является система водоемов: естественных озер и речек, искусственных прудов и каналов. Дворцовый парк был спланирован вокруг Серебряного и Белого озер. Из более 150 га площади парка территория водных поверхностей составляет почти четвертую часть. Поэтому Дворцовый парк можно назвать «парком на воде».

Разнообразие водным пейзажам придают многочисленные острова — как естественные, созданные природой, так и искусственные. Ученый и путешественник И. Г. Георги, побывавший в Гатчине в 90-х годах XVIII века, писал: *«Некоторые острова соединены мостами, из коих ни один с другим не сходствует, а к другим пристают с гондолами, плотами и прочим, коими пользуется двор для увеселительных прогулок по сим водам. Естественной красоте островов вспомогательствовало также искусство, и тем приятности и перемене способствовало. На некоторых островах вырублен лес, так что высокие часто стоящие деревья окру-*

Г. Сергеев. Вид на Белое озеро и Длинный остров. Кушелевский альбом

жают залу подобное место, покрытое частью наподобие свода купола отверстие...»¹

Из всех островов самый удивительный — это Длинный. Он состоит из цепочки островов и полуостровов, расположенных с севера на юг. Его протяженность около одного километра. Остров объединяет Дворцовый и Приоратский парки: район Холодной ванны в одном и район Приоратского дворца в другом. В Приоратском парке он служит высоким берегом Черного озера.

Длинный остров разделяет Серебряное и Белое озера. Но в одном месте под островом был прорыт тоннель, благодаря которому, выйдя из Подземного хода дворца через грот «Эхо»

¹ Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях // Издательство С. Ходова 2006 г С-П-г, С.130

на берегу Серебряного озера, можно было продолжить «увеселительную» прогулку и по Белому озеру.

Начало планировки Длинного острова относится к 70-м годам XVIII века, когда владельцем Гатчины был фаворит Екатерины II — граф Григорий Орлов, а завершение — в 90-е годы при императоре Павле I.

Через гряду Длинного острова проходит живописная дорога, где участки, засаженные дубами, соснами, елями, сменяются открытыми пространствами-окнами, через которые открываются перспективы на водную гладь озер и парк. Дорога приводит к лучшим архитектурным сооружениям парка.

Первоначально части Длинного острова соединяли деревянные мостики, а в конце XVIII века было построено несколько каменных: Карпин, Плоский, Горбатый, а также Понтонный мост и паромная переправа.

Карпин мост свое название получил от искусственного пруда, в котором разводили серебристых карпов. Строгие лаконичные формы одноарочного моста с выступающими в форме трапеции площадками и сплошным каменным парапетом перекликаются с архитектурными формами дворца и Карпина пруда. Под мостом устроена небольшая плотина с эффектным каскадом, которая регулирует уровень воды в пруду.

Как и большинство мостов, Карпин был разрушен во время Великой Отечественной войны. Он был восстановлен во второй половине XX века.

Установлено, что Серебряное озеро — это водоем естественного происхождения с многочисленными мощными ключами, бьющими со дна, и особым микроклиматом. Его называют «сердцем» Дворцового парка, но сегодня его территория недоступна для посетителей. Озеро было ограждено

Серебряное озеро.
Вид на грот Эхо и Плоский мост. До 1917 г.

в начале 30-х годов прошлого века и стало использоваться для водоснабжения Гатчины. Это обстоятельство препятствует восстановлению Длинного острова и его архитектурных сооружений.

Поэтому до сих пор не восстановлен красивый Плоский мост, который еще называли Поцелуевым. На мосту любили назначать свидания влюбленные парочки. Расположенный в одном из самых живописных мест парка, он соединял Придворцовую часть с Длинным островом в устье Серебряного озера. Мост был каменный, украшенный балюстрадой.

Вблизи Плоского моста на мысу Длинного острова, выступающего в Белое озеро, до войны находилась мраморная ваза в виде кратера на высокой ножке, выполненная в XVIII веке. Еще одна стояла на острове на видовой оси, с которой были видны Турецкая палатка на одном берегу Белого озера и павильон Венеры на противоположном.

Единственный из уцелевших во время войны мостов в парке был Горбатый. Однако его варварски искалечили в настоящее время.

Изящный по форме Горбатый мостик очень похож на знаменитые мосты Венеции, по которым гуляли Па-

Горбатый мостик

вел Петрович и Мария Федоровна во время заграничного путешествия по Европе. Высоко изогнутая арка Горбатого мостика, устои, оформленные рустом, глубокие полуциркульные ниши и золотистый цвет парицкого камня придавали ему особую легкость.

На севере Длинного острова находился Понтонный мост. Он соединял последний небольшой островок с Захаровым островом в районе бывшей Холодной ванны. Мост был собран на плавучих опорах — понтонах. Его можно видеть уже на «Генеральном плане Гатчинским садам» 1798 года из Кушелевского альбома.²

Первоначально понтоны изготовлялись «из парусов», т.е. из парусины, которые соединялись с помощью брусьев, канатов и смазывались специальным составом. Позже понтоны были выполнены в виде металлических бочек, поверх которых покрывался деревянный настил и ставились перила. Возможно, многие гатчинцы постарше помнят Понтонный мост, который оставался на острове до 90-х годов прошлого века, и как они любили его раскачивать.

А вот на месте прежней паромной переправы после войны был построен деревянный мостик. В конце XVIII

² ГДМ-11- XI

века в Дворцовом парке было несколько паромных переправ, которые соединяли острова. Так, в договоре 1793 года октября 28 дня говорится: «Являсь в Гатчинской конторе сант петербургской купец Герасим Балин и государственной крестьянин Кирьян Пластинин объявили, что они в знак оказанной от всемилостивейшего государя пресветлейшего великого князя к ним наивеличайших щедрот, ни зная чем долг свой подданнической благодарности воздать его императорскому высочеству естли угодно будет, оной конторе обещаются назначенное построение в Гатчинском саду двух каменных пристаней из собственных их материалов и рабочими людьми не требуя от конторы денег исправить. Исие сочесть знаком нашей нижайшей благодарности» (орфография документа сохранена).³

Павильон Орла, или Темпль, или Круглая беседка, был построен на Длинном острове в 90-е годы XVIII века под руководством придворного архитектора Павла I Винченцо Бренны. Талантливый, энергичный и исполнительный, он не только перестраивал Гатчинский дворец для наследника российского престола, но и смог организовать масштабные работы в парке.

Павильон Орла сюжетно и композиционно связан с колонной Орла, воздвигнутой ранее, при Григории Орлове. Но, благодаря Винчецо Бренне, был создан новый архитектурный ансамбль, объединивший два парковых сооружения.

Круглое в плане сооружение типа ротонды завершается полукуполом, который украшен кессонами с розетками и лепной раковиной. Задний фасад павильона Орла представляет собой глухую стену, а главный обращен в сторону озера. Он оформлен открытой полукруглой колоннадой

³ РГИА, ф.491, оп.1, д.14, с.11

из десяти колонн тосканского ордера, выполненных из серого с белыми прожилками рускеальского мрамора и поставленных на высокие каменные постаменты.⁴ До Великой Отечественной войны над колоннадой возвышалось скульптурное изображение одноглавого орла с короной на голове и щитом в лапах. На щите был помещен вензель Павла I.

В 1944 году, во время отступления немецких войск, павильон Орла был взорван. От сильного взрыва особенно пострадала мраморная колоннада, а от скульптуры орла осталась только часть.

В 1970 году павильон был восстановлен. Автор проекта реставрации — А.Н. Наумова, консультант-архитектор — А.А. Кедринский. Тогда же было решено не устанавливать вновь воссозданную скульптуру орла, и сейчас она находится в фондах ГМЗ «Гатчина».

На южном окончании в Дворцовом парке Длинный остров завершается Каменным балконом. Он был построен в конце XVIII века «каменных дел мастером» Д. Висконти. Балкон облицован пудостским камнем, оформлен балюстрадой, а две каменные лестницы выходят на проспект 25 Октября.

Одним из лучших архитектурных сооружений Гатчинских парков считается Большая терраса-пристань на Длинном острове. Монументальное каменное сооружение было построено в 1792–1795 годах по проекту архитектора В. Бренны «каменных дел мастером Кирияном Пластининым со товарищами». Она служила пристанью для

⁴ Рускеальские каменоломни были обнаружены пастором-краеведом, членом Вольного экономического общества Самуилом Алопеусом. Их освоение началось в 1765 году. Первыми разработками руководил «каменных дел подмастерье» Андрей Пилюгин, которого консультировали итальянские специалисты.

Вид на террасу-пристань и дворец. До 1917 г.

судов «гатчинской» флотилии Павла I, и до 1917 года около нее стояли два парусника. Также терраса была прекрасной площадкой, чтобы любоваться панорамами Белого озера.

Художественные достоинства Большой террасы-пристаней сочетались с ее особой ролью в композиции Белого озера и Дворцового парка. Она находится на единой оси с дворцом. И хотя сооружения разделяет целое озеро, благодаря точно рассчитанным размерам, пропорциям и облицовочному камню с противоположного берега Белого озера, терраса воспринимается как цоколь дворца.

Первоначально перед террасой-пристанью был спланирован небольшой садик в регулярном стиле с цветником и скульптурой. Вход в садик охраняли фигуры лежащих львов из пудостского камня, которые сохранились до настоящего времени. А вот балюстрада, украшенная вазами и четырьмя мраморными статуями — аллегориями Муз, была значительно повреждена в период немецкой оккупации.

Две статуи были сброшены в воду. Их сумели поднять только в 1971 году во время обследования озера. Работы проводили спортсмены-энтузиасты из Ленинградского Областного Совета ОСВОДа РСФСР «с целью обнаруже-

ния предметов имеющих художественную и историческую ценность». Известны фамилии участников этих исторических для Гатчинского музея событий: аквалангисты Румянцев А., Гладышев В.И., Фальковский В.Р., Остроумов В.В., Марейн А.А., Белинская М.Л., Смольский В.В., Бетев С.В., Шагиев Е.М., Клочкова Л.А., Онищенко А.А..

Интересно проследить, как происходил процесс подъема. Под слоем ила глубиной 2,5 м на дне была обнаружена первая пропавшая статуя, которую предположительно называли аллегорией Скульптуры. Об этом свидетельствовал лежащий рядом с ней бюст юноши на плинте, коловорот и молоток. Правда, у статуи был отбит пьедестал со ступнями ног, а также были другие мелкие утраты и общее загрязнение мрамора. Особенно вызвало удивление, что сохранились карандашные надписи на немецком языке, датированные 1942 и 1943 годами. Вот, что писала «Гатчинская правда» об этом событии: «8 сентября при копке шурфа щуп наткнулся на что-то твердое. Двое суток напряженного труда, и вот из-под 2-метрового слоя грязи появились бесформенные очертания какой-то статуи... И вдруг случилось почти невероятное. Грязь сползла, и перед глазами изумленных людей показалось прелестное женское личико...».

Затем 11 сентября была поднята головка от второй статуи, а 15-го и сама, рядом лежавшая статуя с отбитыми выше локтя руками. Но ранее найденная голова статуи абсолютно совпадала с телом по линии шеи. Возле ног Музы был изображен шнурок с кисточкой, возможно, отвес как атрибут аллегии Архитектуры. И на пьедестале была крупная надпись уже по-русски: «Толя 1943».

27 сентября была найдена голова некой 3-й статуи с отбитой частью прически, а также части платья, кисть, палец.

По актам обследования, почти за три месяца работы был поднят 471 предмет: различные вазы, детали балясин, балюстрады, тумб и пр. Оказалось, что в результате многочисленных реставраций сооружения на протяжении двух веков вазы и балясины были изготовлены из дерева, камня, чугуна, гипса и отличались формой, размерами. Также были найдены несколько частей рук, пальцев и даже головка от какой-то Музы. Известно, что в 50-е годы XX века две уцелевшие статуи без прежних головок были реставрированы, но, как отмечают специалисты, не очень удачно.

Один из спортсменов-аквалангистов, который был начальником спортивно-технического клуба водных видов спорта ДОСААФ, А.К. Яковлев — капитан-лейтенант в отставке — рассказал, что в своем отпуске в сентябре две недели работал на озере, на своей машине из Ленинграда привозил акваланги. Жили они в палатках прямо на террасе, денег, кроме 1 руб. на проезд до Гатчины, никаких не получали.

Сегодня статуи находятся в хранилище музея, ждут изучения и реставрации. Проект реставрации самой террасы-пристаней был подготовлен еще в 2011 году, но только в этом году начались реставрационные работы.

Хочется надеяться, что один из замечательных районов Дворцового парка будет полностью восстановлен, будут доступны берега Серебряного озера, и прогулка по Длинному острову вновь станет путешествием в мир искусства садов и парков прошлых веков.

«Павловск — Вырица — Чолово».
Путешествия по Октябрьской железной дороге

ТОПОНИМИЧЕСКАЯ ЗАГАДКА — СТАНЦИЯ СЕМРИНО

Александр Печенкин

В 45 километрах от Витебского вокзала Санкт-Петербурга расположена крупная (бывшая узловая) железнодорожная станция Октябрьской железной дороги с загадочным названием Семрино. Одноименный пристанционный поселок своим возникновением обязан строительству железнодорожной линии «Павловск — Вырица». В 1903 году на 42-ой версте от Царскосельского (ныне Витебского) вокзала Санкт-Петербурга появилась железнодорожная станция IV класса, первоначально названная Виркино, по имени ближайшей к станции деревни, находящейся и поныне на левом берегу реки Суйда, притока Оредежа. Вдоль железнодорожного полотна в окружении смешанных лесов были построены бараки для проживания первопоселенцев — путевых обходчиков, стрелочников, лесозаготовителей.

Переименование станции произошло в январе 1905 года, по названию ручья Семрин, протекающего близ станции. Проведя глубокое топонимическое исследование, я пришел к выводу, что название ручья Семрин, давшее имя станции и в дальнейшем целому поселку, исходит от переименованного на русский лад* финноязычного слова «соммер» (sommer) в значении «галка, гравий, крупный песок». Исток данного ручья находится на так называемой Сомерской (ныне Сумринской, Сумрицкой) возвышенности, расположенной к юго-западу от станции.

Данная возвышенность с отметками свыше 70-ти метров над уровнем моря имеет пологие склоны и сложена как раз из гравия и крупного песчаника. До Октябрьской революции 1917 года здесь, в нескольких верстах от станции, находился лесной кордон Сомерецы (ныне лесное урочище Сумрицы), где рядом с домом лесника красовался резной охотничий дом. Сюда на охоты с гончими неоднократно приезжал сам Император Николай II. Об этом свидетельствуют записи из его дневников.

Источники:

1. К.С. Башкиров и С.Ю. Штейнбах «История и геральдика земли Ленинградской». СПб, 2000.
2. Газета «Гатчинская правда» от 06.08.2010.
3. Карты Ингерманландии и Санкт-Петербургской губернии.

**Переосмысление чужеродного названия русскими поселенцами произошло под влиянием числа «семь», которое являлось на Руси магическим и означало не обязательно «семь» в количественном отношении, а вообще «много, множество». Имелось в виду несколько ручьев, протекающих в окрестностях будущей станции и посёлка при ней. Это притоки речки Чёрная (бассейн Ижоры): Барсуков, Безымянный, Семрин, Заломаев (или Заломов). Топонимы, в состав которых входило число «семь», были весьма продуктивными на Руси: Семилуки, Семиречьье, Семиозерье, Семибратское, Семь Колодизей и т.п.)*

Названия, канувшие в лету

Наряду с вновь открытыми остановочными пунктами и платформами Октябрьской железной дороги, немало из старых упразднено по разным причинам.

Платформа «Семеноводческая» — находилась на участке «Павловск — Вырица» в четырех километрах к северу от последней (не путать с действующей и поныне платформой «Михайловка» в двух километрах от станции Вырица). Была обустроена для посадки и высадки работников семеноводческого хозяйства, расположенного поблизости в окружении соснового леса и созданного для выращивания семян элитных сортов овощных культур. Упразднена в 60-е годы прошлого века в связи с ликвидацией хозяйства, еще до электрификации участка ОЖД в 1962 году.

«Четвертая платформа» — остановочный пункт на однопутном участке «Вырица — Поселок», открытый еще в дореволюционное время (наряду с существующими и поныне на том же участке «Первой», «Второй» и «Третьей» платформами) для обслуживания петербургских дачников, чьи огороды располагались поблизости. Андрей Барановский в своей книге «Вырица при царе» сообщает, что там* находились «...земельные участки при реке Оредеж. По всему протяжению продаваемых участков выстроена железнодорожная ветка с четырьмя платформами и конечным вокзалом (ныне это станция Поселок). Сообщение с Санкт-Петербургом без пересадки. На протяжении шести верст проложена конка, около тринадцати верст шоссейных мостовых дорог, собственная телефонная станция...». Четвертая платформа упразднена в начале 60-х годов прошлого столетия в связи с

электрификацией участка «Павловск — Вырица — Поселок» и ликвидацией железнодорожного переезда I-ой категории в районе остановочного пункта.

**В имени дачевладельца Эдвардса*

«Водокачка 92-ого км» — остановочный пункт, ОЖД на участке «Павловск — Новгород-на-Волхове», обустроенный еще в прошлом веке для заправки паровозов водой. Здесь, на 92-ом километре от Петрограда, почти на полпути до Новгорода, была сооружена водонапорная башня и несколько гидрантов. Отсюда и название остановочного пункта. Упразднен в связи с переходом с паровозной тяги на теплотягу. В настоящее время вблизи бывшего остановочного пункта, слева по ходу поезда на Новгород, расположено садоводство с ироничным названием «Надежда» (не в надежде ли на возврат паровой тяги?). Подобная водонапорная башня, отреставрированная, но недействующая, сохранилась до нашего времени на станции Семрино ОЖД, являясь памятником железнодорожной архитектуры начала прошлого века.

Источники:

1. «Атлас железных дорог СССР» 1968 г., издания для служебного пользования (железные дороги и станции даны по состоянию на 01.11.1967 г.);
2. А. Барановский «Вырица при царе», СПб, 2007 г.; карта «Гатчинский и Тосненский районы Ленинградской области», ООО «Карты» ЛТД, 2015 г.

Поселок и станция Чолово

Чолово — название поселка и железнодорожной станции Витебского направления Октябрьской железной дороги, проходящего по бывшей границе Лужского и Новгородского уездов, дано по одноименной старинной деревне, существующей и поныне в одном километре от станции. Пристан-

ционный поселок возник благодаря постройке и открытию на этой линии в 1904 году железнодорожной станции. В послевоенные годы (после ВОВ) пристанционный поселок разросся в восточном направлении, и объединился с деревней Черемной. Старинный населенный пункт Черемна находился на землях прежнего Новгородского уезда, входивших в состав Климентовского Тёсовского погоста. Бывшая деревня Черемна в составе поселка Чолово, так же как и деревня Чолово, находятся на левобережье речки Черемнки, правого притока речки Руденки, впадающей с правого берега в реку Оредеж. Сегодня название речки Черемнки является единственным напоминанием о находившейся при ней местности Черемне, где некогда существовал древний Ильинский монастырь.

Ильинский Черемненский монастырь, как и ближайшие к нему Зверинский и Чащинский монастыри, находился на одной из главных магистралей русского северо-запада — Ивангородской дороге, соединявшей Великий Новгород с Ивангородом, Нарвой и отсюда с западно-европейскими странами — Данией и Швецией. Такое расположение монастырей должно было бы способствовать процветанию монастырских обителей и всех поселений, находившихся на этой межгосударственной трассе. Но пограничные конфликты, тревожные события Смутного времени, когда Новгород со всей округой был оккупирован шведами, привели к полному разорению этого края. Даже еще накануне Смуты состояние края не вызывало восторгов современников. Свидетельством тому являются записки датчанина Акселя Гюльденстерна, входившего в свиту принца Ганса, следовавшего по Ивангородской дороге на пути в Москву к своей невесте —

царевне Ксении Годуновой, и неожиданно умершего вскоре после прибытия. В записках датчанина приводятся удручающие картины запустения многих поселений, находившихся на пути следования свадебного кортежа, отмечается нищенское существование здешних монастырей. О Чащинском монастыре сказано, что при нем находились всего три голодных монаха, а сам монастырь напоминал автору записок «грязный дворишко» захудалого норвежского крестьянина. Монастырь был разграблен настолько, что в нем не осталось ничего из утвари, включая столов и лавок. Из живности путникам бросилась в глаза пара вконец отощавших собак и не известно почему уцелевшая одна «несчастливая» курица.

Очевидно, в таком же положении оказался и монастырь в Черемне, о котором историк А. Селин приводит следующие данные: «Ильинский Черемненский монастырь впервые упомянут в 1566 году: монастырь Черемно на речке Черемне на Ивангородской дороге, а в монастыре живут чернцы...». Писцовая книга 1582 года отмечает владения монастыря в Климентовском Тёсовском погосте. В 1602 году его строитель (настоятель) Яким (единственный известный нам иерарх этого монастыря) и слуга Кузьма Деревягин отказались дать людям на «посошное дело» — строительство мостов на Ивангородской дороге... Позднее, в Смутное время, Черемненский монастырь исчезает. Во второй половине XVII века, на месте монастыря возникла дворцовая деревня, заселенная выходцами из-за шведского «рубежа»; впрочем, описание Тёсовской дворцовой волости 1674–1878 гг. сохраняет память о когда-то существовавшем на месте деревни монастыре: «деревня Черемна,

что бывал монастырь Черемненский на речке на Черемнке». Местоположение монастыря соотносится с современным поселком Чолово. Ныне на месте бывшей деревни Черемны находится поселок Чолово, образовавшийся в результате объединения в 1950-х годах пристанционного поселка с деревней Черемной. До сих пор в окрестностях поселка Чолово существует немало мест, с которыми связаны древние предания. Часть их приводится в книге А. Селина по истории Ивангородской дороги. Это два урочища к северу и к югу от бывшей деревни Черемны. Первое носило название «Живая вода», и находилось в шести верстах от Черемны по дороге к древнему Звереву монастырю на речке Зверинке, ныне Гатчинского района. Согласно преданию, на этом месте останавливался Иван Грозный со своим войском и пил воду из ручья. Вода ему понравилась, и он окрестил ручей «пьющей водой» (ныне это узкое озерцо среди болота). В трех же верстах от Черемны в направлении к селению Горыни находилось другое место под названием «Гнилое болото», также восходящим ко времени Ивана Грозного: «проезжая по (Ивангородской) дороге, царь-батюшка пожелал пить, а воды у бояр не было... Слез царь с коня быстрого, и хотел испить из болотца, а вода оказалась худая, ржавая. Топнул царь-батюшка ногой, и окрестил это место «Гнилым болотом», и пить не стал». Оба предания хранились в памяти местных жителей до 1920-х годов, пока не были записаны.

«Не боги кирпич обжигают»

Чолово — железнодорожная станция Октябрьской железной дороги, находящаяся на 109-ом км от Витебского вокзала Санкт-Петербурга. Станция была открыта в 1904 году. Своим названием она, наряду с поселком, выросшим у станции, обязана старинной деревне Чолово, существующей и поныне в одном километре от железнодорожной линии на берегу речки Черемнки. Название же самой деревни произошло от диалектного слова «очёлок», означавшего «отверстие в обжигной яме для поступления в нее воздуха». Такие ямы предназначались для обжига глины, необходимых, наряду с песком и водой, в производстве кирпича и черепицы. Этот строительный материал шел тогда на нужды Ильинского Черемненского монастыря, просуществовавшего вплоть до самого Смутного времени. Первоначально деревня, согласно документам 1500–1540-х гг., имела название Чёлово.

Примечательно, что, вплоть до начала Великой Отечественной войны, здесь, на юго-западной окраине деревни, имелось черепичное производство на базе местных глины, песка и древесины.

Источники:

1. В.И. Даль «Словарь живого великорусского языка»;
2. А.А. Селин «Историческая география Новгородской земли в XVI–XVIII веках (Новгородский и Ладжский уезды Водской пятины Великого Новгорода)»;
3. Топографические карты РККА 1935 г. издания;
4. Топографические карты Генштаба Красной Армии 1942 г.

К ВОПРОСУ О ТОПОНИМИЧЕСКИХ «ЛЯПАХ» НА КАРТЕ ГАТЧИНСКОГО РАЙОНА

дополнение к статье, опубликованной в альманахе
«Оредеж» №14, 2017 г., (с. 105–106)

На современных топографических картах Гатчинского района, только уже на территории Вырицкого городского поселения, также не обошлось без топонимического «ляпа». Местным любителям сбора ягод хорошо известно торфяное болото, расположенное в четырех-пяти километрах к юго-западу от железнодорожного поселка Слудицы. Знать-то они («ягодники») знают местоположение данного болота, а вот как оно именуется, почти никто из них не ведает. Я, как местный краевед-любитель и такой же любитель сбора ягод и грибов, неоднократно задавал им провокационные вопросы по поводу названия болота и слышал в ответ: «Болото как болото, главное была бы ягода». Некоторые «знатоки географии», ссылаясь на современные топографические карты*, говорили загадочно, что это Лимовское болото, слепо веря вышеуказанной печатной продукции. Они даже не подозревали о том, как глубоко заблуждаются. И все это благодаря нашим доблестным российским картографам, машинально позаимствовавшим данный «ляп» (как и некоторые другие «ляпы») из устаревших карт советского периода. Истинное же название искомого болота — не загадочное Лимовское, а русскоязычное Липовское. Наричательное слово — «липа», от которого происходит данное название, не нуждается в дополнительной расшиф-

ровке. Топонимы (географические названия) с основой «липа» весьма продуктивны на карте нашего района: ручей Липенка — правый приток речки Ракитинки в бассейне Оредежа, ручей Липинский (он же Липовской) — левый приток речки Суйды в том же бассейне, Липовская мелиоративная канава на Первом Кауштинском болоте, лесное урочище Липова Пустошь, простирающееся вдоль Витебского хода Октябрьской железной дороги на его западной стороне и др. Все перечисленные выше топонимы, в том числе и Липовское болото, являются историческими, т.е. существующими изначально (смотри военно-топографическую карту Санкт-Петербургской губернии выпуска 1863 года. Или ее репринтное издание, приведенное к масштабу 1:100 000). Следует отдать должное современному «Атласу Гатчинского и Тосненского районов Ленинградской области» масштаба 1:50 000 (издание ВФК 444), где все вышеуказанные топонимы отражены в своем первоизданном виде.

*километровка «Юго-запад Ленинградской области», 2003, изд. ВФК 444; километровка «Гатчинский и Тосненский районы Ленинградской области», 2015 г.; километровка «Гатчинский район и город Гатчина»; ФГУП «Аэрогеодезия», 2012 г.

Аналогичный, даже двойной, «ляп» притаился и на топокартах соседнего с нами Тосненского района, присут-

ствующий исключительно во всех советских и российских изданиях. Это не что иное, как пресловутые названия «Тюлевское болото» и «Тюлевский ручей». Это результат такой же описки невнимательных картографов. Теперь откроем «Военно-топографическую карту Санкт-Петербургской губернии 1863 года», читаем: «Кулевское болото» и «Кулев ручей», вытекающий из данного болота. Финское нарицательное слово «Куля» («Кюля») в переводе на русский язык означает «деревня»,

т. е., «Деревенское болото» и «Деревенский ручей». Имелись в виду ближайшие к данному болоту и ручью деревни Каменка и Матрешкино, имеющие на тот период по пять дворов в каждой, а также мыза помещика Струбинского (ныне это большая деревня Каменка Лисинского сельского поселения Тосненского муниципального района). Моё пожелание начинающим топонимистам и краеведам: не спешите доверяться данным современных карт, копайте, как говорится, глубже!

ВЫРИЦКИЙ «НЕВИДИМКА»

дополнение к статье, опубликованной в альманахе
«Оредеж» №14, 2017 г., (с. 104)

Жители Самарской улицы, находящейся в микрорайоне «Красная Долина» поселка Вырица, могут по праву гордиться не только тем, что данная улица названа так в честь одного из волжских городов, бывшего административного центра Самарской губернии, а также тем, что трасса этой протяженной улицы (от поворота к Бумагину мосту через реку Оредеж до самой северной окраины поселка) полностью совпадает с невидимым глазу, но весьма знаменитым Пулковским меридианом — 30° 20`

восточной долготы (см. вышеуказанную статью). Наряду с этим местом прохождения данного меридиана на территории поселка Вырица является также точка стыковки Сузинской улицы с Сиверским шоссе, что находится в микрорайоне «Исторический». В связи с данным примечательным обстоятельством желательна установка памятных знаков или дорожных указателей с надписью: «Здесь проходит Пулковский меридиан», — в местах, указанных выше, предварительно согласовав это с администрацией Вырицкого городского поселения и дорожными службами.

АДРЕСА ПРОШЛОГО И НОВЫЕ ВЕЯНИЯ, или объявления горожан, помещенные в газете «Гатчинские известия» в апреле — июле 1917 г.

Анастасия Дмитриенко

От этой эпохи сохранилось 26 объявлений. Из них девять (34,6%) были связаны с поиском работы, восемь (30,8%) — желанием снять жилье, четыре (15,4%) — стремлением продать, три (11,5%) — попыткой что-то купить, два (7,7%) — поиском пропавших собачек.

Кто искал работу? Репетиторы-учащиеся, так как образование, как известно — сила, а окончить 7–8 классов в начале XX века удавалось немногим, всеобщее 7-летнее образование появится только в 1949 году, всеобщее 8-летнее — в 1958 году. Причем один человек согласен был подготовить учеников по всем предметам. Например, окончивший 8-классное коммерческое училище молодой человек предлагал уроки «по всем предметам средних учебных заведений или других подходящих занятий. Новогатчина. Церковная, 1. Анненков»¹. Два реалиста 7-го класса дают «уроки по всем предметам и готовят к переэкзаменовкам. Ксенинская ул., 15, кв. 1»². Можно было получить уроки английского языка, теорию и практику, обратившись по адресу Люцевская ул., дом 16, кв. 3³.

Экономисты и электрики — обладатели новых и перспективных профессий — тоже рекламировали себя. «Молодой человек с коммерческим образованием желал получить подходящие занятия в Гатчине. Письменные предложения адресовать: контора «Гатчинских известий» (Приоратский пер.) для Арнольда Эдта»⁴. Искал место «молодой человек по электрическому освещению, электрическим звонкам, вентиляторам и уста-

новке электрических моторов. Согласен на место помощника монтера или помощника механика в кинотеатре. Адрес: Гатчина, Конюшенный пер., № 3, кв. 1, П.В. Вренч. Сообщать письменно»⁵.

Ну и, конечно, это были ландшафтные дизайнеры той эпохи, которые тогда скромно именовались садовниками. В выпуске газеты от 9 мая сообщалось, что «садовник желает брать работы в садах и огородах Елизаветинская, 28»⁶.

Из «старых профессий» были только услуги родовспоможения. Акушерка писала: «Опытная, даю советы беременным. Иду на роды. Прием с 2 до 5 часов дня (затем — до 6 часов дня). Багговутовская ул., 46. Тел. 307»⁷.

Предложение работы отличалось от спроса на нее, за исключением должности прислуги. Например, жена офицера убедительно просила «дать ей место в госпитале надзирательницей, или в частном доме экономкой. Имею 27 лет, из интеллигентной семьи. Детей нет. Гатчина, Варшавский вокзал, Охранная рота. Прапорщику Чернову». В то же время «требовалась девушка или женщина средних лет одной прислужкой в небольшом семействе. Проспект Павла I, д. 38, кв. 7»⁸.

В Гатчине, пригороде Петрограда, искали будущих служащих телеграфа — одного из символов зарождающейся новой индустриальной эпохи. Обучение предлагалось с выплатой стипендии. Объявление от управления городских телеграфов (Петроград, Почтамтская, 15) гласило: «Для подготовки лиц, желающих поступить на службу в государственный телеграф, при управлении учреждена школа, курс в которой продолжают лица обоего пола в возрасте от 1 лет, кои, при удовлетворительном здоровье, имеют образовательный ценз не ниже 4-х классов гимназии М. Н. П. или равных им учебных заведений (желательно первоначальное знакомство с одним из иностранных языков). Во время учения, в течение 3-х месяцев, учащимся выдаются стипендии по 50 руб. в месяц, а по окончании курса, окончившие школу зачисляются чиновниками ведомства с окладом содержания не ниже 100 руб. Прощения для определения в школу подаются или высылаются почтой на имя начальника вышеуказанного управления с приложением метрического свидетельства и документа об образовании. Вакансии имеются»⁹.

15 июня 1917 года открывались «бесплатные телеграфные курсы при школе управления городских телеграфов (Петроград, Новоисаакиевская ул., 22, теле-

фон № 401–00) для лиц обоего пола, желающих в свободное от занятий время начать телеграфное дело». Обещалось, что «занятия будут производиться ежедневно, кроме праздников, с 5–8 час. вечера. Продолжительность обучения, в зависимости от успехов, определяется в 3–4 мес. На курсы принимаются лица, имеющие образование не ниже 4 классов гимназии и реальных училищ. Окончившие курсы могут быть, при желании, зачислены на службу в Государственный телеграф с окладом в 100 руб. в месяц. Прощения принимаются на имя начальника управления городских телеграфов в Петрограде, Почтамтская ул., 15»¹⁰.

Поиск жилой недвижимости тоже отличался стремлением получить в свое распоряжение модные на тот период технические новинки (в двух объявлениях из шести). Так, сто рублей обещали тому, кто «укажет квартиру из 3–4 комнат с мебелью, ванной и телефоном в районе Багговутовской, Соборной и Люцевской. Сообщить прошу проспект Павла I, д. 10, кв. 1»¹¹. Или требовалась квартира в Гатчине «на зиму с августа или сентября, желательно на Багговутовской улице в 4–6 комнат со всеми удобствами, телефоном и помещением для прислуги. Предложения адресовать: Гернетовская, дом А. С. Рождественского»¹².

В остальных объявлениях о новинках не писали, зато хотели снимать на ул. Люцевской (современной ул. Чкалова). Например, искали «квартиру в 5 комнат в районе Люцевской, Бомбардирской и Ксениинского переулка»¹³. Другим требовалась «дача из 3–4 комнат, с садом, можно верх. Люцевская ул., д. 11, кв. 1, тел. 3–44»¹⁴. Или просто просили сдать им жилье в нормальном состоянии: «Ищу в Гатчине зимнюю сухую квартиру 2–3 комнаты с необходимой мебе-

лью или две меблированные комнаты с правом пользования кухней, теперь или с 15 августа. Вдвоем с женой. Сообщать ст. Суда, дача Гутмана, Лесной проспект, К. И. Мельникову»¹⁵. А 18 апреля было помещено объявление: «Нужна комната вполне приличная вольноопределяющемуся авиационной части студенту М. университ.»¹⁶.

Из коммерческой недвижимости был спрос на «представителей» прошлых эпох: 12 апреля и 18 апреля 1917 года появилось объявление: «Водяную мельницу мельник желает снять в аренду. Письменно. Гатчина. Бомбардирская ул. чайная Василия Степанова № 11 передать в деревню Ковшово Яну Кампусу»¹⁷.

А из вещей хотели взять «пианино на прокат на лето. Мариинская ул., 28, кв. [нрзб], тел. 305»¹⁸. Хотя можно было купить «держанный рояль фабрики Шредера и трехколесный детский велосипед», они предлагались к продаже по адресу «Проспект, 65, кв. 4»¹⁹. Детский велосипед — еще одну новинку эпохи — можно было приобрести также по адресу Малая Загвоздка, дом Леман, кв. Жагмен²⁰. Из тривиального предлагались «обстановка по случаю отъезда. Люцевская ул., 18, кв. 8»²¹ и «офицерская лошадь, 9 лет. Соборная, 6, дом Богданова»²².

Покупали же вещи для детей и технические новинки для развлечения. Например, 12 апреля было помещено объявление: «Фотографическую камеру куплю размером 18*24 или больше Мариинская 5, кв. 3»²³. Или: «Коляска детская нужна, хорошей конструкции, на резиновом ходу. Проспект Павла I, д. 38, кв. 7»²⁴. Реже встречались объявления о желании купить современную недвижимость. Так, «дом в Гатчине благоустроенный с службами и садом куплю без коммиссионеров. Условия сообщить лично или письменно. Гатчина, Багвотовская ул., 90, кв. [нрзб] Еграшевой для Л. В.»²⁵

Через газету горожане пытались найти своих любимцев — пропавших собачек. Например, было помещено объявление: «Пропала собачка породы фокстерьер, белая с коричневыми пятнами на шее и возле хвоста, хвостик длинный, старая, на задние лапы хромает, зовут Нансик. Нашедшему будет дано 25 руб. Багвотовская ул., д. 12, кв. 16»²⁶. 10 руб. награды было обещано тому, кто найдет «светло-желтую собачку. Соборная ул., д. 26, кв. 1»²⁷. Никакие потрясения эпохи не отбили у горожан желания жить в комфорте и пользоваться современными техническими новинками.

¹⁵ Гатчинские известия. — 1917. — № 7. — 15 мая (28 мая). — С. 4; Там же. — № 8. — 26 мая (8 июня). — С. 4.

¹⁶ Там же. — № 10. — 19 июня (2 июля). — С. 4; Там же. — № 11. — 26 июня (9 июля). — С. 4; Там же. — 1917. — № 12. — 3 июля (16 июля). — С. 4.

¹⁷ Там же. — 1917. — № 12 — 3 июля (16 июля). — С. 4.

¹⁸ Там же. — № 12. — 3 июля (16 июля). — С. 4

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. — № 6. — 9 мая. — С. 2.

²¹ Там же. — 1917. — № 10. — 19 июня (2 июля). — С. 4; Там же. — № 11. — 26 июня (9 июля). — С. 4; Там же. — № 12. — 3 июля (16 июля). — С. 4; Там же. — № 13. — 10 июля (23 июля). — С. 4; Там же. — № 14. — 17 июля (30 июля). — С. 4.

²² Там же. — № 14. — 17 июля (30 июля). — С. 4.

²³ Там же. — № 11. — 26 июня (9 июля). — С. 4.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. — № 14. — 17 июля (30 июля). — С. 4.

²⁶ Там же. — № 11. — 26 июня (9 июля). — С. 4.

²⁷ Там же. — № 13. — 10 июля (23 июля). — С. 4

²⁸ Там же. — № 8. — 26 мая (8 июня). — С. 4.

²⁹ Там же. — № 13. — 10 июля (23 июля). — С. 4

³⁰ Там же. — № 2. — 18 апреля (1 мая). — С. 6.

³¹ Там же. — № 1. — 12 апреля. — С. 4; Там же. — № 2. — 18 апреля (1 мая). — С. 6.

³² Там же. — № 9. — 9 июня (22 июня). — С. 4.

³³ Там же. — № 2. — 18 апреля (1 мая). — С. 6.

³⁴ Там же. — № 10. — 19 июня (2 июля). — С. 4;

³⁵ Там же. — № 11. — 26 июня (9 июля). — С. 4.

³⁶ Там же. — № 14. — 17 июля (30 июля). — С. 4.

³⁷ Там же. — № 8. — 26 мая (8 июня). — С. 4.

³⁸ Там же. — № 1. — 12 апреля. — С. 4.

³⁹ Там же. — № 7. — 15 мая (28 мая). — С. 4.

⁴⁰ Там же. — № 10. — 19 июня (2 июля). — С. 4.

⁴¹ Там же. — № 8. — 26 мая (8 июня). — С. 4.

⁴² Там же. — № 8. — 26 мая (8 июня). — С. 4.

«БУНТ НА ОРЕДЕЖЕ»: КАК СЕМЁНОВЦЫ МЕТАЛИСЬ ОТ КРАСНЫХ К БЕЛЫМ И ОБРАТНО

Дмитрий Рябов

В конце прошлого 2020 года на фоне пандемии COVID-19 как-то скромно и незаметно промелькнула одна из памятных дат: 100 лет с момента окончания Гражданской войны в России — по крайней мере, завершения её наиболее активных боевых действий. Применительно к нашему региону, напомним, это была борьба «красной» Рабоче-Крестьянской армии против «белой» Северо-Западной, возглавляемой генералом Н.Н. Юденичем. А одним из самых ярких эпизодов этой борьбы стала измена 3-го Петроградского полка красных, который, ни разу не вступив в бой, перешёл на сторону белогвардейцев. И во время второго наступления Юденича на Петроград, в октябре 1919 г., 8-й Семёновский полк (как окрестили его белые) уже штурмовал Варшавский вокзал Гатчины.

В принципе, переходы войсковых частей и даже соединений Красной армии на сторону белых в то время не были исключительным явлением. На Северо-Западе первый такой эпизод имел место уже в ноябре 1918 г., когда на сторону Псковского корпуса перешла часть 1-го Лужского конного полка под командованием С.Н. Булак-Балаховича. В дальнейшем на этом направлении подобное случилось неоднократно, причём в распоряжение белогвардейцев переходили не только сухопутные части, но и корабли. Однако переход к неприятелю всего 3-го стрелкового полка, бывшего Полка внутренней охраны Петро-

града, всё же стоит в этом ряду особняком.

Итак, в мае 1919 г. на Красный Питер начинает своё первое наступление Северный корпус под командованием племянника председателя Государственной думы III и IV созывов, новоявленного генерал-майора А.П. Родзянко. Пятнадцать — двадцать тысяч белогвардейцев шли штурмовать двухмиллионный город. Это могло сойти за авантюру, если бы не масштабы дезертирства в Красной армии — в результате успешного наступления главной группировки белых вдоль линии Балтийской железной дороги они вскоре подошли к Елизаветину, создавая угрозу захвата Гатчины и Красного Села.

Ударным силам белых противостояла 7-я армия красных, и 27 мая, в день, когда командование армии отдало приказ о переходе в контрнаступление, на левый фланг, в район Сиверской, из резерва срочно выдвигается 3-й Петроградский стрелковый полк 2-й Петроградской бригады особого назначения. Предполагалось, что он займёт позиции на линии Пятая Гора — Выра — Большая Дивенка с перспективой ударить наступающим белогвардейцам в тыл. Вот как описывал дальнейший ход событий советский военный историк генерал Г.Н. Караев, принимавший, кстати, в борьбе с Юденичем непосредственное участие:

Наступление началось рано утром 29 мая. Полки сводной Балтийской

и 6-й стрелковой дивизий стали теснить белогвардейцев. Однако первый успех был омрачен изменой 3-го Петроградского полка на левом фланге Нарвского участка.

Полк этот был сформирован на основе запасного батальона гвардейского Семёновского полка, засорённого сынками лавочников и торгашей. На это обстоятельство не было обращено должного внимания. Две комиссии, проверявшие состав бойцов и командиров, не довели своего дела до конца и примиренчески отнеслись к наличию среди них большой прослойки чуждых советской власти элементов. Это не замедлило принести свои плоды.

В ночь с 28 на 29 мая, вместо того чтобы перейти в наступление на врага, группа командиров из числа бывших офицеров, опираясь на попавшие в полк и не желавшие драться за советскую власть чуждые элементы, совершила гнусное предательство, открыв фронт врагу. Деревня Выра, где был расположен на ночлег 3-й батальон полка, была сразу же захвачена белыми солдатами и присоединившимися к ним местными кулаками. Командир полка тов. Таврин, комиссар полка тов. Купше, батальонные комиссары тт. Калинин, Дорофеев, Сергеев с несколькими оставшимися

Чекист П.П. Таврин

преданными своему долгу коммунистами¹ и беспартийными² засели в пожарной каланче, находившейся около здания штаба полка, и отстреливались от окруживших их изменников. Затем они были захвачены белыми (когда вышли все патроны) и тут же зверски расстреляны. Геройски погиб на своём посту и оказавшийся при полку комиссар бригады тов. Раков. Засев в доме, в котором он ночевал в

Дом в Выре, где погиб комиссар Раков. [1938.]
Не сохранился

эту ночь, он установил в дверях пулемёт и отстреливался от белогвардейцев. Не желая сдаваться живым врагу, тов. Раков последней пулей убил себя. Белогвардейцы сразу же заняли д. Межно и ст. Сиверская и подорвали находящийся около неё мост.

Несмотря на эту измену, в центре и на правом фланге наши части продолжали наступать. К 31 мая полки сводной Балтийской дивизии вышли в район д. Котлы...

А теперь посмотрим на эти события с противоположной стороны. Генерал А.П. Родзянко впоследствии вспоминал: «Получив донесение, что Семёновский полк выражает желание перейти от большевиков к нам, полк. гр. Пален

¹ Одним из них был В.А. Пекар.

² Кстати говоря, Г.Н. Караев — сын царского генерала и дворянки — был одним из немногих советских генералов, оставшихся беспартийными.

приказал ротмистру Пермикину с Талабским полком перейти в наступление против отдельной бригады, к которой принадлежал Семёновский полк, и взять его целиком. Ротмистр Пермикин³ блестяще выполнил возложенную на него задачу: Семёновский полк был окружён и перешёл на нашу сторону; другой полк той же бригады был разбит; мост у ст. Сиверской был взорван подрывниками ротмистра Пермикина и талабчане не дошли до Гатчины всего 8 вёрст, после чего повернули правым плечом и отошли к ст. Кикерино. Таким образом, обходившая наш правый фланг пехотная колонна была ликвидирована. Приехав поблагодарить талабчан за лихое дело, я был приятно поражён их бодрым видом. Семёновский полк, перешедший под команду кап. Зайцева, я приказал сосредоточить у ст. Кикерино; в полку было около 600 штыков, несколько человек кадровых офицеров, оркестр музыки, а также двух-орудийная батарея; весь полк выразил желание немедленно драться против большевиков; я сохранил ему наименование Семёновского и приказал дать несколько дней отдыха».

Между тем, находившиеся в Петрограде представитель Совета Оборона И.В. Сталин и руководитель Петрограда и губернии Г.Е. Зиновьев телеграфировали об измене семёновцев в Москву, прося прислать «надёжный в полной боевой готовности полк» и бронепоезд: «Немедля передайте Ленину... полк в две тысячи штыков со своим штабом вдруг открыл фронт... перешёл на сторону противника. Станция Сиверская была у белых, теперь отбита». Большой отряд красноармейцев под командованием члена Совета

³ Тоже, кстати, перешедший ранее от красных, дослужившийся затем до генерал-майора; в годы Второй Мировой войны числился в резерве Русской Освободительной армии генерала Власова.

Обороны, начальника Центральной комендатуры Петрограда В.С. Шатова вскоре занял Выру — командование бросило в бой 2-й стрелковый полк, находившийся в резерве в Гатчине. «На Нарвском направлении идёт бой... в районе селения Грязное, что в 30 верстах юго-западнее Гатчины», — сообщила газета «Петроградская правда» 29 мая. А лидер большевиков, назвав произошедшее «бунтом на Оредеже», в ответной шифротелеграмме писал: «Вся обстановка белогвардейского наступления на Петроград заставляет предполагать наличие в нашем тылу, а может быть и на самом фронте, организованного предательства... Просьба обратить усиленное внимание на эти обстоятельства, принять экстренные меры для раскрытия заговоров»⁴.

Одновременно красноармейцы-шатовцы, заняв Выру, по свидетельству первого биографа комиссара Ракова⁵

⁴ В одной из следующих телеграмм в Петроград В.И. Ленин констатировал: «Про Питер говорят: 1) что в нём самом разложение армии сильнее, чем в приходящих из провинции частях... 2) что наступление почти не идёт вовсе с нашей стороны вследствие худого качества войск... 3) что военные власти решили эвакуировать Питер... своими паническими решениями усиливая разложение... 4) что командарм 7-ой не в своём штабе, а при Зиновьеве, превращён в адъютанта Зиновьева...».

⁵ А.С. Раков — видный большевик, один из организаторов Красной армии. Родился в 1885 г. в Смоленской губ. в крестьянской семье; после окончания начальной школы отец отвёз его в Москву и устроил прислугой в трактир. С 1909 г. Раков в Петербурге: служит официантом в ресторане при «Палас-театре» (ныне — театр Музкомедии), знакомится с большевиками, с 1912 г. занимается революционной работой. В 1913 г. возглавил профсоюз служащих трактирного промысла и стал членом рабочей комиссии при большевистской фракции Государственной думы. Был арестован; выслан из столицы на родину под надзор полиции. В годы Первой Мировой — на фронте: санитар, ротный фельдшер; представлен к Георгиевскому кресту и медали «За храбрость», но награждение не

— поэта и историка Г.Л. Шидловского, — «разыскав могилу расстрелянных... вырыли их тела и похоронили на горке у дороги около часовни деревни». Однако через несколько дней в Выру прибыл чекист П.А. Серов⁶ с поручением из Петрограда привезти тела расстрелянных товарищей. После многолюдного прощания, проходившего в дворце им. Урицкого (Таврическом), 8 июня⁷ они «с революционными почестями» были торжественно похоронены в братской могиле на площади Жертв Революции (Марсово поле), как и другие, геройски погибшие в боях с Юденичем: комиссар Н.Г. Толмачёв, именем которого назвали железно-дорожную станцию Преображенская лужского направления, четыре красных командира, погибшие под Ящерой, и другие.

12 июня газета «Петроградская правда», сетуя, что приходилось слышать суждения о том, что «недавно сформированный N-ский стрелковый полк... перешёл в полном составе с оркестром музыки на сторону белых», опубликовала своего рода опровержение, где утверждалось, что «картина предательства, по рассказам очевидцев, представляется несколько в ином виде»:

состоялось. В апреле 1917 г. вступил в РСДРП(б), летом был избран председателем армейского комитета стоявшего в Выборге 42-го корпуса и депутатом Петросовета. Активный участник революционной борьбы на Карельском перешейке; за голову Ракова белофиннами было обещано крупное денежное вознаграждение (30 тыс. марок). После подавления революции в Финляндии возвращается в Петроград; в сентябре 1918 г. — военком Спасского района, с февраля 1919 г. — комиссар 2-й бригады.

⁶ Серов, бывший с 1921 г. заместителем председателя Петроградской ЧК, вместе с Раковым участвовал в работе одной из комиссий, проверявшей бывший Семёновский полк на благонадёжность.

⁷ Г.Л. Шидловский — очевидно, ошибочно — говорит о 8-м июля.

В ночь с 28 на 29 мая полк стоял квартиро-биваком в деревне В. Около 12 часов ночи командир полка тов. Таврин, комиссар бригады тов. Раков, комиссар полка тов. Купше и секретарь полкового коллектива поехали в автомобиле на разведку. Только они уехали, как лица командного состава, преимущественно бывшие гвардейские офицеры Семёновского полка, сели верхом на лошадей и отправились в лес, где предполагался неприятель. Свою поездку они объяснили как разведку. Вскоре они возвратились, и командир 1-го батальона Сампсониевский (кстати сказать, коммунист, недавно принятый в партию) сказал красноармейцам: «Ну, и зададим же мы белым. Их там всего ничего».

Вслед за тем вернулся и командир полка с комиссарами. Около 6 час. утра командир полка приказал полку развернуться в боевой порядок и начать наступление.

Помощник командира полка Зайцев уговорил командира тов. Таврина повременить с наступлением, отложив его часа на три и дав людям отдохнуть, что и было исполнено.

Наконец, 1-й батальон перешёл в наступление. Вскоре после его отправления несколько офицеров этого батальона возвратились, требуя выступления 2-го батальона, якобы на поддержку 1-го; 2-й батальон выступил, 3-й же батальон и штаб полка находились в деревне В., отдыхая по квартирам.

Вдруг спящие солдаты были разбужены стуком в окна. Оказалось, что деревня уже занята белыми. Среди неприятеля был весь командный состав полка, с надетыми погонами и белыми крестами⁸. Командовал белыми

⁸ Офицеры лейб-гвардии Семёновского полка носили белые нагрудные кресты, упразднённые большевиками, а нарукавный знак с шев-

помощник командира полка Зайцев, переодетый в кожаную тужурку с золотыми погонами.

Офицеры захваченного врасплох батальона выбегали на улицу и радостно, даже целуясь, приветствовали белых офицеров. Солдаты белых были вооружены ручными гранатами и, конечно, легко разоружили полусонных красноармейцев.

Затем по предложению изменника Зайцева белые стали искать коммунистов. В это время из помещения штаба полка выскочил командир полка тов. Таврин и успел только вскрикнуть: «Товарищи, что вы делаете?» Тут же в упор он был ранен навзлет в живот выстрелом одного из белогвардейцев. Срывая с себя гимнастёрку, падая, уже обливаясь кровью, тов. Таврин успел, однако, выхватить револьвер и застрелил равнившего его белогвардейца. Взбесившиеся офицеры набросились на Таврина, уже обессиленного, и один из них разрубил ему голову шашкой. Над бездыханным трупом началось издевательство. Сначала его раздели, поделив между собою обмундирование покойного, затем стали колотить его штыками, отрезали ухо и вырезали язык.

В это время кто-то из офицеров напомнил белым, что существует ещё комиссар полка Купше, которого необходимо расстрелять. Стали искать последнего, причём не столько усердствовали белые, сколько свои же офицеры. После почти двухчасовых поисков Купше был обнаружен скрывшимся в подвале, выведен на улицу, раздет догола и расстрелян. В это же самое время командир 1-го батальона Сампсониевский (коммунист с 1 апреля 1919 г., бывший гвардейский офицер) вынул из кармана партийный

роном-триколором и белым крестом под ним был знаком принадлежности к Северо-Западной армии.

билет, разорвал его на глазах у всех и, надев золотые погоны, сказал: «Ну, наконец-то мы разделились с этой сволочью».

Совершенно неожиданно кто-то вспомнил о комиссаре бригады тов. Ракове. Бросились в штаб, но были встречены оттуда пулемётным огнём. Тов. Раков, оставшись один в штабе, успел запереть дверь и, зарядив пулемёт, решил умереть, но не сдаваться в руки белых. Несмотря на предложение белых сдаться, сопровождавшийся угрозами, тов. Раков продолжал стрельбу из пулемёта. И только после обстрела штаба белыми из двух пулемётов и целого дождя гранат тов. Раков был убит на своём посту, пав смертью героя. После этого были приведены все батальонные комиссары и поочерёдно расстреляны.

Когда расправа окончилась, батальон был выстроен развёрнутым строем, на правом фланге поставлен был оркестр, и под звуки царского Семёновского марша полк стал проходить церемониальным маршем перед своим новым командиром Зайцевым.

Все эти картины так подействовали на красноармейцев, что в первую же ночь из белогвардейского плена бежало до 40 человек, и до сих пор ежедневно и даже по нескольку раз в день являются бегущие из плена солдаты стрелкового полка, прося направить их обратно в свою бригаду для определения в один из полков.

Такова картина предательства стрелкового полка бригады. Вернувшиеся красноармейцы в один голос заявляют, что наши солдаты были так поражены происшедшим, что в первый момент растерялись. И вряд ли есть основания предполагать, что полк в целом перешёл бы по своей воле, если бы не имело место заранее по-видимому обдуманное, организованное предательство со

стороны командного состава, имевшего большое влияние на массу.

Итак, несмотря на ряд нестыковок в приведённых выше свидетельствах, картина складывается в целом понятная. Как бы «извинившись» в газете за измену полка, в последующие годы подвиг погибших товарищей с их фанатичной верой в идеалы коммунизма, ещё не затуманенной последующими событиями, использовали в воспитательных целях. Счастье будущих поколений оправдывало всё. Да и «старая ведьма» — собственность в ту пору ещё не успела завладеть помыслами большинства россиян...

Так, например, ещё 5 июня 1919 г. состоялось экстренное собрание делегатского совета Союза рабочих народного питания, посвящённое памяти Александра Семёновича Ракова. Для увековечения его памяти было постановлено присвоить имя погибшего комиссара библиотеке профсоюза, а также обратиться в исполком Петросовета с предложением о переименовании Загородного проспекта, где располагались казармы семёновцев, в проспект имени товарища Ра-

Итальянскую улицу в центре города, на которой он в 1918 г. некоторое время проживал, а ранее, ещё до революции — работал.

Далее, в 1926 г. издаётся первая отдельная биография комиссара Ракова. Осенью следующего года, к 10-летию Октября, была опубликована поэма Николая Тихонова «Выра», ставшая заметным явлением в советской поэзии 1920-х годов. Не отставали и местные авторы: в 1938 г. газета «Красногвардейская правда» напечатала объёмный материал о событиях 1919 года.

«Село Выру вы, товарищ, проезжали, видели, поди, дом там один, с такой башенкой, с мезонином, — говорил бригадир рождественского колхоза «Завет Ильича» П.И. Бирцев корреспонденту газеты «Ленинградская правда» В.А. Кочетову в августе 1941-го. — Вот в том мезонине в Гражданскую войну товарищ Раков с пулемётом сидел, от беляков отбивался. Официантом в «Гранд-отеле» служил до того, а как пошёл в революцию — героем себя показал...»

«Память о Ракове и его боевых друзьях живёт среди народа нашего района, — продолжал в 1945 г. гатчинский краевед А.Н. Лбовский, — о его трагической гибели ходят в районе рассказы. К сожалению, дом Воронина, в котором погиб Раков, уничтожен немцами». «В Даймищах имеется могила красного командира тов. Малкова, жившего в дни перед гибелью от руки белых у крестьянки дер. Даймище Горячевой, — писал Лбовский в другой раз. — Тов. Малков квартировал в её доме⁹ со своим отрядом и оставил у населения хорошую о себе память»¹⁰.

⁹ До сегодняшнего дня дом не сохранился; располагался в центре деревни, перед участком дома № 144 по Большому проспекту.

¹⁰ В 1986 г. останки погибших в перестрелке с белыми четырёх красноармейцев были торжественно перезахоронены с даймищенского

В последующие годы пришла очередь подключиться художественной литературе. Ещё в 1939 г. ленинградский писатель Л.В. Успенский в соавторстве с генералом Г.Н. Караевым выпускает исторический роман «Пулковский меридиан», повествующий о событиях Гражданской войны в 1919-м, что дважды переиздавался в послевоенные годы. В 1967 г. упомянутый выше Всеволод Кочетов, к тому времени уже известный советский писатель, издаёт новый исторический роман о защите Петрограда «Угол падения», где, как и в предыдущем, нашёл своё место и события в Выре. А три года спустя режиссёр Геннадий Казанский снял на киностудии «Ленфильм» одноимённый двухчасовой фильм с Нодаром Шашик-оглы в роли комиссара Ракова.

Вообще, «сталиниста» Кочетова влечёт к Гатчине — свидетельнице первого контрреволюционного похода: «Именно отсюда, объединив свои силы, направили было свой контрудар по революции свергнутый премьер Временного правительства господин Керенский и командир брошенного сюда из-под Острова кавалерийского корпуса казачий генерал Краснов. Сложенный из серого камня дворец Павла I мог бы многое рассказать о тех днях. Под его сводами они перегрызли все: и Керенский, и Краснов, и бомбист Савинков».

Правда, генерал Краснов отверг «грызню» Савинкова с Керенским, а потом спас экс-главу Временного правительства из окружённого красногвардейцами дворца. С фактической стороны писатель ошибается на каждом шагу. Но всё же...

А в 1970 г., когда выходит фильм «Угол падения», сбывается и давнее пожелание краеведа Лбовского: в Выре Старого кладбища к Памятнику скорбящей матери.

на непосредственном месте гибели А.С. Ракова, накануне 85-летия со дня его рождения, появляется памятник комиссару и его погибшим товарищам, созданный по проекту местного архитектора А.А. Семочкина.

Наконец, кульминацией «раковской» темы, к очередному юбилею событий, становится выход ещё одной — на этот раз документально-художественной, рассчитанной на массового читателя — биографии А.С. Ракова: книги И.И. Слободжан «Сердце комиссара», изданной в 1979 г. Инна Ивановна работала редактором в издательстве «Ленинград»; заведующий же редакцией краеведческой литературы был уверен, что для его редакторов одного филологического образования явно недостаточно — каждый редактор хотя бы раз в жизни должен выступить в роли автора, прочувствовать, так сказать, писательское мастерство изнутри.

«Я решила попробовать свои силы в новом для меня жанре документальной повести, — вспоминала И.И. Слободжан. — Я начала со сбора материала о герое революции Александре Ракове: после работы бежала в архивы, в Публичную библиотеку, читала газеты того времени, потом нашла родных Ракова, вместе мы съездили на место его гибели в деревню Выра под Гатчиной. Там сохранился дом, в котором погиб, отстреливаясь, Раков. Нашли яму, куда белые сбросили тела убитых ими. Мне повезло найти даже участников и очевидцев тех событий. Только собрав огромный материал, начала писать, используя время отпуска... Так и появилась моя повесть об Александре Ракове „Сердце комиссара“».

Правда, и в данном случае художественная сторона превалирует над фактической: например, очевидно, что в каменных стенах штаба полка, что размещался в бывшей почтовой станции,

Первая книга о комиссаре Ракове. 1926

сражаться с белыми было явно сподручнее, чем в деревянном доме... Зато со стороны идеологической здесь всё в порядке, недаром этой повести были предпосланы слова американского публициста-интернационалиста А.Р. Вильямса, соратника Джона Рида: «Они были из тех, кто живёт столь же доблестно, как и умирает. Они шли на смерть ради того, чтобы жила революция...»

Но вот пришла «перестройка» и настало время переосмыслить историю последних десятилетий. И, как часто случается, переосмысление это началось с полного отрицания. Так, в 1991 г. возвратили историческое название улице Ракова, справедливости ради заметим — одно из старейших в петербургской топонимии, существовавшее около двух столетий. Демонтировали и зарыли в землю вырский памятник погибшим комиссарам. На смену героям советского мартиролога пришли совсем другие «герои», предпочитающие в погоне за «золотым тельцом» вместо собственной жизни жертвовать жизнями исключительно чужими. Тот же А.А. Семочкин, на тот момент — директор музея-усадьбы «Рождествено», свидетельствовал, что никакого боя с пулемётами, гранатами в его родной Выре и не было: «Старики рассказывали, что Раков выскочил из дома в исподнем белье, увидел, в чём дело, и сразу застрелился¹¹... Отношение местных жителей и к красным, и к белым одинаково равнодушно. Ни тех, ни других не вспоминают никак».

Как бы там ни было, пришло в конце концов время собирать камни — в

¹¹ По данным В.А. Зайцева, Раков был убит ручной гранатой, брошенной белогвардейцами; Таврин не хотел сдаваться и долго отстреливался из винтовки — в конечном счёте его обезоружили и расстреляли. Купше спрятался в подвале, его долго искали, нашли и, несмотря на заявление, что он «коммунист только по названию», также расстреляли.

последнее десятилетие у историков дошли наконец руки до измены бывшего Семёновского полка. Ставшие доступными новые материалы позволяют и взглянуть на эти события по-новому. Попробуем разобраться и мы: как так получилось, что антибольшевистски настроенный полк, в котором основная масса солдат симпатизировала эсерам, а офицеры-дворяне вообще оставались монархистами, использовалась советской большевистской властью как самая надёжная воинская часть?

«Станным, загадочным, непонятным было существование Семёновского полка после революции и особенно отношение к нему большевиков, — свидетельствовал «пламенный бард Северо-Западной армии» писатель А.И. Куприн¹². — Этот полк... жил в прежних казармах, по прежнему укладу, нёс караульную службу по охране Государственного банка, Казначейства и других верных пунктов и как бы находился под особым покровительством¹³. Зайдя в тыл белых у Выры, он с музыкой перешёл в С.-З. армию, убив сначала своих комиссаров и красных фельдфебелей (один из них застрелился). Полк так и сохранил навсегда своё старинное Петровское имя».

Здесь, во-первых, следует оговориться: с самым, пожалуй, известным, одним из старейших в русской армии полком не всё так просто. В начале прошлого века фактически существо-

¹² Занимательно, что Куприн, издававший в занятой белыми Гатчине газету Северо-Западной армии «Приневский край», за год до того лично предлагал Ленину издавать для крестьян газету «Земля».

¹³ Председателю Петроградской ЧК М.С. Урицкому, который покровительствовал Семёновскому полку (в некоторых документах полк прямо называют «имени т. Урицкого»), приписывают фразу: «Семёновцы — это честные белогвардейцы». А из бывших семёновцев, среди прочих, происходил «красный маршал» М.Н. Тухачевский.

вали два Семёновских полка: основной (действующий на фронте) и резервный¹⁴.

Вообще, Семёновский полк (как и не менее известный его «близнец» и соперник Преображенский) был создан в 1691 г. на основе «потешных» отрядов, с которыми юный государь Пётр I играл в войнушку на просторах сёл Семёновского и Преображенского, давно поглощённых Москвой. Боевое крещение семёновцы получили в Азовском походе, затем участвовали в подавлении восстания стрельцов, а в первой битве под Нарвой в 1700 году Семёновский полк, чуть раньше ставший гвардейским, заслужил признание за особую стойкость. В последующие годы отличился в ряде победных кампаний, в полку служили такие известные люди как будущий генералиссимус Суворов, поэт Баратынский, философ Чаадаев, многие другие достойные сыны Отечества.

В конце войны с Наполеоном, в 1813 году, полк был практически полностью уничтожен в сражении под Кульмом. В 1820 году, когда семёновцы восстали против беспредела командиров, полк был полностью переформирован, на три года лишившись звания гвардейского. Более того, весь (!) его личный состав был помещён в Петропавловскую крепость.

А дальше — крутой поворот. В конце 1849 года на плацу Семёновского полка в Петербурге (ныне Пионерская площадь) произошла инсценировка казни петрашевцев, ведь основной функцией лейб-гвардии была караульная служба: обеспечение безопасности императорской семьи и охрана дворцовых служб и государственных учреждений столи-

¹⁴ Добавляет путаницы и тот факт, что почётное наименование «Семёновский» в 2013 г. присвоили 1-му отдельному стрелковому полку ВС РФ, не имеющему к историческому Семёновскому полку никакого отношения.

цы. В апреле 1881 г. — новый позор: на этот раз на полковом плацу состоялась последняя публичная казнь дореволюционной России: здесь повесили народовольцев-первомартовцев С. Перовскую, А. Желябова, Н. Кибальчич, Т. Михайлова и Н. Рысакова. Наконец, в годы Первой русской революции, в декабре 1905 года, полк «отметился» в кровавом подавлении Московского восстания, за что семёновцы, с одной стороны, получили репутацию самых преданных престолу, но одновременно — позорную репутацию «палачей». И, кстати, заплатили жизнью своего командира: в 1906 году генерал-майор Мин, приказавший «арестованных не иметь, пощады не давать», был застрелен в Петергофе эсеркой Коноплянниковой, всадившей в спину «верноподданного» генерала четыре пули.

В начале Первой мировой войны Семёновский полк, как и прочие, был разделён на две относительно неравные части. В то время как основные части полков русской армии участвовали в боевых действиях, «запасные» их батальоны оставались в тылу. В мае 1917 года запасные батальоны были развернуты в «резервные» полки — так появился Гвардии Семёновский резервный полк.

В октябрьские события 1917 г. личный состав Резервного полка не поддержал действия большевиков, однако и не оказал им никакого противодействия. В отличие от других гвардейских полков, находившихся в столице, семёновцы держали нейтралитет. Это объясняют тем, что, с одной стороны, офицеры полка в силу тяжёлых ранений и заболеваний были не годны к строевой службе, а, кроме того, находились в меньшинстве среди преобладающей массы унтер-офицеров — главным образом, выходцев из крестьян. С другой стороны, офицеры пол-

ка привыкли к жёсткой гвардейской дисциплине, любили и высоко ценили армейский строевой порядок и их, конечно же, раздражала и возмущала «киселеобразная» власть Керенского, как и нарастающая «революционная анархия». Им, скорее, импонировал генерал Корнилов с его стремлением «навести порядок» в стране и армии. Что же касается «нижних чинов», то особые «дружинно-патриархальные» взаимоотношения солдат и офицерского корпуса придавали им свойства корпоративной «семёновской семьи».

Таким образом в условиях разложения «старой армии» во время немецкого наступления Резервный полк оказался чуть ли не единственной в Петроградском гарнизоне войсковой частью, сохранившей внутреннюю дисциплину. В это же время и фронтовая часть полка показала полную боеготовность и отсутствие противостояния между солдатами и офицерами. Обе части доказали, что «семёновская пехота» является подлинной «семьёй», демонстрирующей свою аполитичность, лояльность действующей — на тот момент большевистской — власти и готовность к добросовестному исполнению традиционных военно-профессиональных функций, что обеспечивало военным служащим вполне сносный уровень жизни. Остаётся добавить, что и в формирующуюся на рубеже 1917–1918 гг. белую Добровольческую армию ни один из офицеров-семёновцев (из фронтовиков августа 1914 г.) не ушёл.

Итак, антибольшевистски, антисоветски настроенная «семеновская семья» в своём большинстве считала нецелесообразной и губительной ту форму и те способы борьбы против Революции, которую избрало «белое движение», к тому же совершенно не сочувствуя и его революционно-кон-

ституционным лозунгам. Она считала более правильным путь выжидания, лояльности и исправной службы новой власти.

В то же время после заключения «позорного» Брест-Литовского договора с Германией в марте 1918 года Гвардии Семёновский полк (в который влились остатки «действующей» его части) подлежал «полной демобилизации»: все его «чины» увольнялись и передавались в ведение «уездных воинских начальников». Однако новое советское руководство стало задумываться, стоит ли ликвидировать единственную боеспособную воинскую часть Петрограда, продолжавшую принимать беженцев с фронта, благодаря чему получившую наименование «Семёновского полка беженцев». Тем более, что полк продолжал нести караульную службу и заменить его было попросту нечем.

В результате, благодаря поддержке двух высокопоставленных советских руководителей, Н.Н. Крестинского и М.С. Урицкого, Семёновский полк был спасён от расформирования. То есть, как боевая гвардейская часть внешне он прекратил своё существование, но, «замаскировавшись» и будучи передан в ведение НКВД¹⁵, под названием «Полка по охране города Петрограда» продолжил существование вплоть до мая 1919 года.¹⁶

Однако положение полка и бывших офицеров, продолжавших служить командирами разных уровней, не ожи-

¹⁵ Комиссаром полка назначили племянника Урицкого Б.Г. Каплуна.

¹⁶ Определить с достоверностью, чем обусловлена симпатия такой одиозной фигуры как «гуманный палач» Урицкий к столь ненавистным большевикам семёновцам, сегодня не представляется возможным. Например, ходили слухи, что в случае антибольшевистского переворота последний намеревался укрыться в полку и на этот случай у него даже имелся комплект соответствующего обмундирования.

данно и резко изменилось в худшую сторону после убийства «покровителя» полка М.С. Урицкого в конце августа 1918 г. Так, с одним из эшелонов уехал в Польшу командир Полка по охране Петрограда полковник Бржозовский – для поляков, составлявших здесь около 20% офицерского состава, убийство Урицкого стало своего рода сигналом к массовому отъезду. Далее, в августе-сентябре 1918 г., в связи с созданием регулярной Красной армии, нуждавшейся в квалифицированном комсоставе, началась принудительная мобилизация бывших офицеров. Это обозначило неблагоприятные перспективы для их судеб, принуждая к участию в Гражданской войне против своих же товарищей – тем более, не будучи абсолютно уверенными в победе большевиков. Показательно, что к началу ноября полк покинули 11 бывших офицеров-семёновцев.

Литература:

1. Белая борьба на Северо-Западе России /Сост. С.В. Волков. М., 2003.
2. Богомазов Н.И. Полк внутренней охраны Петрограда в 1918–1919 гг.: особенности формирования и переход на сторону белых // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2011. Вып. 2. С. 79–84.
3. Корнатовский Н.А. Борьба за Красный Петроград. М., 2018.
4. Поляков С.А. Офицеры лейб-гвардии Семёновского полка в российских социально-политических условиях 1917 — сентября 1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Орёл, 2015.
5. Слобжан И.[И.] Сердце комиссара: Докум.-худож. повесть об Александре Ракове. Л., 1979.
6. Тарасов К.А. «Семёновцы — это честные белогвардейцы». Как бывший Семёновский полк переметнулся от красных к белым // Родина. 2019. № 5. С. 108–112.
7. Шестопалов П.И. Кадровые офицеры «Семёновской пехоты» и революционные процессы в России в октябре 1917 — мае 1919 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2018.
8. Шидловский Г.[Л.] Товарищ Раков. Л., 1926.

Продолжение в следующем номере

ГОРОЖАНЕ И ДВОРЦОВЫЙ ПАРК В НАЧАЛЕ 1920-х гг.

Александр Белик

После Первой мировой войны, революций, а также эпохи «военного коммунизма» нужно было отрегулировать множество вопросов, в частности, поведение горожан в бывших императорских парках. Гатчинский коммунотдел городских Советов разработал правила поведения граждан в парках. Вероятно, в том же 1921 г. [документ не датирован, но находится среди документов за 1921 г. — Прим. А. Б.] вышло постановление: «... Ввиду перехода всех парков и садов в ведение Подотдела Благоустройства Коммунотдела доводится до сведения граждан: 1) Строго воспрещается спилка и рубка деревьев, как сырораствующих [так в тексте; вероятно, находящихся в стадии роста, в отличие от сухостоя. — Прим. А. Б.], так и сухостоя в коммунальных парках и зверинце; 2) Строго воспрещается выгон скота и лошадей в коммунальные парки и зверинец; 3) Строго воспрещается разработка огородов на территории коммунальных парков, в зверинце допускается лишь с особого разрешения подотдела благоустройства; 4) Сбор сучьев и негодного валежника без применения пилы и топора разрешается подотделом благоустройства, на что выдается особое разрешение. ... Виновные в неисполнении настоящего постановления будут привлечены к народному суду за порчу и хищения народного достояния»¹.

Проведен был и учет жилых помещений для сотрудников парка. Так, зав.

коммунальным хозяйством Альберг и управделами Герасимов 4 апреля 1924 г. сообщали зав. оранжереями тов. Фадееву: «Предлагается Вам с получением сего объявить гр. ВИРКИ, Владимиру, ВИРКИ, Николаю, УКОНЕН, Карлу, КОВАЛЕВСКОМУ, Петру, РЫМИНУ, Антону и КОВАЛЕВСКОМУ, Викентию о том, что они должны освободить занимаемые ими при оранжереях квартиры рабочих оранжерей, хотя к оранжереям они никакого служебного отношения не имеют. В освобожденных ими квартирах будут размещены рабочие оранжерей. За квартирами и получением перевозочных средств, все вышеуказанные граждане должны обратиться в коммунальное отделение».

В том же духе решался вопрос и с будкой сторожа у шлюза. В отместхоз т. Васильеву 26 мая 1923 г. от хранителя Дворца-Музея В. Макарова поступила просьба: «Управление Дворца-Музея просит выяснить вопрос с будкой у Шлюза, так как по Вашему личному заявлению, будка не будет отдана никому, кроме сторожа. Из прилагаемой же резолюции т. Ситнякова видно, что она сдана под квартиру. Шлюз, ворота и дальняя часть парка, таким образом, остаются без охраны, что совершенно недопустимо»².

2(?) июня 1923 г. В. Макаров получил ответ за подписями зав. уотместхозом Васильева, зав. коммунальным подотделом Журавлева и управляющего делами Исаева. В нем сообщалось, что

«вселенному в будку у шлюза гр-ну НОВОЖИЛОВУ вменено в обязанность охранять дальнюю часть парка на правах сторожа»³.

Однако, у всех инстанций, принимавших участие в решении вопроса об управлении парками — управления Дворца-Музея, УОМХ [Троцкого уездного отдела местного хозяйства. — Прим. А. Б.], ПУНУ [Петроградского управления научных учреждений. — Прим. А. Б.], Троцкого лесничества — были две схожих черты. Во-первых, им не на кого было опереться в деле привлечения к ответственности нарушителей порядка на подответственных территориях. В 1921 г. предполагалось передавать их в народный суд⁴, в 1923 г. — в милицию⁵, а в 1924 г. в документах ЦГА СПб были зафиксированы квитанции об уплате штрафов⁶. Так, 1 августа 1924 г. комотделение [коммунальное отделение. — Прим. А. Б.] общего отдела Троцкого УИКа просило «выдать квитанционных книжек для сбора штрафов в нарушении ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ ТУИН [вероятно, Троцкого управления исполнения наказаний. — Прим. А. Б.] граждан — нарушающих таковые, сторожам парка: 1 Степанову, 2 Якобсону, 3. Ильину, 4. Ликатису и 5. Рурину»⁷.

Во-вторых, не было четкого определения, что такое «дворцовые парки». Напомним, что 21 марта 1921 г. по постановлению большого президиума Петрогубисполкома в ведение коммунотделов передавались «все сады и парки общественного характера» без конкретизации этого понятия⁸. 24 декабря 1923 г. ПУНУ были переданы

³ ЦГА СПб. Ф. Р-391. Оп. 13. Д. 33. Л. 1.

⁴ Там же. Оп. 2. Д. 207. Л. 17.

⁵ Там же. Оп. 6. Д. 6. Л. 37–37 об.

⁶ Там же. Л. 120.

⁷ ЦГА СПб. Ф. Р-391. Оп. 6. Д. 6. Л. 120.

⁸ Там же. Оп. 2. Д. 207. Л. 4.

Зверинец, Сильвия с фермой и птичником и Оранжерей. Троцкое лесничество отвечало за Фазанник. Управление Гатчинского Дворца-Музея принимало «дворцовый сад»⁹, при этом проводило обследование озер Приоратского парка и просило выдать хранителю Музея В.К. Макарову постоянное разрешение на проезд «в целях необходимого надзора за всеми местными угодьями и парками г. Троцка»¹⁰.

При этом горожане и организации писали запросы (они сохранились в архиве в большом количестве) об опилке деревьев в УОМХ. Например, в мае 1923 г. отдел народного образования просил дать разрешение спилить несколько елей перед зданием 6-го детского дома на ул. Володарского 24, «затемняющих окна, что вредно отзывается на гигиеническом состоянии дома»¹¹ и получил ответ: «На Ваше № 2448 коммун п/о сообщает, что Вам разрешается разрядить сучья и спилить елки не ниже 1,5 саж. от земли»¹².

Охрану парков в этих довольно запущенных условиях осуществляли объездчики и сторожа. По сохранившимся документам нельзя проследить их уровень профессионализма, образования, возраст, семейное положение, так как сохранились лишь единичные заявления о приеме на работу. Например, в коммунальный отдел гор. Троцка отправил заявление инвалид 3-й группы Михаил Ручена (?): «Обязуюсь смотреть за парком и чистотой. Я человек безработный и семейный 3 сына и дочь, которым нужна школа. Прошу предоставить мне квартиру в будке № 2(?). Покорный проситель Новохимозский поселок д. № 2 Тивилина кв. 1(?)»¹³

Также не обнаружены какие-либо

⁹ Там же. Оп. 13. Д. 33. Л. 24–25.

¹⁰ Там же. Л. 45.

¹¹ Там же. Л. 12.

¹² Там же. Л. 11.

¹³ ЦГА СПб. Ф. Р-391. Оп. 6. Д. 6. Л. 6.

¹ ЦГА СПб. Ф. Р-391. Оп. 2. Д. 207. Л. 17.

² ЦГА СПб. Ф. Р-391. Оп. 13. Д. 33. Л. 2.

должностные инструкции, которыми они могли бы руководствоваться, если, конечно, не считать таковыми текст типового удостоверения, которое выдавалось объездчикам парка: «УДО-СТОВЕРЕНИЕ. 6 II 1923 г. Дано сие объездчику парков Кирилу Богданову в том, что ему вменяется в обязанность следить за парком, задерживать лиц производящих: порубку деревьев, самовольную ловлю рыбы, скос травы, пастьбу скота, поломку скамеек, столов и т. д., что подписаньями с приложением печати удостоверяется¹⁴. Такой же текст содержится и в удостоверении объездчика Ильи Боровинко(?)¹⁵.

Служба объездчиков и сторожей была связана с опасностью, поэтому их вооружали берданками, выстрелы производились дробью. Некоторые не выдерживали на этой должности, не нужен был и «соцпакет». Так, в отдел местного хозяйства поступил рапорт объездчика парков Богданова: «14 января 1924 года явился ко мне сторож Зверинца Иван Хютти и заявил, что он больше охранять лес в зверинце не будет и принес для сдачи выданную ему для охраны берданку. Ввиду изложенного препровождаю настоящий рапорт для дальнейшего распоряжения»¹⁶. Уже через неделю новый со-

трудник был найден. В коммунальный отдел гор. Троицка 21 января 1924 г. поступило заявление гражданина Георгия Владимировича Красникова: «Прошу принять меня сторожем Зверинца взамен Ивана Хютти на тех же условиях за квартиру, дрова, покос и огород. Проживаю в Зверинце в том же доме»¹⁷.

Особенно было опасно охранять парки ночью. При поимке граждан выписывались квитанции о штрафе. Если задержать правонарушителей не представлялось возможным, составлялись акты. Например, такие как акт № 32: «Настоящий акт составил объездчик парков Богданов 1923 года 24 августа явился ко мне сторож Зверинца Васильев Василий и заявил, что им Васильевым ... были замечены в самовольной порубке леса ... трое молодых людей, которых поймать и установить их личность не представлялось возможным, а 24-го 23 г. он опять заметил у Царицыной дороги, что эти же самые граждане несут на плечах напиленные еловые кряжи, тогда он говорит, зашел от пос. Рошалья, им навстречу и стал подходить поближе, что бы узнать неизвестных граждан, которые не допустили сторожа пуститься бежать, он стал им кричать: «Не бегите, а то буду стрелять!» Но они не обращая внимание на предупреждающий крик сторожа продолжали убегать, после чего сторож, без прицела, сделал выстрел, но оказалось, что одного, случайные дробинки, задела по шею, который в последствии оказался гражданином Фронтовым Борисом, проживающим в пос. Рошалья, а адреса его пока сторож не знает.

Мною, объездчиком Богдановым осмотрено совместно со сторожем Васильевым, место порубки, где оказалось действительно свежая порубка в количестве 10 штук сырораствующих елок ...

¹⁷ Там же. Л. 35.

от 3 до 4 верш. Ввиду вышеизложенного препровождаю настоящий акт в отдел Местного Хозяйства для [нрзб] за самовольную порубку Фронтового [нрзб] законной ответственности»¹⁸.

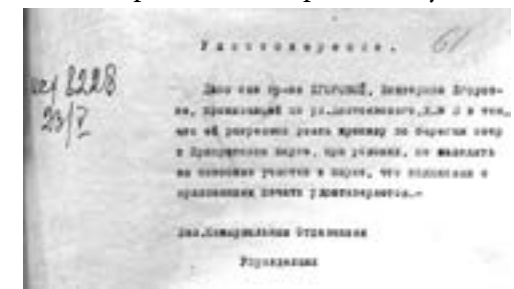
Схожий акт был составлен на гражданина Карасева с сыном 28 июля 1924 г.¹⁹ В нарсуд 1-го участка Троицкого уезда зав. ком. отделом Альберг и управделами Красимов препроводили акт, составленный 26 ноября 1923 г. объездчиком парков г. Троицка тов. Степановым, о самовольной порубке гражданином Латышевым Иосифом Васильевичем дерева в Приоратском парке 26-го сего ноября. Коммунальное отделение общего отдела Троицкого уисполкома просило привлечь И.В. Латышева к судебной ответственности²⁰.

В самовольной порубке деревьев в Гатчинском парке объездчиками были замечены не только мужчины, но и женщины. Тот же объездчик парков Богданов составил другой акт, «что при обходе вверенного мне Зверинца 22-го Ноября 1923 г. задержаны с дровами две неизвестных женщины, которые на ручных санях везли напиленные сырораствующие еловые кряжи, тому на 3 верш., при задержанных была 2-х ручная пила, много было им предложено свалить дрова и для выяснения личности следовать за мною в Милицию и отдать для вещественного доказательства пилу, на что был получен категорический отказ, а вместо всего этого, одна из женщин предъявила мне членский билет Союза Совработников за № 41282 на имя Андронниковой Анны Николаевны, проживающей по ул. Хохлова, д. № 2, а вторая назвалась ее сестрой. Ввиду вышеизложенного, препровождаю настоящий акт в Отдел Местного Хозяйства для направления

в Нар. Суд о привлечении виновных к ответственности»²¹.

Схожий акт был составлен на Надежду Станиславовну Грабовскую и Клавдию Федоровну Огурцову 27 января 1924 г.²²; на семейство Александровых 25 февраля 1924 г.²³; сторожем Василием Васильевым — на Екатерину Дмитриевну Новикову в ночь с 9 на 10 апреля 1924 г.²⁴ Однако, борясь с последствиями, невозможно было решить саму проблему. Не зря в это время глава советского государства В.И. Ленин (Ульянов) энергично искал новые технологии, образовав для этого Комподиз [Комитет по делам изобретателей. — Прим. А. Б.] и, в частности, проблему отопления в условиях, когда железные дороги не работали, предлагал решать за счет торфа и сбора шишек.

Часть граждан и организаций пыталась получить официальное разрешение воспользоваться ресурсами парка для отопления своих жилищ, что облегчало положение объездчиков и сторожей. Так, подобное разрешение на сбор сухих сучьев удалось получить детским домам. Началось все с того, что 4 июня 1923 г. ТУОМХ [Троицкий уездный отдел местного хозяйства. — Прим. А. Б.] сообщал заведующему Троицким отнаробом [отделом народного образования Троицкого уезда]:

²¹ ЦГА СПб. Ф. Р-391. Оп. 6. Д. 6. Л. 37–37 об.

²² Там же. Л. 58.

²³ Там же. Л. 42.

²⁴ Там же. Л. 65.

¹⁴ Там же. Л. 36.

¹⁵ Там же. Оп. 13. Д. 33. Л. 28.

¹⁶ Там же. Оп. 6. Д. 6. Л. 33.

¹⁸ ЦГА СПб. Ф. Р-391. Оп. 13. Д. 33. Л. 61–61 об.

¹⁹ Там же. Оп. 6. Д. 6. Л. 122–122 об.

²⁰ Там же. Л. 10.

«По донесению сторожей Приоратского парка воспитанники 1 Интерната /б. Реальное Училище/ производят в парке поломку кустов, рвут и топчут траву и пр. ТУОМХ просит поставить на вид заведывающему интернатом о недопустимости подобных явлений в будущем»²⁵.

24 июля 1923 г. в отдел местного хозяйства пришел ответ: «Отдел Народного Образования обращается с ходатайством, не будет ли признано возможным разрешить детям детских домов производить сбор сухих сучьев и хвороста на топливо в парках гор. Троцка»²⁶. В результате в бумаге за подписями заведующего коммунальным подотделом Петрова и управделами Герасимова пришло разрешение: «Отделу Народного Образования Троцкого Уезда. Коммунальный п/о Троцкого УОМХ сообщает, что Вам разрешается сбор сухих сучьев на топливо в Троцких городских парках, предварительно до начала работ получив от сего п/отдела удостоверение»²⁷.

Подобные разрешения пытались получить даже сами сотрудники парка. Например, об этом просил в своем заявлении от 17 декабря 1923 г. сторож Гурский, «проживающий в Приорацком дворце. [орфография автора сохранена. — Прим. А. Б.] Прошу коммунальный отдел местного хозяйства разрешить мне несколько дров для топки квартиры нуждающийся дровам семейное положение сем душ купить незачто за сто [так в тексте. — Прим. А. Б.] я и прошу что я присматриваю за этим участком леса около Приорацкого дворца и так и раньше я получал за ста дров в парке есть отмеченные гнилые деревья и буралом»²⁸.

²⁵ ЦГА СПб. Ф. Р-391. Оп. 13. Д. 33. Л. 14.

²⁶ Там же. Л. 51.

²⁷ Там же. Л. 50.

²⁸ Там же. Л. 12.

Сторожа не только охраняли парк от порубок деревьев, но и от незаконного выпаса скота на его территории. В мае 1923 г. появилось объявление: «Воспрещается во всех без исключения парках города Троцка пастьба скота как-то: лошадей, коз, коров, свиней и т. д., а также проезд через парки на лошадях в запряжках и автомобилях как грузовых, так и легковых. Граждане, нарушившие означенное, будут привлекаться к ответственности в административном порядке. Зав. Троцким Уотместхозом Васильев. Зав. комм. п/о Журавлев. Управделами Арикайне»²⁹.

Но через месяц по поводу незаконного выпаса возник конфликт с Военкоматом. Уже известный нам объездчик Богданов в 1923 г. составил рапорт: «...17 июня с. г. при обходе лично Зверинца было обнаружено... пастьба лошадей, принадлежащих 4 лошади Военному Комисариату и 3 лошади принадлежащие Отделу Особого Назначения... было предложено увести лошадей, как пасущиеся без всяких документов»³⁰.

В Троцкий уездвоенкомат было направлено письмо: «Троцкий Уотместхоз предлагает Вам прекратить пастьбу лошадей военкомата в Зверинце, т. к. таковой предназначен под покос. Зав. ком. п/о Журавлев»³¹.

Можно только предположить, кому было адресовано очень эмоционально составленное предписание от 30 июля 1924 г.: «Коммунальное Отделение в последний раз напоминает о необходимости твердо знать границу отведенных Вам земель для пастьбы коз, по край Зверинца /на полянке — вырубке/. Так как пастьба коз в Зверинце уже зафиксирована актом, Вам делается предостережение, что в случае, составления вторичного акта дело будет

²⁹ ЦГА СПб. Ф. Р-391. Оп. 13. Д. 33. Л. 4.

³⁰ Там же. Л. 10.

³¹ Там же. Л. 9.

направлено в Административную Комиссию, для наложения взыскания /штрафа/»³².

К порядку силами города и Дворца-Музея призывались не только военные, но и сотрудники железной дороги и электростанции. Согласно выписке из протокола заседания президиума Троцкого исполкома Ленинградской губернии от 27 мая 1924 г. было решено: «а/. Обратиться к Управлению Сев. Зап. ж. д. с указанием на необходимость содержания в культурном виде сквера, прилегающего к ст. Балтийская близ Дворца-Музея и, по возможности, восстановить забор вдоль полотна.

б/. Начальнику гарнизона принять меры к прекращению учений воинских частей и пастьбы лошадей, квартирующих в конюшенном здании, в районе между Дворцом-Музеем и железной дорогой, так как топкие луга быстро превращаются в сильные грязные пространства.

в/. Общему Отделу Уисполкома отвести рабочим и служащим электрической [так в тексте. — Прим. А. Б.] станции под огород участок возле электростанции, как прилегающий к одному из памятников архитектуры под Ленинградом — б. Гатчинскому Дворцу-Музею — надлежит содержать как парковый»³³.

Незаконным выпасом животных в парках занимались и отдельные граждане. Так, акт «о выгуле с козой» сохранился на гражданина Карасева³⁴.

Причина подобной ситуации была оглашена на заседании комиссии по установлению городских земель 24 августа 1923 г., когда т. Васильев сообщил: «необходимо выпрямление границ города с тем, что в распоряжении города нет совершенно земель под выгон скота, что вызывается крайней необходимостью»³⁵.

³² Там же. Оп. 6. Д. 8. Л. 33.

³³ ЦГА СПб. Ф. Р-391. Оп. 6. Д. 6. Л. 75.

³⁴ Там же. Д. 8. Л. 37.

³⁵ Там же. Оп. 13. Д. 38. Л. 70.

Кроме порубок и незаконных выпасов скота, парк страдал от желания жителей срезать через него свой путь. Должностные же лица и организации просили на это специальное разрешение. Так, пропуск № 7031 от 9 июня 1923 г. был выдан «члену Петроградского Губернского Исполнительного Комитета тов. Лобову в том, что ему разрешается постоянный проезд на автомобиле по парку в гор. Троцке, что и удостоверяется. Зав. УОМХ Васильев. Управделами Исаев»³⁶.

А вот Троцкому Продмагазину повезло меньше. 12 сентября 1924 г. «коммунальное отделение общего отдела Троцкого УИКа в ответ на Ваше отношение за № 1938 настоящим сообщает, что проезд через парки, сады и зверинец — ЗАКРЫТ РАСПОРЯЖЕНИЕМ УИКа, и Коммунальное отделение выдать разрешение не может. Зав. ком. отделом Альберг. Управделами Герасимов»³⁷.

Парки использовались и для спортивно-воспитательных целей, причем разрешение на это опять же просили не в управлении Дворца-Музея. Например, в отдел местного хозяйства 14 июля 1923 г. поступила просьба Троцкого уездного комитета РКСМ [Российского комитета советской молодежи. — Прим. А. Б.] «предоставить спорт-площадку для коллектива РКСМ ст. Троцк-Товарная, находящуюся в Приоратском парке, в районе Товарной станции около будки Якобсона. Отсек [ответственный секретарь. — Прим. А. Б.] уездкома /Жданов/. Управделами уездкома /Шкляревский/»³⁸.

Таким образом, горожане относились к бывшим императорским паркам не как к исторической ценности, а как к средству решения своих витальных проблем.

³⁶ ЦГА СПб. Ф. Р-391. Оп. 13. Д. 33. Л. 15.

³⁷ Там же. Оп. 6. Д. 6. Л. 105.

³⁸ Там же. Оп. 13. Д. 33. Л. 58.

ДЕТСКАЯ ПОЛИКЛИНИКА НА УЛИЦЕ ХОХЛОВА (БЫВШЕЙ БЕРЕЗОВОЙ)

Владислав Кислов

Вплоть до 1936 года на этом месте стоял деревянный дом. По моим данным, первые жильцы в нем зарегистрированы в 1909 году. Поскольку вплоть до 1917 года жильцами этими были отставной контр-адмирал Модест Михайлович Дубровин (1829–1918 гг.) и его жена Ираида Ефимовна Дубровина, можно предположить, что дом был совсем небольшим. О Дубровине и годах, проведенных им в нашем городе, рассказывается в очерке на моем сайте в интернете. Здесь привожу небольшой фрагмент этого очерка:

«31 января 1894 года капитан 1-го ранга М.М. Дубровин был уволен от службы с чином контр-адмирала, пенсией и мундиром. Наконец-то у него появилось время заняться семейными делами. Жену Модеста Михайловича звали Мария Паулина Карловна. Она была вдовой капитана 2-го ранга Евгения Гестеско. От первого брака у нее было три сына: Карл Евгеньевич Гестеско (1865–1941), Евгений Евгеньевич Гестеско (1868–1917) и Николай Евгеньевич Гестеско (1870–1928). Все они стали морскими офицерами.

Выйдя в отставку, Дубровин с супругой проживали в Кронштадте, где, кстати, жили и пасынки Модеста Николаевича. В 1901 году Дубровины переехали в Петербург. В 1909 году в Адресной книге Петербурга зарегистрирована вторая жена отставного контр-адмирала Модеста Дубровина. Звали ее Ираида Ефимовна. Что случилось с первой женой Дубровина, мне не известно.

В 1910 году супруги Модест и Ираида Дубровины наняли квартиру в доме № 17 на Багговутовской улице в Гатчине. Участок, где располагался этот дом, выходил на три улицы — Багговутовскую, Александровскую и Ксенинскую, причем на каждой из этих улиц дом мог числиться под другим номером. Пусть вас это не смущает: всё это был фактически один и тот же дом. Когда Дубровины поселились в этом доме, они заняли помещения во флигеле, стоящем на углу улиц Ксенинской и Александровской. Теперь этого дома уже давно нет. Обращаю ваше внимание на тот факт, что в доме № 17 и в стоящем по соседству с ним доме № 15 в конце XIX — начале XX века проживали три адмирала: Гаупт, Сильман и Дубровин...».

Как теперь выяснилось, Дубровины жили в доме № 17 на Багговутовской улице недолго, не более полутора лет, а главным местом их проживания в нашем городе был дом № 11 на улице

Березовой, которую в мае 1913 года переименовали в Гернетовскую, а в советское время — в улицу Хохлова. В доме на Гернетовской Дубровины встретили 1917 год, перевернувший всю жизнь Российской империи. Февральскую революцию, крушение монархии и воцарение большевиков отставной контр-адмирал Модест Дубровин тоже пережил, а вот вкусить «прелести» новой власти ему не довелось: адмирал умер 28 октября 1918 года, как раз в дни празднования первой годовщины Октября. Ираида Ефимовна Дубровина проживала в доме на бывшей Березовой улице вплоть до своей кончины, наступившей в конце 1920-х годов. Супруги Дубровины упокоились на городском кладбище Гатчины.

После кончины И.Е. Дубровиной дом сменил владельца. 15 июня 1941 года, ровно за неделю до начала Великой Отечественной войны, в газете «Красногвардейская правда» появилось объявление о продаже дома № 11 на улице Хохлова. Из объявления мы узнаем,

СРОЧНО ПРОДАЕТСЯ дом 90 кв. метров полезной площади, без жильцов. Имеется электричество и водопровод. Гор. Красногвардейск, ул. Хохлова, 11 — Калинин.

что дом был, оказывается, не такой уж маленький, либо имел несколько флигелей. Объявление дал некий Калинин. Вероятно, он был тогдашним владельцем дома. А еще выясняется, что дом уцелел при строительстве, шедшем на этом участке с 1936 года.

Новые детские ясли

В середине 1930-х годов в Гатчине (Красногвардейске) началось строительство жилых и общественных зданий. Особое внимание уделялось

**ПОСТРОЙКА НОВЫХ
ДЕТСКИХ ЯСЛЕЙ**
Новым законом о запрещении абортов, о помощи многодетным, предусмотрено расширение сети детских яслей и других учреждений по охране материнства и младенчества. В порядке исполнения этого пункта нового закона, райздравотдел начинает постройку новых яслей. В Красногвардейске, по ул. Хохлова, будет построен двухэтажный каменный дом-ясли на 80 человек. Началась постройка дема для детских яслей на 36 детей в совхозе „Сиверское“. Такие же ясли к 1 декабря будут построены в совхозе „Дружнесселье“. **АРБОНЕ,** зам. зав. райздравотдела

созданию учреждений для детей, школьным и культурным объектам.

В те годы, впервые после Революции и Гражданской войны, в нашем городе были построены несколько больших каменных зданий, в том числе Дом культуры. Новое здание появилось тогда и на улице Хохлова. Городская газета в номере от 5 сентября 1936 года сообщила о начале строительства новых детских яслей на этой улице.

Сведений о довоенной работе детских яслей мне найти не удалось. Но здание получилось красивым и вместительным. Об этом свидетельствует немецкий снимок 1942 или 1943 года. Оккупанты, войдя в сентябре 1941 года

в Красногвардейск (Гатчину), заняли несколько каменных зданий под лазареты для раненых. В главном здании бывшей Городской больницы (ныне там размещается Городская администрация) был устроен госпиталь для раненых немецких офицеров. В здании бывших детских яслей на улице Хохлова — полевой лазарет для немецких солдат. Поблизости от этих зданий, а также на находящемся неподалеку от Березовых ворот участке парка, были устроены кладбища. Ныне кладбища ликвидированы, и теперь ничто, кроме сохранившихся старых фотографий, не напоминает здесь о войне.

Во время боев за освобождение Гатчины здание сильно пострадало. Немало лет оно лежало в развалинах. Но подошла и его очередь на восстановление...

Родильный дом и женская консультация

4 марта 1953 года «Гатчинская правда» сообщила о начале строительства родильного дома.

Вначале все шло хорошо. Стройка началась. Были разобраны завалы мусора и начаты кое-какие работы внутри здания. В начале сентября того же года стены основного здания полностью отремонтировали, можно было, казалось начинать крыть кровлю. Однако сделать это сразу не удалось по

причине нехватки рабочих и несвоевременной поставки материалов.

К примеру, корреспонденты газеты, побывав 11 сентября на объекте, обнаружили там всего одного плотника, который, к тому же, трудился не на постройке крыши главного здания, а исправлял недоделки, допущенные при установке оконных рам. Кроме того, оказалось, что в главном здании ещё нет полов. Бревна для этого насланы, а вот самих полов нет. В других строениях будущего родильного дома работы тоже шли ни шатко ни валко. Завезенные заранее трубы для канализации так и валялись во дворе.

Корреспондентская бригада так и не смогла тогда обнаружить на стройке руководителя работ — прораба. За разъяснением корреспонденты отправились в контору прорабского участка треста «Ленстрой» № 3. Но в конторе, которая находилась на улице Карла Маркса рядом с отделением связи (дом № 27), им никого не удалось найти. Более того, сама контора оказалась на замке.

В общем, не везло тогда Гатчине с этой стройкой. Нерадивость строителей и в дальнейшем серьезно замедляла работы на таком нужном для города объекте. Как видим, иногда даже суровые нравы того времени не давали нужного результата. Строительство недопустимо затягивалось. И длилось

это целых три года. Как писала «Гатчинская правда»: «За это время можно было не только восстановить, но и построить не один такой дом». Кстати, в своих книгах я неоднократно приводил примеры оперативного, быстрого и качественного восстановления разрушенных войной зданий в Гатчине. Но это был не тот случай.

К 1944 году здание бывшего лазарета в здании бывшей городской администрации было восстановлено. В здании находилась редакция газеты «Гатчинская правда». Родильный дом строился в здании бывшей городской администрации. В здании находилась редакция газеты «Гатчинская правда».

Восстановление будущего здания родильного дома по-настоящему началось лишь летом 1955 года, когда, после серьезного обсуждения на сессии Городского совета всех проблем со строительством этого учреждения, работы наконец-то оживились. Но и в этот раз казалось, что родильный дом не будет готов и к 1956 году.

Однако в конце октября 1955 года бывшее здание детских яслей на улице Хохлова было восстановлено и принято в эксплуатацию. Об этом 29 октября

того года сообщила газета «Гатчинская правда».

Несколько десятилетий родильный дом исправно работал в этом здании. Здесь появилось на свет не одно поколение гатчинцев. Здесь родилась моя старшая дочь.

В конце 1960-х годов родильный дом переехал в здание бывшего детского сада на улице Карла Маркса (теперь в этом здании располагается Сбербанк). Там родилась моя младшая дочь. А в здании на улице Хохлова вскоре переехала детская поликлиника. Бывая там по службе (в то время я работал главным врачом Гатчинского Дома санитарного просвещения), я обнаружил на стене выступа на левом торце здания (незначительная часть этого выступа видна на снимке) аккуратную надпись на немецком языке, сделанную крупным готическим шрифтом. Это были следы пребывания здесь немецкого полевого лазарета в 1941–1944 годах. Жаль, что я не записал тогда содержание надписи и не сфотографировал ее.

В конце XX века в здании некоторое время размещалась редакция газеты «Гатчинская правда». Позднее редакция разместилась на первом этаже современного здания, располагающегося дальше по улице Хохлова.

Несколько лет назад территорию вокруг детской поликлиники привели в относительный порядок.

«КАТАЛОГ КОЛЛЕКЦИИ ДРЕВНИХ НАДПИСЕЙ МУЗЕЯ ВЕРОНЫ» (Верона, 1749) С ПОМЕТАМИ И.В. ПОМЯЛОВСКОГО из собрания Гатчинского дворца-музея

Ирина Хухка

До Великой Отечественной войны в Гатчинском дворце, помимо исторических библиотек, к которым принадлежали книжные коллекции императора Павла I и императрицы Марии Федоровны, книги императора Александра III и его детей, была еще и научно-вспомогательная библиотека. Сформирована она была после революции, а ее основу составили периодические издания Александра III. В 20–30-е годы XX века это собрание постоянно пополнялось благодаря стараниям и усилиям В. К. Макарова, С. Н. Балаевой и других сотрудников. Здесь были издания из личных библиотек (А. П. Николаи, Г. Д. Шервашидзе, А. А. Мордвинова), бывших дворянских усадеб (Орлино, Дружноселье), Гатчинского Николаевского Сиротского института, библиотеки лейб-гвардии Кирасирского Ея Величества полка¹. Так как описи данного собрания пока нам недоступны (временно хранятся в ГМЗ «Павловск»), то важным источником информации становятся книжные знаки (экслибрисы, суперэкслибрисы, ярлыки, печати, штампы), а также всевозможные пометы и маргиналии. Иногда записи на книге могут не только дать информацию о ее владельце, но и открыть малоизучен-

ные страницы, неизвестные факты, касающиеся, например, краеведения.

В фонде редкой книги Государственного музея-заповедника «Гатчина» хранится интересное издание «Museum Veronense hoc est antiquarum inscriptionum atque anaglyphorum collectio» (Veronae, 1749)². Ее автор — Маркиз Шипионе Маффеи (1675–1755) — итальянский поэт, археолог и искусствовед, автор многочисленных статей и театральных пьес. Как археолог он стал основателем в 1714 году веронского музея-лапидария, названного его именем. В книге гравированный фронтиспис, 35 гравированных иллюстраций на отдельных листах, выполненных гравером Франческо Цукки по рисункам нескольких художников, в том числе Джамбеттино Чиньяроли.

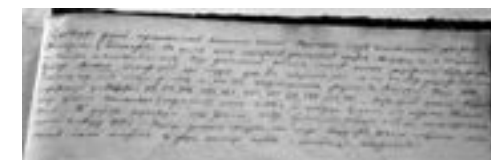

² «Каталог коллекции древних надписей музея Вероны». Верона, 1749.

На свободном листе нижнего форзаца есть запись, сделанная чернилами: «Существует другой нумерованный каталог надписей Веронского музея, составленный аббатом Томазелли (Tomaselli). В нем есть некоторые дополнения против Маффеи, но в общем он вполне несамостоятелен. Из дополнений весьма многие надписи утратились безвозвратно. Кустоде Апонело (?), находящийся при музее уже 11 лет говорит, что на его памяти утратилась лишь 1 надпись, остальные исчезли до него и, по его предположению, увезены в Англию (?). Вот №№№, недостающие у Маффеи: 138, 158, 246, 449, 463, 473, 487, 491, 542, 561, 565. Известная надпись Катулла над гробом мною в 1870 г. не найдены. Ее нет и в каталоге Томазелли. По доброту директора мне удалось снять бумажные слепки с более замечательных надписей в августе 1870 г. Вообще должно сказать, что музей содержится крайне небрежно: многие хорошие надписи находятся во дворе жилища...и пропадают.....». На свободном листе верхнего форзаца записи, сделанные карандашом: «Milano 1870/ VIII 17/29....Giovanni Romialowsky». [В цитате сохранены орфография и пунктуация исходного документа. — Прим. автора].

Таким образом, удалось узнать, что книга принадлежала Ивану Васильевичу Помяловскому — филологу-клас-

сику, археологу, заслуженному профессору, декану историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. В 1869–1871 гг. он был в заграничной командировке в Германии и в Италии, где в частных коллекциях и государственных музеях изучал, собирал и копировал древнеиталийские надписи. Результатом этой поездки стала докторская диссертация «Эпиграфические этюды», где было собрано более чем 3000 надписей, а исследования касались древне-латинских магических наговоров и римских колумбариев³.

В отделе рукописей РНБ хранится большой личный архив И. В. Помяловского, насчитывающий 5889 единиц хранения. Просматривая дела этого фонда, удалось узнать, что И. В. Помяловский был тесно связан с Гатчиной: на протяжении многих лет он владел несколькими домами на Люцевской улице⁴, где жил в летний период⁵, уча-

³ Соснина Е.Б. Вклад И.В. Помяловского и И.В. Цветаева в развитие латинской эпиграфики // МНЕМОН. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 6. СПб., 2007.

⁴ Ныне улица Чкалова

⁵ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 181. С. 3–6; Ф. 608 Оп. 1. Д. 19. С. 6–12; Ф. 608 Оп. 1. Д. 21. С. 1–2.

¹ Семенов В.А. Библиотеки Гатчинского дворца // Гатчина. Императорский дворец. Третье столетие истории. Сб. СПб., 1994. С. 419.

ствовал в общественной жизни города, постоянно переписывался с давним другом Николаем Милиевичем Аничковым⁶.

Н. М. Аничков, товарищ министра народного просвещения, также как и И. В. Помяловский, был выпускником 3-ей Санкт-Петербургской гимназии, а затем историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. Их всю жизнь тесным образом связывали учебные дела по университету, а также активная деятельность в Русском археологическом и Палестинском обществах. На протяжении многих лет они общались по разным вопросам, поддерживали друг друга, ходили к друг другу в гости, тем более что у обоих были дачи в Гатчине. В 1869 году семья Н. М. Аничкова купила большой участок земли в Гатчине, который располагался вдоль улицы Константиновской⁷ — от Николаевской⁸ до Александровской⁹.

⁶ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 445.

⁷ Ныне улица Радищева.

⁸ Ныне улица Урицкого.

⁹ Ныне улица Володарского.

На протяжении 1890–1916 гг. Николай Милиевич неоднократно бывал здесь в летние месяцы. В 1901 году жители Гатчины, благодарные ему за «труды по развитию детского призрения в городе, а также учреждению Реального училища», ходатайствовали о присвоении Н. М. Аничкову звания почетного гражданина города Гатчины, что и было сделано императором Николаем II 14 апреля 1901 года¹⁰. В архиве И. В. Помяловского хранятся также письма, адресованные ему от управляющего Гатчинским дворцом Милия Милиевича Аничкова¹¹ и от заведующего хозяйственной частью императорской охоты в Гатчине Николая Ивановича Кутепова. Из писем последнего стало известно, что И. В. Помяловский написал отзыв на его книгу «Царская охота», за что автор труда был очень благодарен.

Таким образом, записи на полях кни-

¹⁰ Николаев В. И. За труды на пользу города. Почетные граждане города Гатчины и Ленинградской области. Гатчина, 2010. С. 30–33.

¹¹ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 521.

ги Маркиза Шипионе Маффеи помогли приоткрыть интересную страницу в истории Гатчины. Точно неизвестно, в каком году это издание поступило в Гатчинский дворец. Имеющиеся в нем книжные знаки — овальный штамп Гатчинского дворца с Мальтийским крестом и овальный штамп библиотеки Гатчинского дворца-музея 1938 года — свидетельствуют о том, что в 20–30-е гг. вплоть до Великой Отечественной войны книга хранилась во дворце в научно-вспомогательной библиотеке.

Гатчине

Нина Жильцова

Я люблю этих улиц зелёных
обжитой и домашний вид,
и высокий тот храм на Соборной,
что как будто бы в душу глядит.
Тишину и патриархальность,
и уклад весь усадебный этот,
парков пышных её бескрайность,
и степенность её, и щедрость,
всю её широту и приветливость
и распахнутость эту для зрения,
весён буйных её цветение,
утопающих в море сиреневом.
И просторные парков аллеи,
и озёрный её Приорат,
и истории зыбкие тени,
что за каждым фасадом стоят.
Ты для счастья была предназначена,
жаль расстаться пришлось нам впоследствии,
моя тихая кроткая Гатчина,
с силой яростной вросшая в сердце.

Моему поколению семидесятых

Ирма Пеннонен

Мы еще никуда не уходим,
Нам рожок не пропел за чертой,
И тележку с букетом мелодий,
Не печалься, везём за собой!
Мы ещё ничего не забыли:
Трепет пламени и полувздох...
Как гитары по кругу ходили!
В кружках с чаем — иголки и мох...
Мы уже рассчитаться не сможем,
Чтобы все к перекличке пришли.
Нас потери не сделали строже,
Лишь морщинки у глаз пролегли,
Мы смогли перейти через время,
Вдруг наш век оказался чужим.
Наше пылкое, чуткое племя,
Никогда ты не станешь другим!
Наши судьбы читаются хором,
Мы умеем продолжить строку.
Если дружит разлука с минором,
То мажор припадёт к роднику.
Наши мальчики знают Декарта,
Окуджаву девочки поют,
И туристские старые карты
Никому никогда не солгут.
Мы ещё никуда не уходим,
Нам рожок не пропел за чертой,
И тележку с букетом мелодий,
Не печалься, везём за собой.
Нам бы все-таки за руки взяться,
То, что мы далеки, не беда.
Нам бы вместе на карточку сняться
И остаться на ней навсегда!

ИМЕНА В ИСТОРИИ

*Родное — я помню немало родных
и лиц, и предметов... Но сколько?*

Белла Ахмадулина

АННА МИХАЙЛОВНА ДАШЕНКО (1905–1980)

Владислав Кислов

Замечательный гатчинский врач-хирург. В первый же день Великой Отечественной войны, 22 июня 1941 года, была призвана в Красную армию. В качестве врача 20-го медико-санитарного батальона 177-ой стрелковой дивизии ей довелось участвовать в обороне Луги. Попав в плен, Дашенко была направлена немцами в концлагерь для военнопленных в Гатчине.

Вскоре немцы узнали о том, что пленный врач-хирург А.М. Дашенко даже в жутких условиях концлагеря, практически без хирургических инструментов, подручными средствами вылечила нескольких заключенных от достаточно сложных ранений и заболеваний.

Поэтому, когда в немецкий госпиталь для офицеров поступил тяжело раненный высокий чин оккупационной власти, немцы привлекли к его лечению Дашенко. И раненый выздоровел. В награду за это немцы сделали ее врачом городской больницы. Напомню, что во время оккупации в нашем городе продолжали действовать две больницы для жителей: городская и инфекционная. Но это было вызвано отнюдь не желанием оккупационных властей оказать медицинскую помощь горожанам, а всего лишь средством обезопасить себя, в первую очередь, от эпидемий.

Дашенко, став врачом городской больницы, вошла в состав подпольной организации медиков, спасла многих гатчинцев от угона в Германию.

После войны Анна Михайловна долгие годы трудилась в здравоохранении Гатчины. В городской газете «Гатчинская правда» регулярно появлялись благодарственные письма в адрес замечательного хирурга. Привожу такое письмо от 5 января 1946 года.

Благодарность хирургу
Группа больных, находящихся на излечении в Гатчинской больнице, прислала в редакцию газеты коллективное письмо с выражением благодарности врачу-хирургу Анне Михайловне Дашенко за чуткое отношение к ним.
„Анна Михайловна чутко, с чисто-материнской заботой относится к каждому больному, — пишут пациентки больницы т. т. Беляева, Григорьева, Арсеньева, Люцко и другие. — Особенно внимательно следит она за больными, которым произведены операции. Несмотря на большую перегруженность, хирург всегда находит время, чтобы справиться о состоянии здоровья каждого больного.“
В заключение своего письма больные желают тов. Дашенко самой плодотворной работы в новом 1946 году.

Анна Михайловна являла собой редкий образ идеального врача, всю свою жизнь и все свои помыслы посвятившего исключительно оказанию помощи больным людям, жертвующего ради этого личной жизнью и материальными выгодами, славой и наградами. И эти свои качества она пронесла через ужасы и невзгоды тяжелейших первых месяцев Великой Отечественной войны, фашистского плена, антифашистского подполья и тяжелейшего труда первых лет восстановления Гатчины.

Недавно Владимир Зорохович, потомок замечательных гатчинских врачей — Иды Оскаровны Пальза (1901–1983) и Сергея Исааковича Зороховича (1894–1959) — любезно прислал мне фотографию Анны Михайловны Дашенко.

Мне посчастливилось служить в системе Гатчинской Центральной районной больницы в те годы, когда там трудилась А.М. Дашенко. А вот пообщаться, услышать лично от нее рассказ

Хирурги Гатчинской ЦРБ А.М. Дашенко и Семёнова
о годах оккупации Гатчины и деятельности группы местных медиков-подпольщиков, к сожалению, не довелось.

Поклониться праху замечательной женщины-врача А.М. Дашенко можно на кладбище Гатчины. Могила находится недалеко от главного входа, рядом с церковью Всех Святых.

Фото Галины Пунтусовой. 2007

БОЛЬШАЯ ЛОВИТВА ВЛАДИМИРА НАБОКОВА

Юлия Лысанюк

Страсти по Набокову

Об увлечении Владимира Набокова бабочками знают все. И в музее-усадьбе «Рождествено», и в доме-музее Набокова в Санкт-Петербурге есть замечательные коллекции бабочек, которые привлекали внимание будущего писателя в его родных местах.

Начало этого увлечения и отношение писателя к бабочкам очень подробно описаны в его автобиографической книге «Другие берега». Научные труды Набокова в области лепидоптерологии хорошо известны в мире учёных. Набокову принадлежит несколько серьёзных научных открытий, которые вошли в историю зоологии.

Литература и лепидоптерология стали для Владимира Набокова двумя точками притяжения для всей его жизни. И сама жизнь доказала, что одна из этих «точек» явно перевешивает другую. Как ни странно, это оказалась именно его страсть к бабочкам. Слово «страсть» здесь вполне уместно, тем более, что сам Набоков называл это своё увлечение «страстью, болезнью», временами думая о нём, как о «настоящей мании».

И действительно, это был страстный интерес всей его жизни. Он зародился за восемь лет до того, как Набоков начал сочинять свои первые стихи, с его первого махаона в Выре. Этот интерес не закончился и в его семьдесят шесть лет, когда он поймал свою последнюю чернушку эрифилу в швейцарском Давосе...

Владимир Набоков.
Фото Вальтер Мори (Walter Mori), 1973 г.

«Есть солнце — будут и бабочки»

Первая бабочка Набокова впервые появляется в его автобиографической книге «Другие берега», в самом начале шестой главы. На тот момент главному герою этой книги шёл седьмой год:

«Сыздетства утренний блеск в окне говорил мне одно, и только одно: есть солнце — будут и бабочки... На персидской сирени у веранды флигеля я увидел первого своего махаона — до сих пор аоническое обаяние этих голых гласных наполняет меня каким-то восторженным гулом!»

Великолепное, бледно-желтое животное в черных и синих ступенчатых пятнах, с попугаячьим глазком над каждой из парных черно-палевых шпор, свешивалось с наклоненной малиново-лиловой грозди и, упиваясь ею, все время судорожно хлопало своими громадными крыльями. Я стонал от желанья...» (В. Набоков, «Другие берега»)

Этот махаон, которого юный Набоков поймал и запер на ночь в шкаф, чтобы утром усыпить, сумел освободиться, улететь прочь и, соответственно, выжить. Маленький Володя тяжело переживал эту потерю, ещё не зная, что эта бледно-жёлтая бабочка вернётся к нему спустя сорок лет:

«...Когда на другое утро Mademoiselle отперла шкаф, чтобы взять что-то, бабочка, с мощным шорохом, вылетела ей в лицо, затем устремилась к растворенному окну, и вот, ныряя и рея, уже стала превращаться в золотую точку, и все продолжала лететь на восток, над тайгой и тундрой, на Володуду, Вятку и Пермь, а там — за суровый Урал, через Якутск и Верхнеколымск, а из Верхнеколымска — где она потеряла одну шпору — к прекрасному острову Св. Лаврентия, и через Аляску на Доусон, и на юг, вдоль Скалистых Гор, где наконец, после сорокалетней погони, я настиг ее и ударом рамнетки «сбрил» с ярко-желтого одуванчика, вместе с одуванчиком, в ярко-зеленой роще, вместе с рощей, высоко над Боулдером...» (В. Набоков, «Другие берега»).

Володя Набоков. Фото Карл Булла, 1907

Искусство, наука, магия?

Чувствовать призвание к чему-либо — это счастье. Чувствовать призвание сразу к двум, несовместимым, на первый взгляд, вещам — что это? Двойное счастье или всё же кара небесная?

С 1941 по 1948 год Владимир Набоков проработал профессиональным лепидоптеристом в Гарвардском музее сравнительной зоологии. Позднее он называл эти годы самыми радостными и волнующими за всю его взрослую жизнь. И вряд ли он имел ввиду свою литературную деятельность, хотя именно в эти годы им были написаны два первых «английских» романа («Истинная жизнь Себастьяна Найта» (1941) и «Под знаком незаконнорождённых» (1947)), создан и опубликован сборник рассказов «Девять историй» (1947).

В Гарварде Владимир Владимирович занимался таксономией — наверное,

Молодой Набоков

самой неромантической из всех наук, которая позволяла рассортировать, разложить «по полочкам» всё многообразие земной жизни. Бесстрастно препарировав насекомых, он по мельчайшим физическим признакам устанавливал различия между ними, отводя каждому из них своё место в общей классификации.

Исследователи Курт Джонсон и Стив Коутс в книге «Голубянки Набокова» рассказывают, что это сухое, скучное занятие настолько захватывало Владимира Владимировича, что он забывал о литературной деятельности. Его жена Вера вспоминала, как однажды ей пришлось строго напомнить мужу, что у него есть и другие обязательства. С досадливым «ах, да!» Набоков из-под кипы статей о бабочках вытащил рукопись неоконченного романа...

В 2001 году немецкий автор, переводчик, историк литературы Дитер Циммер создал уникальный электронный «Путеводитель по миру бабочек В. Набокова», в котором перечислены и идентифицированы все бабочки, непосредственно или косвенно упоминаемые в произведениях Набокова. Страсть Набокова Циммер описывает как редкостный случай истинного взаимодействия между искусством и наукой.

Как же всё-таки умещались в одном человеке две такие разные «страсти» — литература и наука? И действительно ли они противоречат одна другой? Всё возможно для гения, а Набоков всё же был гением...

Можно предположить, что лепидоптерология служила Набокову, с одной стороны, неиссякаемым источником знаний об окружающем мире, о природе. Для него интерес к естествознанию являлся неотъемлемой частью культурного и здорового ума — гибкого, чуткого и восприимчивого к обыкновенным чудесам сего мира. С другой стороны, наука о бабочках стала для Набокова главным методом и инструментом познания этого мира, своего рода «консервным ножом» для вскрытия его сути.

Традиционный научный подход и художественная литература — что в них общего? А общее есть, если говорить о художественных произведениях именно Набокова. Холодное наблюдение и пристальное вглядывание, как сквозь увеличительное стекло или микроскоп, педантизм и склонность к сравнениям,

Набоков с бабочкой

Рисунок Владимира Набокова

отвержение сентиментальности, банальности и простых решений, вкус ко всему сложному и уникальному — вот вещи, по которым мы узнаём и Набокова-учёного, и Набокова-литератора.

Подход к бабочке, к слову, к сюжету

у него один и тот же: это своего рода препарация явления, холодный, иногда до изморози по коже, взгляд, та же сухость и жажда точности.

Набоков — натуралист, обладающий пристальным взглядом и способностью очень глубоко чувствовать. Он был человеком глубоких знаний, который понимал, как сложить из этих знаний точную картину мира или события. По крайней мере, он понимал, что одних знаний недостаточно, как недостаточно и одной чувственности. Человек, обладающий одновременно глубокими знаниями и пониманием, способен воспринимать очень многое, пропуская всё через себя, через свои глубины, воссоздавая в итоге новые смыслы и очень убедительные новые картины мира.

В окрестностях Монтрё 1965 г. Фото Horst Tappet

Бабочка — символ или метафора?

Некоторые исследователи Набокова рассматривали бабочек в его текстах в качестве символа, благо сложившаяся тысячелетиями и веками традиция создаёт благодатную почву для этого.

Набоковских бабочек связывают и с античным образом души (*психе*), и с образом смерти или бессмертия, существующим в некоторых культурах. Жизненный цикл бабочки, или *метаморфоз*, — великолепная метафора превращения и преобразования. В христианстве стадии развития бабочки (яйцо — гусеница — кокон — бабочка) олицетворяют жизнь, смерть и воскресение.

Действительно, есть искушение рассматривать бабочек в произведениях Набокова с точки зрения символики. Но известно, что Набоков не дружил с символами вообще. Он просто презирал их. Он мог говорить об эмблемах или о своеобразных метафорах, не вкладывая в свои образы символический смысл.

«То, что в некоторых случаях бабочка символизирует что-то (например, Психе) лежит совершенно вне моей области интересов», — сказал он однажды интервьюеру. В литературных бабочках Набокова не стоит искать символический смысл. Зато можно проследить, как по мере повествования рождается и развивается очередная удивительная метафора.

У Набокова есть один замечательный рассказ — «Рождество». В нём рассказывается о человеке, у которого умер сын, и который собирается покончить с собой. Под Рождество Слепцов приезжает в своё родовое поместье, заходит в промерзший насквозь дом, проходит в свой кабинет, который пытается согреть слуга... Вот он садится за письменный стол, вот он достаёт и

кладёт рядом с собой револьвер.

Но этот револьвер так и не выстреливает. Горестный внутренний монолог Слепцова прерывается на слове «смерть», потому что именно в этот момент на свет из кокона появляется бабочка индийского шелкопряда — из старой коллекции его умершего сына.

Появление этой бабочки — не символ, но метафора воскресения. Метафора, процесс развития и становление которой происходили на наших глазах. И сама эта бабочка — не символ. Это просто мотылёк, который только что, опять-таки на наших глазах, пережил одну из стадий биологического метаморфоза.

И в этом — чистая, беспримесная, «без дураков» и оптического обмана, магия. Магия слова, магия природы, магия объединившего их мастера...

Бабочки на языке

Литературный язык Набокова завораживает. Вы можете корчиться от холода, читая какой-нибудь его рассказ, но вы так или иначе находитесь под магией этого языка. Но чем-же изначально был так заворожён сам Набоков, чтобы этот язык сложился?

Давайте попробуем представить себе мальчика, укрывшегося в отцовской библиотеке с томами уникальных зоологических изданий. Что это были за издания? Книги немецкой художницы и энтомолога XVII века Марии Сибиллы Мериан, найденные им на чердаке родового имения в Выре, англоязычные иллюстрированные справочники и энциклопедии по насекомым.

Конечно, английский язык никакой сложности для Владимира не представлял. Но там же была ещё латынь! И вот тут-то начинается самое прекрасное...

Впервые латинские названия многим

бабочкам дал ещё Карл Линней в своем труде «Система природы», выпущенном в 1758 году. Давайте попробуем послушаться в их имена:

Pieris brassicae (капустница)
Gonepteryx rhamni (лимонница)
Aporia crataegi (боярышница)
Vanessa Atalanta (адмирал)

Saturnia pyri (павлиний глаз)
Parnassius phoebus golovinus (аполлон)
Sphinx ligustri (бражник сиреневый)
Boloria euphrosyne (перламутровка)
Lycaeides samuelis (голубянка)
Parnassius mnemosyne (мнемозина или черный аполлон)
Nymphalis antiopa (траурница)

Кстати, траурница описана Набоковым гекзаметром:

*Бархатно-черная, с теплым отливом сливы созревшей,
вот распахнулась она; сквозь этот бархат живой
сладостно светится ряд васильково-лазоревых зерен
вдоль круговой бахромы, желтой, как зыбкая рожь.
Села на ствол, и дышат зубчатые нежные крылья,
то припадая к коре, то обращаясь к лучам...
О, как ликуют они, как мерцают божественно! Скажешь:
голубокая ночь в раме двух палевых зорь.
Здравствуй, о, здравствуй, греза березовой северной рощи!
Трепет, и смех, и любовь юности вечной моей.
Да, я узнаю тебя в Серафиме при дивном свиданье,
крылья узнаю твои, этот священный узор.*
(1917–1922)

«Мы — гусеницы ангелов»

Если сравнивать с литературой, бабочки вошли в жизнь Набокова первыми и ушли они из неё последними. Когда писатель наконец-то смог выбрать место для постоянного жительства, он перебрался в Швейцарию (1961 год). И связано это было, в первую очередь, с доступными альпийскими лугами, на которых водилось великое множество самых разнообразных видов бабочек.

В «Других берегах» Набоков писал:

«...Любой уголок земли, где я могу быть в обществе бабочек и кормовых их растений. Вот это — блаженство, и за блаженством этим есть нечто, не совсем поддающееся определению. Это вроде какой-то мгновенной физической пустоты, куда устремляется, чтобы заполнить её, всё, что я люблю в мире».

В 1972 году Набоков пишет, перефразируя Гумилева:

*... И умру я не в летней беседке
От обжорства и от жары,
А с небесною бабочкой в сетке
На вершине дикой горы.*

Эти слова оказались пророческими. Летом 1975 года Владимир Набоков споткнулся и неудачно упал во время охоты на бабочек. Произошло это на крутом склоне в Давосе. Туристы, которые проезжали над ним на фуникулере, не поняли, что писатель попал в беду. Он размахивал руками и просил о помощи, а зеваки хохотали и посылали ему приветствия. Набоков провёл на земле много часов, прежде чем пришла помощь.

Владимир Набоков умер 2 июля 1977 года в больнице в Лозанне, и, как считали его близкие, причиной смертельной болезни, скорее всего, стало это падение.

*Нет, бытие — не зыбкая загадка!
Подлунный дол и ясен и росист,
Мы — гусеницы ангелов; и сладко
Вгрызаться с краю в нежный лист.
Рядись в шипы, ползи, сгибайся, крепни,
И чем жадней твой ход зеленый был,
Тем бархатистей и великолепней
Хвосты освобожденных крыл.*

В. Набоков, 1923 год

Нам важно вернуться

Лариса Зими́на

В.Ж.

Нам важно вернуться туда, где начало
Жизни, как водится, не простой.
Судьба нас крестила, судьба нас венчала,
И не было жизни у нас запасной.

Мы уезжали, мы улетали
В другие страны и города...
Но кем бы мы были и кем бы мы стали,
Если б не знали родного гнезда.

ВОЙНЫ И ПАМЯТИ ПРИКАЗ...

*Замок временем скрыт и укутан, укрыт
В нежный плед из зелёных побегов,
Но развяжет язык молчаливый гранит —
И холодное прошлое заговорит
О походах, боях и победах.*

Владимир Высоцкий

80-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ И ОБОРОНЫ КРАСНОГВАРДЕЙСКОГО УКРЕПРАЙОНА

Светлана Оболенская, Николай Голисева

С первых же дней Великой Отечественной войны в Ленинграде стали создавать Армию народного ополчения по примеру 1612 и 1812 годов, когда против захватчиков родной земли шли сражаться простые люди, мирные труженики. И эти дивизии народного ополчения воевали не менее эффективно, чем кадровые дивизии РККА. Это было обеспечено высоким моральным духом бойцов — ведь все они были добровольцами и шли в бой с врагом осознанно, защищая свой родной город. Недостаток в боевой подготовленности частей и подразделений народного ополчения с избытком компенсировался готовностью сражаться и умереть за Родину, за Ленинград. Рубежи Красногвардейского укрепрайона с 16 августа по 13 сентября 1941 года мужественно защищали именно бойцы народного ополчения.

Ленинградская армия народного ополчения формировалась исключительно на добровольной основе из числа граждан, не подлежащих мобилизации в РККА по разным причинам. Так, например, не призывались лица, негодные к службе по медицинским показаниям, в связи с возрастом, имеющие бронь по месту работы (партийная и советская элита, некоторые представители интеллигенции, студенты и аспиранты, научные сотрудники, учащиеся техникумов, кадровые рабочие и инженеры оборонных предприятий).

Сегодня мы можем сказать, что данные ограничения по призыву при формировании Армии народного опол-

чения, не соблюдались. Так, в составе 267-го ОПАБа, сформированного на Ленинградском Балтийском судостроительном заводе им. С. Орджоникидзе и сражавшегося на Пижменском рубеже под Красногвардейском (Гатчиной), были ополченцы «от мала до велика».

В сентябре 2018 года под Пижмой гатчинскими поисковиками был обнаружен боец Батарин Павел Александрович, 1925 г.р. На момент гибели в августе — сентябре 1941 года ему было 16–17 лет. Нам известно, что Павел родился в г. Кашине Калининской (ныне Тверской) области, был мобилизован 05.07.1941 года. Его мать Наталья Егоровна искала сына после войны, но он числился пропавшим без вести. Мать умерла в 1967 году. По информации домовых книг, вместе с ним в Ленинграде проживали его сестры — Анна, 1923 г.р., Зинаида, 1927 г.р., но о них ничего не известно. Ополченец Батарин П.А. похоронен в октябре 2018 года в д. Пижма Гатчинского района Ленинградской области (Мемориал ополченцам-балтийцам).

В книге Г. Багияна «Гатчина. Горячая осень сорок первого» приводятся несколько имен совсем еще мальчишек — пятнадцатилетних ополченцев, воевавших в 267-м ОПАБе: Батарин П.А., Стрельников Л.К., Звонов В.Т., Санников В.П., Сазонов В.П. В середине октября 1941 года в батальон из блокадного Ленинграда пришло письмо от матери одного из них (Валентина Сазонова): «Товарищ командир! Со времени получения последней весточки от мое-

го сына Вали прошло более месяца. Я тут собрала посылочку ему с теплыми вещами, так как приближается зима, а Валечка плохо переносит холода. Да вот незадача, куда посылать — не знаю. Намедни в домоуправлении мне сказали, что со следующего месяца нам не будут выдавать денежное довольствие за сына. Наверное, перевели его в другую часть, или на какие-то другие работы в тылу. Наверно так и есть, ведь ему нет еще и шестнадцати лет. Очень прошу Вас, помогите мне разыскать сына. Анна Андреевна Смирнова — мать Вашего солдата». Что стало с юношей, как сложилась его судьба — неизвестно.

Среди ополченцев были не только совсем юные бойцы, но и убеленные сединами ветераны Первой мировой и Гражданской войн.

В августе 1941 г. под Красногвардейском погиб командир орудия 267-го ОПАБа В.К. Хренов — участник Гражданской войны. А его сын — В.В. Хренов — в 18 лет ушел в ополчение и погиб на Ленинградском фронте в 1943 году. Знаменитая фотография, где запечатлен момент проводов на фронт отца и сына Хреновых, опубликована в сборнике статей «Ополченцы», Л. 1975 год.

В 1-м полку 3-й ДНО сражался участник Первой мировой и Гражданской войн мастер фабрики модельной обуви Т.С. Кутузов. Тимофей Семенович Кутузов родился в 1893 году в деревне Дмитровская Гора Конаков-

ского района Калининской (Тверской) области, до войны проживал в Ленинграде с женой Степанидой Ивановной и дочерью, 1931 г.р. В ряды ополчения вступил 03 июля 1941 года. Служил помощником командира взвода 3-й роты 3-го батальона 1-го стрелкового полка 3-й Ленинградской стрелковой дивизии народного ополчения. Кутузов Т.С. пропал без вести осенью 1941 года в районе реки Свирь, о чем родственники узнали только в 1946 году.

Среди ополченцев в 267-м ОПАБе, сражавшемся под Красногвардейском, был Кулеватский Н.Ф., который в свои 63 года вполне мог бы сойти за деда пацанам 1924 года рождения. К сожалению, сведений о нем практически никаких нет.

В книге С. Беляева, П. Кузнецова «Народное ополчение Ленинграда» рассказывается о парторге 3-й роты 267-го ОПАБа, коммунисте, старом питерском рабочем Невской заставы Петре Степановиче Сазонове. Ему

И в 1941 году уже успел показать молодежи, что значит настоящая разведка. Старый солдат пошел в ночную разведку, когда молодые бойцы, вернувшись из дневной разведки, не смогли точно назвать количество немецких танков, просто определив их наличие по шуму моторов. Вернувшись через три часа из разведки, Сазонов П.С. доложил, что бойцы слышали не танки, а тракторы-тягачи, которые немцы завели специально, чтобы дезинформировать советских бойцов о наличии и количестве танков.

Сазонов П.С. заботился о молодых бойцах, опекал их. Он наставлял: «Шинель — верный друг бойца. От дождя спасет, на привале согреет! Вот так ее, матушку, надо укладывать...» (и далее шла подробная инструкция). Теперь и на марше она не будет мешать, и на вид ты самый боевой человек...». Состоя пулеметчиком 1-го взвода, П.С. Сазонов помогал новичкам в освоении науки стрельбы из пулемета. Практически все бойцы стреляли на «хорошо» и «отлично», а с бойцом Девяткиным он занимался отдельно. Наверное, этот молодой ополченец напоминал ему о сыновьях, и именно с ним Сазонов П.С. ходил в разведку.

Перед войной врачи удалили П.С. Сазонову одну почку. И на вопрос комиссара батальона о том, тяжело ли приходится, Сазонов отвечал: «Нет, как окопы начали рыть, так вся хворь куда-то и пропала».

Вместе с ним записались добровольцами в Ленинградскую армию народного ополчения и его 4 сына, но так получилось, что все они попали в разные части.

Уже на второй день войны Петр Степанович собрал сыновей дома. Старшему, Владимиру, шел 29-й год. Николаю был 21 год, Федору — 19, Михаилу — 17 лет. Петр Степанович велел жене

надеть новое платье, сам вышел к сыновьям в бостонском праздничном костюме. И никто из сыновей этому не удивился. П.С. Сазонов на фронте вспоминал разговор за столом: «Вот, сыновья, собрались мы вместе, может быть, в последний раз. Жили мы дружно, и, думаю, правильно, плохого о вас ничего от людей не слыхал. Вы стали уже взрослыми, самостоятельными, советовать что-нибудь вам теперь ничего не буду, а хочу вас самих послушать: что собираетесь делать? Смотрю на младшего Михаила. Давай, — обращаюсь к нему, — начинай первым, рассказывай, что надумал? А у него ответ уже приготовлен: «Я, отец, — говорит, — решил на фронт идти»». И младший попал в ополчение в Октябрьскую дивизию народного ополчения. Старшие на семейном совете также заявили, что их место на фронте. П.С. Сазонов вспоминал, что его, как отца, это порадовало: «Значит правильно мы свою смену растили. Я им на прощание одного пожелал: где бы, говорю, мы ни были, куда бы война нас не бросила, всем нам легче будет пережить разлуку и любую беду, если ни один из нас трусом не окажется».

Ни один из них не подвел своего отца.

Сазонов Федор Петрович, 1922 г.р., образование 7 классов, беспартийный, доброволец 1-го стрелкового полка 2-ой гвардейской ДНО, с сентября 1941 года — красноармеец-стрелок 169-го стрелкового полка 8-й Армии, ранен 22.10.1941, умер от ран 28.10.1941, похоронен в д. Пундолово Всеволожского района Ленинградской области.

Сазонов Николай Петрович, 1920 г.р., призван 14.07.1941 г. из Тамбовского Краснознаменного кавалерийского училища, курсант. Пропал без вести в сентябре — ноябре 1941 года.

Сазонов Владимир Петрович,

29.07.1912 г.р., гвардии лейтенант, воевал в 125-й танковой бригаде Волховского фронта, 20-й танковой бригаде 6-й Гвардейской танковой армии. Служить закончил в 1946 году. Награжден медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией», «За освобождение Праги», «За взятие Будапешта», двумя орденами Красной Звезды и орденом Отечественной войны 1-й степени.

О судьбе младшего сына, Михаила Петровича, ничего не известно.

Боевой дух и твердое желание победы над врагом читается в письме П.М. Сазонова к жене М.М. Сазоновой: «Здравствуйте, Мария Михайловна и сынок Миша. Целую вас обоих. Пишем вам послал уже два, и наверное, получите. 20 августа я был в бою с немцами, разбили у них два танка. Немцы очень чувствуют себя трусливо. Мы ведь воюем на своей земле, и защищаем вас и весь Ленинград, а немцы на чужой земле и чувствуют себя, как воры, и в результате воюют из-за угла, по воровски. Да иначе и ждать от них нечего, ибо они — гады и извращенные люди. Они тут убили женщину с двумя маленькими детьми за то, что она не давала им грабить своих вещей и резать корову. А мы, будучи в разведке, наблюдали и поклялись биться с немцами до тех пор, пока ни одного гада не останется на нашей земле. Жду еще случая поскорей идти в бой, ибо наше одно спасение — это скорее разбить стервятников — фашистов. Ваш П. Сазонов. (Газета «На защиту Ленинграда» №50, 02.09.1941, орфография и пунктуация сохранены).

Комиссар 267-го ОПАБа Ф.И. Казначеев в августе 1941 года говорил: «Вот такие как Сазонов, будут стоять насмерть. На фронте сейчас тяжело, фашисты рвутся к Ленинграду, не счита-

ясь с потерями. Только не одолеть им наших людей никогда!»

Военфельдшер Тамара Кибкало на встрече однополчан 15.09.1962 года вспоминала, что 17.09.1941 при отступлении с Красногвардейского рубежа группа ополченцев добралась до Пушкина и сделала привал в парке. Неожиданно их окружили вражеские автоматчики. В бою на ее глазах погиб парторг 3-й роты Петр Степанович Сазонов.

Тем, кто воевал в 1941 году, пришлось тяжелее, чем тем, кто пришел им на смену в последующие четыре года войны. Тяжелые поражения на фронте, предательство товарищей, сдававшихся в плен, непродуманные приказы

командования и многие другие факторы оказывали мощное отрицательное психологическое воздействие на солдат и командиров Красной Армии и бойцов народного ополчения. Но они все равно поднимались в безнадежные атаки, малыми горстками оставались в заслонах и шли в арьергардах, выходили из окружений и попадали в них снова. Именно они, сражаясь за свое Отечество до последней капли крови, не дали врагу захватить Ленинград, Москву, Сталинград, а потом развернулись и дошли до Берлина. Именно они на наших Красногвардейских рубежах заложили первый, краеугольный камень Великой Победы 1945 года.

Каким я не помню деда

Нина Жильцова

Я не знаю, каким он был:
не осталось и фотографии.
Как смеялся он, как ходил,
невозможно себе представить.
Ему счастье не выпало это —
внуков нянчить, собак выгуливать,
и сидеть по утрам с газетой,
окружённым семьею любящей.
И рассказов его о детстве
мне услышать не довелось,
и по набережной Адмиралтейской
не гулял он за ручку со мной.
Не познал хлопотливых он радостей
приусадебного хозяйствования.
Не дано ему было старости
и всего того, что с ней связано...
И ещё миллионы таких же
за победу легли костями.
И живём мы во времени нынешнем
жизнью, взятой у них взаймы.

Посвящается 75-летию Победы в Великой Отечественной войне

«ГОЛОСА ПОБЕДЫ»

Окончание. Начало см. в № 17

Подготовила к печати Татьяна Архангельская

Еремина Надежда Васильевна¹

Родилась в 1922 году 2 июля в г. Туле Тульской области. Отец был рабочим — революционером. Мать всю жизнь была в услужении у господ. После революции отца послали строить новый город Сталиногорск-1² Московской области. Мама работала на стройке, а потом в химтехникуме уборщицей. Папа умер в голодовку от черной оспы. В это время старшие братья учились. Толя в химтехникуме, Виктор на рабфаке. И я пошла учиться в первый класс. В 1939 году бросила учиться в связи с тяжелым семейным положением. Толя поехал учиться в Свердловске в военное училище, Виктора взяли в армию, а меньший братишка еще учился. Пошла в заводоуправление работать ученицей машинистки. Когда выучилась, посылали работать в другие отделы и даже организации, на подмену во вре-

¹ Ф. Л-84, оп. 2 лс, д. 48, л. 5–6.

² Сталиногорск (сейчас — Новомосковск) образован в 1930 году как город Бобринки Узловского района Московской области. Своим появлением он обязан строительству химического гиганта НПО «Азот», а также разработке подмосковного угольного бассейна. В 1930–1935 годах численность поселений в Сталиногорске и его окрестностях увеличилась в десятки раз — люди съезжались со всей страны на строительство города. Город сильно пострадал во время Великой Отечественной войны, хотя был оккупирован всего 17 дней (с 25 ноября по 12 декабря 1941 года). В период временной оккупации в Сталиногорске была создана подпольная организация «Смерть фашизму!», в городе и районе действовали небольшие партизанские группы.

мя отпуска (не помню, как они раньше назывались).

В начале войны химтехникум, где мама работала, стал эвакуироваться, но, так как от братьев ничего не было слышно, мы решили подождать, и я пошла работать в шахту № 26. Работала по две смены и на откатке вагонеток, и на водооткачивающей помпе, потом пошла на 6-месячные курсы трактористов. Послали в колхоз работать тут же, за городом. Там было очень тяжело, пришлось бросить. Дома мать и братишка голодные. Колхозный хлеб в глотку не лез, а домой взять для них не давали.

Фронт продвинулся к самой Москве. Запасов не было, сидели голодные. Что было белья, ходили в деревни близлежащие, поменяли на продукты. На поле боя добывали падших лошадей и вместе с другими горожанами ели, но это было редко, даже очень редко.

Немцы ворвались в наш город, батареи полопались, света нет, есть нечего. Но, к нашему счастью, они были всего лишь дней 10–14. Их Красная Армия погнала назад. Вместе с наступающими частями Красной Армии и мы все с комсомольцами пошли добровольно в Армию, где я прослужила до 1945 года. В 1942 году вступила в Комсомол³. Была награждена медалью «За победу над Германией».

³ Комсомол — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи (ВЛКСМ), или комсомол (сокращение от Коммунистический союз молодежи) — молодежная организация Коммунистической партии Советского Союза.

Иванов Алексей Васильевич⁴

Родился в Новгородской губернии Хвойнинского района Курковского сельсовета дер. Молодильно в 1927 году. Отец и мать моя занимались крестьянством. С 8 лет я стал ходить в начальную школу.

В 1936 году все наше семейство переехало в Ленинградскую область, Петергофский район, в школу-колонию «Красные Зори»⁵. Отец стал работать кузнецом, а мать в лазарете. Я стал продолжать свое ученье.

Окончив 6 классов, хотел поступить в 7 класс, но, ввиду того, что шла отечественная война, мне не удалось поступить, так как школа эвакуировалась в тыл.

Через несколько дней немец порвал пути сообщения с Ленинградом, отступать было некуда. Через день он оккупировал Стрельну и Петергоф. Под оккупацию попали мать, отец, две младшие сестры и я. Немец нас так не оставил, а эвакуировал в Кингисеппский район Ленинградской области. Ввиду тяжелого положения отец стал работать в кузнице, ремонтиро-

⁴ Ф. Л-339, оп. 1 лс, д. 13, л. 107

⁵ Школа-колония «КРАСНЫЕ ЗОРИ» - трудовая школа-колония с сельскохозяйственным уклоном, создана педагогом-новатором И.В. Иониным (1893-1939 гг.) в 1919 году в имении Михайловка близ Стрельны. Обучение и воспитание основывалось на практическом изучении природы, сельскохозяйственного труда и техники. Обработывая 150 га земли, воспитанники не только обеспечивали свои потребности, но и поставляли сельскохозяйственную продукцию в Ленинград. В 1937 Ионин и группа педагогов школы-колонии репрессированы по ложному обвинению. Весной 1942 воспитанники эвакуированы в Ярославскую область, колония прекратила существование. От названия колонии происходит наименование местности и ж.-д. платформы Красные зори.

вать сельскохозяйственный инвентарь для крестьян. Я стал ему помогать, чтобы прокормиться. Так я работал до 1943 года. В 1943 году немец забрал меня в лагерь в Эстонию, в город Нарву. В 1944 году я с лагеря убежал, пытаюсь пробраться в партизаны. Но, не дойдя несколько километров до партизан, я встретил Красную Армию, которая гнала врага, освобождая Прибалтику. Явившись домой, я стал восстанавливать колхоз, разрушенный немцами.

Иванькович Павел Афанасьевич⁶

Родился в 1914 году в городе Могилеве в семье табельщика депо станции Могилев. Отец и мать по социальному происхождению выходцы из крестьян. После окончания семилетки работал учеником на заводе «Красный металлист» в городе Витебск, затем поступил в школу ФЗУ⁷ при этом же заводе, после окончания которой работал по 1934 год в качестве слесаря. В сентябре 1934 года был принят по путевке в Ленинградский финансово-экономический институт, который окончил в 1938 году. После окончания института работал ревизором Контрольно-ревизионного управления Народного Комиссариата финансов СССР, главным бухгалтером Торфорабснаба и инспектором ФЖКХ Выборгского Райфо.

19.08.1941 г. призван в ряды РККА⁸. Службу проходил в войсках Ленинградского фронта с 19.11.1941 года по август 1942 года на курсах младших лейтенантов, после окончания которых был направлен в 58 ОАПС⁹ войск Ленинградского фронта командиром автовзвода, где и проходил службу по 27.10.43 года.

⁶ Ф. Л-319, оп. 1 лс, д. 20, л. 169.

⁷ Школа ФЗУ — школа фабрично-заводского ученичества. Школы ФЗУ действовали при крупных предприятиях для подготовки квалифицированных рабочих.

⁸ РККА — Рабоче-крестьянская Красная Армия.

⁹ ОАПС — отдельный авиационный полк связи.

27.10.43 г. за управление автомашиной в нетрезвом виде и драку со старшим начальником приказом командира части получил 3 месяца штрафного батальона и был направлен в 14 отдельный штрафной батальон — Ленинградский фронт.

19 декабря 1943 г. при участии в разведке боем в районе Анненское -Арбузово (у 8-ой ГРЭС)¹⁰ при преодолении проволочных заграждений был ранен и взят в плен.

В плену показаний не давал и с немцами не сотрудничал.

Находился в лагере Фелин 3 месяца, Фален — Бостель — 3 месяца, Нейштадт — 6 месяцев и 2 месяца в Волфен — Бюттеле. 11.04.45 года при подходе наших частей ушел в групповом побеге. С 11.04.45 года находился в госпитале в городе Виттенберге (советская зона оккупации), где и проходил госпроверку.

С октября был направлен в 12 ЗСД Южно-Уральский ВО¹¹, откуда 03 декабря 1945 года демобилизован в запас... 24 марта 1959 года.

Примечание: имеет правительственные награды: медали «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией».

Карамышева Лидия Николаевна¹²

Родилась в Гатчине в 1924 году, в 1940 году окончила 7 классов, училась во 2-й средней школе г. Гатчины.

В 1941 году поступила работать на фабрику «Граммфон» в О.Т.К.¹³ В 1941 году вместе с фабрикой переехала в Ле-

¹⁰ Анненское-Арбузово (у 8-ой ГРЭС) — район «Невский пятачок», место ожесточенных боев в период с 1941 по февраль 1943 года в попытках советских войск прорвать кольцо блокады Ленинграда.

¹¹ ЗСД Южно-Уральский ВО — 12-ая Запасная стрелковая дивизия Южно-Уральского военного округа.

¹² Ф. Л-339, оп. 1 лс, д. 13, л. 185.

¹³ О.Т.К. — отдел торгового контроля.

нинград, где работала до 1942 года.

28 февраля 1942 года взяла расчет и по состоянию здоровья эвакуировалась в Вологодскую область. Находилась на иждивении брата до 1944 года.

В 1944 году устроилась в эвакуогоспиталь поваром, впоследствии была переведена работать в буфет, где и работала до 1945 года до переезда на постоянное местожительство. Родители мои проживали тоже в городе Гатчино. Мать умерла в 1934 году, отец умер в Ленинграде во время блокады 1942 году. Имею на иждивении ребенка, взятую на воспитание, у которой мать умерла во время блокады. Ребенку 5 лет. 8 мая 1946 года.

Лебедева Лидия Александровна¹⁴

Родилась 18 апреля 1922 года в Ярославской области, Борисоглебского района, Титовский сельсовет, дер. Горки, в семье торговца. Отец мой имел свою лавку, где торговал овощами. Мать из крестьянской семьи. В 1928 году отец был раскулачен и выслан на 3 года. В 1934 году вернулся, ему восстановили право голоса, поступил в колхоз. В 1937 году был вторично забран и больше не вернулся. По наведенным справкам сообщили, что он помер. Я училась в деревне, окончила 7 классов. В 1938 году я с матерью и братом приехали в Ленинград. Я поступила учиться в ФЗУ «Победа № 2», проучилась 2 года до 1941 года.

9 сентября 1941 года я приехала в Красное Село, чтобы забрать своего брата в Ленинград, где была оккупирована немцами до 18 января 1944 года.

С 15.09.1941 года я работала в гражд-

¹⁴ Ф. Л-339, оп. 1 лс, д. 4, л. 16

данской комендатуре в качестве регистратора. Здесь я проработала до мая месяца 1943 года. Из регистратуры меня сократили по сокращению штата. Затем меня взяли работать на биржу, где я проработала до 5 августа 1943 года. Меня арестовали за грубости с немцами и сослали в концлагерь на 3 месяца. В лагере я пробыла до 7 ноября 1943 года. Кончился срок наказания, меня привезли обратно в Красное Село с патрулем. Первое время я работала и на дороге, пилила дрова, но в декабре месяце 1943 года меня послали работать в часть чистить картошку, полы мыть. Там я проработала до отступления немцев.

16 января 1944 года из Красного Села всех жителей погнали, то есть стали эвакуировать. Я убежала от немцев и спряталась в одной деревне. В настоящее время я нахожусь в городе Гатчина. 9 февраля 1944 года.

Лошкарева Неонила Платоновна¹⁵

Родилась в 1916 году в Полтавской губернии город Константиноград¹⁶ в семье служащих. Отец был техническим исполнителем в суде, в 1918-м году умер от тифа. Мать всю свою жизнь работала учительницей начальной школы. После окончания семилетки в 1931 году я поступила в торгово-товароведческий техникум на экономическое отделение, который и окончила с отличием в 1935 году... В 1938 году поступила в 1-ый Ленинградский пединститут иностранных языков на английский факультет, но родился ребенок, и я институт бросила, закончив только 2 курса. Первый ребенок умер, и после тяжелой болезни я больше не училась, работала в течение 4-х месяцев в Пушкинской транспортной конторе экономистом. Уволилась по причине беременности.

¹⁵ Ф. Л-339, оп. 1 лс, д. 4, л. 44.

¹⁶ Константиноград — сейчас г. Красноград Харьковской области респ. Украина.

В июле 1941 года муж был мобилизован на фронт. Я осталась в Пушкине с семимесячным ребенком. 14 сентября 1941 года дом, в котором я жила с родными мужа, был разбомблен фашистской бомбой. Отца мужа убило, меня ранило в голову.

17 сентября [1941 г.] город был оккупирован немецкими захватчиками.

В Пушкине пришлось пережить ужасный голод. С определенного времени Пушкин был в кольце. Выхода в деревни, чтобы достать продукты, не было. Когда вопрос стоял очень остро и совершенно нечем было кормить ребенка, я пошла в Павловск на рынок и на обратном пути была задержана работниками из комендатуры. За неподчинение германским властям грозила виселица. Вероятно, только жалость к ребенку спасла меня от гибели.

В марте месяце [1942 г.] за рояль (взятка) устроилась на трикотажную фабрику. Это не предвещало ничего особенно хорошего, но спасало от голодной смерти. Паек нужно было делить на троих: ребенка, мать мужа и себя.

В июле 1942 года фабрика была эвакуирована в Гатчину и преобразовалась в пошивочную мастерскую, где я работала по 19 января 1944 года.

В Гатчине паек оказался еще хуже, на работе получали один раз горячую пищу, так называемую баланду: мука, вода, иногда без соли и 1\4 буханки хлеба. На ребенка 175 гр. хлеба в день. Но в Гатчине народ, в основном, не голодал. Кто как умел, так и жил. Не имея вещей, которые можно было бы продать, жила с немцем, спасая жизнь ребенку и себе, последние 2 месяца жила с начальником охраны, который остался в городе.

Одно еще хочется написать, что честным трудом у немцев было невозможно заработать куска хлеба, особенно когда после рабочего дня с 7 часов и до

5,5 часов вечера приходил домой к ребенку. Чувствовал себя еще сильным, здоровым, молодым, но был бессилён придумать что-нибудь, чтобы честно заработать кусок хлеба ребенку. Не надо говорить о той радости, которая овладела мной, когда осталась здесь у своих. Меня теперь не страшит то, что будучи эвакуирована, я буду вечным рабом. Я знаю, что теперь я смогу не только заработать кусок хлеба себе и ребенку, но и получить работу по специальности, что мои трудовые годы учебы не пропали даром. 2 февраля 1944 года.

Михайлова Мария Ильинична¹⁷

Родилась в 1900 году в деревне Грошево Великолукской области\Себежского района в семье бедняка. Отец мой умер, когда мне было 5 лет. Матери было не под силу нас воспитать, так как нас детей было пятеро. И мне пришлось идти работать к помещику с семи лет. Учиться мне так и не пришлось. В 1918 году я вышла замуж. В 1929 году мы вступили в колхоз, где и работали до 1936 года. В 1936 году приехали в город Гатчина, где я работала сторожем, а муж работал на железной дороге. Дети учились в школе. В 1939 году мы снова уехали в деревню, где и работали в колхозе до 1941 года, а дети жили в Гатчине у моей сестры.

В 1941 году мужа взяли в Красную Армию. Я же в это время была больна, уйти никуда не могла и попала в плен к немцам, то есть в оккупацию. За невыход на работу к немцам меня, как и многих других, арестовали и отправили в Латвию, где мы жили в концлагерях. Кормили плохо, избивали, заставляли выполнять непосильную работу. Благодаря Красной Армии мы вернулись снова в свое родное село. Но, так как дом мой сгорел, и также и все мои вещи, меня дочь взяла к себе, где я и нахожусь

¹⁷ Ф. Л-339, оп. 1 лс, д. 22, л. 219

в данное время. О муже пока ничего не знаю. 30 декабря 1945 года.

Ополченный Михаил Федорович¹⁸

Родился я в 1912 году 14 октября в деревне Репьи Лужского района Ленинградской области в семье крестьянина-бедняка. Отец мой, Ополченный Федор Васильевич, до революции был батраком в поместье барона Паль¹⁹. Мать, Ополченная Ольга Матвеевна, была домработница в этом же имении у управляющего имения Эглит Ивана Ивановича. После революции до 1930 года работал в единоличном хозяйстве с отцом и учился в Наволокской начальной и Торошковской средней школах. В 1930 г. перешел работать разноработчим в совхозе Скреблово Лужского района Ленинградской области. С 1932 по 1934 годы работал заведующим избой-читальней²⁰ и секретарем Наволокского сельсовета Лужского района Ленинградской области. С 1934 по 1937 годы учился в сельскохозяйственном комвузе²¹ на сельхозотделении. С 1937 по 1938 годы работал заместителем заведующего Псковского окружного земельного отдела. С 1939 по 1940 годы работал помощником прокурора Псковского округа и учился в заочном юридическом институте. Не окончил. С ликвидацией округа²² в 1940 году был

¹⁸ Ф. Л-84, оп. 2 лс, д. 110, л. 5.

¹⁹ Карл Яковлевич Паль (1845–1910) — мануфактур-советник, потомственный почетный гражданин, купец 1-й гильдии.

²⁰ Избы-читальни получили большое распространение в 1920-х годах в рамках проведения культурной революции и являлись одной из форм ликвидации безграмотности (ликбеза), а также политической пропаганды.

²¹ Комвуз — коммунистическое высшее учебное заведение в РСФСР и СССР, в котором готовили партийных и советских работников, историков-марксистов.

²² Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 сентября 1940 года Псковский округ упразднен с передачей районов непосредственно в состав Ленинградской области.

направлен и работал до июля 1941 года помощником прокурора Гдовского района.

С июля 1941 года по 17 февраля 1944 года находился в партизанских отрядах Ленинградской области, вначале комиссаром партизанского отряда, а затем начальником особого отдела 9-ой партизанской бригады. 17 февраля 1944 года с освобождением Лужского района я был направлен на работу Вторым секретарем райкома КПСС²³.

В феврале 1946 года был избран первым секретарем Лужского райкома КПСС, в 1948 году снят с должности Первого секретаря за ошибки, допущенные в денежной реформе в Лужском районе²⁴. После чего был направлен на работу директором строительства санатория «Жемчужина» Лужского района. По завершении строительства был переведен начальником производства Лужского тигельного завода. Оттуда после укрупнения колхозов был направлен председателем колхоза «Искра» Лужского района, где отработал до 1952 года. Был снят с работы, исключен из партии, посажен в тюрьму за якобы связь с врагами народа по так называемому Ленинградскому делу²⁵. В 1954 г. был

²³ КПСС — здесь и далее неточности — тогда ВКП (б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков), данное название существовало до 1952 года.

²⁴ Денежная реформа, проведенная в СССР в декабре 1947 г.

²⁵ «Ленинградское дело» — серия судебных процессов в конце 1940-х в начале 1950-х годов против партийных и государственных руководителей РСФСР в СССР. Жертвами репрессий стали все руководители Ленинградских областных, городских и районных организаций ВКП(б), а также почти все советские и государственные деятели, которые после Великой Отечественной войны были выдвинуты из Ленинграда на руководящую работу в Москву и в другие областные партийные организации. 30 апреля 1954 года Верховный суд СССР пересмотрел «Ленинградское дело» и реабилитировал

восстановлен в партии, возвращен на работу председателем того же колхоза. В 1963 году в апреле Областным Комитетом КПСС был переведен на работу директором совхоза «Гатчинский» Гатчинского района Ленинградской области, где работаю по настоящее время. Октябрь 1966 года.

Перельгина Вера Елизаровна²⁶

Родилась в 1904 году. Отец работал на железной дороге, а мать держала 2-х коров. Так как с зарплаты отца не могли растить 10 человек детей, поэтому дать образование всем нам отец не мог. Кончила простую железнодорожную школу 1-й ступени, перешла во вторую ступень, кончила 2 класса [в школе] на улице Чкалова. Пошла работать конторщицей в сыпной пункт, находящийся в Гатчине по 25-му Проспекту в Круглой риге. В скором времени вышла замуж, родился ребенок, а потом и второй. Так что до войны с Финляндией не работала, находилась на иждивении мужа. Муж мой работал в торговых организациях как Т.П.О. или дом Кооперации города Гатчины, и последние 10 лет в Дудергофском сельпо²⁷ в должности заведующего пекарни.

Началась война с Финляндией, мужа взяли в армию, а меня как жену красноармейца отправили проходить текущую учебу на продавца. Окончила текущую учебу на станции Стрельно, это же сельпо, где работал муж. Оформили продавцом, где и работала в качестве заведующей винно-гастрономическим отделом вплоть до Отечественной

лиц, проходивших по нему.

²⁶ Ф. Л-270, оп. 1 лс, д. 52, л. 67.

²⁷ Сельпо — сельское потребительское общество.

войны. Началась война отечественная, мужа сразу мобилизовали в армию, некогда ему было отчитываться. Меня правление послало работать на пекарню вместо мужа. Пока велся отчет и работать нужно было.

В один из дней приехала домой из Красного Села, и на другой день не пошла электричка, так как дорога была разбита. И осталась я с двумя ребятами на месте, так как сельпо не успело вывезти своих служащих. Так мне пришлось остаться на месте, оккупированной до 1943 года. Немецкие захватчики, когда подходил наш праздник 7 ноября [1943 г.], насильно вывезли из Гатчины в Латвию, волость Сивка²⁸. Пробыла я там 1 год. В 1944 году, в августе месяце, русские освободили Латвию от немецких захватчиков. Стала писать на родную землю в Гатчину, на свой дом, получила ответ, что дом цел. В волости стали записывать возвращаться на родину. В 1944 году в ноябре месяце выехали обратно на свою родную землю в свой родной город Гатчино. Получила извещение из военкомата о гибели мужа. Вернулась в свою квартиру, из которой призывался муж в армию. Устроилась на работу в Гатчина в Облторг продавцом в ларь № 9. К сему: Перельгина В.Е.

Степанова Бронислава Антоновна²⁹

Родилась в городе Невеле Калининской области³⁰ 2 декабря 1918 года. Родные мои занимались крестьянством до 1933 года. С 1933 года мать с отцом разошлась и уехала в город Витебск и работала на фабрике «Двина». До оккупирования города Витебска немцами я

²⁸ Сивка — здесь неточно, возможно Саукская (латыш. Sauka) волость в Латвии.

²⁹ Ф. Л-339, оп. 1 лс, д. 8 а, л. 118.

³⁰ Невель — райцентр Великолуцкого округа в 1935 году — Калининской, с 1944 года — Великолуцкой, а с 1957 года — Псковской области.

о матери знала, с августа 1941 года я ничего не знаю о своих родных. В 1940 году мужа взяли служить в Красную Армию, после его ухода устроилась на работу в Ленинграде кассиршей в Московский райхлебторг и проработала до 13 сентября 1941 года.

Так как я была не в самом Ленинграде, а загородом — 21 километр, станция Александровская [Октябрьской] железной дороги, я пошла домой пешком вечером к двум маленьким детям. Под сильным обстрелом и с большими трудностями я все же дошла до дому, но в обратный путь с двумя маленькими детьми уйти в Ленинград не смогла лишь потому, что была немножко контужена и оглушена. Пролежала в окопе с детьми и больной матерью мужа до 15 сентября и очутилась в плену у немца. Но, как казалось нелепо и не хотелось верить, что я в плену, пришлось спасти жизнь семьи. Первые 5 месяцев я не работала, жила на те припасы, что собирала с огорода: картофель, морковь и другие овощи. Но недостаток хлеба и жиров, продукты быстро израсходовались. В феврале месяце 1942 года я с семьей ушла в Гатчину, чтобы еще раз захватиться за жизнь и не умереть с голоду. В Гатчине я устроилась работать уборщицей на 20 человек солдат: убирала, помыла, воду носила, сапоги чистила, в месяц зарплата была 100 рублей³¹, а вечером на кухню ходила картошку чистить, за что получала 5 литров супу, так как много маленьких детей имела. Промывала вещи в деревню на продукты и этим прожила 2 года. За эти 2 года помогла еще и сиротке девочке пережить.

³¹ Цены военного времени в мае 1943 г.: килограмм свинины — 400 руб., говядины — 320 руб., муки — 230 руб., картофеля — 76 руб., капусты — 70 руб, литр подсолнечного масла — 500руб, молока — 76руб, десяток яиц — 180 руб.

Несмотря на мои тяжелые жизненные условия, имевши своих маленьких детей, я не забыла свою родную кровь и чем могла помогла. И думаю, что если трудно воспитать 3-х детей, то высшие органы нашей власти мне не откажут в помощи и помогут воспитать. 17 февраля 1944 года.

Сушкова Людмила Александровна³²

Родилась в Гатчино Ленинградской области, где и проживала со своими родителями. Здесь же окончила в 1941 году 10 классов средней школы.

В 1941 году я была вынуждена покинуть Гатчину и вместе со своими родителями выехать в Ленинград. Здесь мне пришлось пережить блокаду Ленинграда и получить ранения в руки во время обстрела Ленинграда. Здесь мне пришлось расстаться с матерью, отцом и сестрой. В этой тяжелой обстановке я работала в военном госпитале. Затем в апреле 1942 года здоровье мое окончательно подорвалось, и я должна была выехать из Ленинграда. В пути я заболела острой формой сыпного тифа. Во время бессознательного состояния меня обокрали до нитки, и я осталась, в чем была. Положили в районную больницу ст. Сонково Калининской области³³. Здесь я пролежала 7 с половиной месяцев. Затем, немного оправившись, я уехала в город П.-Володарск³⁴ Ярославской области, где я работала в райсобесе и на маслопроме. 1 сентября 1945 года я приехала на свое постоянное местожительство, где и проживаю в настоящее время. 14 апреля 1946 года».

³² Ф. Л-339, оп. 1 лс, д. 15, л. 399.

³³ Калининская обл. — сейчас Тверская область.

³⁴ Пошехонье — Володарск Ярославской области — сейчас г. Пошехонье.

Яшина Мария Ивановна³⁵

Родилась в 1909 году в Рязанской области. Родители мои крестьяне, с ними я жила до 1928 года, училась в сельской школе, кончила 3 класса. В 1928 году я вышла замуж и жила с мужем в селе Дегтярное, муж из деревни выехал в 1929 году, а я выехала в Ленинградскую область г. Пушкин в 1933 году. С 1933 года по 1941 год я была на иждивении мужа, нигде не работала.

В 1941 году меня немцы угнали в лагерь в Гатчине, там я пробыла 3 дня и заболела, проболела 6 месяцев, когда выздоровела, меня немцы отправили в лагерь в деревне Натальевка³⁶, там пробыла месяцев 6, потом перегнали тоже в лагерь в Латвию, работали землекопами до 1944 года. В 1944 году меня отправили в Австрию в лагерь, где я работала до 5 мая 1945 года в качестве землекопа.

В 1945 году я приехала в Ленинградскую область, город Гатчина и поступаю работать в Гатчинский Спец. дет. дом, где и работаю по настоящее время. 9 февраля 1949 года.

Примечание: В личном листке по учету кадров значит место пребывания в оккупации: «Австрия, г. Тальгаво (возможно Тальгау — примеч. авт.), местечко Хоор».

³⁵ Ф. Л-270, оп. 1 лс, д. 53, л. 26–28.

³⁶ Дер. Натальевка — расположена в Елизаветинском сельском поселении Гатчинского района, в годы Великой Отечественной войны с 1941 по 1943 годы в деревне Натальевка фашистами был организован концлагерь.

«...ОТЛИЧАЛСЯ ИЗУМИТЕЛЬНОЙ ХРАБРОСТЬЮ»

(рассказ о жизни и судьбе маршала бронетанковых войск)

Валерий Лукин

22 июня 2021 года исполнилось 80 лет со дня начала Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Эта скорбная дата навечно оставила трагический след в судьбах советских людей, живших в то суровое время, и сегодня мы, их потомки, не вправе забывать об этом.

Война была одинаковым испытанием и для простых солдат, и для военачальников так же, как и Победа в этой войне была на всех одна!

В этой статье я хочу рассказать о Семене Ильиче Богданове, человеке, который в Гатчине сделал свой первый шаг к маршальским погонам.

Родился он 29 августа (10 сентября) 1894 года в Санкт-Петербурге в семье рабочего Путиловского завода, до этого крестьянина Холмского уезда, Николо-Хлавицкой волости, Псковской губернии.

В 1904 году Семен Богданов окончил начальную церковно-приходскую школу.

С 1906 года он начал трудиться учеником слесаря на меднолитейном заводе, затем в механической мастерской, а с 1908 года стал работать слесарем на Путиловском заводе.

В 1914 году С. Богданов окончил вечерние подготовительные курсы, и в том же году сдал экстерном экзамен за 6 классов реального училища. Это было очень даже неплохо для сына простого рабочего. С этого же года он работает слесарем в компании металлургических, механических и судо-

Маршал бронетанковых войск С.И. Богданов
1950-е гг.

строительных заводов «Беккер и К°» в Ревеле.

В январе 1915 года Семен Богданов идет на службу в Русскую императорскую армию, причем не по призыву, а по собственному желанию, как вольноопределяющийся. Служил он в запасном воздухоплавательном батальоне 1-го авиационного парка Северного фронта, в 1916 году там же окончил курсы шоферов.

В марте 1916 года его, как имеющего среднее образование, откомандировывают на учебу в школу прапорщиков Северного фронта в г. Гатчину. Здесь

стоит более подробно рассказать о Гатчинской школе прапорщиков.

Гатчинская школа прапорщиков была открыта в 1915 году. Шла Первая мировая война, Россия несла большие потери среди личного состава на поле боя, в том числе и офицерского. Во многих городах России были открыты школы прапорщиков. В Гатчине она сначала называлась Школа прапорщиков VI армии, а затем была переименована в Школу прапорщиков Северного фронта. Размещалась данная школа в здании Сиротского института.

Гатчинская школа прапорщиков просуществовала с 1915 по 1917 год. За это время она успела сделать девять выпусков прапорщиков. Во время войны выпуск офицеров происходил каждые три-четыре месяца, так как шли боевые действия, не хватало офицерских кадров. Молодые офицеры, только что получившие начальные навыки армейской службы, сразу же отправлялись на фронт.

В мае 1917 года, после окончания школы и присвоения чина прапорщика, Семена Богданова направили служить командиром взвода во 2-й запасный пехотный полк в г. Фридрихсгаум (Финляндия). Последний его чин в Русской армии — подпоручик.

В декабре 1917 года, после Октябрьской революции, подпоручик С. Богданов, командуя взводом русско-финского отряда, выделенного из состава полка, участвовал в подавлении восстания белых в г. Куопио.

В феврале 1918 года после демобилизации он командует взводом охраны на Октябрьской железной дороге.

В июне 1918 года в Петрограде С. Богданов добровольно вступил в Красную Армию и был назначен командиром взвода 4-го Костромского пехотного полка.

Далее Семен Ильич Богданов принимает участие в Гражданской войне.

Командир РККА С.И. Богданов 1920-е гг.

С апреля 1919 года он командовал ротой во 2-м запасном полку, с января 1920 года — командир роты, а затем и батальона в 502-м стрелковом полку 56-й стрелковой дивизии.

В ходе советско-польской войны 1920 года воюет на территории Витебской, Минской и Виленской губерний.

С октября 1920 года С. Богданов — командир взвода 2-го запасного пехотного полка, а с января 1921 года — командир роты 40-х Костромских пехотных курсов комсостава.

С 10 мая по 20 июля 1921 года в их составе, командуя ротой, батальоном и будучи врид начальника курсов, участвовал в подавлении восстания А.С. Антонова в Тамбовской губернии.

В октябре 1923 года красный командир С.И. Богданов после окончания Высшей военной педагогической школы

в Москве командует ротой в 14-й Полтавской пехотной школе комсостава.

С сентября 1925 года он проходил службу в 135-м стрелковом полку 45-й стрелковой дивизии Украинского военного округа: командир батальона, помощник командира полка по хозяйственной части, помощник командира полка по строевой части.

В 1930 году С.И. Богданов окончил стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава РККА «Выстрел» им. Коминтерна, а в октябре того же года был назначен командиром 134-го стрелкового полка этой же дивизии.

С мая 1934 года он командует 134-й механизированной бригадой.

В октябре 1935 года С.И. Богданов был назначен командиром учебно-механизированного полка при Военной академии механизации и моторизации РККА имени И.В. Сталина.

В 1936 году он окончил курсы усовершенствования командного состава при Военной академии механизации и моторизации РККА им. И.В. Сталина. В том же году ему было присвоено звание полковника. С января 1937 года С.И. Богданов командует 9-й механизированной бригадой.

1 мая 1938 года полковник С.И. Богданов был арестован органами НКВД и обвинен в совершении контрреволюционных преступлений по двум пунктам статьи 58 УК РСФСР. Вскоре он был уволен из РККА.

27 октября 1939 года Военной коллегией С.И. Богданов был оправдан по 58-й статье, но за «служебную халатность» приговорен к двум годам лишения свободы. Однако суд применил в его отношении амнистию в ознаменование 20-летней годовщины Красной Армии, и С.И. Богданов был освобожден из-под стражи. Судимость была снята в 1942 году.

Только в 1968 году по этому приговору С.И. Богданов был полностью реабилитирован Верховным Судом СССР (посмертно). Приказом министра обороны СССР № 285 от 20 сентября 1968 года период с 1 мая 1938 года по 27 октября 1939 года был зачислен ему в выслугу лет.

В декабре 1939 года полковника С.И. Богданова восстановили в Красной Армии, после освобождения он находился в распоряжении Управления кадров по начальствующему составу РККА.

В марте 1940 года С.И. Богданов получил новое назначение заместителем командира по строевой части — начальником пехоты 29-й моторизованной дивизии в Западном особом военном округе.

С ноября 1940 года он — командир 32-й легко-танковой бригады, а с марта 1941 года — командир 30-й танковой дивизии 14-го механизированного корпуса 4-й армии Западного особого военного округа (Пружаны).

В начале Великой Отечественной войны дивизия под командованием полковника С.И. Богданова в составе 4-й армии Западного фронта воевала на брестском направлении, сдерживая продвижение врага до рубежа р. Березина.

Несмотря на все трудности начального периода войны, части дивизии нанесли противнику большие потери.

В октябре 1941 года в период обороны Москвы полковник С.И. Богданов командовал Можайским укрепрайоном Можайской линии обороны, затем был заместителем командующего 5-й армией по танковым войскам.

В марте-мае 1942 года С.И. Богданов — заместитель командующего 10-й армией по танковым войскам.

В мае того же года он был назначен командиром 12-го танкового корпуса,

который входил в состав Московского военного округа, а затем вошел в состав 3-й танковой армии Западного фронта.

В июле 1942 года С.И. Богданову было присвоено воинское звание генерал-майора танковых войск.

Генерал-полковник С.И. Богданов (справа) и генерал-полковник В.И. Чуйков 1940-е гг.

В сентябре 1942 года генерал-майора С.И. Богданова отозвали с фронта. Ему было предъявлено ложное обвинение в трусости во время боя. Снова над С.И. Богдановым нависла угроза ареста. Спас его бригадный комиссар корпуса П.С. Жуков, направивший 28 сентября комиссару Главного автобронетанкового управления Красной Армии, армейскому комиссару 2-го ранга Н.И. Бирюкову, докладную, в которой говорилось: «Я, комиссар корпуса, со всей партийной ответственностью заявляю, что со стороны Богданова, находясь вместе в боях, я этого абсо-

лютно не замечал, а наоборот, отношу к храбрым командирам, кроме всего мне, как комиссару корпуса, совершенно неясно до настоящего времени, за что был снят и отстранен от должности генерал-майор тов. Богданов, так как корпус хотя и имел крупные недочеты в боях, но они, я считаю, ничуть не больше другого танкового корпуса или других соединений 3-й ТА... Лично я оцениваю генерал-майора тов. Богданова как одного из грамотных генералов танковых войск нашей Красной армии».

Комиссар П.С. Жуков не ошибся в своих выводах. Семен Ильич, избежав суда, вскоре доказал правоту слов своего комиссара.

В октябре 1942 года генерал возглавил Костеревский танковый центр, а уже в ноябре, в разгар контрнаступления под Сталинградом, его направляют в район Котельникова в качестве командира 6-го механизированного корпуса.

Командуя этим корпусом, генерал-майор С.И. Богданов в полной мере проявил свои незаурядные способности организатора и руководителя боевых действий в схватках с войсками фельдмаршала Эриха фон Манштейна, которые пытались пробиться на выручку к своей окруженной под Сталинградом группировке. Решительность и стремительность действий 6-го механизированного корпуса при разгроме котельниковской группировки противника были высоко оценены командованием. Корпус был переименован в 5-й гвардейский механизированный корпус и получил почетное наименование «Зимовниковский».

С марта 1943 года генерал-майор С.И. Богданов командует 9-м танковым корпусом 13-й армии Центрального фронта, который участвовал в оборонительном сражении на северном фесе

Курской дуги. Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский вспоминал: «К исходу третьего дня сражения почти все фронтовые резервы были втянуты в бой, а противник продолжал вводить все новые и новые силы на направлении своего главного удара. Чем удерживать его? И я решился на большой риск: послал на главное направление свой последний резерв — 9-й танковый корпус генерала С.И. Богданова, который располагался в районе Курска, прикрывая город с юга. Это было полностью укомплектованное соединение, наша надежда и гордость».

К чести С.И. Богданова, он оправдал высокую оценку К.К. Рокоссовского, удержав назначенный рубеж. В июне 1943 года ему было присвоено воинское звание генерал-лейтенанта танковых войск.

3 августа 1943 года в ходе Орловской наступательной операции Семен Ильич вступил в командование 2-й танковой армией вместо заболевшего генерала А.Г. Родина. Командарм решил сосредоточить на узком участке массу танков и артиллерии и самостоятельно прорвать оборону врага, затем, используя маневренные возможности танковых корпусов, развивать наступление в глубину. После мощной артподготовки, при поддержке авиации 4 августа армия перешла в наступление и к исходу дня перерезала шоссе Кромы — Севск. В последующем корпус были повернуты на запад и успешно двинулись вперед, а наступавшая с севера 4-я танковая армия Западного фронта перерезала железную дорогу Орел — Брянск в районе станции Хотынец.

5 августа г. Орел был освобожден. В честь этой победы и освобождения г. Белгорода в Москве состоялся первый салют. Используя успех танкистов, главные силы Центрального фронта

перешли в наступление и 17 августа вышли на подступы к городам Брянску и Севску.

27 августа 1943 года после ожесточенного боя г. Севск был взят.

В сентябре 1943 года 2-ю танковую армию вывели в резерв Ставки Верховного Главнокомандования в район г. Львов для пополнения.

В начале января 1944 года армия была переброшена за Днепр к г. Житомиру и г. Белая Церковь и вошла в состав 1-го Украинского фронта. Правым флангом фронт развивал наступление от г. Ровно на запад, в центре отражал контрудар противника от г. Винницы на г. Киев, левым крылом наступал на Звенигородку навстречу 2-му Украинскому фронту.

В результате этих боев в первых числах февраля в районе Корсунь-Шевченковский было окружено до десяти дивизий врага. Несмотря на непогоду, быстро выдвинувшись в назначенный район, части 2-й танковой армии решительными действиями пресекли попытку гитлеровского командования крупными силами пробиться извне к своим окруженным дивизиям. Совместно с 6-й и 5-й гвардейскими армиями 2-я танковая создала внешний фронт окружения и отбросила войска противника.

К 17 февраля 1944 года с этим котлом было покончено.

Соединения и части 2-й танковой армии под командованием С.И. Богданова успешно сражались с врагом в Уманско-Ботошанской операции. Танкисты генерала С.И. Богданова форсировали реки Горный Тикич, Южный Буг, Днестр, овладели городами Умань, Бельцы и к концу марта 1944 года вышли на границу с Румынией.

11 марта 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за умелое руководство войсками в боях при про-

рыве обороны противника на уманском направлении и проявленные при этом мужество и отвагу генерал-лейтенанту танковых войск С.И. Богданову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Давая высокую оценку действиям 2-й танковой армии, Маршал Советского Союза И.С. Конев в своих мемуарах «Записки командующего фронтом» писал: «Большая заслуга в решении задач 2-й танковой армией принадлежит ее командарму и хорошо слаженному армейскому аппарату управления. С.И. Богданов, с которым мне пришлось впервые встретиться в Уманско-Ботошанской операции, произвел на меня большое впечатление сначала своим внешним видом, а потом и деловыми качествами. Это был высокий, представительный, красивый человек. Во всех его действиях, в разговоре, в командах чувствовалась высокая требовательность, сильная воля и организованность. После принятия решения и отдачи распоряжений он, как правило, лично выезжал в войска и действовал спокойно и без суетливости... Это была хорошая, слаженная армия, в боевом отношении подготовленная, организованная, а в действиях отличавшаяся смелостью, напористостью и большой активностью».

В апреле 1944 года С.И. Богданову было присвоено звание генерал-полковника танковых войск. Летом этого же года 2-ю танковую армию по решению Ставки Верховного Главнокомандования перебросили на 1-й Белорусский фронт на ковельское направление с перспективой использования ее на варшавско-берлинском стратегическом направлении. Армия была введена в прорыв и стремительно развивала наступление на люблин-брестском направлении в значительном отрыве от общевойсковых армий.

К концу операции 2-я танковая армия достигла восточного предместья Варшавы, но командарма с ней не было: при освобождении польского Люблина 23 июля генерал-полковник С.И. Богданов был тяжело ранен (пулевое ранение в плечо с разрушением сустава и расщеплением плечевой кости). На посту командарма его сменил начальник штаба генерал-майор А.И. Радзиевский.

20 ноября 1944 года за успешные боевые действия 2-я танковая армия была преобразована во 2-ю гвардейскую танковую армию.

Пять месяцев находился генерал-полковник С.И. Богданов в госпитале и в начале января 1945 года вернулся в армию, которая готовилась к Висло-Одерской наступательной операции. Ей предстояло нанести удар в направлении Жирардув, Сохачев, Быдгощ и далее идти на Пириц. Семен Ильич сразу же включился в подготовку соединений и частей к предстоящим действиям. Большую часть времени он проводил в войсках, встречался с командирами, экипажами танков, самоходно-артиллерийских установок. Главное внимание командарм уделял обучению прибывающего пополнения, боевому слаживанию подразделений и частей, надежной управляемости ими в бою.

2-я гвардейская танковая армия в Висло-Одерской, а затем Восточно-Померанской наступательных операциях, действовала решительно. Ее корпуса и бригады стремительно выходили на фланги и в тыл обороняющихся войск противника, в высоком темпе преследовали его отходящие части и соединения, форсировали водные преграды, овладевали городами, крупными узлами обороны. Успешное наступление армии свидетельствовало о способности ее командарма искусно управлять подчиненными войсками.

С боями за 17–18 суток армия преодолела более 550 км, продвигаясь порой по 70–80 и даже 100 км в сутки, освободив десятки польских городов и сел. Был форсирован Одер, захвачен Кюстринский плацдарм, с которого вскоре наши войска начали наступление на Берлин — заключительное сражение Великой Отечественной войны. А когда гитлеровцы, собрав так называемую померанскую группировку своих войск, пытались нанести с севера контрудар по правому крылу 1-го Белорусского фронта, генерал С.И. Богданов в считанные часы круто повернул части армии на север. Взаимодействуя с соседом — 1-й гвардейской танковой армией генерала М.Е. Катукова — танкисты 2-й гвардейской танковой успешно выполнили задачу, поставленную перед ними командующим войсками фронта и, разгромив врага, вышли к Балтийскому морю, в результате чего противник был лишен возможности произвести какого-либо рода перегруппировку сил.

6 апреля 1945 года командарм С.И. Богданов за образцовые действия войск под его командованием по окружению и разгрому варшавской группировки противника, при форсировании рек Нетце (Нотець) и Одер и при выходе к побережью Балтийского моря, был награжден второй медалью «Золотая Звезда»

С 16 апреля 1945 года 2-я гвардейская танковая армия под командованием командарма С.И. Богданова приняла участие в завершающей Берлинской операции.

29 апреля 1945 года соединения и части армии ворвались на окраину Берлина и в район Вейсензее, завязав тяжелые уличные бои на пути к рейхстагу; замкнули кольцо окружения вокруг рейхстага, имперской канцелярии и других узловых пунктов, занимае-

мых гитлеровцами. Противник отчаянно сопротивлялся, но это не могло остановить героических гвардейцев 2-й танковой армии. Проявляя мужество и находчивость, они уверенно громили врага.

2 мая 1945 года остатки Берлинского гарнизона (более 134 тыс. человек) сдались в плен.

Командование 1-го Белорусского фронта и Верховное Главнокомандование Красной Армии высоко оценили действия 2-й гвардейской танковой армии в финальных операциях Великой Отечественной войны.

В аттестации на командарма С.И. Богданова отмечалось: «Боевые действия 2-й гвардейской танковой армии в Люблинской и Варшавско-Познанской операциях, в операции по разгрому померанской группировки противника, а затем в Берлинской операции являются образцовыми по своей организованности и грамотности использования крупных танковых соединений».

В успешные действия войск 2-й гвардейской танковой армии вложен громадный труд и много энергии тов. Богданова, как методиста в обучении войск, ясно представляющего, чему учить и как учить войска на каждом этапе боевой деятельности армии... В бою смел и храбр и этого требует от всех подчиненных. В практике своей работы вникает во все отрасли жизни и деятельности частей и соединений армии. Умело организует и руководит работой штаба во всех видах боя».

1 июня 1945 года С. И. Богданов был удостоен воинского звания маршала бронетанковых войск.

После окончания Великой Отечественной войны маршал бронетанковых войск С.И. Богданов продолжал командовать 2-й гвардейской танковой армией.

В мае 1947 года он был назначен командующим бронетанковыми и механизированными войсками (БТ и МВ) Группы советских оккупационных войск в Германии.

С августа 1948 года С.И. Богданов — 1-й заместитель командующего, а с ноября — командующий БТ и МВ Советской Армии.

В 1946–1954 годах он избирался депутатом Верховного Совета СССР 2–4-го созывов.

17 апреля 1956 года маршала бронетанковых войск С.И. Богданова зачислили в распоряжение Министерства обороны СССР, а 21 мая этого же года по его рапорту уволили из кадров Советской армии в отставку с правом ношения военной формы одежды.

В своем рапорте об отставке маршал бронетанковых войск С.И. Богданов написал следующее: «...Прослужив в Советской армии безупречно и преданно 38 лет и 3 года в старой армии, а всего 41 год, работал творчески, созидательно и в полную силу на благо нашей Родины и Коммунистической партии, воспитал и обучил огромные кадры солдат и офицеров. Беззаветно, не щадя своей жизни, защищал Советское Государство с самого его зарождения и до настоящего дня: 1917, 1920–1921, 1941–1945 годы. Непосредственно в боях с врагами четыре раза ранен. В боях с врагами нашего Советского Государства на фронтах погибли сын, три брата, сестра. Мне 63 года. За два года работы в Академии сдам ее во всех областях в хорошем состоянии. В связи с неожиданно сложившейся обстановкой, условиями работы и состоянием моего здоровья и тяжелого ранения, прошу Вас возбудить ходатайство об увольнении меня из Советской армии в отставку. Медицинское свидетельство о болезни будет доложено дополнительно».

После увольнения в отставку Семен Ильич Богданов проживал в Москве.

12 марта 1960 года он скончался от инсульта и был похоронен на Новодевичьем кладбище.

Надгробный памятник С.И. Богданову на Новодевичьем кладбище в Москве

Давая оценку боевой и служебной деятельности маршала бронетанковых войск С.И. Богданова, генерал армии С.М. Штеменко сказал о нем: «Командующий 2-й гвардейской танковой армией Семен Ильич Богданов отличался изумительной храбростью. Начиная с сентября 1943 года, его армия принимала участие почти во всех решающих сражениях Великой Отечественной войны. Выдающиеся способности проявил Семен Ильич и в послевоенное время — был начальником академии, почти пять лет занимал пост командующего танковыми войсками Советских Вооруженных Сил».

Родина высоко оценила заслуги дважды Героя Советского Союза маршала бронетанковых войск С.И. Богданова. Он был награжден 2 орденами

Ленина, 4 орденами Красного Знамени, орденами Суворова 1-й и 2-й степени, медалями, а также иностранными орденами: Великобритании — Британской империи 2-й степени, Польши — Грюнвальдским крестом, медалями.

Бронзовый бюст прославленного танкового полководца установлен в Санкт-Петербурге на Аллее Героев Мо-

Бюст С.И. Богданова в Московском парке Победы в Санкт-Петербурге

сковского парка Победы. Мемориальные доски в память о С.И. Богданове открыты в Москве, Санкт-Петербурге, в подмосковном Солнечногорске. Его именем названы улицы в Москве и Пружанах (Республика Беларусь).

Литература:

1. Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь / Председатель ред. коллегии И.Н. Шкадов. — М.: Воениздат, Т. 1, 1987.
2. Великая Отечественная. Командармы. — М. — Жуковский, 2005.
3. Великая Отечественная. Комдивы: военный биографический словарь: в 5 т. Д.А. Цапаев (рук.) и др.; под общей редакцией В. П. Горемыкина. — М.: Кучково поле, 2011.
4. Дважды Герои Советского Союза. М.: Воениздат, 1973.
5. Григорьянц Г.Г. Закаленный в огне сражений: О маршале бронетанковых войск С. И. Богданове. — М.: НИИ стали, 1999.
6. Жилин В.А. Герои-танкисты 1943–1945. — М.: «Эксмо», «Яуза», 2008.
7. Звягинцев В. Трибунал для героев. — М. ОЛМА-ПРЕСС, 2005.
8. Люди бессмертного подвига. Книга 1. — М., 1975.
9. Отставной П. Маршал бронетанковых войск С.И. Богданов. // «Военно-исторический журнал». — 1984. — № 8. — С. 90–92.
9. Сталинградская битва. Июль 1942 — февраль 1943: энциклопедия / под редакцией М. М. Загоруйко. — 5-е изд., испр. и доп. — Волгоград: Издатель, 2012.
10. Черушев Н.С. Из ГУЛАГА — в бой. — Москва, 2006.

КАЖДУЮ КРОШКУ — В ЛАДОШКУ

Людмила Кавина

*Память общая и песня общая
У моей земли и у меня.*

Роберт Рождественский

Эти волнующие дни, когда вся страна, весь народ наш обращается к памяти, встречая 75-летие Великой Победы, и я часто мысленно переносюсь из Сиверской, где живу уже более пятидесяти лет, в свое детство, в свое военное детство...

Родилась я 12 декабря 1937 года в Калининской, ныне Тверской области, в крестьянской семье.

Мой дед по отцовской линии, Силин Михаил Алексеевич, 25 лет служил в царской армии солдатом и поздно женился. Его единственный сын — мой отец Григорий Михайлович в пятнадцать лет остался без матери и в 1928 году женился на девушке, у которой тоже не было матери, так что я и не знаю, что такое бабушкина любовь.

Другой мой дед, Лапенков Петр Алексеевич, имел большую семью — восемь человек детей да взятый в семью ребенок-сирота. Дед занимался в мастерской выделкой шкур животных, а дети работали на земле, ухаживали за домашним скотом: были две коровы, лошадь и прочая мелкая живность, без которых в деревне такой большой семье не прокормиться. Зато, что в семье есть батрак, который работал, как и все остальные дети, деда сочли кулаком и раскулачили, но из деревни не выслали, вероятно, понимали, что в деревне нужна обувь,

которую шили из шкур, выделанных дедом — единственным на всю округу мастером.

В 1938 году мой отец, плотник по профессии, был мобилизован в Ленинград для выполнения строительных работ. Поселились на Охте, Шоссе революции, дом 14-а, кв. 38. Так я стала ленинградкой, с годовалого возраста. А мой старший брат остался жить у деда Михаила Алексеевича.

В июне 1941 года отца на фронт не взяли — нужны были специалисты при строительстве оборонительных сооружений вокруг Ленинграда. Но недолго выполнял он свой долг. 16 января 1942 года умер отец от дистрофии и похоронен в братской могиле на Пискаревском кладбище, о чем свидетельствует архивная выписка, присланная мне в 1990 году из Колпино.

О своем блокадном детстве я знаю только со слов матери. Мне трудно было поверить в то, что она рассказывала. Сама же я была еще очень мала, и мама говорила, что это и хорошо, что детская память не зафиксировала ужасы пережитого.

А почему об ужасах блокады заговорили после 1982 года, хотя до этого словно было наложено табу? Да, в семьях, переживших блокаду Ленинграда, все, кто остался жив, никогда не забывали и говорили о близких, погибших в блокаду. А вот на высшем уровне о блокадниках заговорили после того, как вышла «Блокадная книга» Д. Гранина и А. Адамовича. Книгу А. Чаковского «Блокада» мама перечитывала много раз и говорила, что автор все правильно написал, но почему-то не пишет он о людоедстве (слово «каннибализм» мама не знала), но сама она была свидетелем этого действия. Будучи взрослой, я ей пыталась доказать, что такое невозможно — есть человеческое мясо... В ответ на это мама парировала: «Ты не видела глаза обезумевшего человека!». И только прочитав второе издание «Блокадной книги» Д. Гранина и А. Адамовича, я поняла, что мама ничего не придумала.

Нередко себя спрашиваю, как мы пережили блокаду, и почему мы с мамой выжили? Это все благодаря тому, что мать, с детства привычная к физическому труду, обладая крестьянской смекалкой, находила способы добыть дополнительные продукты, дрова для обогрева жилья. За семь месяцев (сентябрь 1941 — март 1942) мать два раза ходила к брату, который воевал на Ленинградском фронте, и привозила на санках мешок овса, мороженую лошадиную голову. Это помогло нам выжить.

Эвакуировали нас 31 марта 1942 года по Дороге жизни. Пока мы, еле живые, доехали по льду Ладожского озера на открытой грузовой машине до Кабоны, в колонне автомашин стало меньше — утонули вместе с пассажирами. Нам повезло — мы доехали.

Далее в теплушках три недели ехали (500 км) в Калининскую область к моему деду, проживавшему в Овинищенском районе, не занятым немцами.

И по прибытии к деду мама снова спасла меня (и себя тоже), приказав свекру не давать нам много еды. У деда была кормилица — корова, и нам, дистрофикам, он выдавал понемногу молока, жидкой каши, а я все ссорилась с ним и просила хлеба. И до сих пор сохранилась привычка: каждую крошку — в ладошку и в рот!

После окончания войны, летом 1945 года, мама вместе со своим братом-военным приехала в Ленинград. Дом, в котором мы жили, был разрушен и сгорел, и мама вынуждена была вернуться назад. Мама умерла 8 августа 1985 года, но сохранила все документы, связанные с блокадой. И уже после ее смерти, когда мне было за пятьдесят, в декабре 1989 года я получила знак «Житель блокадного Ленинграда».

Но вновь вернусь к своему послевоенному детству. В сентябре 1945 года я пошла в школу и через десять лет получила аттестат зрелости. С тех пор прошло шестьдесят пять лет, и все это время я с благодарностью вспоминаю своих учителей, которые были для нас, полусирот, нянями, воспитателями, учителями, и никаких обид не было за наказания, которые мы получали вполне законно.

Учительница первая моя — Харитоновна Вера Арсентьевна — учила нас, и

сама заочно училась, с первого класса и довела до окончания 10-го класса.

С благодарностью вспоминаю учителей — ветеранов Великой Отечественной войны.

Бодряков Николай Михайлович — учитель математики. До сих пор со стыдом вспоминаю эпизод: Николай Михайлович опрашивает учеников и ставит в журнал оценки за контрольную работу. У меня стоит «2», я же встала и назвала «3»! Учитель просит принести к его столу тетрадь. Как же мне стыдно было, что я соврала... Тогда я поняла, что любой обман рано или поздно всегда откроется, и это я помню.

Учитель истории Опаркин Анатолий Михайлович, потерявший всю свою семью в оккупации, сам дошел до Берлина, сохранил свое видение происходящего и не скрывал этого, за что получал порицания от начальников всех уровней и даже был исключен из рядов КПСС. Но мы его понимали, обожали и боготворили за его уроки.

В 1955 году я поступила в Бежецкий машиностроительный техникум, а через два года получила диплом и профессию бухгалтера. С октября 1957 года официально началась моя трудовая деятельность, а неофициально я

работала с семилетнего возраста. Время было послевоенное, и проживание в деревне сделало всех детей трудоспособными — надо было содержать скот и огород, ведь это единственный источник питания на весь год, т.к. работа матери в колхозе от зари до зари приносила в дом одни пустые трудовые дни.

В 1966 году я вышла замуж за Виктора Петровича Кавина, и мы переехали в поселок Сиверский Гатчинского района. Так я вернулась на Ленинградскую землю. Здесь вместе с мужем работали в Сиверской сельхозтехнике, а затем на Сиверском ремонтном заводе, почти тридцать лет. Горжусь званиями «Заслуженный работник завода», «Ударник коммунистического труда».

Так детская привычка — работать много и хорошо — с семилетнего возраста прочно вошла в мою жизнь. И еще одна привычка не потерялась с годами: бережное отношение к хлебу. «Каждую крошку — в ладошку!» И хоть очень трудно жилось, но часто вспоминаю слова поэта Анатолия Молчанова:

*Наше время прошло мгновеньем,
Чтоб в истории утвердиться.
Мы — счастливое поколение,
Есть что вспомнить и чем гордиться!*

С ВЕРОЙ И НАДЕЖДой

*О Боже мой, благодарю
За то, что дал моим очам
Ты видишь мир, Твой вечный храм,
И ночь, и волны, и зарю...*

Дмитрий Мережковский

ИЗ ЖИЗНИ СВЯТОЙ МАРИИ ГАТЧИНСКОЙ

В 2022 году будут отмечаться сразу две даты: 15 лет обретения святой мощей преподобномученицы Марии Гатчинской и 90 лет со дня её мученической кончины. Обстоятельствам жизни и подвига, а также необычайным духовным дарам святой посвящается эта публикация.

Виктор Васильев

Матушка Мария Гатчинская в своей келье.
Фото около 1928 г.

«Широкая, прямая Багговутовская улица белым проспектом шла между аллей молодых берёз и тополей. Всё было в серебряном инее. Песком усыпанная пешеходная дорожка золотистой лентой шла под блестящим белым сводом. Высокие снеговые сугробы лежали по сторонам. Сады закрывали пустые с заставленными ставнями, точно крепко уснувшие дачи. Оснеженные ветви кротекуса, сирени, жасминов, голубых американских елей ле-

Багговутовская улица

жали тяжёлые и дремотные. Везде был девственно чистый снег, не нарушенный ничьими следами. В этой зимней тишине иногда вдруг свалится с ветки большой кусок снега, и рассыпется с едва уловимым шорохом.

Несколько извозничьих санок проскакало с поезда. Кирасир в белой фуражке с голубым околышем, в николаевской шинели, проехал, за ним какие-то дамы и лицеист в треуголке. Барышни с гатчинскими гимназистами быстро шли по золотистой дорожке, и пар струился за ними. В зимней тишине голоса были веселы и звонки. Вдоль улицы, где не был разбегжен снег, на лыжах скользили барышня и с нею молодой человек в каракулевой шапке. Барышня шла ловко, едва касаясь палками, молодой человек путался концами лыж и не в такт работал руками. Оба весело смеялись».

Так описывал в одном из своих романов дореволюционный образ улицы, на которой жила святая Мария Гатчинская, большой русский писатель генерал П. Н. Краснов.

Такой предстала она и перед семьёй Леяных, когда в 1909 году будущая святая вместе с матерью, братьями и сестрой переехала из Петербурга в Гатчину, которая станет со временем местом её необыкновенного подвига. Семья поселилась во вновь купленном зелёном доме с мезонином на углу улиц Багговутовской и Соборной, в

непосредственной близости к Павловскому собору.

Угол улиц Соборной и Багговутовской в начале XX-го века. Справа виден дом святой

Этому дому было суждено стать местом паломничества тысяч людей. Здесь ещё при жизни болящая монахиня Мария получит именование «святая Мария Гатчинская». Здесь она будет совершать свой высокий духовный подвиг, закончившийся арестом, отсюда она отправится на страдания и смерть...

А родилась будущая святая в Санкт-Петербурге 11 февраля 1874 года (по старому стилю).

Воскресенский Новодевичий монастырь в Санкт-Петербурге. Фото конца XIX века

В первый день Великого поста, который в народе зовётся Чистый Понедельник, в семье петербургского купца второй гильдии Александра Ивановича Леянова родилась дочь, во святом Крещении получившая имя Лидия.

Крещение проходило в величественном Воскресенском храме Новодевичьего монастыря 1 марта. Совершал таинство протоиерей Василий Стефанович Вознесенский с диаконом Василием Смирновым. Восприемниками стали отставной статский советник Федор Николаевич Медников и потомственная почетная Санкт-Петербургская гражданка вдова Пелагия Александровна Зверкова.¹

Метрическая запись о крещении Лидии Леяновой

Конечно, никто из присутствующих не мог ничего знать о том, какие испытания выпадут на долю этого младенца, через какие внутренние муки и потрясения пройдёт Лидия за годы своей жизни. Никто не мог знать и того, что в этот день они принимают участие в таинстве духовного рождения будущей новомученицы и великой русской святой XX века.

Семья Леяновых жила в Петербурге на Забалканском проспекте, где её глава владел большим каменным домом, обширным участком земли с постройками и собственным сургучным заводом, выпускавшим около двух с половиной тысяч пудов сургуча ежегодно, принося приличный доход.

Несмотря на внешний успех и благополучие, чета Леяновых испытывала многие жизненные скорби. По свиде-

¹ Метрические книги Воскресенского собора Новодевичьего монастыря. ЦГИА СПб ф.19, оп. 124, д.1197, л. 723 об. — 724

Московская застава в конце XIX века.
Фото К. Буллы

ниям исследователя истории петербургского купечества Аллы Краско,² из девяти детей, которых родила Софья Александровна Лелянова, в живых остались только четверо: Александр, Владимир, Лидия и Юлия. Александр скончается от чахотки в 1912,³ Владимир преставится в Гатчине в 1927,⁴ Лидия закончит свои дни в тюремной больнице в 1932,⁵ а младшая сестра Юлия, пройдя тюрьмы и лагеря, скончается в Гатчине в сентябре 1959 года и будет похоронена на Гатчинском городском кладбище рядом с матерью и братом...⁶

Семья Леляновых, как и многие купеческие семьи старого Петербурга, стремилась жить по заповедям Божиим и помогать ближним. Долгое время в их доме жили «причисленные до совершеннолетия» племянники-сироты Алексей и Евгений Онисимовы и Митрофан Лоскутов.⁷

Дом Леляновых находился совсем рядом с Новодевичьим монастырём.

² Алла Краско. Петербургское купечество. Семейные истории. М., 2010. С. 385.

³ ЦГИА СПб., ф. 520, оп. 1, д. 1940, с. 63

⁴ Справка из Гатчинского отдела ЗАГС. Архив автора.

⁵ Справка ЗАГС Адмиралтейского района СПб. Архив автора.

⁶ Справка из Гатчинского отдела ЗАГС. Архив автора.

⁷ Справочная книга о купцах СПб. 1876.

Современный вид дома Леляновых на Забалканском (ныне Московском) проспекте

Близость монастыря, посещение монастырских служб, общий высокий духовный настрой обители приносили семье много утешения и духовной пользы. Видимо, и молитвенный семейный уклад, и духовное окружение первых лет жизни святой, помогли Лидии впоследствии со смирением принять постигшую её в юности тяжкую болезнь, сделавшую из неё обездвиженного инвалида. Болезнь Паркинсона, начавшаяся как следствие заболевания энцефалитом, когда девушке было 16 лет, неумолимо отнимала у неё здоровье. Конечности скрючивались и теряли подвижность, всё тело уменьшалось в размерах и лишь лицо оставалось благообразным и светлым.

Соборная улица в Гатчине. Справа за столбом виден дом, в котором жила м. Мария. Фото 1942 г.

В Гатчину семья Леляновых переехала по совету врачей в 1909 году, купив дом с мезонином под номером 41 вблизи Павловского собора на пересечении улиц Багговутовской и Соборной.⁸ Гатчина пользовалась славой курортного места. Известный петербургский врач Сергей Петрович Боткин, например, считал, что Гатчина обладает всеми качествами курорта: высота над морем — 35 футов, чистый воздух, обширные парки. Боткин советовал петербуржцам жить в Гатчине или, по крайней мере, проводить там большую часть года, избегая сырого, болотистого и шумного Петербурга. Но переезд в Гатчину не остановил болезни Лидии Леляновой. В 1912 году она окончательно слегла и больше с кровати не вставала.

Между тем, болезнь протекала необычно. Как отмечал первый составитель жизнеописаний многих новомучеников и исповедников Церкви Русской, в том числе, и м. Марии, протопресвитер Михаил Польский, «оказавшись полным физическим инвалидом, [мать Мария] не только не деградировала психически, но обнаружила совершенно необычные, не свойственные таким больным черты личности и характера: она сделалась чрезвычайно кроткой, смиренной, покорной, неприятельской, сосредоточенной в себе, углубилась в постоянную молитву, без малейшего ропота перенося свое тяжкое состояние»⁹.

Пребывая в постоянной молитве и часто причащаясь Святых Христовых Таин, Лидия получила от Господа благодатные дары, которые станут вскоре очевидны окружающим. Почитание будущей святой, как и её совершенствование в духовной жизни, росло постепенно. Как показывала на след-

⁸ Весь Петербург. 1909 г.

⁹ Польский М., протопр. Новые Мученики Российские. Jordanville, 1957, т. II, с. 254-257.

ствии её сестра Юлия Александровна, «в первое время болезни сестры нас навещали родственники и знакомые. После число желающих стало увеличиваться. Приходили не только наши знакомые, но стали приводить своих знакомых, имевших желание навещать больную».¹⁰

Очевидно, что была какая-то веская причина, по которой незнакомые люди приходили к болящей и число этих посетителей постоянно увеличивалось. Этой причиной были явные дары прозорливости, духовного рассуждения и, в особенности, дар утешения скорбящих и страждущих, которыми наградил Господь блаженную страдальницу. Забывая свои физические страдания, будущая святая даже в болезни радовалась своей жизни с Богом и несла эту радость другим, за что современники называли её «радостотворной».¹¹

Необходимо также отметить, что принимать посетителей м. Мария начала не по своему произволу: это было её послушанием.

Духовник святой протоиерей
Иоанн Вакулович Смолин

¹⁰ ДУФСБ по СПб и ЛО П-8894, с.289

¹¹ Митрополит Мануил (Лемешевский). Люди радования. Жизнеописания подвижников благочестия начала XX века. СПб., 2019. С.182.

В 1921 году на Гатчинское Покровское подворье Пятогорского женского монастыря митрополит Вениамин Петроградский направил известного миссионера и духовного писателя протоиерея Иоанна Смолина. Его знакомство с болящей Лидией, в которой он обнаружил духовную подвижницу, стало поворотным моментом в её духовной жизни и общественном служении.

Благодаря отцу Иоанну она становится известна широкому кругу петроградского духовенства. К ней приезжает в тяжёлое время своей жизни, незадолго до ареста и расстрела, и священномученик Вениамин Петроградский, благословивший её на монашеский постриг, оставив м. Марии свою фотокарточку с надписью: «Глубокоочтимой страдальце матушке Марии, утешившей, среди многих скорбящих, и меня грешного»¹².

Митрополит Вениамин Петроградский с клиром и прихожанами Гатчинского Павловского собора. Фото до 1922 г.

Кружок православных девушек, образованный вокруг матери Марии отцом Иоанном, станет частью братского движения начала 20-х годов прошлого

¹² Польский М., протопр. Новые Мученики Российские. Jordanville, 1957, т. II. С. 255.

века в Петрограде, главным и самым заметным явлением которого было Александро-Невское братство.

Священномученик митрополит Вениамин с духовенством и членами Александро-Невского братства

К деятельности братства м. Мария имела самое непосредственное отношение, потому что находилась в тесном духовном общении с его руководителями архимандритами Гурием и Львом (Егоровыми). Матушка также давала духовные советы братчиками и братчицам, обращавшимся к ней за помощью. Делала она это с большой деликатностью, чтобы её рекомендации не входили в противоречие с советами священников, духовными чадами которых были приходившие к ней люди. Эта была немаловажная особенность её духовного служения.

«Одна вещь обратила моё внимание, — вспоминал священник из Детского села (так называлось в 1920-е годы Царское село), — и заставила меня по-внимательнее отнестись к м. Марии. Её слова, советы и наставления, её руководство в глазах моих духовных чад являлись чем-то непререкаемым. Это были благодатные слова благодатной наставницы. И что было бы, если бы они пошли вразрез с моими словами и наставлениями, как духовного

отца? Какое смущение это могло бы произвести в душах пасомых! Какие трудности могли бы выйти из этого и для меня и для них!

Снимок времён оккупации. Справа за берёзой с указателями виден дом м. Марии

И вот, всматриваясь в её советы, я обнаружил, что они никогда не производили в душах никаких конфликтов и изломов и никогда не подрывали авторитет духовного отца. Она как-то умела ухватиться за мои слова, которые ей передавали мои духовные чада, и, развивая их, делала из них дальнейшие выводы, наставления и советы. В душе наставляемого получалось впечатление единства и гармонии. Он видел, что оба его наставника, которым он привык доверять, не разногласны, и в душе его не было смущения. Эта черта в руководстве м. Марии и обратила на себя моё внимание».¹³

Так было и в случае с гатчинской жительницей Лидией Никитиной, участвовавшей в работе Александра Невского братства. В письме, адресованном Лидии, которое матушка надиктовала в ноябре 1926 г. сестре Юлии Александровне (сама она писать не могла, потому что руками почти не владела), много интересного. «Дорогая, хорошая моя Лиди! — говорит м.

¹³ Митрополит Мануил (Лемешевский). Люди радования. Жизнеописания подвижников благочестия начала XX века. СПб., 2019. С.182-183.

Мария. — Мир Божий да настанет в душе твоей... Прочла твоё длиннейшее письмо и вижу, что оно написано в очень нервном состоянии. Видно, что ты чего-то испугалась, смутилась и задрожала, пережила много тяжёлых минут и часов, и даже дней и успокоилась только тогда, когда переговорила с О. [Гурием]; так бы следовало поступить в самый момент сомнений твоих — и он бы тебе всё разъяснил... С О. [Гурием] мы сходимся во мнении о тебе, что тебе нужна истинно христианская жизнь как мирянки, а не монашеская... Ты только не унывай, не печалься, помни, что истинно любящие тебя руководители никогда не оставят, устроят твою жизнь согласно твоим духовным, нравственным и физическим началам... Любящая тебя недостойная монахиня болящая Мария»¹⁴.

Архимандрит Гурий (Егоров) — один из духовных руководителей Александро-Невского братства

Здесь мы находим очевидное свидетельство как особого духовного такта м. Марии и постоянного совета с духовными руководителями, так и дара рассуждения. Ведь желание Лидии с виду благое: принять монашество и в
¹⁴ АУФСБ СПб и ЛО П-68567, т. 3, л. 412–412 об.

ангельском чине служить Христу. Но матушка не считает его правильным, видя, что внутреннее устройство девушки не подходит для монашеского делания. И матушка отказывает Лидии в её благом, на первый взгляд, устремлении. Такая рассудительность шла не просто от холодного ума, а была благодарным даром Божиим. Святитель Игнатий Брянчанинов так пишет об этом: «...Духовное рассуждение, есть достояние совершенных христиан; участвуют в этом благе значительно преуспевающие в благочестивом подвиге; чуждо оно новоначальных и неопытных...»¹⁵.

Мать Мария в своей келье. Фото около 1928 г.

Приведём ещё один пример рассудительности м. Марии, взяв его из воспоминаний мирянина, который часто приезжал к святой и долгое время общался с ней.¹⁶ Он жаловался м.Марии на отсутствие духовного настроения, на что матушка ему отвечала: «Ты все говоришь о настроении, а для служения

¹⁵ Митрополит Мануил (Лемешевский). Люди радования. Жизнеописания подвижников благочестия начала XX века. СПб., 2019. С.190-191.

и угождения Богу не нужно и не должно быть никакого особенного настроения. Надо просто исполнять заповеди Его, творить волю Его и делать своё духовное дело, какое бы ни было настроение. Не должно дело зависеть от настроения, и очень нелепо и пагубно ждать настроения для дела. Хорошее духовное настроение будет уже плодом духовного дела, но не ради этого настроения надо делать дело, а только ради исполнения воли Божией. И настроение даст уже Сам Господь, а какое и когда — это уж Господь знает лучше, ибо Он всё даёт нам только для нашей же пользы, и если нет желаемого настроения, значит, Господь знает, что сейчас оно нам не полезно и не нужно».

Посетитель не соглашался: как же делать что-то в худом настроении, раз оно мешает и расслабляет? Матушка сказала, что нужно терпение и смирение, служение и угождение Богу — труд, и труд тяжелый и долгий. Без труда никогда ничего не делается и не приобретается, тем более духовное, а желание постоянного хорошего настроения, радостей и восторгов — это уже не желание трудиться, следовательно, и не желание служить Богу, а угождать только себе. Хорошее духовное настроение, радости и умиления и другие духовные чувства — это награда за труд. Напрасно кажется, что в лёгких условиях труд будет успешнее: это только самообман. Наоборот, в лёгких условиях труд будет более разлененнее, а видимый успех породит самомнение и нерадение, так что служение и угождение Богу прекратится совсем, а с остановкой духовного делания непосредственно прекращается и духовная жизнь, и наступает смерть души.

Матушка Мария утешала жалующихся на свою греховность, частые падения и отсутствие прогресса в духов-

ной жизни, говоря, что безгрешным быть нельзя, невозможно для человека и свойственно только Ангелам. Нам же для своего исправления дано покаяние, вот нам и надо до самой смерти каяться и исправляться. Как бы тяжело ни пал, всегда возможно и всегда нужно энергично встать, бороться с греховностью и падениями, только никак не отчаиваться и не отступаться от борьбы. Труд самоисправления долгий и заметных результатов сразу никогда не даёт. Успех уже есть в том, что грехи мучают, и их всё яснее и глубже видишь и более и более гнушаешься ими, и духовные стремления идут вперед.

Интересен и уникальный духовный совет, который она дала в марте 1927 года профессору И.М. Андреевскому (Андрееву), когда тот сказал матушке Марии, что на него часто нападает ужасная тоска, которая длится иногда несколько недель, и он не может найти никакого средства от неё избавиться...

Профессор И. М. Андреев (Андреевский) — преподаватель Свято-Троицкой семинарии в Джорданвилле

«Тоска есть крест духовный, — говорила матушка Мария, — посылается она в помощь кающимся, которые не умеют раскаяться, то есть после покаяния снова впадают в прежние грехи... А потому — только два лекарства лечат это, порой крайне тяжкое, душевное страдание. Надо — или научиться раскаиваться и приносить плоды покаяния, или — со смирением, кротостью, терпением и великой благодарностью Господу, нести этот крест духовный, тоску свою, памятуя, что несение этого креста вменяется Господом за плод покаяния... А, ведь, какое это великое утешение сознавать, что тоска твоя есть неосознанный плод покаяния, подсознательное самонаказание за отсутствие требуемых плодов... От мысли этой — в умиление прийти надо, а тогда — тоска постепенно растает и истинные плоды покаяния зачнутся...»¹⁷

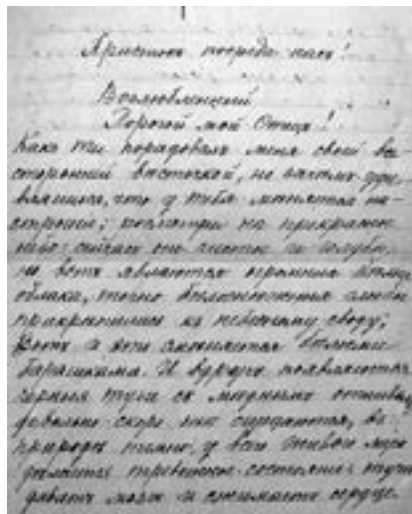
«От этих слов матушки Марии, — говорил И.М. Андреевский, — у меня в душе точно кто-то операцию сделал и удалил опухоль духовную... И вышел я другим человеком».

По воспоминаниям современников, когда мать Мария хотела сделать замечание, то вдруг начинала речь об общих принципиальных вопросах, а потом делала вывод: «А если это так, то не вытекает ли из этого вот то-то и то-то, как вам кажется?» И человек останавливался, задумывался... Потом разговор продолжался. И только на обратном пути человек начинал понимать, какой урок ему был преподан. В жизни это сильно помогало принимать правильные решения. Всегда в тяжелые моменты вспоминался разговор с матушкой.

¹⁷ Польский М., протопр. Новые Мученики Российские. Jordanville, 1957, т. II, с. 254-257.

Духовный отец святой протоиерей Пётр Белавский. Фото около 1925 г.

Письмо м. Марии в Соловки своему духовному отцу прот. Петру Белавскому

О. Пётр Белавский в заключении на строительстве Беломорканала

Матушка о. Петра Ксения Васильевна со своей матерью и дочками Ксенией и Шурой (стоит на стуле). Фото сделано в Гатчине

Серебряный складень — подарок м. Марии о. Петру, прошедший с ним тюрьмы и ссылки

Примерно в такой форме написала м. Мария письмо в Соловки своему духовному отцу прот. Петру Белавскому в канун Пасхи 1931 года: «Христос среди нас! Возлюбленный, дорогой мой отец! Как ты порадовал меня своей всесторонней весточкой! Но зачем удивляешься, что у тебя меняется настроение? Посмотри на прекрасное небо! Сейчас оно чистое и голубое, но вот являются огромные белые облака, точно белоснежные глыбы, прикрепленные к небесному своду. Вот и это сменяется белыми бараш-

ками. И вдруг появляются чёрные тучи с медным отливом. Довольно скоро они сгущаются, в природе темно, у всего живого мира делается тревожное состояние: туча давит мозг и сжимает сердце. Но вот поднялся ветер, грянул гром и полился обильный дождь; небо прояснилось, выглянуло солнышко, воздух очистился, повеяло приятной свежестью, всё оживилось, и человек воспрянул духом... Не то ли самое бывает с нами, в нашей внутренней природе? Не то ли самое испытываешь ты, родной, многие, вот и я, неключимая, когда после пролитых горячих слёз очищается наше сердце и становится легко-легко? Как много милости у Всемогущего! Вчера видела дорогую женушку; она выглядит хорошо, а главное, спокойно. Конечно, её много утешают детки, да такие интересные, как ваши. Асенька большое утешение для родителей, а Шурочка по малолетству интересна и забавна. Как хорошо, что и для тебя время бежит! Не знаю, когда придет моё письмо. Может быть, на Пасхе? Так я заранее с тобой христосуюсь, дорогой мой отец. Сестра и тненицы низко кланяются, поздравляют, и целуем твою отеческую руку. Скажу несколько слов о себе: здоровье сильно ухудшилось; чувствуется болезненность во всём, стала недотрога, но всё же Господь милостив ко мне. Счастье вас не оставило на севере, счастье в том, что живёте среди природы. Природа — это родная мать, которая воспитывает нас, утешает и радует. Сейчас оттаяли мои стёкла, и я через моё маленькое окошечко вижу частичку природы; в этом — большое успокоение! Дух дышит везде, и не было ни одного дня, чтобы не вспомнили тебя; но всё же хочется воочию видеть, поговорить и послушать. Да будет всё святое и сильное с тобой, мой дорогой

и любимый отец. Не забывай всех и меня молитвенно вспоминай. С христианской душой любящая тебя Лидия».

В этом письме м. Мария подписалась своим мирским именем, чтобы не дать ОГПУ возможность заподозрить что-либо и не навредить своему духовному отцу.

Каждый, кто приходил на второй этаж дома по Багговутовской 41, ощущал необыкновенное веяние благодати Божией. «Когда мы вошли в комнату м. Марии — пишет посетитель, — (она жила на квартире вместе с братом и сестрой на втором этаже), первое, что я почувствовал, это ощущение мира, всё существо как бы обволакивалось этим миром... Никогда до сих пор ничего подобного я нигде не ощущал. В одно из последующих посещений я рассказал м. Марии об этом. «Вы не первый говорите мне это, — сказала она, а потом объяснила: — Это оттого, что я часто причащаюсь, здесь часто бывают Св. Тайны».¹⁸

Встречали посетителей в доме на Багговутовской сестра матушки Юлия Александровна, которая была её секретарём, другом и сиделкой, и брат

Сестра м. Марии Юлия Александровна после возвращения из лагерей. Фото 1950-х гг.

¹⁸ Митрополит Мануил (Лемешевский). Указ. соч. С.183–184.

Владимир Александрович, скончавшийся, как мы упоминали, в августе 1927 года. Они радушно поили гостей чаем и беседовали с ними, потому что ждать в большой комнате, служившей приёмной, иногда приходилось по часу и дольше.

Круг посетителей матушки был очень широким. Здесь можно было встретить маститого архиерея и крестьянку из ингерманландской деревушки, петроградского священника и посудомойку из станционного буфета. В следственном деле, например, отмечался и тот факт, что к матери Марии ходили «все попы города Красногвардейска», как тогда называлась Гатчина.¹⁹

Келейка её была небольшая, продолговатая, с одним окном. Много икон. Весь угол, стена около окна и другой угол были увешаны образами: довольно большими, под стеклом, и множеством маленьких, на бумажках, прикреплённых гвоздиками и булавками прямо к стене. Окно было направо от двери, а налево, посреди комнаты, лицом к окну лежала недвижимо м. Мария в апостольнике и мантии, к которой сбоку были пришиты чётки. На этом чёрном фоне, из-под апостольника, резко выделялся белый треугольник лица. Когда в келию входил посетитель для беседы, то предварительно совершалась краткая молитва. Если в комнату входил священник, то она всегда просила у него благословения, а потом дать ей поцеловать благословляющую руку. То же самое после беседы. Мирянину говорила, чтобы взял её четки, перекрестился ими и поцеловал крест на них. Миром и молитвой веяло от святой страдальцы. Когда посетитель сидел сбоку, м. Мария не могла повернуть лица, так как шея не двигалась, и она только немного переводила глаза в его сторону.

¹⁹ АУФСБ по СПб и ЛО П-8894, т. 2, с. 456. Обвинительное заключение.

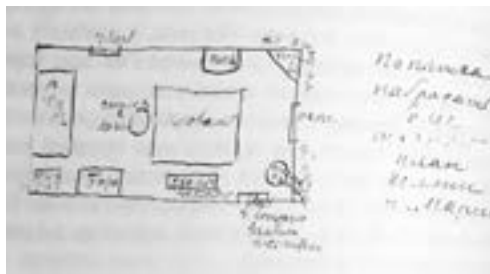

Рисунок плана кельи м. Марии, сделанный современником

Садясь на скамеечку около кровати м. Марии для беседы, никому почти никогда не приходило в голову справиться о состоянии её здоровья. Казалось так естественно, что она лежит, что она недвижима. От неё не слышалось никаких жалоб, было столько спокойствия, благодушия, что и пришедшему становилось спокойно и хорошо, и он забывал, что перед ним физически почти живой труп, живые мощи...

Обращение с приходящими было ровное и спокойное. Разговор шёл просто и непринуждённо, и через несколько минут совсем забывалось, что ты только что познакомился с м. Марией. Казалось, что ты давний хороший знакомый матушки, что у вас давно установились дружеские отношения и что ты можешь всё ей рассказать, и тебя поймут. Не было никакой слащавости, никаких сочувствующих восклицаний, и посетитель уходил после беседы и обрадованный, и ободренный, а часто и обновленный.

Вот какими выходили, по свидетельству очевидцев, от матери Марии её посетители: «Юноша, унывающий после ареста и ссылки отца-священника, вышел от матушки с радостной улыбкой, сам решившись принять сан диакона. Молодая женщина от грусти пришла к светлой радости, также решившись на монашество. По-

жилой мужчина, глубоко страдавший от смерти сына, вышел от матушки выпрямленный и ободренный. Пожилая женщина, вошедшая с плачем, вышла спокойная и твердая». И таких людей были не десятки, а многие и многие сотни.²⁰

Сама м. Мария терпела подчас сильные боли. К концу жизни даже небольшое прикосновение причиняло боль, о чём в своём письме к о. Петру Белавскому она скромно упоминала: «Чувствуется болезненность во всём. Стала „недотрога“». Испытывая физические страдания, матушка молилась так: «Господи! Потерпи болезни мои, понеси боли мои!» Один день она бывала почти умирающая, а на другой уже принимала посетителей с их скорбями, давала советы, вникала в их жизнь. А если этот человек опять посещал её через полгода или год, то она всегда помнила и его самого, и то, с чем он приходил. Когда её спрашивали, не устаёт ли она, принимая посетителей, матушка отвечала: «Вот мой старец пожалел меня и велел некоторое время никого не принимать, отдохнуть. И во время этого отдыха у меня возникли пролежни, а раньше их у меня не было. Потом, когда я снова начала принимать посетителей, у меня всё прошло». Вообще молитвы м. Марии были сильными, действенными и низводили Божию помощь на тех, за кого она молилась. Но в последние годы жизни перед арестом состояние святой часто ухудшалось настолько, что на дверях дома приходилось вывешивать записку о том, что матушка сегодня не принимает.

Некоторые советы святой, касающиеся молитвенной жизни, дошли до нас. Людям, находящимся во вражде или затаившим обиду, она указывала на молитву как на могучее средство из-

²⁰ Цит. по: В.В. Антонов. Она имела дар утешения. «Возвращение», №3 (7). С. 47.

гнания из души неприязни. «Молитесь так: „Господи, спаси раба Твоего (имя того, на кого обижен) и по его святым молитвам помилуй и меня, грешного!“ Утром и вечером так молитесь». Большим она советовала молитвенно призывать преподобного Агапита, инока Печерского, безмездного врача. Женам, у которых мужа предавались пьянству, велела класть за них земные поклоны с обращением к Спасителю, Божией Матери, Ангелу-Хранителю, Святителю Николаю, святому, имя которого носит муж, свв. мученикам Вонифатию и Василиску, а в конце — класть поклон и за себя, так как жена тоже страдает от пьянства мужа.

Митрополит Петроградский Иосиф (Петровых)

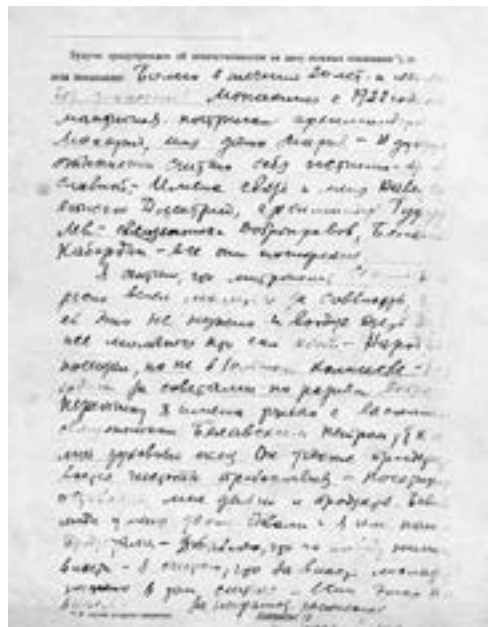
После появления в 1927 году известной Декларации митрополита Сергия (Страгородского) об отношении Церкви к советской власти мать Мария твёрдо приняла сторону последователь митрополита Иосифа (Петровых).

Она считала невозможным умалить достоинство Церкви подчинением безбожной власти. Тех же людей, которые приняли Декларацию, она какое-то время принимала и вела с ними беседы. Она отрицала наличие какого-либо раскола, говоря: «Никакого раскола нет, только недоверие и расхождение с митрополитом Сергием». На вопрос о благодатности тех, кто остался с м. Сергием, она мягко отвечала, указывая на духовную сторону вопроса: «Я вам сейчас отвечу. На юге солнце льёт на предметы потоки лучей, а чем дальше возьмем местности к северу, лучи будут падать всё меньше. И чем дальше вы будете идти по избранной вами дорожке, тем больше вы будете отдаляться от солнца и тем менее будете собирать благодатного тепла в свои сосуды. И я боюсь, что может настать момент, когда ни один луч не осветит вас...»²¹

Именно эта боязнь утратить благодать Божию делала святую непреклонной по отношению ко всяким компромиссам в церковной жизни. На допросе в больнице Дома предварительного заключения она показала: «Болею в течение 20 лет и лежу без движения. Монахиня с 1922 года, мантийная. Постригал архимандрит Макарий, имя дано Мария. В духовном отношении считаю себя истинно православной. <...> Я считаю, что митрополит Сергей напрасно велел молиться за Соввласть, так как ей это не нужно. И вообще пусть за неё молятся кто сам хочет. Народ меня посещал, но не в большом количестве. Приходили за советами по разным вопросам. Переписку я имела только с высланным священником Белавским Петром, т.к. он мой духовный отец. Он также придерживается чистоты православия.

²¹ Митрополит Мануил (Лемешевский). Указ. соч. С.188-189.

*Посетители оставляли мне деньги и продукты. Бывшие люди у меня также бывали и я им помогала продуктами. Добавляю, что по поводу поминовения власти я считаю, что за власть молиться нужно в том случае, если этого хочет власть».*²²

Протокол допроса м. Марии

Мы не знаем, какие муки претерпела святая во время ареста 19 февраля 1932 года, когда её волокли со второго этажа по лестнице два чекиста, невзирая на крики от боли. Мы не знаем, каким опытам она подвергалась в тюремной (бывшей Александровской) больнице, но на её руках после смерти были найдены следы порезов сухожилий. Мы не знаем, отчего она, действительно, умерла. Возможно, от голода, так как могла принимать только жидкую пищу через рожок, готовить которую для неё специально никто, конечно, в тюремной больнице не стал бы. Никто бы не стал и кормить её таким образом.

Скончалась святая мученица 17 апреля

²² ДУФСБ П-8894 л. 376, 376 об

ля 1932 года, будучи уже осуждённой, а через неделю без огласки была похоронена на Смоленском кладбище близ часовни святой блаженной Ксении Петербургской.

Морг больницы 25 Октября

Так исполнилось над матерью Марией то, о чем говорил святитель Василий Великий, повествуя о подвигах первохристиан, принимавших мученические венцы: «Иные из них не знали обвинителей, не видали судилищ..., но безвременно ночью похищены насильственно, сосланы <...>, и злостраданиями, какие должны были терпеть в пустыне, доведены до смерти».²³

По промыслу Божию мать Мария отошла ко Господу в день своего Ангела — преподобной Марии Египетской. А в 2007 году после обретения, мощи святой были пренесены к месту её духовного рождения — в Новодевичий монастырь, где они были омыты, обложены и положены в резную раку. В Гатчину они прибыли 30 марта — в день памяти духовного отца святой протоиерея Петра Белавского. Много совпадений, но у Бога не бывает случайностей.

Сразу после погребения её могилы

²³ Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. Новый исправленный перевод Московской Духовной Академии, СПб., 1911. Т. 7. Письмо №235.

ка стала местом паломничества. По смертному почитанию святой установил на Смоленском кладбище последний управляющий иосифлянкой епархией в Петрограде митрофорный протоиерей Алексей Западалов, служивший в 1900-х гг. в Гатчинском Павловском соборе. На панихиду на могиле матери Марии собирались до 12 священников. Отец Алексей будет расстрелян в 1938 году.

У могилки м. Марии на Смоленском кладбище. 2004 г. (Фото автора)

В течение нескольких лет Гатчинское благочиние собирало сведения о святой для её канонизации. Записывались воспоминания современников, изучались архивно-следственные материалы. В результате было составлено житие матери Марии Гатчинской, которое стало основанием для её прославления в лике святых, а также составлены тропарь, кондак, молитва и акафист святой.

Пренесение святых мощей м. Марии в Гатчину.
30 марта 2007 г.

17 июля 2006 года Священный Синод Русской Православной Церкви причислил её к лику новомучеников и исповедников, а ещё через год, 26 марта 2007 года её святые мощи были обретены на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга. Ныне они покоятся в Гатчинском Павловском кафедральном соборе, и матушка Мария, словно живая, продолжает совершать чудеса помощи по молитвам всех, кто обращается к ней с просьбой.

Колокольный звон Руси

Лариса Киселева

Начинается день в предначертанном круге:
Просыпайся, вставай православный народ,
Слышишь, звук величавый плывет по округе?!
Это благовест в церковь на службу зовёт.

Задаваемый ритм, как биение сердца,
Возвещает приходам и радость, и грусть —
Ритуал непонятный в глазах иноверца,
Как и всё, чем живёт вековечная Русь.

От усердных молитв у икон и распятий
Перезвон колокольный взлетит до небес,
Дух святой снизойдет к нам огнём благодати,
Чтобы снова Господь в наших душах воскрес.

Ну, а если земля сотрясётся набатом...
Поднимая хоругви и воинский флаг,
Мы в бойце по соседству почувствуем брата,
И от силы единой попятится враг.

Пусть он вспомнит, коварные планы лелея:
Русский дух даже смертью нельзя погасить,
И Георгий, копьем поражающий змея,
Неспроста на гербе освящённой Руси!

ИНГЕРМАНЛАНДИЯ

*Будь благословенна, Ингрия, век:
Рощи заповедные, ижорский плавный бег,
Древние руины, цветущие поля —
Милая, прекрасная, щедрая земля.*

Павел Крылов

БЫЛОЕ. ВОСПОМИНАНИЯ. НАША ЗЕМЛЯ

Елена Куорти (Деревлёва)

Посвящается
100-летию со дня рождения моего отца
Ивана Анисимовича Куорти

Дед мой, ингерманландец Йонас Петрович Куорти (впоследствии имя его переделали на русский манер — Анисим) был 1880 года рождения, а бабушка Мария Ивановна Виролайнен — 1882 года. Сначала они жили в деревне Анташи (Антаси) Волосовского района, где и родился мой будущий отец Иван — самый старший из их пяти сыновей, 21 мая 1905 года. Затем семья жила в деревне Горки прихода Губаницы. Дед служил в Кронштадте, где, по словам отца, были лабораторные животные (крысы), из сыворотки их крови готовили лекарства для фронта. Бабушка навещала там деда. Бабушке приходилось одной растить и воспитывать пятерых сыновей: Ивана — 1905 г. р., Андрея — 1907, Петра — 1910, Якова — 1916, и Александра — 1920 г. р.. Помогала ей сестра Лена. И была ещё приёмная сестра Нюра — до революции в крестьянские семьи брали на воспитание детей из сиротских домов, и им платило государство — хоть небольшие, но деньги. Нюра сейчас живёт в Новгороде с дочкой Инной 1944 г.р. Она мне рассказывала, что ходила к моей бабушке мыть полы и готовить. А дед, «запланировав» очередного сына, уезжал на службу, и однажды приехав на день рождения сына Якова, «обсчитался», и пришлось задержаться, пока появился на свет сын. Характер у деда был строгий, даже суровый, и умер он в 1920 году в возрасте 40 лет.

Дед Анисим с бабушкой Марией.
г. Кронштадт. Фото 1915 г.

Мне кажется, что наше поколение выглядит намного «моложе», т.к. на нашу долю не выпало столько страданий, голода и войны, да и от характера тоже зависит.

Мой отец тоже не был ласковым, но я его уважала за честность, порядочность, милосердие ко всем людям и животным.

Итак, в 15 лет остался за старшего в семье отец. В зимнее время из близлежащих деревень ездили работать в

Питер на своих лошадях — ямщиками. Взял с собой в город дядя и отца на заработки.

Отец рассказывал позже моему мужу, как во времена НЭПа, ему приходилось возить в «цыганскую слободу» на отдых и веселье, на три дня «любителя цыганских утех» в меховой шикарной шубе.

А о том, как отец стал писать в газету заметки, мне недавно рассказала его двоюродная сестра. Ехали они в город обозом, и к ним подсели попутчики, из их разговора отец понял, что замышляется преступление. Отец тут же написал в газету, и преступление было сорвано. После этого ему предложили стать корреспондентом районной волосовской газеты. Затем, для сбора информации, ему выдали велосипед. Его брат Яков окончил Гатчинское финское педучилище и работал в первом составе редакции «Гатчинская правда», где одна страница была на финском языке. Я, к сожалению, не сохранила эту газету, где был помещён снимок «Первый состав Гатчинской правды». Это было между 1970 и 1975 г., когда наша семья жила в Гатчине.

Моя мать, Кийски Екатерина Ивановна, жила в деревне Греблово Волосовского района. Она была младшей в семье. Старший ее брат Матти (Матвей), 1895 года рождения, погиб на войне. Были братья — Пётр 1898 года рождения и Александр — 1909. Отец матери, Иван Андреевич, умер в Иванов день 1920 года. Бабушку мою звали Еленой. Мама моя проходила в приходе Губаницы конфирмацию (обряд совершеннолетия), они там месяц учились семейному делу, мыли церковь. У матери был красивый голос, и её оставляли петь на клиросе, но надо было идти домой, так как было большее хозяйство. На лето нанимали двух-трех человек (финнов) для помощи

в уборке урожая, в хозяйстве было 10 Га земли, несколько коров и лошадей. Поженились мои родители 13 января 1936 года, а познакомил их брат матери Пётр (он тоже был на заработках в городе). На Сенной площади продавали сено для лошадей, а под площадью размещались огромные продуктовые склады (на этих складах хранились во время войны 1941–1944 годов продукты для армии и партийного руководства Ленинграда, немцы не смогли их разбомбить. — Прим. авт.). Неподалёку, у канала Грибоедова, были общежития для ямщиков, где мать, навещая брата, впервые попробовала помидоры и вишнёвое варенье. Помидоры ей сперва не понравились, но брат Пётр учил есть их с солью. Повёз отец мать в Волосово с приданым, где они жили напротив вокзала, на 3-й улице. Эту комнату дали ему от редакции. А до этого отец работал счетоводом коммуны «Пюринде» («Стремление») Волосовского района Смольковского сельсовета, бывшее имение «Раболово».

На старинном фото за спиной отца висит плакат Владимира Маяковского «Ударим первой пятилеткой по капитализму!». Коммуна существовала с 1929 по 1934 год, затем стала колхозом. Первый ребёнок, Рома, родился в 1936 году, второй, Витя — 5 декабря 1938, третий, Вова — 21 февраля 1939 года. Моего отца взяли служить в «Финскую народную освободительную армию». Началась финская война 1939 года. Казармы находились в Гатчине у Балтийского вокзала. Солдат-финнов одели в трофейную «белопольскую» форму светло-зелёного цвета. С этой формой было много хлопот: когда 31 дек 1939 года отец получил увольнение из Kuokkola (Репино) и ехал домой на Новый год в Волосово, то, в находящемся на военном положении городе Ленинграде, вооружённые патрули

проверяли его несколько раз. На войне отец обморозил ноги, и они у него потом всё время мёрзли — даже летом он надевал шерстяные носки. Матери не удалось учиться после первого класса, было большое хозяйство, а отец окончил пять классов и в течение жизни учился и овладевал разными профессиями — бухгалтер, печник, строитель, пчеловод.

А мать все по хозяйству: ткала, вязала, шила и воспитывала своих детей. После подписания договора с Финляндией в 1940 году семья жила в Выборге, где отец охранял склады, а в августе 1941-го военные ушли, оставив город. Потом пришёл приказ оставить город и гражданским лицам, и двинуться в Ленинград. Отец, как комиссар отряда, вёл людей ночью, а днём все пряталась в лесу. Дойдя почти до линии Маннергейма, попали в засаду финнов:

- Стой, кто идёт?
- Свои, — говорит отец.
- Пароль?

Но отец не знал пароль, и повезли их в Финляндию, в плен. Мать в это время находилась в деревне Греблово с детьми. А в восьми километрах от деревни, в Губаницах, располагалась лютеранская церковь, где люди встречались и делились своими бедами. Вот там-то матери и сообщили (через Красный Крест), что отец находится в плену, в Финляндии. Во время войны в Волосовском районе немцы гоняли жителей деревень на строительство и расчистку дорог, заготовку дров. Картошку, зерно и живность отобрали, для питания осталась брюква, ею и питались всю зиму 1941 года. У матери заболел трехлетний сын Витя, заболел серьезно, скарлатиной, пришлось везти в Клопицы, за 5 километров, к немецкому фельдшеру. Тот, боясь распространения инфекции, сделал уколы остальным двум сыновьям, после чего

дети умерли, и пришлось матери схоронить их у Губаницкой кирхи. Вдобавок этой же зимой умерла моя бабушка Лена.

А весной по спискам стали отправлять русских в рабство в Германию и Польшу, а финнов — через Эстонию (лагерь Клоога) на судах — в Финляндию, по взаимному договору. Так как мать осталась без детей, она сразу попала в списки. Кое-что из вещей удалось закопать в саду, в яму. Ночью мать вместе со свекровью, бабушкой Марией, на товарном поезде уехали в Эстонию, а затем попали в Финляндию, в расформировочный пункт. В финских газетах сообщили, что привезли из России работников, с указанием пола и возраста. Отец вспомнил, что, находясь в плену, голодал, и однажды, когда погибла лошадь во время грозы, им разрешили поест конины, что явилось для голодных людей праздником. Весил отец в возрасте 36 лет около 46 кг! Поэтому тяжелые работы выполнять не мог, занимался столярными работами, не показывая знания финского языка. Однажды он увидел газету, которую читал финский офицер. А в ней попались на глаза списки, среди которых были фамилии дорогих родных — матери Куорти Марии Ивановны 1882 года рождения и жены — Екатерины Ивановны Куорти, рожденной 11 ноября 1911 года. Отец обратился с просьбой к офицеру о свидании с родными. Тот удивился финской речи, и свидание разрешил, посыл посланного. Когда мать приехала, она еле узнала отца, все (страшное) ему рассказала, на что отец ответил: «Катя! У нас такое горе и в семье, и в стране, а ты цветешь, как пожаренная булочка!» А у матери от природы был румянец на щеках, близко подходили сосуды, и было ей 33 года! Да и ели они брюкву, а это сахар, да и молодость свое берет.

Мать осталась вместе с бабушкой жить и работать недалеко от лагеря, работали у хозяев — косили, жали рожь. Удивительно было матери, когда хозяйка звала ее к столу: «Rouva Katri! Tilkkaa korvikeytto!» («Госпожа Катя! Идите пить кофе-суррогат!») А мать-«госпожа» стоит босиком и жнет рожь!

А отец рядом работал, на кирпичном заводе. И жили все вместе в какой-то баньке. Там я и родилась 14 мая 1944 года. Крестили меня в честь обеих бабушек — Мария-Лена. Поп приходил на дом. Именно в этот день из лагеря военнопленных прибежал посыльный с требованием отцу немедленно вернуться обратно в лагерь по причине проверки. С тех пор я до четырех лет не видела отца!

В январе 1945 года был заключен договор о перемирии между Россией и Финляндией, и всем ингерманландцам разрешили ехать домой, кто не хотел, мог остаться. Все решили ехать домой!

Финны отправили нас на поезде, дав в дорогу сухой паек. А в Выборге нас перегрузили в «скотовозки», лишь в некоторых были буржуйки-печки. И мимо родных мест, по белым снегам

Куорти Елена с родителями. Финляндия. Фото 1944 г.

Дочь сестры бабушки Катя с мужем Петей. СПб. Фото 1955-56 г.

нас увезли далеко, кого куда. И многие не доехали до места, замерзли в пути. На своем теле мать сушила пеленки. Семью сестры бабушки Лены Виролайнен отправили дальше всех, к морю Лаптевых. Они жили в землянках, сплавляли лес, растили детей. Старшая дочь Катя вышла замуж за якута Петю, сейчас они живут в Калмыкии, в городе Элиста. У них шесть детей, и много внуков. Хельми, средняя сестра, прожила большую часть жизни в городе Петровске Саратовской области. Там же жила потом и их мама, младшая сестра Нина и брат Иван. Нина в молодости еще девушкой сбежала с севера в Ленинград, где выучилась на учителя географии и затем работала в городе Петровске учителем и дирек-

тором школы. Ниточка не порвалась: у неё есть сыновья, внуки и внучка. Нашу семью оставили в деревне Старое Гвоздино Калининской области Краснохолмского района.

Мы жили с мамой и бабушкой Марией в доме у людей. Днём мама работала, поднимала российское хозяйство, выполняя решения правительства, вечерами и ночами думала о нас с бабушкой, шила людям одежду, а люди расплачивались продуктами. Мылись там в печках. Мама, маленькая ростом и проворная, приоровилась вылезать чистой из устья печи, а бабушке это не удавалось. Приходилось отмываться от сажи во дворе на морозе. Это, конечно, не очень нравилось, как и многое другое. Поэтому наша семья выехала в Эстонию. Отец в это время находился в фильтрационном лагере «Серебряный Бор» в городе Москве. У меня сохранилась переписка, отца с мамой. Мама писала: «... Лена каждый день бежит к тебе в Москву, выйдя на улицу. Ты не можешь себе представить, какая она сейчас!» А отец писал: «По ночам, во сне, я очень часто бываю с вами вместе». Так за что же разлучили родителей? Я увидела, отца только в 1948 году, когда мне было уже 4 года. Семьи брата матери Кийски Александра и Петра с детьми отправили в Великолукскую область. Затем оттуда наши семьи переехали в Новгородскую область. Там жили в посёлке Топорок. «Там, где тёсанный порог, там посёлок Топорок», — частушка. Дом, в котором мы жили, стоял у реки Перетёнки, и там же она вливалась в спокойную и глубокую реку Мету. В доме ранее была школа, и в комнате с высокими потолками была огромная плита с духовкой.

Мама ходила на станцию разгружать вагоны, а отец работал за рекой на заводе. Мы остались в доме одни: мне — 6 лет, Вове — 3,6 года, Вите — 8 меся-

цев. Я скормила ему из соски молоко, которое мама оставила для младшего брата, он всё плачет. Я ему ещё дала водички, а затем взяла тряпичную куклу и забралась в духовку. Там было ещё тепло — мама утром готовила завтрак, а это было уже часов в 11 утра. Попросила Вову, чтобы он закрыл дверцу духовки, потом испугалась, когда стало в ней темно. Сколько я кричала, не помню! Но не хватило ума поджечь ноги, чтобы Вова смог открыть «заложку». Потеряла сознание. Мама пришла — дома тишина, Витька наревелся и уснул, Вова тоже уснул, но под кроватью, а я — в духовке. Вова сказал маме, что Ленка умерла. Очнулась я в ванне, надо мною врач и мама в слезах, а я — синяя и в ржавчине.

А сколько раз я тонула, пока не научилась плавать! Первый раз летом на Мсте меня забросили за руки и за ноги мальчишки в реку, и, видя, что я долго не появляюсь, сами и вытащили (окрестили новенькую). А я ещё и очень плохо говорила на русском, так как мы с бабушкой Марией жили в Эсто-

Куорти Елена с братом Вовой. Новгородская область. Фото 1951 г.

нии в городе Тырва, улица Мяннику. Поэтому я знала до 6 лет финский и эстонский языки. А за лето пришлось освоить русский язык и пойти в школу. Школа находилась за рекой, и ещё через какой-то приток надо было идти по брёвнышку.

А осенью это бревно заледенело, и я, находясь в цепочке детей, бухнулась под лёд вместе с портфелем. Меня вытащили и на печку в ближний дом. Высушили меня вместе с учебниками и отправили домой. Учительница, запрещала моим родителям разговаривать со мной дома на финском языке, чтобы я быстрее освоила русский. Сколько было радости, когда я принесла домой «4» по чтению.

Наступила весна. Наши мамы пришли на речку полоскать и отстукивать на камнях половики. Мы с подругой Валеи тут же крутились. Когда матери ушли, я заявила, что на этом камне была моя мама, с чем не согласна была Валентина, и столкнула меня в быстрый поток Перетёнки. Так как рядом была плотина, меня понесло к слиянию с глубокой Мстой. Не знаю, каким чудом я ухватилась за кусты и лежала как рыба, когда прибежала моя мама. Валя, испугавшись сделанного, прибежала домой и спряталась под кровать. Мать её допытала и к моей побежала. Ладно, что хоть до слияния рек я на берег выбралась! Нас всех всегда тянуло жить в свои родные места, но не разрешалось по статье 38-й неблагонадёжным финнам жить близко к границе. Затем, по решению правительства, всех ингерманландцев решили поселить в Карелии.

Мы переехали в Петрозаводск и жили в бараках на окраине, на улице Вторая Ключевая. Рядом были двухэтажные сараи, на крыше которых мы сушили веники для козы Розки. Мне надо было заготавливать эти вени-

ки, пасти козу, нянчить братьев, пока родители работали. С 9 лет я ходила за ягодами и продавала их у хлебного магазина, а на вырученные деньги покупала калачи. И сейчас помню вкус теплых калачей.

Жили в бараках русские, финны и карелы дружно, танцевали кадрили по коридору, отец был заводилой. А как весело мы справляли Рождество! Отец приносил ёлку, делал крестовину чтобы она ровно стояла, и мы наряжали её игрушками. В основном бумажными, но были и покупные зверьки, покрытые серебристой краской. Мы с мамой прикладывали их к густому тесту, вырезали печенье и вешали на ёлку вместе с конфетами. И потом не могли дожидаться, когда их можно будет съесть. Пели песни хором, на русском и финском языках. Папа работал начальником столярного цеха на кораблестроительном заводе. Иногда добровольно-принудительно подписывался почти на всю зарплату на облигации, которые нужны были для поднятия хозяйства, разрушенного войной. Я не знаю, как мать выкручивалась, чтобы нас накормить и одеть. На квартире у нас всегда кто-то жил, так как комната была большая, с пли-

Семьи Куорти и Тиенарь. Петрозаводск. Фото 1955 г.

той. Мать и дочь Тиенарь, живя у нас на квартире, сроднились с нами. Затем жили молодожёны Миша с Лидой Канинен (молодой ученик отца, столяр). Приезжали двоюродные сестры с лесосплава из Сегежи. Им приходилось работать в холодной воде и выполнять нормы взрослых. Отец по выходным дням всё что-то мастерил. Кому стол, кому табурет, рамы. Игрушками у нас были стружки и кубики. Потом отец изготовил мне пальцы из фанеры. Я вышивала и гладью, и крестом, шить научилась у мамы и тёти Марии Тиенарь.

Поехал отец в дом отдыха в город Пушкин и зашёл в Ленинграде на «Баухолку» у Балтийского вокзала. Оттуда он привёз матери швейную машинку. Нижняя часть машинки заржавела, но мать узнала в ней свою девичью машинку, закопанную в деревне Греблово в 1941 г. Отец сделал ей чехол из фанеры. Эта машинка (марки Singer) и сейчас мне служит. Наша квартирантка готовилась к экзамену в 10-й класс и пошла на берег Онежского озера. Она взяла меня с собой, чтобы научить плавать. Мы с ней доплыли до камня метрах в 10–15 от берега, и глубина там метра три. Она меня оставила на камне и крикнула: «Плыви к берегу, а я ухажу домой!» Сама спряталась за камнями на берегу и наблюдала за мной. Я оттолкнулась от камня и почувствовала, что вода меня держит! Замолатила руками и ногами и поплыла! Я благодарна Ане за такой суровый урок. Так я научилась плавать в 9 лет. Но этого мне показалось мало, надо попробовать взлететь. Мама, уходя на работу, оставляла нам еду. Но я еду оставляла братьям, а сама решила поголодать, чтобы быть полегче. Выдержала дня 2–3 и попробовала прыгнуть с двухэтажного сарая (при этом махала руками с привязанными платками). Но

приземлилась в кучу с козым навозом на колени. Мечта стать лётчиком все же осталась. Мама причитала, что надо было мне родиться мальчишкой, потому что я всё время приходила домой с синяками и ободранная.

В 1962 году, когда я уже жила самостоятельно в студентках во Всеволожском техникуме, я записалась в парашютный кружок. Укладку парашюта мы сдавали в клубе ДОСААФ у цирка, а прыжки поехали сдавать в Озерки. Там был аэродром: 2 самолёта Як-39 и Ан-2, тренажёры, вышка 30 метров и санчасть. Сдавали прыжки с вышки, тренировались разворачивать парашют за стропы, но опять всё сорвалось. Наш тренер уехал работать на Кубу, а мы поехали в Ленинградскую область на дипломную практику в Вонозеро.

Наконец-то ингерманландцам разрешили ехать на свои родные места — в 1956 году. Приехали мы весной в д. Греблово и привезли с собой контейнер самодельной мебели и козу Розку в товарном вагоне. Поселились в одном доме три семьи: два брата мамы, дядя Саша и дядя Петя. Детей было 10, взрослых шесть человек.

Люба, старшая дочь дяди Саши, осталась в Новгородской области замужем в Окуловке. У нее трое сыновей и внуки. Мама стала работать в колхозе телятницей, папа — лесником, тетя Катя, жена дяди Саши — дояркой. Мы с двоюродной сестрой Марией ходили помогать: косили подкормку, поили телят, доили коров, пололи брюкву, серпом срезали сурепку (сорняк с клеверных полей). На следующий год взяли ссуду, купили амбар и стали строить дом. Все принимали участие по силам, таскали мох, драли дранку для крыши, конопатили щели, пазы, и к осени дом был готов. Надо было выплачивать ссуду за дом, и я пошла работать в 14 лет телятницей. Наш дом отец развер-

нул к солнышку, и только окно на кухне выходило на северную сторону, на деревенскую улицу. В доме всегда было солнечно, тепло и сухо.

Рамы окон тоже были изготовлены «по уму»: финские окна с перекладной в раме внизу, а не вверху, как в русских окнах. Это для того, чтобы можно было заменить маленькое по площади стекло, если дети нечаянно разобьют, да и света больше. В доме вся мебель была изготовлена руками отца. В углах дома удобные полочки и шкафчики. Входная дверь всегда поражала моего мужа, так как она точно выверена ва-терпасом и закрывалась бесшумно и плотно. Ручками дверей служили изогнутые веточки, которые отец находил в лесу.

Работая лесником, отец был очень честным, не поддавался на компромиссы и подкупы. Люди, заготавливая дрова и строевой лес, нередко не убирала за собой ветки. И приходилось весной отцу самому убирать это и сжигать, а на месте кострища он сеял репку, привозил осенью нам подарки, приговаривая: «Янишен томусий», что значило «подарки от зайцев». Когда мы заготавливали дрова, отец следил, чтобы пеньки были низкие и не ранили скотину. Отцу была выделена лошадка Зарница. Так отец никогда не стегал её прутом, только чуть подёргивал вожжами. Он жалел всех животных, даже не мог зарезать петуха, который был очень злой и клевал людей. Но мама настаивала. Тогда отец взял петуха, топор, ткнул его по шее, а сам отвернулся, и петух улетел без головы в картофельник. Мы нашли петуха уже осенью, когда копали картошку. Зимой отец возвращался домой с дальних деленок и подобрал у дороги мужика. Отец всегда был худенький, и как у него хватило сил затащить его в сани. Привёз домой — тут уж мы все вместе

втаскивали его в дом. Переспал человек и ушёл утром, даже спасибо не сказал. А отец всегда спешил помочь, если у людей беда или пожар. Брал из дома стул, часы и нёс погорельцам.

Отец работал лесником и председателем пенсионного отдела, писал всем прошения о высылке справок для стажа, не забывая в редакцию писать заметки в помощь людям. Столярничал для всех, изготавливал подсанки. Попал на операцию — от желудка осталась четверть. В это время к нам вернулась бабушка Мария. Она ездила с чехоманчиком по сыновьям, помогала нянчить детей. Приехала к нам и умерла в 76 лет. Отец после операции приехал на похороны. Изготовил ей «последний домик».

Похоронили её в Губаницах, там же, где она венчалась с дедом Ионосом. Отцу после операции нужно было усиленное питание — купили корову, завели пчёл. Помогал справляться с пчёлами дядя Саша. Приезжали в гости братья отца: дядя Андрей из Сланцев, дядя Петя из Муратово, дядя Саша со станции Дно Псковской области; пятый брат Яков Анисимович к тому времени уже умер. Он был военный, полковник, жил в Петропавловской крепости с женой Тоней и сыном Виктором, который сейчас живёт в Белогорке. У них с женой Людой дочь Марина, сын Влад Куорти — копия дяди Якова. У дяди Андрея сын Александр Куорти, продолжает фамилию, но живёт в Финляндии. Ещё два сына и дочь живут в городе Медвежьегорске. Их внуки продолжают фамилию. У дяди Пети внук Женя и правнук Никита — продолжают фамилию в городе Гатчина. Когда подрастали мои дети до 2–3-х лет, отец сажал ребёнка на ногу и припевал: «Кёро, Кёро, Кирко, Муратал — Маркиной, Шюльту, Шёмя».

Мои братья умерли: Вова в 1973 году,

Сестра бабушки Марии (последняя в нижнем правом углу) с семьей. Саратов. Фото 1954–56 г.

Семья дочери бабушкиной сестры. Якутия. Фото 1950-е г.

Брат отца Яша в г. Луге. Фото 1956 г.

в возрасте 25 лет (полиартрит суставной), Виктор — в 50 лет. Отец в 70 лет ещё учился на курсах пчеловодов. Надо было разводить длиннохоботковых пчёл для медоносных культур в совхозе. Отец, как всегда, был на гребне событий.

Окончил курсы с отличием, и много мёда сдавал в совхоз, который заключил договор с лётчиками для разбрасы-

вания удобрений с самолётов. И пчёлы заболели. Я помогала отцу лечить пчёл антибиотиками. Затем оставшихся пчёл отец отвёз в Пулково в фирму «Лето» и консультировал сотрудников по поводу правильного опыления овощей в теплицах!

Моей семье тоже приходилось переезжать. Из Курковиц в Гатчину, затем сюда, на Чёрную речку, где и живём уже более 30 лет. Умер отец в 1981 году. Во время его похорон пришёл почтальон, принёс письма и газеты.

Люди благодарили отца за то, что он хлопотал о строительстве дороги в деревню Кандакюля, и о получении первых пенсий, о которых отец тоже хлопотал, писал в разные инстанции. Дела его остались.

Приезжал из Карелии Ритарь Иван, редактор газеты «Puna Lirri», чтобы вручить ему приз, но отца уже не было...

Светлая ему память!

ПРИРОДНЫЕ БОГАТСТВА

*И, внимая весеннему шуму
Посреди очарованных трав,
Все лежал бы и думал я думу
Беспредельных полей и дубрав.*

Николай Заблоцкий

ПРО ЧЕРНИКУ

Татьяна Иванова

Под листом на каждой ветке
Сидят маленькие детки.
Тот, кто деток соберёт,
Руки вымажет и рот.
(Загадка)

22 июля по народному календарю — день Панкратия и Кирилла, начало сбора черники, черничный день... «Черника уведёт от живота лихо». В старину говорили: «Черника восстанавливает здоровье и увеличивает мировосприятие. Исконное название — теремника. Всегда слыла эта ягода чудесной. Пособляла она в страдное время. Вдосталь полагалось всякий день черники есть и старым, и малым (особенно в жаркое летнее время). Их от всех болезней ограждала эта ягода, врачевала язвы желудка, кровь чистила, печень врачевала».

Черника..... В нашей стране трудно найти человека, который бы не знал и не пробовал плоды этого растения. Ягоды черники покупали или собирали практически все. Её плоды обладают очень хорошими вкусовыми качествами, их употребляют в пищу в свежем и переработанном виде. Из черники готовят варенье, компоты, джемы; вялят, сушат впрок, замораживают. Плоды и само растение используют в качестве лекарственного сырья. Русские названия «черника» или «черничник» связаны со способностью ягод этого вида окрашивать, чернить губы, зубы, пальцы. В старину чернику называли также ворон-ягодой. Другие русские названия растения: чернега, чернижник, черница, чернишник...

Черника, или черника обыкновен-

Черника обыкновенная

Цветки черники обыкновенной

ная, или черника миртолистная (лат. *Vaccinium myrtillus*) — растение семейства Вересковые (Брусничные). Научное название рода происходит от латинского слова *vassa* — корова, по пригодности листьев некоторых видов

на корм скоту(?). Видовое название *myrtillus* представляет уменьшительное от *myrtus* — мирт, по сходству с маленьким, молодым растением мирт. Интересно, что название рода кактусов Миртиллокактус образовано от видового названия черники и объясняется внешним сходством плодов этих кактусов и черники.

Хочу сразу отметить, что, якобы выведенных селекционерами, сортов садовой черники НЕ БЫВАЕТ. В природе род Черника содержит около 100 видов(!), распространенных в Европе, Азии и Северной Америке, многие из которых выращивают в культуре: Черника лавролистная, Черника тычиночная, Черника черёмухолистная, Черника Топ Хат, Черника Ятабе, Черника овальнолистная... А некоторые, так называемые «сорта», у которых особо крупные ягоды, являются природными гибридами черники и голубики или просто голубикой. В международном названии тоже путаница: сейчас есть современное слово *blueberry*, которым обозначают и чернику, и голубику (по прямому переводу — синяя, голубая ягода). Но, если заглянуть в ботанический словарь, то мы там найдём другие названия: *bilberry* — черника и *bog bilberry* — голубика, гонобобель. Для меня это обычно, потому что черника

Цветки голубики

Плоды паслёна санберри

и голубика — совершенно разные растения. У них разное строение стебля, разный цвет и вкус ягод. Даже цветочки разные. Зачем люди придумали это слово — «блюбэри»? Им там всё равно, что они едят, собирают или покупают? Не видят разницы? А как насчёт биоразнообразия в природе? Ещё у садоводов пользуется популярностью «черника форте» или солнечная ягода («санберри»). Это — плоды особого вида ПАСЛЁНА, который вообще родственник физалиса, томатов и т.д.

Не все виды черники — низкорослые кустарнички, которые мы привыкли видеть в ельниках или в сосновых борах наших северных лесов.

Например, черника кавказская. Однажды, осматривая местную флору на экскурсии по окрестностям Батуми, я заметила полутораметровые кустарники, на ветках которых висели очень симпатичные бело-розово-красные колокольчики размером около 1 см. Как истинный ботаник я, естественно, пришла в восторг от этого зрелища! Тем более в октябре. Мой друг загадочно улыбался, предвкушая свой сюрприз, который вызовет у меня приятное удивление. И он не ошибся. Это была местная ЧЕРНИКА! Но другой вид — кавказская (*Vaccinium arctostaphylos*).

Цветки черники кавказской

Черника кавказская

Я не поверила, т.к. знала растение черники всю свою жизнь. А тут такое... Друг, что называется, «кейфовал» — ему удалось смутить и удивить ботаника! Спасибо тебе, дорогой, большое! Диди мадлоба, генацвале (груз.). В энциклопедии «Жизнь Растений» можно прочитать следующее: «На территории Северного Кавказа и в Грузии, вдоль побережья Черного моря протяженностью 10–70 км, узенькой полосой растет черника кавказская. Кусты, два метра высотой, создают плотные заросли, среди которых выделить один куст нельзя. Кустарники кавказской черники имеют приятный, нежный, изумительный аромат. В открытом солнечным лучам побережье кусты не вырастают выше одного метра». Ну, кто

бы мог подумать! А для вас, уважаемые читатели, предлагаю фото этой кавказской черники. Нашла на просторах Интернета и фото ягод. Очень интересно, правда? Цветочки совсем другие. Не похожи на цветки нашей черники, но тоже очень красивые, миртолистные. Ягоды кавказской черники вкусные, крупнее ягод обыкновенной и слаще, а сок не красит пальцы. Используют её так же — в пищевых и лекарственных целях. Плодоносит эта черника в августе, и через месяц-два опять начинается небольшое цветение. Но мне пока не удалось увидеть ягоды своими глазами. В это время я ещё дома, в России. Собираю чернику обыкновенную в лесах Тверской области.

Честно скажу, что собирать чернику — это тяжкий труд! Постоянно нужно наклоняться. Да дело даже и не в этом. Почему-то кажется, что охраняют чернику комары. Стоит только к ней наклониться, и на тебя набрасывается целое их облако! Особенно, если пришли в лес рано утром. Днём при солнечной погоде комаров меньше. Но в жару и собирать тяжелее. Поэтому никак не обойтись без защиты от насекомых. Или терпеть ради любимой ягоды.

Большая часть всех мировых запасов черники обыкновенной находится на территории России. Поэтому чернику принято называть «русской ягодой». Особенно этот кустарничек любит русский Север. Здесь, в болотистой местности, заросли черники простираются на многие километры. На Руси черника всегда была излюбленным лечебным средством шаманов и знахарей. Они считали её чудодейственной ягодой. Как говорила одна сибирская знахарка, «черница ограждает от болезней всяких, от живота хворь отводит, печень с почками лечит, голову ясной делает, да кровь чистит». Лучше и не скажешь.

Есть сведения, что ягоды черники и её листья помогают улучшить зрение у больных диабетом второго вида (это очень большая беда для людей с таким заболеванием). Я и сама собираю листья и побеги черники для своей больной подруги. Вот рецепт отвара побегов черники при диабете: ложку мелко нарезанных побегов с листьями кипятят на водяной бане в 250 мл воды 20 минут. Затем, после остывания принимают по 50 мл полученного отвара трижды в день. Перед лечением народными средствами следует проконсультироваться с эндокринологом, а также с прочими специалистами, у которых большой сахарным диабетом состоит на учете.

Давно известно, что ягоды черники значительно улучшают зрение в сумерках, усиливают остроту зрения, обеспечивают увеличение поля зрения и уменьшают усталость глаз. Доказано, что черника ускоряет обновление сетчатой оболочки глаз. Интересно, что во время Второй мировой войны английские летчики ели чернику и черничное варенье с целью улучшения зрения ночью и в сумерках. Черника входит в меню космонавтов!

Даже старинная легенда рассказывает нам об этом. Давным-давно Лесной Феи нужно было перейти из одного леса в другой. Ночь была темная и безлунная. Фея заблудилась, присела на траву, пригорюнилась. Вдруг послышался ей тихий голос: «Дорогая Фея, отведай моих ягод, и глаза твои станут такими зоркими, что даже в такой темноте разглядят тропинку, которая выведет тебя из леса». И на ладонь Феи кто-то высыпал, как будто бусинки, ягоды синего цвета. Поднесла она их ко рту, одну попробовала, другую... Вдруг почудилось ей, что вокруг светлее стало! Тут она и тропинку увидела... Не забыла Фея помощь ягодки-черники и

велела лесному народу расселить её по всему свету. Так и стала расти черника почти везде в Европе...

Чернику не только любят, собирают и лечатся ею. По-разному люди выражают своё уважение к этой ягоде: пишут стихи о чернике, придумывают загадки и поговорки. Интересно, что в сказке Джанни Родари, существует герой — кум Черника (Mirtillo — по-ита-

Кум Черника

льянски), друг Чиполлино. Он проживает в лесу, где охраняет домик кума Тыквы. Даже памятники ставят чернике, на почтовых марках изображают. В городе Красновишерске Пермского края ежегодно проводится фестиваль черники и черничного пирога. В 2012 году был изготовлен черничный пирог длиной более 70 м, что было зафиксировано в Книге рекордов России. А в 1964 году в СССР была выпущена поч-

товая марка с изображением черники. Используется изображение черники и в геральдике, например, на гербе Утчинского СП Рязанской области и Отдаленного СП Краснодарского края.

Раньше стебли и листья черники применяли при окрашивании кожи в коричневый и желтый цвета. А художники изготавливали пурпурные и фиолетовые краски.

Читаем у Прозорова А.Д. «Заклятие предков» — Ведун: «У входа, на двух врытых остриями вверх копьях был сделан навес из прочного, выкрашенного в синий цвет, холста,

под которым лежал узорчатый красно-синий ковер. — Черникой, небось, ткань красили, — покачал головой Ведун». (2007 г.)

Вот, пожалуй, и всё, что удалось узнать о чернике. Если у Вас, уважаемый читатель, имеются ещё какие-нибудь интересные сведения об этой ягоде, пожалуйста, добавьте их. Буду очень рада!

Литература

1. Ветвичка В. Растения полей и лесов. «Артия», Прага. 1987.
2. Губанов И.А., Новиков В.С., Тихомиров В.Н. Определитель высших растений. М., «Просвещение». 1981.
3. Дэвид Берни. Растение. ДК, Лондон. Перевод с английского. 1995.
4. Нидон Кристоф, д-р Петерман Иоханнес. Растения и животные. Перевод с немецкого. М., «Мир». 1991.
5. Тахтаджян А.Л. Жизнь растений. Т. 5 (1), «Семейство Брусничные (Вересковые)». М., «Просвещение». 1982.

Интернет-ресурс

<http://bogislavyan.ru/chernika/>
Легенда о чернике — Мифы, легенды, сказки — LiveJournal
great-myths.livejournal.com/20262.html

РЕПУЗИ — ЗЕМЛЯ ДИКИХ ОРХИДЕЙ

Юлия Лысанюк

Под поселком Пудость, в пойме реки Ижора, в начале лета начинают цвести дикие орхидеи. Репузи — так называется это местечко, известное, наверное, ботаникам всего мира. Под пологом небольшого ельника, среди густой листвы, прячутся похожие на инопланетян странные растения со странными именами. *Венерин башмачок, ятрышник шлемоносный, дремлик ржаво-красный, тайник овальный, офрис насекомоносная...* Они очень изящны, хрупки, пугливы и любят прятаться в траве от нескромных глаз. С каждым годом их становится все меньше и меньше.

Репузи — удивительный геоботанический памятник природы Гатчинского района, расположенный недалеко от железнодорожной станции «Пудость». Уникальность этого места в том, что здесь на ограниченной территории произрастает множество редких, удивительных по красоте и образу жизни растений.

В долине реки Ижора

Когда-то здесь, на берегах быстрой и звонкой речки Ижоры, была небольшая ингерманландская деревенька Репузи, рядом с которой добывали знаменитый пудостьский известняк. Из этих сероватых камней сложены здания Биржи и Горного института, скульптуры Ростральных колонн и облицовка Казанского собора в Петербурге. Каменоломни были выработаны больше 130 лет назад, и с тех пор в этих местах стали разрастаться редчайшие

растения семейства орхидных — больше пятнадцати видов!

Природный парк Репузи тянется вдоль старой разбитой грунтовки от шоссе Гатчина — Стрельна к поселку Пудость. Репузи совсем невелик по размеру — его общая территория составляет около 140 гектаров. Однако здесь самым причудливым образом сосуществуют сразу несколько разных ландшафтных зон. С одной стороны дороги простирается холмистая местность с поросшими травой карьерами и старыми погребями, над которыми высится ельник. С другой стороны, в

низине, причудливо извивается Ижора. Весной река широко разливается, а уходя, оставляет за собой болотистые участки и заливчики, в которых гнездуются водоплавающие птицы.

Кстати, у Пудостьского сельского поселения очень интересный герб. В нем отражено все, что есть в этих местах, буквально пропитанных Ингерманландией. На гербе изображена девушка в длинном ингерманландском платье. В руках у нее кувшин, из которого изливается серебряная вода (река Ижора). Девушка сидит на серебряном камне. Чуть пониже — нисходящие ступени, сложенные из камней разной формы (пудостьский известняк). Также на гербе крупно изображены два растения — иван-чай, символизирующий благосостояние, и орхидея венерин башмачок. Венчает композицию золотой крест (лютеранская кирха в Скворицах).

Краснокнижные и беззащитные

Присутствие в Репузи орхидей отнюдь не случайно. Именно на месте выработанных карьеров сложились уникальные условия, подходящие для произрастания и жизни этих удивительных растений.

Орхидеи называют *кальцефилами* — то есть буквально любящими кальций, которого много в известковых почвах. В Гатчинском районе, расположенном на Ордовикском карбоновом плато, известковых карьеров немало. Единая залежь известняка, составленная линзами известкового туфа и гажы, тянется в виде узкой полосы по долине реки Ижоры, от деревни Скворицы до поселка Пудость.

Семейство орхидных обладает рядом особенностей, выделяющих его среди других растений. Орхидеи, например, отличаются весьма оригинальным способом опыления и длительным

Венерин башмачок

Ятрышник шлемоносный

циклом развития растения от семени до цветения. Цветение у некоторых видов наступает на 15–20-й год после прорастания семени. Но семечку недостаточно просто созреть и упасть на влажную землю. Орхидеи не могут жить сами по себе. Они должны вступить в симбиоз с определенным видом почвенных грибов, и прорастание семени может происходить только в присутствии этих грибов.

Венерин башмачок — одна из красивейших орхидей нашего региона. Башмачок зацветает на 18–20 год, но может размножаться и корневищами, поэтому его чаще других орхидей можно встретить в Репузи. Довольно много в Репузи *тайника овального* — невзрачной орхидеи, листья которой легко перепутать с ландышевыми. Сложнее выжить еще одной яркой орхидее красивого фиолетового цвета — *ятрышнику шлемоносному*, который размножается только семенами. Он является одним из наиболее быстро вымирающих видов орхидных флоры России.

Старожилы еще помнят те времена, когда многие из этих растений росли в Репузи целыми куртинами. Теперь же из года в год количество их сокращается. Все эти орхидеи и некоторые другие редкие растения, растущие в этих местах, занесены в Красную книгу России, но от гибели это их, увы, не спасает...

Репузи нуждается в защите!

В Репузи растут и другие редкие охраняемые растения — жимолость балтийская, жирянка, крестовник болотный, купальница европейская. Ландшафтное многообразие этого места привлекает сюда множество птиц. Здесь живут лесные, луговые, речные птицы — соловьи, овсянки, чечевицы, дрозды, ласточки, ушастые и болотные совы, разные виды водоплавающих птиц.

К сожалению, в настоящее время памятник природы Репузи подвергается уничтожению и разорению. Каждый год он сильно страдает от пожаров в результате весеннего пала травы. Почти на каждом шагу в этом уникальном природном парке встречаются кострища, мусор, битые бутылки. Деревья вырубаются, вытаптывается трава вместе с драгоценными орхидеями. Несколь-

Дремлик

Купальница

Офрис насекомоносная

ко лет назад сюда повадились ездить грузовые машины — за плодородной почвой под строительство. Взамен в образовавшиеся ямы стали сваливать строительный мусор и негодную землю.

Все чаще бродят по ельнику и берегам Ижоры растерянные ученые в поисках очередного исчезающего вида. Привлечь внимание властей всех уровней к проблеме Репузи пытаются не только они, но и жители Пудости. Несколько лет назад местные жители поставили шлагбаумы, чтобы перекрыть эту дорогу для автомобилей с обеих сторон зеленой зоны.

Что в перспективе?

Благодаря произрастающим здесь редким растениями геоботанический памятник Репузи в Гатчинском районе вот уже более 130 лет известен биологам не только России, но и всего мира. С этой территорией связано множество исследовательских работ, но, как ни странно, она никогда не имела охранного статуса.

В настоящее время Репузи входит в список так называемых перспективных (рекомендуемых) особо охраняемых природных территорий (ООПТ) в Гатчинском районе, наряду с Карташевским ельником, Чудо-поляной в Гатчине и другими не менее удивительными местами. Почему это предлагаемый, а не уже существующий охраняемый памятник природы? Просто не успели Репузи дать такой статус в свое время — помешали суматошные девяностые годы прошлого века.

А ведь все к этому было готово. Еще в восьмидесятых годах прошлого века различные научно-исследовательские и природоохранные организации предлагали Государственному коми-

тету по охране окружающей среды Санкт-Петербурга и Ленинградской области создать новые ООПТ в Ленинградской области. В 1991–1992 годах, по заданию Комитета, Биологический институт СПбГУ выполнил работы по обследованию этих территорий, включая Репузи, подготовив обоснования для организации ООПТ. К сожалению, дальше этого дело не сдвинулось. За минувшие десятилетия несколько таких природных памятников были безвозвратно утрачены. Среди них — Корпиковское болото в Гатчинском районе, которому по плану должны были присвоить статус охраняемого памятника в 2016 году.

Планируемое время создания особо охраняемой природной территории Репузи — 2025-й год. Доживут ли до этого времени дикие северные орхидеи — чудо природы и национальное достояние Ленинградской области?

Очень важно уберечь этот чудесный уголок Гатчинского района от полного уничтожения, сохранив его для наших потомков. Присвоение этой территории официального статуса охраняемого памятника природы помогло бы Репузи стать одной из научных площадок федерального значения для наблюдения за редкими и вымирающими видами растений и их сохранения. А Ленинградская область сохранила бы на своей территории еще одну редчайшую «жемчужину», столь великодуш- но подаренную нам природой.

Автор выражает глубокую благодарность за помощь в подготовке этого материала биологу, руководителю экологического объединения Гатчинского дома детского творчества «Журавушка» Людмиле Чиринской.

ЛЕСНАЯ СТОЛОВАЯ. ПИТАТЕЛЬНЫЕ РАСТЕНИЯ ЛЕТА

Продолжение. Начало см в №15/2018

Людия Свиридова

Сегодня мы с тобой отправимся в летний лес, такой знакомый с детства, но полный чудесных открытий для того, кто решит оглядеться вокруг повнимательнее.

Список растений, которыми можно полакомиться в лесу летом, чрезвычайно велик и, пожалуй, достоин целой книги. Но сегодня мы остановимся на тех растениях, которые достаточно калорийны, чтобы поддержать силы в длительном походе и помочь выжить, если тебе вдруг не посчастливилось заблудиться.

Казалось бы, летом созревает множество ягод, появляются первые грибы, орехи. Но съедобные грибы получается найти далеко не всегда, без должной обработки они плохо усваиваются. А ягоды и листья содержат слишком мало калорий, чтобы обеспечить полноценное питание и придать достаточно сил. Лещина — замечательный кустарник, плоды которого обладают высокой питательностью, в наших гатчинских лесах встречаются нечасто, поэтому всерьез рассчитывать на неё нельзя.

Если тебе не удалось обнаружить грибы или орехи, первым делом постарайся найти в лесу какой-то водоём — озерцо, пруд, заболоченный ручей, травяное болото, заброшенный карьер. Его берега населяют самые питательные растения, способные обеспечить достаточно калорий, чтобы энергии хватило на долгий переход.

Как только ты увидишь плотные коричневые свечки **рогоза** (который иногда ошибочно называют камышом), знай, что тебе обеспечен сытный ужин. Корневища и нижняя прикорневая часть стебля содержат до 15% крахмала и могут быть использованы в пищу в сыром, варёном и запечённом виде, а также для приготовления муки. Из неё можно сделать лесной хлеб, кисель, а при отсутствии огня — просто мучную болтушку на воде. В мае собирают молодые побеги рогоза, которые употребляют в свежем виде или маринуют. В июне ты ещё успеешь полакомиться пыльцой рогоза и его молодыми цветками. Корневища достигают наибольшей питательности к осени, но собирать их можно на протяжении всего лета.

Рогоз

При необходимости в пищу употребляют и **тростник**. Его густые заросли широко распространены по берегам водоёмов Ленинградской области.

Тростник поможет в создании укрытий и лежанок, разведении огня, а его высушенные стебли до сих пор используют в странах Европы для создания прочной и красивой кровли. Молодые побеги тростника идут в пищу. Их маринуют, солят, добавляют в салаты и тушат. Заготавливать тростник в июне, пока растения не достигли максимума роста, но и позже можно использовать мягкие сочные основания стеблей. Корневища, как и у рогоза, набирают максимум полезных веществ в преддверии зимы.

Тростник

Здесь же в прибрежных зарослях растёт **сусак зонтичный** — его яркие соцветия выступают прямо из воды на прочном длинном цветоносе. Цветки сусака крупные, до 2 см в диаметре, с бледно-розовыми лепестками, поэтому ты вряд ли перепутаешь его с другими прибрежными растениями. Кор-

Сусак зонтичный

невища сусака тоже богаты крахмалом и используются также, как и рогоз в сыром, варёном, печёном виде.

Ещё одно удивительное растение заболоченных лесных мест — **стрелолист или сагиттария**. Листья экземпляров, произрастающих на мелководье, имеют форму, напоминающую наконечник стрелы. А те, что растут на глубине, обладают лентовидными подводными листьями. Это редкое в растительном мире свойство называют экологическим диморфизмом. Но узнать стрелолист можно по соцветиям — кисть, на каждом уровне содержащая по три цветка, состоящих из трёх белых с розовым основанием лепестков. Корневище стрелолиста образует столоны, на которых развиваются небольшие клубеньки. Они со-

Стрелолист

держат 10% белка (в 5 раз больше, чем в картофеле) и 35% крахмала, поэтому стрелолист является практически незаменимым блюдом лесной столовой. К сожалению, у нас стрелолист редко образует большие заросли, обычно встречаясь отдельными группами. В

пищу употребляют как сами клубни, так и корневища. Стрелолист едят сырым, но лучше всего запечь его в золе или отварить в небольшом количестве воды. А если нужно сохранить нежные клубни на длительное время, можно приготовить муку для своеобразного киселя или выпечки хлеба.

Богаты крахмалом также корневища **кувшинки белой** и **кубышки жёлтой**. Но если кубышка в наших водоёмах встречается почти повсеместно, то кувшинка — растение редкое, занесённое в Красную книгу, поэтому срывать её только в том случае, если на кону стоит человеческая жизнь. Корневища кувшинок и кубышек съедобны, но содержат много алкалоидов, придающих горечь. Поэтому перед применением их необходимо очистить, размолоть в муку и залить холодной водой на срок от 5 часов. После чего воду сливают и повторяют процедуру ещё два раза, после чего муку высушивают и употребляют в пищу.

Кувшинка

Кроме перечисленных растений используют также **корневища лопуха, иван-чая, лапчатки гусиной, сныти, пырея ползучего**. Ты найдёшь их на лесных опушках, заброшенных вырубках, редколесьях. Они богаты крахмалом и не содержат ядовитых для человека веществ, однако их питательная ценность все же ниже, чем у рогоза,

Лапчатка гусиная

сусака или стрелолиста, а добыча достаточных объёмов сырья без инструментов, как правило, требует много времени.

Если тебе не удастся найти растения, обладающие высоким содержанием крахмала, питательные вещества можно получить даже из коры деревьев. Точнее в пищу употребляется не кора, а так называемая **заболонь** или подкорье. Это активные, живые клетки древесины, находящиеся непосредственно под корой. Получить заболонь несложно. Для этого нужно надрезать наружный слой коры в нижней части ствола, поддеть его ножом и снять нежную подложку, которая легко поддаётся механическому воздействию. Главное при этом не захватывать нижележащие слои древесины, которые практически не усваиваются организмом.

При отсутствии времени или источников огня заболонь употребляют в сыром виде. Но лучше всего проварить ее в воде до образования желеобразной массы, после чего высушить и использовать вместо муки. Заболонь добывают с берёзы, сосны, ели, ивы, осины, лиственницы. Конечно, такое блюдо не обладает высокой пищевой ценностью, но на Руси его повсеместно употребляли в пищу в голодные годы. А современные исследования говорят

о немалой пользе заболони для организма.

Но не стоит забывать, что эта операция вредит дереву, поэтому нельзя срезать большие площади коры и делать это стоит только в том случае, если ты действительно находишься в критической ситуации.

Конечно, мука из лесных растений не содержит клейковины, поэтому лепёшки из неё получаются твёрдыми. Если у тебя с собой оказались корочки хлеба или сухари, не спеши съедать их сразу. Лучше размочи в воде и подержи в тепле, чтобы сделать закваску. После появления пузырьков добавь муку, добытую в лесу, дай тесту подойти и выпекай на раскалённом плоском камне или намотай тесто на толстую палку и расположи над углями наподобие шашлыка.

Во многих рецептах растения необходимо вымачивать или отваривать, но отправляясь в лес на прогулку мало кто берет с собой котелок или миску. Поэтому если ты внезапно заблудился, вымочить муку или отварить корневища будет не в чем. Но при наличии ножа (а без него в лес лучше вообще не выходить), ты можешь легко обеспечить себя необходимой посудой при помощи берёзы. Береста — незаменимый материал для огромного количества изделий, которым пользовались задолго до изобретения фарфора и пластика.

Выбери достаточно толстое дерево с гладкой белой корой и минимумом устьиц. Аккуратно вырежи квадрат бересты необходимого размера. Для небольшой мисочки подойдёт лист размером 20 на 20 см. Толщину бересты обычно берут в пределах 1,5–3 мм, чтобы она была плотной, но при этом легко гнулась. Углы листа загни внутри и зажми, используя расщепленные веточки в качестве прищепок. Если углы загнуть наружу, они будут быстрее

прогорать при кипячении воды. Такая посуда подходит для вымачивания корневищ и для их последующей варки.

Что ещё можно есть в лесу? Обеспечив организм необходимыми углеводами, побалуй себя питательными зелёными растениями, приготовь из них салат, свари вместе с другими добытыми продуктами, а если есть масло — слегка припусти на огне.

Некоторые из этих растений широко известны — например **щавель кислый**. Его дикорастущая разновидность обладает более мелкими листочками с приятной кислинкой. Он повсеместно встречается на опушках и сухих берегах водоёмов. Здесь же можно найти **марь белую**, а также **звездчатку среднюю**, в народе называемую мокрицей. Мы привыкли к тому, что это скорее сорные растения, повсеместно сопровождающие человека, но иногда они встречаются и в дикой природе. Семена мари белой тоже являются питательными и могут быть использованы в пищу.

Для приготовления салатов, жарки, тушения подходит и **яснотка белая**, или глухая крапива. Это растение с листьями, похожими на крапивные, но совершенно не жгучими. А ещё от крапивы её отличают белые цветки необычной формы. В пищу также идут молодые побеги **иван-чая** и **таволги вязолистной**, листья и соцветия **донника**, **клевера**.

Яснотка белая

Вкусны и питательны стволы и черешки **дудника лесного**. На Руси собирали его побеги и нераскрытые соцветия, которые можно есть сырыми, жарить, добавлять в супы. Главное не перепутать его с похожим, но опасным растением **вёх ядовитый** или цикута. Отличие состоит в том, что листья у вёха дважды или трижды перисторасчеченные, отдельные листочки узкие, ланцетные, край зубчатый, а верхушка заострённая. Корневище вёха имеет очень характерный вид — полое внутри, состоит из нескольких поперечных камер.

Вёх ядовитый или цикута

У дудника листья более крупные, с яйцевидными долями и большими вздутыми листовыми влагалищами. Корень его конический, толстый, не имеет полостей внутри.

Дудник

Немногие знают, что **конский щавель** тоже можно использовать для приготовления питательных супов и гарниров. Секрет в том, что в свежем виде он имеет неприятную горечь. Но если провести специальную подготовку, горечь пропадает и растение приобретает нейтральный вкус. Для этого слегка подсушенные листья конского щавеля заплетают в плотные косички и дают им высохнуть на воздухе. В результате этого в них происходит процесс ферментации, уничтожающий горечь.

С помощью ферментации можно приготовить и замечательный лесной чай из листьев иван-чая, лесной малины, смородины, земляники. Но об этом мы поговорим в следующих номерах.

Дудник

Напоследок хотелось бы ещё раз напомнить о необходимости бережного отношения к природе. Собирай только те растения, которые собираешься употребить в пищу. Оставляй на них хотя бы треть листьев, а если выкапываешь целиком — достаточно количество для того, чтобы в будущем они могли разрастись и занять освободившееся место. Береги природу, и она прокормит тебя даже в том случае, если привычные продукты вдруг окажутся недоступными.

Глухомань

Сергей Пузатых-Елецкий

Оглашают глухомань кукушки
На Руси, в красивейших местах,
Где у речки только три избушки,
Почернев, скосились на холмах.
А вокруг черёмухи кипели
Белой пеной средь высоких крон,
Свежею листвою зеленели
Чащи, обступив со всех сторон.
По камням речушка клокотала
В жёлтом ожерелье из цветов,
В мелких брызгах радуга играла,
И прохлада шла от родников.
Здесь не слышно шума городского,
Суеты, мобильников, машин,
Отродясь и не было такого,
Первозданный мир вокруг один.
У избушки с палочкой старушка
Смотрит ввысь, где самолёта след,
В чём-то чёрном, как сама избушка,
С белою козой плетётся дед.
Вот и все, пожалуй, кто остался
Наблюдать всю эту красоту,
А в речушке селезень купался,
Сыч сидел на сломанном мосту.
И манила эта глухомань,
Таинством в сиреневую даль...

ЛЮДИ ИСКУССТВА

*Я видел, как рисуется пейзаж:
Сначала легкими, как дым, штрихами
Набрасывал и черкал карандаш
Траву лесов, горы огромный камень.*

Михаил Кульчицкий

ХРАНИТЕЛЬ ДРЕВНОСТЕЙ

Зинаида Скорнякова

Что мы знаем о творческой профессии реставратора? Практически ничего. Оказывается, эта профессия обязывает человека знать не только историю искусств, но и особенности разных материалов и способов их взаимодействия. А главное в ней — научиться умению проводить исследования реставрационных материалов.

Ещё мастер реставрации должен соответствовать особому типу человека: быть терпеливым и усидчивым, любить ручной труд, и при этом быть эрудитом. Разумеется, он должен любить искусство, стремиться к постоянному развитию и быть готовым к обучению.

Прочтя этот список, многие из нас считают этот «груз» для себя неподъёмным. И тем не менее, эта профессия всегда была востребована, и таланты с таким набором личных качеств находились.

Самый престижный, высший разряд, в ней имеет коренная жительница Гатчины — реставратор Государственного Эрмитажа Людмила Евгеньевна Ковалёва. О том, как складывалась её профессиональная судьба, мы расскажем в этой очерке.

Родом из Гатчины

Людмила Евгеньевна Ковалёва родилась в семье, где оба её деда во время Великой Отечественной войны защищали родную землю. Дедушка Степан Иванович Фролов освобождал Гатчину. Второй дедушка — Иван Васильевич Ковалёв — сражался в партизанском отряде в Лужских лесах.

С 1947 года вся семья жила уже в Гатчине, в Загвоздке, где купили полдома на ул. Гоголя. Бабушка Татьяна Яковлевна была большой рукодельницей и первой учительницей внучки по домоводству. Она учила шить, вышивать,

вязать. Именно она и привила девочке с детства любовь к рукоделию. В 1971 году решался вопрос, где ей учиться дальше. Выбор пал на Ленинградский текстильный институт им. Косыгина.

Как-то в институт пришла главный хранитель Этнографического музея народов СССР в Ленинграде Волухова Елизавета Сафоновна, чтобы найти студентку, способную работать реставратором тканей. Но с одним условием: чтобы дело было девушке по душе, чтобы у неё был интерес к искусству и хорошие навыки в рукоделии.

Так, Людмила Евгеньевна Ковалёва стала сотрудницей Этнографического музея.

Живопись на шёлке

В 1981 году произошёл ещё один поворот в судьбе молодого специалиста. Она познакомилась с известным петербургским реставратором тканей Анастасией Борисовной Васильевой. Слухи о её реставрационных работах в Большом Петергофском дворце, Монплезире, в Гатчинском Павильоне Венеры распространились по всем музеям города.

— Я была инициативная, — вспоминает Людмила Евгеньевна, — и она остановила свой выбор на мне, предложив заняться реставрацией живописи на шёлке.

Пригласила меня на работу в Меншиковский дворец. Он только что открылся, и мы работали в нём вдвоём.

Занимались реставрацией художественного текстиля — китайских росписей на шёлке XVIII века. С 1981 года

Вышивание оплечья фелони. Август 1997 г.

я так и работаю в Меншиковском дворце. Вначале это была специализированная производственная мастерская при Эрмитаже. В 2004 году мастерскую присоединили к лаборатории научной реставрации ткани в Гос. Эрмитаже. Нами уже было отреставрировано три интерьера китайского шёлка в Меншиковском дворце (спальня, столовая и прихожая на женской половине дворца). Позже стали реставрировать фонды, и параллельно мы выполняли работы по заказу Георгиевского зала Эрмитажа (балдахин, большая коронационная карета Екатерины II, в которую попала бомба, и карета Николая I). А не так давно мы принимали участие в реставрации кресел Большого Кремлёвского дворца.

Мариенбург под Ганновером

Вспоминая тяжёлые 1990-е годы, Людмила Евгеньевна поведала одну очень забавную историю. Однажды от одной знакомой ей поступило предложение отправиться в замок Мариенбург под Ганновером. Принц Эрнст-Август Ганноверский, приехавший в Санкт-Петербург на экскурсию, поинтересовался у экскурсовода, нельзя ли пригласить специалиста, чтобы отреставрировали гобелены в его замке?

— Я туда поехала как эксперт, —

Меншиковский дворец за работой. 1983 г.

вспоминает Людмила Евгеньевна. Сделала там оценочную схему. Пробыла четыре дня. Там мне пригодилась вся моя музейная жизнь. Но на оценке реставрационных работ мы с принцем Эрнстом-Августом не смогли договориться. Его гобелены в замке Мариенбург так и остались без нашей реставрации.

Чудо-собирательница

— Моя коллекция старинных вещей стала образовываться уже с 1980-х годов, — рассказывает Людмила Евгеньевна. — В Меншиковском дворце мы были открытой мастерской, и к нам приходили люди. И я постепенно стала собирать всё, что само шло в руки. Любила оформлять альбомы старинных тканей и кружева. С 2006 года стала собирать художественный текстиль, его фрагменты оформляла по-музейному. Материалу присваивала номер, давала описание материала: техника и время исполнения. Ведь текстиль, дерево и кожа — самые подверженные реставрации материалы.

Кое-что приобретала с пониманием, что лишнее отдам в музей. Собрала много археологических вещей, связанных с текстилем: иголки, пуговицы.

Очень интересные экспонаты. Считаю себя именно собирателем и хранителем, а не коллекционером. В профессии я уже более 40 лет и, глядя на эти изделия, сама иногда испытываю какой-то эстетический шок от того, как это сделано, с каким чувством вкуса, такта, мастерством!

Сердце радуется тому, какое у нас богатое народное творчество. Как глубоко наши корни. Наше народное искусство — праздничное, радостное, жизнеутверждающее!

Нужно добавить, что многие гатчинцы имели возможность побывать на трёх интереснейших выставках из собрания «древностей» Людмилы Евгеньевны в выставочном зале Духовно-просветительского центра Покровского собора. Ещё одна выставка уже запланирована к новогодним праздникам.

ПО ДЕРЕВЯННОМУ КОЛЬЦУ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Елена Айдынян

Я еду на пленэр! На целую неделю в конце июня. Это здорово! Еду не одна, а вместе с педагогами-художниками Ленинградской области. Компания собралась большая и дружная — почти 50 человек. Есть старожилы, которые участвуют в таких пленэрах, заботливо организуемых областным Домом народного творчества с 1985, 1993, с начала 2000 годов. Есть и новички. Я еду впервые в составе самой многочисленной диаспоры педагогов-художников из Гатчинского района. Нас 12 человек, представляющих Гатчинскую детскую художественную школу, Детские школы искусств из Сиверской, Коммунара, Войсковиц и снова Гатчины.

Путь наш пролегает на северо-восток Ленинградской области в Подпорожский край большого Онежского и многих малых озер, могучих рек Свири, Ояты и резвых речушек, дремучих лесов, и уникального Вепского леса, и еще сохранившихся вековых рубленых церквей, часовен, крестьянских домов. Таких памятников северного деревянного зодчества на территории Подпорожского района сохранилось около 60. Здесь сложился маршрут знакомства с деревянными храмами, который поэтично называют Серебряным кольцом или Ожерельем Ленинградской области, ведь речь идет о настоящих исторических «деревянных драгоценностях», а в моем рассказе мне хочется уважительно назвать его «Деревянным кольцом» с большой буквы.

Зачем художник стремится на пленэр? Я спросила об этом своих коллег. Для кого-то эта неделя — единственная возможность в году посвятить себя всецело творчеству, на которое не хватает времени в бурной педагогической жизни. Для кого-то на пленэре очень важно наблюдение, созерцание, размышление, которые позволяют родиться новым творческим идеям, которые позже будут воплощаться уже в мастерской. Для кого-то — это удобный случай поучиться у своих коллег различным художественным приемам. Это, конечно, и обмен педагогическими идеями и находками, расширение своего кругозора и социальных связей, неформальное общение с заинтересованными людьми. Это настоящая творческая лаборатория и совершенствование своего мастерства. Мне на этом пленэре интересны две темы — опыт художественного творчества и сами «Деревянные драгоценности Севера», которым в курсе истории искусств ДХШ посвящено всего одно занятие. Этих двух тем и буду придерживаться. Расскажу о том, какие бывают пленэрные этюды и о впечатлении от увиденных деревянных храмов. В рассказе для удобства восприятия на нашем «Деревянном кольце» будет несколько «зарубок». Это зарубки на память, или как принято в лесном краю, зарубка — это ориентир для путника. Итак...

Начало. ЗАРУБКА ПЕРВАЯ — Подпорожье

Сам городок небольшой — всего 16 тысяч жителей — расположен на берегу мощной реки Свирь, которая питает Верхне-Свирскую ГЭС. Начали ее строить по Ленинскому плану ГОЭЛРО в 1938 году, но закончили только после войны.

ГЭС входит в каскад ладожских электростанций: Волховской, Нижне-Свирской. Верхне-Свирская ГЭС — настоящий памятник сталинской промышленной архитектуры. Помпезное, видное издали, белое оштукатуренное здание с лепниной, гербом, развевающимися знаменами и исторической датой — 1951, годом завершения строительства.

В городе есть краеведческий, так и хочется сказать, народный музей, который с любовью и трепетом рассказывает об истории края, о славянских и вепсских истоках, об укладе жизни людей в разные времена, о традициях деревянного зодчества, о трудном военном времени, когда эта территория была оккупирована финнами.

В музее произошла любопытная встреча: один из залов Подпорожского краеведческого музея представлял знакомую нам экспозицию Дома стационарного зрителя, которая сама отправилась в путь, пока в Выре идет реконструкция музея. Проявив любопытство, я выяснила, что у Свири, Выры существует еще более древняя славянская связь. Название реки Свирь в переводе с древнерусского языка значит «Светлый Ирий». Ирий или Вырий — в славянской мифологии это название рая, где обитают птицы и души. Вот так, ни много ни мало — райское место.

Художники на пленэре

ЭТЮД МАСЛОМ

Само понятие пленэр (в переводе с франц. — «на открытом воздухе») стало возможным благодаря техническому изобретению в первой половине XIX века двух художников из Англии и Америки: они придумали поместить масляные краски внутрь оловянного тюбика, тем самым дав возможность художникам выйти из своих мастерских, где они были привязаны к растиранию красок вручную. И вот тогда появилась пленэрная живопись в Англии, в буквальном смысле расцвел французский импрессионизм. Для чего это так важно «рисовать на природе»? Ответ очевиден: наблюдение и стремление передать движение воздуха, изменчивость солнечного освещения, формы облаков, дрожание отражения в воде. Важно передать настроение, которое охватывает художника, когда он пишет этюд и очень хочет, чтобы это настроение ощутил потом зритель.

Этюд (франц.) — в изобразительном искусстве подготовительный набросок для будущего произведения. На самом деле, сами этюды могут быть законченными произведениями (так, например, работали Клод Моне, Винсент Ван Гог), так работали и многие наши участники пленэра. Этюд замышляется сразу целиком — композиция, центр и акценты в работе, выбор материала, художественные приемы, завершенность

работы с сохранением «легкости» исполнения. Если техника позволяет, работа выполняется быстро — от нескольких минут до нескольких часов. Техника письма маслом дает возможность вернуться к работе, потому что краски долго сохнут. Это их достоинство и недостаток одновременно — неудобно вести в дороге невысохшую работу, зато можно продолжить над ней трудиться в мастерской. Строго говоря, ученики в художественной школе маслом не пишут, это сложная техника. Но в Сиверской детской школе искусств выпускникам школы предоставляется такая возможность — написать свои дипломные работы масляными красками и, надо сказать, опыт этот очень полезный и успешный.

Взгляд художника. Ольга Кадушкина

ЗАРУБКА ВТОРАЯ — село Важино, церковь Воскресения Христова 1630 года постройки

После капитальной перестройки XIX века, добавившей церкви деталей классицизма, покрасившей стены в контрастные цвета, распознать в ней XVII век довольно сложно. Но зато теперь особенно ожидаемыми будут встречи с церквями, сохранившими свою первозданность. Несмотря на позднейшие переделки, в Воскресен-

ской церкви сохранилась изначальная редкая особенность — форма десятигранника. Церковь сама стоит на возвышении, на берегу речки, обнесена церковной оградой, а на входе — дивной красоты белые ворота. И хотя они не деревянные, а сделаны из кирпича и оштукатурены, многие выбрали их для своего первого этюда. Мне кажется это символичным, это как открытая дверь в наше путешествие...

Алексей Шамарин.
Церковь в Важино,
бумага, уголь

Елена Айдынян.
Ворота,
бумага, пастель

ЭТЮД АКВАРЕЛЬЮ

Акварель у больших художников в истории искусства не была в большом почете. Ее способность к выцветанию делала ее только вспомогательным и не очень уважаемым материалом. Хотя, конечно, были виртуозы акварельной живописи — Альбрехт Дюрер в начале XVI века, Вильям Тернер в XIX веке. Для воспитанников художественной школы акварель — любимый живописный материал. Акварель позволяет создать многоцветие, сохраняя легкость и прозрачность. Акварель требует сосредоточенности и внимания, она не любит исправлений, поэтому учит быть точным и убедительным. Приемы работы акварелью могут быть очень разными: по-сырому, по-сухому, мозаично,

большими плоскостями, на маленьких форматах и размашисто на очень больших огромными кистями-флейцами. Именно так, по-разному работали художники на пленэре. Можно было наблюдать творческий процесс и даже побывать на мастер-классе «Работа на пленэре акварелью, кистью на листе пятном» Тамары Васильевны Лаврентьевой, директора и преподавателя Приозерской ДХШ с богатым опытом.

Тамара Васильевна показывала приемы работы по-сырому (по влажной бумаге). И вроде техника понятная и известная, но в исполнении Тамары Васильевны она становится виртуозной. Сначала круговые, кажущиеся хаотичными, движения по листу карандашом обозначают пятна, объемы частей этюда — церкви, куполов, перекрывающих деревьев, покосившегося дома на переднем плане. Никаких точных прорисовок, только основные пятна. Потом в дело вступает акварель, также общим пятном. Поверьте, это очень непросто — выбрать доминирующий цвет из свето-теневого сложного объема церкви или дома. Лист очень быстро заполняется живописными пятнами, сочными, набранными в полную силу или даже сверх силы. Потом краска чуть подсыхает и карандашом добавляются уточнения, обрисовываются архитектурные силуэты, некоторые детали, и снова в дело вступает акварель. Появляются тени, конкретные очертания объектов. Кисть может добавить цвет, а может его убрать, процарапывая штрихи света, четкие контуры. Первоначальные пятна приобретают узнаваемость предметов, дополняются созвучными цветами. И при этом сохраняется чистота и свежесть акварели. Не просто мастер-класс — настоящее Мастерство!

Т.В. Лаврентьева за работой

ЗАРУБКА ТРЕТЬЯ — деревня Согиницы, церковь Святителя Николая XVII века

Дошла до нас практически в первоначальном виде. Сейчас у нее особая пора — она реставрируется по областной программе сохранения памятников деревянного зодчества, поэтому церковь встретила нас в строительных лесах на фоне густого хвойного леса. Церкви, срубленные из сосны, покрытые осиновым лемехом, омываемые дождями, продуваемые ветрами, со временем приобретают благородный серебристый оттенок. Церкви подновляемые имеют теплый цвет свежей древесины. Так в одном памятнике благородная серебристость истории соединяется с золотистым свечением обновления.

Никольская церковь относится к типу шатровых «прионежской школы», состоит из восьмигранного храма и колокольни «шестерик на четверике», такая колокольня в Ленинградской области единственная. Срублена была в 1696 году, явно расположена на месте древнего капища или святилища.

Юлия Тур. Церковь в цвету, бумага, акварель

ЭТЮД ГРАФИЧЕСКИЙ

Но до чего же умело выбирали наши предки место, где поставить церковь! Конечно, они руководствовались знаками, посланными свыше, учитывали важность путей-дорог, пролегающих поблизости, но в душе наверняка были художниками, чтобы в красоту природную органично вписать красоту творений рук человеческих. Вот и поставили Никольскую церковь на левом берегу резвой реки Важинки с многочисленными заводями и порогами. А вокруг лесные холмы. Церковь видна издали — залюбуешься. Так было и в стародавние времена, когда она служила ориентиром для всех, кто плыл по некогда судоходной реке Важинке. Речка мелкая, а значение глубокое, «ВАЖИНКА = ВА(левый берег) + Ж(изнь) + ИН(иномирье) + КА(одна из многих) = «левый берег (р. Важинки) — жизнь иномирья».

Резной силуэт церкви да колокольни в окружении вязи лесных далей на фоне кружевного разнотравья так и просится быть изображенным в графическом этюде. Цвет в таком этюде уступает место выразительности линий, бесконечному разнообразию штриха, целостности пятна. Материалы для рисования художник-график может выбрать классические: простой, но умелый карандаш, черный уголь и ретушь, рыжую сангину, белый мел, тушь, которая ложится мягкой кистью или острым пером, или современные: маркер, линер, ручка. А еще можно выбрать не привычную белую бумагу, а тонированную, фактурную, или крафт-бумагу, которая своим охристым цветом так похожа на родной цвет теплой древесины.

Игорь Богданов. Портал, бумага, карандаш, маркер

Игорь Ананьев. Юковские баньки, бумага, карандаш

ЗАРУБКА ЧЕТВЕРТАЯ — деревня Родионово (когда-то Юковичи), Георгиевская церковь

Истинная драгоценность в деревянном ожерелье не только Присвирья, а и всей России. Самая древняя церковь, которая стоит на своем исконном месте с 1493 года, как обозначено в Клировской ведомости. И хотя в некоторых источниках называют другие даты основания, к примеру, 1522 год, это нисколько не умаляет ее значения. Получается, она старше многих каменных соборов, например, храма Василия Блаженного в Москве и Тихвинского монастыря. Церковь пережила лихолетье, смуту, войны, не сгнула во время пожаров, победила беспощадное время, недаром освящена в честь Георгия Победоносца. Церковь изначально напоминала простую крестьянскую избу,

Надежда Николаева. Церковь Георгия Победоносца, бумага, карандаш

потом она подновлялась в VII и XIX веках, расширялась и достраивалась, и в итоге получился дивный храм. Настоящий терем с изящной изогнутой линией срубов, с парадным узорным широким крыльцом, маленькой главкой-луковкой на тонкой шее башенки. Стоит на высоком берегу Юковско-го озера и, словно лебедь, плывет не то по воде, не то по облакам. Кстати, с высоты птичьего полета само озеро напоминает очертания лебедя и название его созвучно вепсскому слову «юхен» — «лебедь».

В настоящее время церковь относится к подворью Александрo-Свирского монастыря. Ежегодно 6 мая в Родионово отмечается престольный праздник в честь Святого Георгия.

ЭТЮД ПАСТЕЛЬЮ

Объединяет достоинства живописи и графики, потому что мастерски использует цвет и четкость линии. Пастелью называют особые мелки, которые могут оставлять жирный или сухой след. Если взять пастель масляную, цвет получится яркий, насыщенный, если взять сухую, то более мягкий, тонкий, деликатно смешивающийся внутри себя. Художники предпочитают сухую пастель, хотя в истории искусства есть дерзкие примеры обращения с пастелью. Например, французский художник Эдгар Дега пастелью работал, словно масляными красками, оплавляя ее и замешивая пальцами. Именно так сделаны его знаменитые «Голубые танцовщицы». Вот и молодой креативный преподаватель ДХШ им. Ореста Кипренского из города Сосновый Бор, Алена Дьякова, на своем мастер-классе «Масляная пастель на пленэре на тонированной бумаге» показала, как можно смело смешивать масляную пастель с сухой. Если надо и с тушью. Ее рабо-

ты получаются очень яркие, открытые, декоративные, наполненные солнцем, светом, это органичное сочинение на увиденную на натуре тему. Такой художественный способ оказался очень затратен, многие попробовали поработать в этом жизнерадостном стиле и получили истинное удовольствие.

Алена Дьякова на мастер-классе

ЗАРУБКА ПЯТАЯ — деревня Щелейки на берегу Онежского озера, церковь Дмитрия Солунского Мироточивого

Относится к особому типу многоглавых церквей, которые называют «кижское чудо». Теперь это памятник федерального значения, недавно отреставрирован. Сама церковь составляет единое целое с колокольней, соединяясь с ней резным мостом. Рублена в 1783 году.

Когда звучит выражение «топорная работа», подразумевается работа грубая. Когда видишь церкви, срубленные топором, все строго наоборот — это виртуозная работа. Как ладно подогнаны бревна, какой силуэт нарисо-

ван топором, какие кружева карнизов, причелины, наличники украшают крыши и оконца, какой резной осиновый лемех покрывает округлые главки церквей. Если бы не топор, а не дай бог пила, не простояли бы эти церкви века, топор при ударе запечатывает древесные волокна, и они становятся более стойкими к сырости и влаге.

Само дерево, из которого рубились церкви, тоже не случайное. Ведь даже если стоит церковь Дмитриевская на

Надежда Николаева. Жемчужина Онеги, бумага, карандаш

Игорь Ананьев. Церковь в Щелейках, бумага, акварель

берегу Онежского озера в лесном краю, бревна для ее строительства привозили за сотню километров из Северного Прионежья, где лето короче, значит, сезонный прирост годичных колец у дерева равномерный и не отличается ни по времени года, ни по стороне света. Потому мудрый выбор дерева нашими предками, неспешность и основательность его сушки, виртуозная обработка топором позволяют стоять деревянным храмам на Севере века.

ЭТЮД В СМЕШАННОЙ ТЕХНИКЕ

Это всегда проба, эксперимент. Пленэр — это творческая лаборатория, возможность попробовать то, чего ты никогда не делал, поэтому здесь возможны самые необычные сочетания материалов, сюжетов, ракурсов, взглядов, переложений с натуры на художественное перевоплощение. Можно пробовать рисовать акварелью на цветной бумаге, соединять её с черной тушью или с белыми, гуашь дополнять графической прорисовкой, рисовать на тонированной бумаге серебряной и белой ручкой, использовать модные цветные маркеры.

Можно использовать взгляд необычный. Обычно рисуют снизу-вверх, подняв глаза в небо, где купола церкви упираются в облака. А можно забраться на колокольню и через деревянные кружева кровли увидеть всю округу с деревенскими домами, далями, просторами озера, больше похожего на море. Красота!!!

Соавторами, источниками вдохновения, возникающей ассоциации для художника могут быть проплывающие облака, сверкающее озеро и даже комары, назойливость которых заставляет работать быстро и точно.

Ольга Кадушкина. Вход на колокольню

Валерий Костаринов. Территория-1,
б. акрил б., смеш. техника

ЗАРУБКА ШЕСТАЯ — последняя. Село Гимрека, Церковь Рождества Пресвятой Богородицы 1693 года строительства

Стоит на высоком холме вместе с шатровой колокольней на фоне ослепительного, не по-северному яркого неба и кудрявых облаков.

И снова церковь в лесах — это хороший знак. Областная программа возрождения памятников деревянного зодчества действует. Значит, вековые памятники не умрут, будут стоять невредимые на своих исконных местах, где их мастера поставили, чтобы видно было издали. Чтобы служили они ориентиром не только путникам, а

были ориентиром веры и камертоном красоты, когда человек живет в ладу с природой.

Когда я писала этюд с церковью в лесах (строительных) в Гимреке, ко мне осторожно, стесняясь, подошли любопытные деревенские мальчик с девочкой, поздоровались, посмотрели, сказали: «Как красиво вы рисуете! А сколько надо учиться, чтобы так научиться рисовать? А вашу картину потом в музей возьмут?»

Что я им ответила? Серьезно — про учебу и с улыбкой — про музей. Что я вам отвечу? Пленэр закончился. Но КОЛЬЦО наше еще не замкнулось. Оно замкнется, когда лучшие работы составят каталог пленэра педагогов-художников Ленинградской области, будут представлены в декабре

2021 года на выставке в престижном зале в Санкт-Петербурге при поддержке областного Дома народного творчества, а потом в 2022 году проедут передвижной выставкой по городам Ленинградской области. Обязательно приедет выставка в Подпорожье, где проходил сам пленэр. Я думаю, что она обязательно будет и в Гатчине, где увидят её заинтересованные зрители-жители, любознательные ученики художественной школы и школ искусств.

Я очень надеюсь, что вы тоже сможете, как и наши художники, почувствовать бесконечную красоту нашей родной природы, восхищение решениями рук наших предков, заразительность творческой атмосферы пленэра и небывалую ослепительность этого жаркого лета.

* * * *

Наталья Пунжина

Манят стёжки-дорожки в заветное чудо-местечко —
Там послушный огонь и озёра с живою водицей.
Пышет жаром сердечным волшебная творчества печка:
Невозможно стореть в ней, возможно лишь переродиться.

Где-то рядом звучат знаменитые медные трубы,
Только мне интересней стрекоз шелестенье в осоках.
И доверчивых птиц мне напевы приветные любви,
И мелодии ветра в оранжевых соснах высоких...

Говорливой печи я внимаю. И снова, и снова,
Переменчивой сути её не боясь раскалённой,
Открываю заслонку — и новорождённое слово,
Защищаясь ладошкой от света, глядит удивлённо!

* * * *

Евгений Докучаев

Будет вечер опять над округой разлит.
Будут отдыха требовать ноги.
В небесах на закате, звезда, загорись,
как лампада у сна на пороге.

Сон излечит, усталость смахнёт, как рукой.
И для новых проснёшься свершений.
Невелик их размер? Но по капле, рекой,
наполняется миру служенье.

Чем прозрачнее день, тем добрее дела,
и на сердце бывает спокойней.
Мне сегодня во сне вдруг сирень расцвела.
Я проснулся, увидел и охнул...

Как потрудимся мы, так сбываются сны.
Это нас и растения слышат.
Я проснулся — сейчас над остатками тьмы.
только ветка сирени колышет.

* * * *

Вот так и жить: в затишье одеваться,
выспрашивать стрижа, куда летит,
тумана прибирая одеяльце,
к груди прижать случайный белый стих,
смахнуть в рассвет оброненную ноту,
которая в аккорды не легла,
уйти в листвы ближайшую субботу
по травам накладного серебра
до озера, в котором видно осень,
рассыпанной как золото, везде.
Взять кисти отражённых красных сосен,
жить и писать картины по воде...

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

*Всё было до меня: десятилетия
того, что счастьем называем мы.
Цвели деревья,
вырастали дети,
чередовались степи и холмы,
за ветровым стеклом рождались зори
очередного праздничного дня...*

Вероника Тушнова

СОХРАНЯЯ ПАМЯТЬ

Ольга Коноплева

За свою жизнь человек успевает освоить, перевести в свой внутренний мир лишь малую долю культурного наследия, но именно этот, накопленный опыт, он и передаёт другим поколениям, выступая как общее достояние всех людей, всего человечества. Однако общим достоянием наследие может быть лишь при условии своего сохранения. Поэтому сохранение культурного наследия является сохранением культуры в целом. И часто для сохранения целого пласта культурного наследия достаточно одного маленького шага, одного человека.

Бывают люди, которые не просто сохраняют наследие, оставленное нам предками, но и двигают историю вперёд. Таким человеком для первого в стране музея литературного героя стал токарь Государственного оптического института им. С.И. Вавилова — Иван Дмитриевич Ларин. Находясь в доме отдыха «Песчанка» Гатчинского района в 1965 году, Иван Дмитриевич обратил внимание на кирпичные строения. В одном размещался местный клуб, а вто-

Вырский клуб 1969 год

Почтовая станция в д. Выра (северный корпус)

Северный корпус
бывшей почтовой станции в д. Выра

Группа отдыхающих дома отдыха "Песчанка". 1965 г.

рое было почти разрушено. В них, по словам организатора культурно-массовых мероприятий санатория «Песчанка» — Нины Леонтьевны Антоновой, находилась почтовая станция, где останавливался А.С. Пушкин. История Вырской почтовой станции уже была тесно связана с именем великого поэта, который назвал главного героя повести «Станционный смотритель» Выриным — фамилией, созвучной названию деревни, а народное предание связало станцию с сюжетом повести «Станционный смотритель». Нина Леонтьевна проводила экскурсию вокруг дома бывшей почтовой станции для отдыхающих санатория, после посещения экскурсии и возникла идея у Ивана Дмитриевича сохранить эти дома для потомков, сохранить культурное наследие.

Иван Дмитриевич обращался в разные учреждения Ленинграда и области, но поддержки и понимания нигде не встречал; приехав в село Рождествено, он встретился с председателем колхоза имени Ленина — Павлом Семёновичем Терещенко. Эта встреча стала судьбоносной. Павел Семёнович, обсудив на совещании вопрос ремонта, выделяет средства, на которые было отреставрировано первое здание

Встреча активиста общества охраны памятников истории и культуры И.Д. Ларина и председателя колхоза имени В.И. Ленина П.С. Терещенко

Председатель ВООПИК при ГОИ им. Вавилова
Иван Дмитриевич Ларин

северного корпуса почтовой станции и создана первая экспозиция музея «Дом станционного смотрителя» — «Чистая половина для господ проезжающих».

Для закупки предметов в новую экспозицию Иван Дмитриевич лично собирал деньги, организовывал субботники, на которых делали рамы для отреставрированных и восстановленных зданий. В 2016 году, проводя экскурсию по музею, я остановилась у витрины с фотографиями людей, которые создавали музей, и рассказала историю создания комплекса. После экскурсии ко мне подошла женщина и сказала, что в начале семидесятых годов она работала в Государственном оптическом институте им. С.И. Вавилова и лично знала Ларина. Радость от того, что я узнаю сейчас об этом человеке что-то интересное из уст очевидца, сменилась разочарованием от искренних сожалений посетительницы. Она, будучи восемнадцатилетней дев-

чонкой, не понимала, какую работу ведёт этот человек: «Он подходил к нам после зарплаты, просил внести хоть десять копеек на реставрацию, объяснял, какой музей будет открыт, говорил про Пушкина, про станционного смотрителя. А я стеснялась этого, как считала, попрошайку с огромной седой бородой, давала копеек пятьдесят, и со стыдом убегала, черкнув на бумаге подпись. Только сегодня я поняла, какой памятник воздвиг этот, как мне по молодости казалось, смешной и навязчивый человек. Он и его сподвижники создали не только памятник Пушкину, но и себе...».

Но люди, что создавали музей, не думали о славе, не знали и не подозревали, какой след оставят в истории для потомков, они просто стремились передать накопленный ими и предками опыт, сохранить культурное наследие.

Ни я, ни мои коллеги не помнят, чтобы при жизни чествовали создателей экспозиции или музея, как-то скромно упоминаются эти имена, и они редко заходят в музей. Кристина Эдуардовна, внучка архитектора проекта музея, Валентины Васильевны Экк, рассказывала: «Бабушка вспоминала о музее, но мы ни разу не зашли внутрь. Бабушка родилась в Псковской области. Когда мы ездили к ней на родину, проезжали по Киевскому шоссе мимо Дома станционного смотрителя, она рассказывала, что принимала участие в реставрации музея». Просто принимала участие... а про то, какую работу проделала, про поиски в архивах и подготовку проекта реставрации комплекса музея она не упоминала. Кристина Экк отмечает, что, создав несколько проектов музеев, в том числе и «Домик няни А.С. Пушкина», Валентина Васильевна не оставляла заметок и не писала воспоминаний, даже из газетных статей сохранилась лишь одна вырезка. Ар-

Архитектор Валентина Васильевна Экк

хитектор считала, что это нескромно, хвалиться проделанной работой, ведь всё делали с большой душой и для людей. Валентине Экк важно было сохранить интересный объект, который несёт в себе столько накопленной информации, а о своём месте в истории люди, сохранившие для нас памятники культуры, не задумывались.

Судьба проекта по созданию музея решалась 23 мая 1970-го года, когда в Выре, во дворе бывшей почтовой станции, собрались члены Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, а также автор проекта нового музея, архитектор Валентина Экк. Рядом с разрушающимися постройками они обсудили план реставрации зданий и создание первой экспозиции.

Бригаду плотников возглавил молодой человек — Александр Александрович Сёмочкин. Здесь раскрылся его талант архитектора. Плотниками работали местные жители и работники колхоза из близлежащих деревень, в их

Архитектор Александр Александрович Сёмочкин.
Фото 1969 года

числе С.П. Клыпенков, А.В. Смирнов, С.А. Семочкин. А на расчистку двора от земли и для раскопок приглашали местных школьников. В записях сохра-

Плотники Клыпенков С.П. и Смирнов А.В.

нилось только три имени из тех многих, кто помогал при раскопках двора почтовой станции: Вася Макаров, Вова Курдюков, Коля Жаворонков. Один из тех пионеров, кто участвовал в работах (к сожалению, не записала фамилию), приходил в музей и рассказывал: «Сняли сантиметров пятнадцать земли с травой, и сразу же показалась

каменная брусчатка. А у кирпичного здания северного корпуса сам лично нашел несколько медных гильз от патронов».

Двор музея «Дом станционного смотрителя» в Выре.
Расчистка земли

Экспозиции музея создавались по повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель» и архивным документам под руководством старшего научного сотрудника Всесоюзного музея А.С. Пушкина Нины Ивановны Грановской. В своей статье «Воспоминания о моей жизни» она упоминала об этом: «Мной были созданы интерьеры музея-квартиры Пушкина в Ленинграде, Всесоюзного музея Пушкина и интерьер дачи, которую он снимал сразу после женитьбы в Царском селе, а также экспозиция Дома станционного смотрителя в деревне Выра».

Научный сотрудник Нина Ивановна Грановская

С одного выкрашенного в розовый цвет домика началась жизнь в октябре 1972 года первого в нашей стране музея

Копия акта приемки реставрационных работ дома станционного смотрителя в деревне Выра Гатчинского района от 24 декабря 1969 г. Комиссия в составе 9-ти человек оценила реставрацию дома оценкой "хорошо"

Группа экскурсантов из ГОИ им. Вавилова во дворе музея "Дом станционного смотрителя". 1970 год

литературного героя. На церемонии открытия Дома станционного смотрителя выступили: секретарь Гатчинского горкома КПСС Л.Д. Можейко, заместитель директора Всесоюзного музея А.С. Пушкина Г.Г. Прошин, старший научный сотрудник Всесоюзного музея А.С. Пушкина Н.И. Грановская, архитектор А.А. Семочкин, активист

общества охраны памятников истории и культуры И.Д. Ларин, председатель колхоза имени В.И. Ленина П.С. Терещенко и правнук великого русского поэта Григорий Григорьевич Пушкин.

Весь комплекс деревянных построек Вырской почтовой станции воссоздавался на протяжении многих лет, и все эти годы бригаду реставраторов возглавлял А.А. Семочкин. При создании музея учли не только архивные материалы, но и воспоминания местных жителей, фотографии. Через несколько лет сложной работы стала проследиваться первоначальная планировочная структура почтовой станции, которая состояла из двух каменных домиков, соединенных между собой кирпичной стеной с большими дубовыми воротами, и деревянных конюшен. В комплекс входят шорная и кузница, а посередине двора, вымощенного булыжником, стоит колодец. Рядом с колодцем позже установили ко-

В центре правнук великого русского поэта - Григорий Григорьевич Пушкин

новязи-поилки для лошадей, которые смастерил местный житель, человек с золотыми руками — Алевтин Михайлович Белов. Из старой брусчатки, которая была найдена в ходе раскопок на территории станции, выложили подъездную дорогу и двор.

28 октября 1973 года открылась экспозиция «Ямщицкая половина», в октябре 1982 года для посетителей и экскурсий начали работу конюшни северного корпуса. В 1988 году стал принимать гостей выставочный зал «Дары музею», а новая экспозиция «Почта второй половины XIX века» была открыта в 1997 году.

В 1985 году под руководством архитектора А.А. Семочкина рядом с музеем «Дом станционного смотрителя» была восстановлена часовня на старом фундаменте. По воспоминаниям Александра Александровича, старый фундамент они нашли очень быстро, наверное, это было как помощь, необходимая для доказательства, что часовня входила в комплекс почтовой станции. В советское время восстановить часовню было очень трудно, руководство не приветствовало строительство храмов. Александр Александрович Семочкин и Валентина Максимовна Якушева на свой страх и риск приняли решение о возведении часовни. И у них всё получилось. Первое время в часовне была выставка, а через несколько лет часовню освятили в память святых Космы и Дамиана, как и старую, построенную в 1892 году, в честь чудесного спасения императорской семьи 1888 года в железнодорожной катастрофе в Борках, когда едва не погибла семья императора Александра III. Вырские крестьяне всем миром собрали деньги на строительство своего храма и в 1891 году получили разрешение на постройку от епархиального начальства. По фотографиям и воспоминаниям местных

жителей мы знаем, что простояла часовня до конца 40-х годов XX века. Виктор Никитович Баканов, житель села Рождествено, слышал от матери, что часовня не была разрушена в годы войны и не пострадала от пожара и бомбёжек. Был разрушен только один угол осколком снаряда, повреждённую стену заколотили досками. При переезде на время реставрации сотрудники музея расчищали все кладовки. На чердаке северного корпуса, за кирпичной трубой стоял ржавый лист металла, когда его вытащили, оказалось, что это икона святых Космы и Дамиана около метра в высоту, выполненная на жести. По словам местных жителей, такая икона была на старой часовне, на внешней стене, со стороны дороги. Вероятно, в сороковых годах XX века, когда разбирали часовню, кто-то из местных жителей спрятал икону на чердаке, тем самым сохранив её до сегодняшнего дня.

В 1972 году музей «Дом станционного смотрителя» открылся как филиал Гатчинского краеведческого музея. В 1973 году директором Вырского филиала Гатчинского краеведческого музея назначили Якушеву (Исаченкову) Валентину Максимовну. С 1973 по 2008 год Валентина Максимовна была директором музея «Дом станционного смотрителя». За это время Дом станционного смотрителя становится самостоятельным музеем, в 1978 г. входит в Генеральную дирекцию объединения музеев Ленинградской области, с 1994 — областной музейный центр, с 1999 года становится Вырским филиалом Ленинградского областного учреждения культуры «Музейное агентство». При поддержке колхоза имени Ленина, спонсоров и учредителя к 2008 году был полностью восстановлен комплекс почтовой станции и открыты пять новых экспозиций.

В 1997 году по инициативе директора

музея В.М. Якушевой в Южном корпусе бывшей почтовой станции была открыта экспозиция «Почта II половины XIX века». При создании экспозиции поддержку оказали генеральный директор Почты России А.П. Верниковский и начальник гатчинского отделения Почты России Н.Т. Нежинская, помогли в создании экспозиции и сотрудники Центрального музея связи имени А.С. Попова, передав на временное хранение предметы почтово-дорожного быта.

Первая экспозиция создавалась из 78 предметов, это несколько закупленных Ниной Ивановной Грановской вещей и предметы, выданные Всероссийским музеем А.С. Пушкина, несколько позже экспонаты выдали на временное хранение из музея связи им. Попова. На протяжении всех лет существования сотрудниками музея собирается коллекция фондовых предметов. За годы работы музея в фондах собралось более 5000 единиц хранения. Формирование коллекций началось с момента создания первой экспозиции, и значительная роль в пополнении фондов музея принадлежит бытовым экспедициям, проводившимся научным сотрудником Раисой Фёдоровной Папиашвили и директором музея Валентиной Максимовной Якушевой. Позднее в экспедициях принимали участие научные сотрудники Валентина Михайловна Анисимова, Алла Ярушкина, методист Римма Михайловна Бондаренко, хранитель фондов Наталья Ивановна Васильева. Сотрудники музея проводили беседы с местными жителями, описывая предметы и способы их использования.

Благодаря людям, которые стояли у истоков комплектования фондов музея, в первую очередь Раисе Фёдоровне, научному сотруднику, ответственному за фонды музея с 1974 по 2010 год, удалось

сохранить предметы материальной культуры Гатчинского района. В музее хранятся самобытные предметы, которые наглядно отображают интересы и умения людей ушедшей эпохи. Это утварь, одежда, обувь, мебель, книги и документы. Благодаря работе с местными жителями, в музее собрали коллекцию орудий труда и сельскохозяйственного производства — лучковые пилы и фигурные стамески, деревянные струбцины и рубанки, плуги, сохи.

В последние годы бытовые экспедиции расширили географические границы, в музейное собрание стали включать предметы, раскрывающие особенности традиционной культуры других областей Северо-Запада нашей страны — Новгородской, Архангельской, Вологодской. Коллекция музея растёт, процесс комплектования фондов происходит непрерывно. Местные жители и гости музея привозят мебель, дорожные вещи, утварь, деньги, открытки и фотографии. В музейной коллекции представлены фотографии, которые поступили в дар от местных жителей.

В результате многолетней работы собран материал, который позволяет открывать временные выставки, связанные с профилем музея, помогает в краеведческой деятельности. Сегодня основной фонд музея включает в себя коллекции изделий прикладного искусства, быта и этнографии, нумизматики, памятников письменности, живописи, графики, скульптуры.

Музей поддерживает связь с потомками А.С. Пушкина. На протяжении многих лет в музей приезжают: Клотильда фон Ринтелен, урожденная графиня фон Меренберг, глава Пушкинского общества Германии (Puschkin Gesellschaft); Юлия Пушкина, проживающая в г. Москва. Частым гостем музея был Борис Борисович Пушкин.

В 2009 году Валентину Максимовну, на посту заведующего филиалом, сменила Виктория Николаевна Кайкова, и начался «второй виток» в жизни музея. К этому времени изменился портрет современного посетителя и его восприятие предметных экспозиций, появилась необходимость и в реставрации самих обветшавших зданий.

Виктория Николаевна и научные сотрудники музея начали поиски возможных спонсоров для ремонта зданий, участвовали в конкурсах и писали гранты. Прделанная работа увенчалась успехом: в 2009 году Всемирный Банк включил наш музей в проект «Сохранение и использование культурного наследия в России». Началась работа по подготовке музея к реставрации, чтобы дать возможность реконструировать существующие и создать новые экспозиции, сделать их более понятными для современного человека.

Почти десять лет сотрудники музея ждали реставрацию, только к 2018 году были оформлены все документы, и в сентябре музей закрыл свои двери для посетителей. Начались реставрационные работы для реализации подпроекта «Реставрация почтовой станции в д. Выра (Музей «Дом станционного смотрителя») проект «Сохранение и использование культурного наследия в России», открытие планируется на 2022 год.

Какие силы приложили сотрудники музея для реализации проекта реставрации, это отдельная история. Но благодаря проделанной работе заведующего филиалом Кайковой, в музейной сфере случилось беспрецедентное событие — музей переехал в Ульяновск. Виктория Николаевна договаривалась с коллегами, решала юридические вопросы с руководством, и всё получилось: на время реставрации основная экспозиция музея была перевезена в

областное государственное бюджетное учреждение культуры «Ульяновский областной краеведческий музей имени И.А. Гончарова» для экспонирования на временной выставке «Дом станционного смотрителя», где до сих пор принимает многочисленных посетителей. Остальные предметы из фондов музея на временное хранение приняли областные музеи, а экспозиция «Почта второй половины XIX века» на время реставрации переехала в Подпорожский филиал ГБУК ЛО «Музейное агентство» Подпорожский краеведческий музей.

Музей «Дом станционного смотрителя» был открыт как музей литературного героя, с первых дней в нём ощущалось дыхание пушкинского времени, посетитель видел не экспозицию, а только подлинный домик смотрителя XIX века. Здесь прошли традиционные пушкинские праздники, дни памяти, литературные встречи и чтения. В нашем музее встречались пушкинисты всего мира, тем самым повышая значение музея, который стал поистине одним из культурных центров Ленинградской области. И мы с нетерпением ждём открытия музея, где теперь более полно будет представлен раздел литературы, которому всегда не хватало простора в одной маленькой комнате. Да и более чем двухсотлетняя история почтовой станции будет достойно представлена в экспозиционных комплексах.

Вот так получилось, что идея, зародившаяся однажды у одного человека, живёт и продолжает объединять неравнодушных людей, тех, кто сохраняет культурное наследие и передаёт его следующему поколению из рук в руки, как самое сокровенное, передаёт не просто стены и вещи, но и свой опыт, и свою любовь к национальной культуре.

«НЕРОЖДЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ»

Валерий Мачульский

Вашему вниманию предлагается фрагмент из главы «Нерожденные памятники» будущей книги «Монументально-декоративное искусство г. Гатчины 1974–2021 гг.».

Нам, уважаемый читатель, есть, что вспомнить по этой теме, т.к. земля Гатчинская богата историческими событиями и известными людьми, прославившими наш город. Предлагаю вашему вниманию перечень обращений, высказанных общественностью города в разные годы по установке в г. Гатчине памятников, памятных знаков и мемориальных досок. Составлен перечень в хронологическом порядке с исторической справкой и краткой событийной оценкой.

1.

30 июня 1931 г. газета «Красногвардец» под заголовком «Долой памятники самодержавия» писала: «Между двумя парками — Приоратским и Музейным, на перекрестке двух дорог, возвышаясь на горе, стоит обелиск, обнесённый каменным парапетом. Памятник был поставлен в XVIII в. Павлом I в честь встречи мальтийских рыцарей, задача которых была священная война с революцией. Несколько пережил их, но тоже рухнет памятник (обелиск) контрреволюционных сил.

Что в этом памятнике высокохудожественного? Пожалуй, трудящиеся СССР ничего не найдут, чтобы его беречь и охранять как великолепное или характерное и нужное произведение эпохи. Кто знает символику памятни-

ка-обелиска, тот скажет: снести его до основания, пока обелиск не обвалился и не убил кого-либо из трудящихся, и на этом месте поставим памятник вождю новой жизни.

Не следует думать, куда лучше затратить несколько тысяч государственных средств: на реставрацию разрушающегося памятника — символа соединения сил церкви и монархии против трудящихся, или на памятник вождю пролетариата тов. Ленину?». (Подпись: Рупор).

Позволю себе комментарий к этой заметке.

Революционеру-демагогу явно мало одного памятника Ленину в Гатчине. Разрушить один памятник — повод имитации борьбы. Установить другой памятник — повод имитации преданности тов. Ленину, партии.

В этом случае Рупор не смог сломать памятник. Но, учитывая его психологию и стиль заметки, можно предположить, что в конце 30-х годов он сломал не одну жизнь «врагов народа».

2.

Статья «Вредителей — к расстрелу 2 сентября 1937 г. «ГП» от 2 сентября 1937 года.

1 сентября в Доме культуры закончился начатый 29 августа судебный процесс над антисоветской вредительской группой «правых» во главе с бывшим секретарём Красногвардейского РК ВКП (б) Васильевым И.В. Из 10 человек 8 приговорены к высшей мере — расстрелу. Заслуженный конец

вредительской деятельности подлых изменников...».

Через 51 год на эту заметку откликнулся В. Николаев статьей в «ГП» «Дядя Ваня». Приведу выдержки из неё: «...такой псевдоним был у революционера-подпольщика Ивана Васильевича Васильева (1882–1937). Много лет спустя, его, секретаря Красногвардейского райкома ВКП (б), этим именем уважительно называли жители нашего города. В 1937 г. И.В. Васильев был оклеветан, объявлен врагом народа и репрессирован».

В конце этой статьи В.Н. Николаев предлагал: «...В качестве первого шага предлагаю на доме №11 по проспекту 25-го Октября, где в 1932–1941 гг. размещался райком ВКП (б), установить мемориальную доску с надписью примерно такого содержания: «В этом доме, где в 1932–1941 гг. размещался Красногвардейский РК ВКП (б), работал секретарь райкома, член партии с 1912 года Иван Васильевич Васильев, ставший жертвой массовых репрессий в годы сталинского произвола».

Пусть люди знают и помнят об этих чёрных страницах в истории нашего общества. Это нужно для того, чтобы таких страниц больше не было, чтобы будущие поколения имели стойкий иммунитет против всякого рода культов и культиков».

Руководители города и демократически настроенная часть населения согласились с этим молча, поэтому мемориальная доска и не появилась.

3.

Любая юбилейная дата — это повод осмыслить историческое событие в контексте современности, и эти мысли воплотить в памятниках, книгах, художественных и документальных фильмах и других формах изобразительного искусства.

Так думал краевед А.Н. Лбовский, и в газете «Красногвардейская правда» от 5.09.1936 года он писал: «Считаю, что следует поставить в одном из скверов Красногвардейска памятник — бюст Пушкина...». Но 1936, 37-й, 38-й годы — не лучшее время для каких-либо инициатив.

Очередная попытка была предпринята в Гатчине в преддверии 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина. Инициативная группа: В. Шевченко, Р. Ковалёва, З. Скорнякова, А. Бурлаков, В. Николаев, В. Кустов и многие другие гатчинцы выступили с двумя предложениями:

1. Изготовить памятную доску с текстом: «А.С. Пушкин (1799–1837 гг.), следуя по Белорусскому тракту, много раз проезжал через Гатчину».

Такая обтекаемая формулировка текста предполагалась из-за отсутствия конкретных документов той эпохи, подтверждающих факт пребывания А.С. Пушкина в Гатчине. Но инициаторы предложения руководствовались

логическим соображением: «...раз в Гатчине была почтовая станция, где меняли лошадей и не было другой дороги на юг, то А.С. Пушкин обязательно и многократно останавливался в Гатчине».

Из дневников С.Н. Балаевой:

«6.05.1949 г. Определение местонахождения постоянного двора Лытикова, где по преданию стоял гроб Пушкина на пути в Пушкинские горы — по документам архитектурного архива. По генплану Гатчины № 34034 с подписью Байковым установлено, что нынешний дом № 33 по Большому пр. построен после 1837 г., т.к. на плане он показан как строящийся каменный дом на месте сгоревшего. Бумага имеет водяной знак 1837 г. Таким образом, этого дома в феврале 1837 г., когда провозили через Гатчину гроб Пушкина, ещё не было.

9.05.1949 г. По архитектурному архиву ГДМ видно, что по Большому пр. в Гатчине было два дома владельца Лытикова: купец Лытиков, участок № 16, теперь дом № 16, и участок № 127, теперь дом № 33, против почты мещанина Степана Лытикова.

По планам города № 33842 — № 1850 г. и № 34235 — 1852 г. точно устанавливается местоположение обоих участков. Остаётся установить, где же останавливался А.И. Тургенев с гробом Пушкина, и не останавливался ли он на почте. Словом, ничего несомненного в этом деле нет, и вводить это в экспозицию рискованно!»

Но вернёмся в 1997 год. Городская власть одобрила предложение инициативной группы, и скульптор В. Шевченко приступил к разработке проекта памятной доски в содружестве с кузнечным мастером В. Марковым из п. Вырица. Мне довелось видеть эскиз, выполненный в натуральную величину в мастерской скульптора. Предполага-

лось отлить памятную доску из бронзы. Что произошло дальше, рассказал сам В. Шевченко: «Я искал поддержки у Щербачёва В.Г., курировавшего в то время горотдел ВООПиК, Назарова Ю.И. и Казанцева В. — депутатов горсовета, но они сумели замылить эту тему до большого мыльного пузыря, который лопнул от одной фразы — нет денег». А.С. Пушкин всегда нуждался в деньгах, и в этот раз кредиторы отказали Александру Сергеевичу — хорошая тема для хорошей эпиграммы.

Второе предложение было высказано в заметках З.В. Скорняковой «ГП» 7.06.1997 г. «Пушкинскому скверу в Гатчине — быть!» и 25.05.1998 г. «Эскизы готовы, осталось найти сред-

ства». Приведу только фрагмент из интервью с гл. архитектором города С.Н. Романовым: «...Сергей Николаевич, озабочен ли главный архитектор Гатчины грядущим Пушкинским юбилеем, и что для памяти поэта будет сделано в городе?»

— Естественно, озабочен. Юбилей приближается и замыслы, конечно, есть. Хотя и нет исторических сведений о том, что Пушкин останавливался в Гатчине, но проездом он здесь наверняка бывал. Уже в прошлом году мы обсуждали возможность установки либо памятника, либо памятного знака. Сегодня у нас имеются два варианта проекта. Один из них — Пушкин лицеистского периода, а другой — небольшая композиция скульптора В. Шевченко — Арина Родионовна с маленьким поэтом. Эскизы у нас готовы, они сделаны архитектором В. Кустовым. Предполагается, что памятный знак должен быть расположен рядом с проспектом 25-го Октября. Осталось найти средства. Я хочу в ближайшее время на одной из депутатских комиссий представить эскиз одного из более приемлемых проектов, чтобы каким-то образом мы смогли найти деньги на его изготовление...».

Идею создания «Пушкинского сквера» поддержали: Ковалёва Р.Н. — депутат горсовета, Селезнев В.Х. — зам. директора ПИЯФ, Богданов С.С. — глава администрации города. Он сказал, что дело это «хорошее и нужное, хотя для исполнения тяжёлое».

В своём интервью З. Скорнякова подвела итог: «...Итак, в городе родилась замечательная идея. Неужто она не воплотится в дело? Время идёт...». Время прошло, остались только красивые эскизы и надежда. Гранит и бронза оказались неподъемными для облегченного городского бюджета в преддверии краха СССР.

4.

Очередное предложение по этой теме было озвучено 1 февраля 2013 г. на заседании художественного совета. За читали информацию из блога Е.В. Любушкиной — главы администрации Гатчинского муниципального района.

Автор: Владимир Степанович

Дата: 22.01.2013 г.

«Здравствуйте, Елена Викторовна!

Прекрасно понимаю, что вопрос, о котором мне хотелось бы сказать, далеко не самый насущный. Есть проблемы и поважнее... Но мне кажется несправедливым, что в Гатчине до сих пор нет памятника великому русскому поэту А.С. Пушкину. А ведь вся жизнь Александра Сергеевича связана с нашим краем! Довольно часто говорится о развитии туризма, о патриотическом и культурном воспитании молодёжи. Насколько я знаю, район получил грант на реставрацию и обустройство пушкинских памятных мест в Суйде, Выре. Но почему же в стороне остаётся «Столица» нашего района — город Гатчина? Мне кажется, что нужно исправить это и установить большой, красивый памятник великому поэту где-нибудь в центральной части нашего города! Проект памятника можно выбрать по конкурсу. Думаю, многие скульпторы почтут за честь в нём участвовать. А с деньгами на строительство нам могла бы помочь область (судя по газетным заметкам, новый губернатор всерьёз за возрождение культуры хочет взяться, и это можно только приветствовать!). Или спонсоры.

Прошу Вас рассмотреть моё предложение».

Рассмотрели, но не стали обсуждать, возможно, из-за отсутствия Владимира Степановича.

История с памятником А.С. Пушкину приобрела неожиданную завершенность, описанную в газете «Спектр

Гатчина» от 9 июня 1999 г. в заметке «Пушкина в сердце храним». «... Ю.Ф. Кузнецов, известный гатчинский скульптор, член Союза художников России, уже давно дружит с детским садом №1, что на ул. Коли Подрядчикова, 6. Накануне большого 200-летнего юбилея А. Пушкина, который празднует вся страна, Юрий Федорович подарил своим маленьким друзьям памятный подарок — бюст великого русского поэта. Теперь скульптурное изображение поэта есть и в нашем городе в единственном месте: д/с №1. Молодой поэт внимательно смотрит с пьедестала на юных дошколят, которым еще предстоит осознать все величие его гения».

Это событие состоялось благодаря неравнодушным людям того времени:

председателю Комитета по культуре А.М. Качаловой, заведующей детским садом №1 Г.К. Сердюк и скульптору Ю.Ф. Кузнецову. Родился памятник, который можно увидеть и оценить, прогуливаясь по улице К. Подрядчикова.

Продолжение наших воспоминаний следует.

ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО

*Спасибо, жизнь, за то, что этот щедрый век
Звучал во мне то щедростью, то болью,
За ширь твоих дорог, в которых человек,
Все испытав, становится собою.*

Роберт Рождественский

НИ ЧИНОВ, НИ ИМУЩЕСТВА ОН ИЗ АФГАНА НЕ ПРИВЁЗ

Зоя Бобкова

Давно отгрохотала Афганская война, но её грозное эхо отдаётся в наших сердцах, потому что среди нас живут люди, которые прошли сквозь огонь необъявленной войны, вобрали в свои души ужас и величие тех дней.

Один из таких людей Михаил Борисович Шевяков, который являлся в своё время в Гатчине председателем правления Российского союза ветеранов Афганистана.

Он воевал там полтора года в составе мотострелковых войск, ударной силы нашей армии, был командиром взвода БМП (боевая машина пехоты) и БТР, участвовал в нескольких десятках боевых операций и в сопровождении колонн.

Полтора года — в самом пекле боевых действий, полтора года — в постоянном напряжении, ведь противник в Афганистане был необычным. Он мог появиться в любое время и неизвестно откуда, он был, словно растворён в воздухе, и мог материализоваться в любой момент в своём грозном облике, как носитель смерти конкретному человеку, Михаилу Шевякову, симпатичному крепкому парню, лейтенанту, которому шёл всего лишь двадцать второй год.

Его послала страна на защиту своих интересов в приграничном регионе, и он исполнял свой долг воина свято. Слава Богу, война пощадила его, не перемолола в своих жерновах, вернула людям, и теперь он с нами, повзрослевший, такой же симпатичный, душевный, общительный, хороший организатор с тревогой в глазах за своих товарищей-афганцев.

Михаил Шевяков родился в городе Кропоткин Краснодарского края. Отец был главным инженером маслозавода, мать — домохозяйка. Он рос здоровым, спортивным, занимался лёгкой атлетикой. После окончания школы поступил в Ленинградское высшее общевойсковое командное училище, которое окончил в 1979 году.

Получил назначение — место службы г. Кушка — тогда самая крайняя на юге точка страны. На территории воинской части был расположен уникальный памятник — крест из камня высотой с трёхэтажный дом. В цар-

ской России такие кресты были во всех крайних точках страны. Они обозначали границу Российской империи. В 80-е годы XX века такой крест оставался только в г. Кушка, а теперь и он находится на территории Туркменистана.

По прибытии к месту службы Михаил сразу окунулся в атмосферу усиленной военной подготовки, шли постоянные учения по тактике ведения боя в условиях пустыни и гор. Было удивительно, что в столь отдалённом месте и такие углублённые занятия с воинским составом части. Но оказалось, это неспроста. Прозвучал сигнал «тревога», срочно упаковали вещи и двинулись в район сосредоточения, недалеко от Кушки.

Михаил был командиром взвода БМП. За две последующие недели проводилось доукомплектование личного состава и подготовка к боевым действиям. Думали, что отправят в Иран, туда, где беспокойно.

Боевой приказ был отдан 29 декабря 1979 года. Он гласил: «Входим в республику Афганистан». На границе стояли представители генералитета страны и фиксировали прохождение каждой машины по времени.

Колонна шла за колонной. Боевых машин пехоты была не одна тысяча. Шли днём и ночью по единственной бетонке. Зрелище было впечатляющее, особенно ночью. Куда ни взглянешь, вперёд или назад, нескончаемая армада огней двигалась по дороге.

Первая задача — дойти до Герата — была выполнена. В этом древнем городке до сих пор стоит крепость, построенная Александром Македонским в IV веке до новой эры.

Следующая задача — дойти до Шинданда. Дорога шла среди гор, монотон-

ность усыпляла водителей, их меняли на ходу. Часто образовывались разрывы в цепи машин — это роты БМП отправляли на задание.

Через две недели похода, в составе 5-й мотострелковой дивизии, Михаил перекинули в г. Кандагар, в южную часть Афганистана.

Прибыли на голое место, это было постоянное место дислокации, нужно было обустроиваться. Рыли котлованы, чтобы спать ниже земли, сверху накрывали их палатками. Только обжились, прошёл сильный ливень, всё затопило. А в городе Кандагаре были арыки, в которых резвилось много рыбы, и ползали крабы.

Вскоре полк, в котором служил Михаил, преобразовали в 70-ю отдельную мотострелковую бригаду, прибыли сорок две боевые машины десанта. Лейтенант Шевяков готовил личный состав этого подразделения к ведению боевых действий.

22 февраля 1980 года готовили боевые машины к показу афганскому руководству, но последовал приказ: лейтенант Шевяков должен вывести шесть БМД с десантом и догнать разведвзвод, который уже выдвинулся, чтобы уничтожить банду, замеченную афганским лётчиком в пустыне. Десант запрыгивал на машины на ходу, доукомплектовывались боеприпасами тоже на ходу.

Душманов настигли в пустыне Регистан. Там состоялся первый бой лейтенанта Михаила Шевякова, бой длился несколько часов. Стрельба была неимоверная: сверху вертолёты, на земле автоматы, пулемёты, гранатомёты.

Машина, в которой был Михаил, взбиралась на бархан. Случайно он увидел, как в её днище нацелился гранатомётчик. Водитель в долю секунды

отреагировал на команду Михаила и дёрнул рычаги на себя. Разведчики косили душманов очередью.

Так Михаил в своём первом бою остался жив, но на том месте, откуда целились, пришлось покрутиться на машине. По сторонам полетели кровь, кости, мясо.

Это — необходимая самозащита, ведь душманы прятались не в потайных ходах, как мы, гражданские, тогда думали, а делали так: вырывали яму в песке и устраивались там, в корзине, сверху укрывались мешковиной, посыпали песком и устанавливали деревцо. Маскировка полная, и появление их, как из-под земли, неожиданное. Оттого их и называли «духами».

Первый бой разделил жизнь Михаила на две части — до войны и война, а боевая жизнь закрутилась, как вихрь, — бой, сон, еда, сопровождение колонн, опять бой.

Полк контролировал район в радиусе нескольких сотен километров от Кандагара, и сам город тоже. Поступил приказ ликвидировать подполье в «зеленке» Кандагара. Во время боя пять наших десантников оказались в центре обороны противника. У них кончались боеприпасы, они примкнули штыки и с возгласом «десант не сдаётся!» пошли врукопашную. Они все были убиты. Когда нашим дали приказ «вперёд», БМП сметали всё на своём пути.

Остатки душманов, используя складки местности, рассредоточились. На ровном месте осталась небольшая группа душманов. Единственный, кто мог их достать, был экипаж БТР Шевякова. И приказ поступил: «Уничтожить!» Нужно было в доли секунды определить расстояние, выбрать вид оружия, способ стрельбы. Стрельба началась из

10 пулемётов. Задача была выполнена.

Самое сложное — это воевать в горах. К февралю 1981 года наши части изменили тактику — действовали малыми группами, в которых все были и разведчиками, и бойцами. Уходили в горы на 20–30 км, группами по десять человек. В одной из операций наблюдатель обнаружил отряд «духов» в 30 человек. Они двигались по сухому руслу речки прямо к отряду М. Шевякова.

Ребята валились с ног от усталости, но боя было не избежать. Спасло, что с восходом солнца душманы начали молиться. В это время бойцы заняли позиции. Спрятаться было негде, втиснулись в расщелину горы, от которой в трех метрах шла тропа, по ней неминуемо пойдут душманы. И они пошли. Михаил должен был дать команду «стрелять». Показался главарь, побогаче одетый. Михаил привстал, камешек скатился, главарь обернулся и получил пулю в лоб.

Началось уничтожение группы душманов, пятеро скрылось в русле реки. Но вдруг «трупы» начали стрелять, и Михаила спас солдат-туркмен, он откинул его в сторону и убил оживший «труп». В этом бою двое наших были ранены, один смертельно, а банда уничтожена.

Одно за другим пошли несчастья — подрывы БТР раз или два в неделю на минах, нападение на машины, механик-водитель, не выдержав напряжения, сошёл с ума; прорвало в горах дамбу и БТР с экипажем понесло по реке, машину закрутило, она затонула. Людей спас вертолёт, ребята втянули Михаила, сил уже не было ни у кого.

В Кандагаре попали в засаду. Был убит советник и ранен командир батальона, пуля прошла рядом с сердцем. БТР Шевякова шел замыкающим

колонну и раненого комбата поместили на его машину. Михаил мгновенно установил связь с госпиталем, выставил сопровождение и охранение из БТР и, всё сметая на пути, доставил раненого к хирургам.

Неожиданная концовка получилась у этого ЧП. Когда комбат вернулся в строй, он вызвал к себе лейтенанта Шевякова, поблагодарил за спасение и велел готовиться к возвращению в Россию.

— Почему меня? — спросил Михаил.

— У меня трое детей, а у тебя ни одного, — ответил комбат. — К тому же ты единственный сын у родителей.

И как только прибыл заменщик, Михаила отправили в Ташкент. В самолёт он шёл в полевой форме, в руках был кулёк с апельсинами и фантой. Ни чинов, ни имущества он из Афганистана не привёз.

У Михаила Борисовича Шевякова выросло двое сыновей.

Разбежался год

Галина Осипова

Разбежался год,
Раззадорился,
Замелькали
январские дни.
Не удержишь их,
Не угонишься,
В реку Времени
Мчатся они.
Ручейками своими,
Притоками,
Кружат «реченьку»,
Только держись!

И несут меня
Волны высокие
по теченью
с названием «жизнь».
То поднимут наверх,
То обвалятся,
То надежду дадут,
То страшат,
То страшат,
Окунут с головою
И сжальются,
Спохватившись,
Спасти поспешат.

НИЦ «КУРЧАТОВСКИЙ ИНСТИТУТ» — ПИЯФ — 50 лет

Статья составлена на основе публикации в сб. «Реактору ВВР-М — 50 лет». Издательство ПИЯФ. 2009 год. Ранее, в 2006 году, отрывки этой большой статьи публиковались в "Гатчинской правде"

Кир Коноплев

В 2021 году ФГБУ «Петербургский институт ядерной физики им. Б.П. Константинова» НИЦ «Курчатовский институт» отмечает 50-летие. 29 июля 1971 года Филиал физико-технического института им. А.Ф. Иоффе, созданный в 1956 году в Гатчине, был преобразован в Ленинградский институт ядерной физики (ЛИЯФ). Сейчас это крупнейший научно-исследовательский центр, входящий в состав НИЦ «Курчатовский институт» и реализующий целый кластер инновационных проектов в области ядерной физики и энергетики. На базе НИЦ «Курчатовский институт» — ПИЯФ выведен на энергетический режим работы один из мощнейших в мире исследовательских реакторов — РК ПИК.

Воспоминаниями о том, как именно Орлова роща была выбрана местом строительства нового института, делится главный научный сотрудник, член-корреспондент Академии инженерных наук Российской Федерации, научный руководитель реакторного направления НИЦ «Курчатовский институт» — ПИЯФ Кир Александрович Коноплев. Живые воспоминания о научной молодости, личных победах и трудностях молодого инженера-исследователя вплетены в историческую канву славнейшей страницы истории ядерной науки, когда совпадение ини-

циативы на местах и правительственной поддержки позволило создать в стране мощную сеть исследовательских центров. Цепкая память Кира Александровича раскрывает перед читателями истории о том, как воплотилось в жизнь амбициозное решение Льва Ильича Русинова построить для Физтеха на порядок более мощный реактор, чем серийные образцы, о перипетиях выбора площадки, о первых годах жизни физиков в Гатчине, перевоплощении улицы Кирочной (ныне улица им. Ю.А. Гагарина) и о том, почему дорогу до института стоило бы назвать Волковой дорогой.

Почему ПИЯФ в Орловой роще?

Меня приняли на работу в Физико-технический институт (тогда без имени А.Ф. Иоффе), в лабораторию № 10, в марте 1954 года. После окончания ЛПИ распределение первоначально намечалось на один из объектов Минсредмаша, но ФТИ расширял ядерную тематику и получил значительную квоту на выпускников. Для меня это стало прекрасной возможностью работать тем, кем я и хотел — инженером-исследователем. Но это в дальнейшем, а пока, после защиты дипломного проекта, образовалась длительная пауза — каникулы. Что-то не

ладилось с выполнением плана ЛПИ по выпускникам 1953 года, и тем, у кого диплом был готов, предложили защититься не в феврале 54-го, а досрочно — в декабре 53-го. Руководителем моей дипломной работы был Борис Павлович Константинов, заведующий кафедрой разделения изотопов на физмехе. Это была не самая главная его работа, Б.П. создавал новую отрасль в атомной промышленности СССР. Иллюзий о том, что Б.П. может уделить мне много внимания после формулировки задачи, не было, но действительность превзошла все ожидания: за год работы на кафедре руководитель разговаривал со мной двадцать минут во время общего обхода кафедры.

Меня удивило и обрадовало, что на защите диплома председатель комиссии Антон Пантелеймонович Комар довольно подробно прокомментировал результаты, похвалил самостоятельность и потребовал доказательства приведенной точности результатов измерений. Моими пояснениями остался доволен.

На самом деле предоставление самостоятельности было стилем ФТИ, и такое начало сыграло важную роль в дальнейшей работе, особенно в создании реактора ВВР-М. В написанном мною дипломе, насколько я понимаю, Б.П. ничего, кроме выводов, не читал и на защите не присутствовал, но меня запомнил, и это тоже стало важным, когда Б.П. возглавил ФТИ и давал добро на пуск реактора ВВР-М.

Итак, в конце декабря получаю в канцелярии ЛПИ диплом, сопровождаемый невнятными словами «без даты», и это означало, что надо ждать распределения на работу. Протрезвев после всех празднований, включая новогодние, хожу две недели ежедневно на час-полтора в Эрмитаж (когда еще удастся посетить!) и жду вызова. Жду

Коллектив филиала ФТИ в Гатчине

НИЦ Курчатовский институт — ПИЯФ, вид сверху

месяц, другой. Получаю стипендию, но уже без доплаты за работу на кафедре. В феврале сходил на защиту Раи Комаровой — моей будущей жены. Наконец в марте выдают направление, но не в далекие места, а рядом — в Физтех, в лабораторию профессора Льва Ильича Русинова.

Заполняю длиннющие анкеты, отвечаю на, наверное, сотню вопросов, включая «Чем вы занимались до 1917 года?». Изо всех сил избегаю ехидных ответов типа «существовал в виде яйцеклетки», но волнуюсь — приглашения для оформления на работу нет, хотя прошел месяц. Есть только телефонный разговор со Львом Ильичом Русиновым. Он возмущен, почему до сих пор не работаю, и предлагает трудиться до оформления и получения права на вход в ФТИ. Иду получать задание, у входа меня встречает сотруд-

ник лаборатории В.С. Гвоздев. Показывает мне картотеку ядерной изомерии, которую я должен продолжить, пользуясь Публичной библиотекой. Чем занимается лаборатория № 10, я не знал, и только возмущение Адика Гвоздева тем, что у меня нет никакого представления об изомерном переходе, главной теме лаборатории, немного прояснило ситуацию. Секретность в те годы в ФТИ процветала. Названия лабораторий — секрет, что делается в соседней комнате — секрет, все записи — только в «прошнурованной и пролистованной» тетради из первого отдела.

У профессора Русинова (Лев Ильич Русинов — автор открытия изомерии искусственно радиоактивных ядер (совместно с И.В. Курчатовым, Б.В. Курчатовым и Л.В. Мысовским) — Прим. Ред.) главной работой было руководство лабораторией ядерной изомерии, но он также продолжал работу и на комбинате «Маяк» в Челябинске-40. Уезжал он иногда на пару недель, иногда дольше, как мы называли, «на площадку». Из выпуска физмеховцев 1954 года в лаборатории Л.И. Русинова работали Е. Мазец, А. Дюмин, В. Звездин, В. Филиппов и Ю. Филиппов. В дальнейшем лаборатория довольно быстро разрасталась. В первые годы практически каждый работал над собственной темой.

Я получил от Русинова задание изготавить мишень из индия для облучения нейтронами в реакторе и дальнейшего исследования на бета-спектрометре. Никаких сведений об облучении в реакторе у меня не было, зато требования к мишени для бета-спектрометра можно было почерпнуть из многочисленных зарубежных публикаций. Эта работа закончилась моей единственной публикацией по ядерной изомерии (совместно с Л. И. Русиновым, Р. Я. Мещхвалишвили

и В.А. Романовым). Честно признаюсь, что к написанию статьи Русинов меня не допустил, как и к прочтению окончательного текста. И к облучению на реакторе я отношения не имел, это Русинов организовал сам. На каком реакторе проводилось облучение, я так и не знаю. Могу только догадываться, что едва ли мишень перевозили на Урал в «Маяк», скорее всего, облучил ее Русинов в Москве, на реакторе РФТ (МР) в ЛИПАН (Лаборатории измерительных приборов АН СССР, преобразованной впоследствии в Институт атомной энергии им. И.В. Курчатова). Хотя по требованиям к высоким температурам при облучении нельзя исключить и «Маяк». В дальнейшем мишени я делал для более мягких условий облучения, сам отвез их в Москву, в п/я В-8315 (ИТЭФ), и сам получал облученные для транспортировки в ФТИ и дальнейших измерений. Эта работа статьи не принесла, а из всех неприятностей две особенно запомнились. За перевозку самолетом «коротышей» тогдашний директор ФТИ А.П. Комар объявил мне выговор, а моя оценка мощности реактора оказалась случайно точной, хотя метод был неверным. Это привело к обвинению в раскрытии секретных данных и обещанию отдать под спецсуд.

Попытка использовать для получения радиоактивных ядер имеющиеся в лаборатории радий-бериллиевые источники по одному кюри с самого начала была обречена на неудачу. На таких низких потоках ничего нового сделать нельзя. Единственный результат — оснащение двух латунных сфер с радием держателем, позволяющим в дальнейшем проводить с ними манипуляции, не касаясь руками.

Для Русинова было ясно, что нужно иметь в ФТИ свой реактор, и он с огромным энтузиазмом взялся за это дело.

Лев Ильич сам «пробивал» нужные решения, используя помощь И.В. Курчатова, в лаборатории которого начинал свою научную деятельность и с кем был связан до конца жизни. В лаборатории для подготовки к будущему использованию реактора Лев Ильич организовал семинар по только что изданной книге С. Глестона и М. Эдлунда «Основы теории ядерных реакторов». Сотрудники лаборатории получили по разделу книги для доклада на семинаре. По-разному выглядели доклады. Мне досталось резонансное поглощение (формула Брейта — Вигнера), и гордиться своим докладом не могу. Впрочем, большинство тоже не слишком преуспели. Как я помню, выделился с хорошей стороны, пожалуй, только доклад В.А. Шустова, хотя тему его сообщения вспомнить теперь трудно.

В 50-х годах прошлого века во всем мире интенсивно шло создание исследовательских реакторов. В Советском Союзе было принято решение о строительстве почти двух десятков подобных реакторов как в стране, так и за рубежом. И каждый должен был стать своего рода центром развития ядерной науки.

Как мне позже стало известно, решение о строительстве в ФТИ исследовательского реактора мощностью 2 МВт (установки «Р») было принято в том же 1954 году. В это же время уже было решение о строительстве в ФТИ мощного ускорителя — установки «Л». Надо сказать, что постановление партии и правительства было значительно более широким, чем оснащение только ФТИ ядерными источниками. Центры должны были работать вне рамок Минсредмаша, но создавались на его средства и с полной его поддержкой. Этого документа я в руках не держал и знаю о нем только со слов Льва Ильича. Реальное создание новых ядерных

центров, развивающих эту науку в союзных академиях, в значительной степени зависело от инициативы на местах.

Первоначально предполагалось оснастить все центры одинаковыми реакторами ВВР-С, то есть серийными, но реально строились два варианта: ВВР-С и ИРТ, тоже мощностью 2 МВт. Некоторые центры отстали, некоторые присоединились позже, и реакторы типа ВВР в пределах СССР получились не серийными, а индивидуальными. Первым серийность нарушил Л.И. Русинов. Он убедил руководителя министерства, что для ФТИ с его могучим научным потенциалом нужен нейтронный поток на порядок выше, чем в серийном варианте. Реактор ВВР-С был разработан в КБ, которым руководил К.К. Рене, на основе опытного образца ВВР-2 «Газовый завод», построенного в ЛИПАН. Изготовление всех узлов реактора ВВР-С и комплектация оборудования проводились под эгидой Минсредмаша. Заказчики нанимали строителей и монтажников и обеспечивали материалами.

Разрешение повысить мощность Русинов получил, но при этом было сказано: Минсредмаш помогает с поставкой комплекта узлов для реактора ВВР-С, все изменения обеспечивайте сами. Одновременно Лев Ильич закупил нейтронный генератор на D-T-реакции и поручил Алексею Никитичу Дюмину сборку, наладку и проведение исследований, что тот и сделал сначала в Ленинграде, а затем перевез генератор в Гатчину.

Осенью 1955 года в Орлову рощу приехали первые физтеховцы выбирать место для строительства реактора и ускорителя. Поиск продолжался уже почти год и явно затягивался. Первоначальная площадка планировалась в поселке Осиновая Роща, поближе к

Физико-техническому институту, но, когда начали ее оформление, получили отказ.

Следующей площадкой, предложенной вместо Осиновой Рощи, было очень живописное место на возвышенном берегу Пендиковского озера, примерно на полпути между Тосно и Шапками. Знаменитые пендиковские болота были чуть в стороне и строительству не мешали. Предполагалось строительство городка на новом месте, проведение к нему автомобильной и железной дорог. Такая схема часто использовалась в атомной отрасли, и в этом немаловажную роль играла секретность. Наш объект тоже атомный и в те времена тоже секретный: не реактор, а установка «Р», не ускоритель, а установка «Л», и никаких сообщений в прессе. Усугублялась секретность тем, что и проектирование, и изготовление вели закрытые организации Минсредмаша. Так что с точки зрения скрытности от посторонних глаз место было идеальным. Спутников тогда не существовало и самолетов-шпионов — тоже.

Главным сторонником Пендикова был руководитель капитального строительства в Академии наук Г.И. Русановский. Научный руководитель реактора, заведующий лабораторией профессор Л.И. Русинов и научный руководитель ускорителя, директор ФТИ член-корреспондент АН УССР А.П. Комар отнеслись к этой площадке с самого начала неодобрительно. Заместитель директора ФТИ П.П. Волков, руководитель будущего строительства, относился сдержанно. Тем не менее весной 1955 года во главе с Русановским мы обошли пешком Пендиковское озеро и наметили возможное место. Поход в резиновых сапогах был достаточно утомительным, особенно для Льва Ильича Русинова, в то время

как Антон Пантелеймонович Комар вышагивал достаточно бодро.

Физтех не торопится с оформлением Пендикова, Академия наук под напором энергичного Русановского настаивает, время идет, в итоге распоряжение правительства не выполняется. По тем временам такое безобразие может обернуться жестоким наказанием. Идет настойчивый поиск более подходящей площадки. Районные власти Гатчины, Петергофа и Рощино согласны предоставить свои площадки. Наиболее привлекательным выглядит предложение «хозяина» Гатчины В.С. Толстикова, который не просто предлагает площадку, а прямо выражает заинтересованность. Он видел развитие города в привлечении науки в большей степени, чем в развитии промышленности. Хотя я лично в переговорах с ним прямо не участвовал, но у меня сохранилось к нему глубокое уважение и чувство благодарности.

Итак, Л.И. Русинов, А.П. Комар, П.П. Волков (П.П. Волков — заместитель директора ФТИ, руководитель строительства) и автор этой заметки осенью 1955 года приехали в Гатчину осматривать две предложенные на выбор площадки вблизи города. Приехали по сильно разбитому Киевскому шоссе, проходившему мимо открытых осенних полей, без единого деревца вдоль дороги. Одно место предлагалось с южной стороны города — возле деревни Химози, за Колпанским озером, второе — с северной стороны города, в Орловой роще. Петр Петрович Волков уже осмотрел обе площадки и выступал нашим гидом. Начали с Химозей. Место с болотами, совершенно открытое и хорошо просматриваемое с шоссе. Именно это обстоятельство послужило официальным поводом для отказа от Химозей.

Петр Петрович выбрал площадку в

Орловой роще заранее и сознательно начал с Химозей, формируя мнение наших руководителей в пользу Орловой рощи. После унылого пейзажа с пронизывающим ветром мы увидели изумительный лес. Начали осмотр с места, где сейчас проходная ПИЯФ, потом проехали на мост через речку Теплую. Убедились, что наш «объект» будет закрыт со всех сторон лесом. На месте современной проходной стоял хорошо сохранившийся рубленый дом царских егерей, и мы даже пообсуждали, как его можно использовать, но Петр Петрович решительно отверг все притязания ученых: «Дом разберем, чтобы не связывать руки проектировщикам». Разобрал, увез и руки проектантам не связал.

Приехали мы в рощу по той дороге, которая сейчас продолжает улицу Рошинскую, а начиналась она от нынешней улицы Гагарина, проходила через незастроенное Хохлово поле и оканчивалась у домика егерей перед и ныне существующей аллеей из лиственниц. Дорога была лесная, проехать по ней было непросто. По генеральному плану заказа 576 (так назывался заказ ФТИ в документах проектной организации п/я 45) она не должна была использоваться, как открывающая прямой доступ в город. Была построена новая дорога к шоссе Гатчина — Красное Село. Впоследствии Петр Петрович, минувя проект, заасфальтировал старую дорогу в город, и мы успешно ею пользуемся. Так что стоит этой дороге дать имя — Волкова дорога.

Однако вернемся к выбору площадки. Было еще одно затруднение. Первоначально проектировщики п/я 45 (может быть, проектировщики здесь ни при чем, а это было мнение профессора Русинова, который следовал схеме комбината в Челябинске-40) требовали либо прямой сток от площадки

в Финский залив, либо наличие озера для возможности сбора радиоактивности. С этой точки зрения Химози, Пендикова, Петергоф и Рощино имели преимущества перед Орловой рощей (для нее обсуждался водовод через водораздел на склоны, спадающие не в Неву, а в Финский залив). Хорошо, что к осени 1955 года мы уже разобрались, что никаких сбросов быть не должно — должны быть полноценные очистные сооружения, тем самым это последнее препятствие было отброшено. В это время кыштымской аварии еще не было, но, видимо, ситуация уже становилась напряженной, и Русинов, и проектировщики отказались от сбросов в озеро с последующим стоком в Финский залив.

Разрешения на эту площадку были оформлены с максимальной скоростью в тот же 1955 год.

Хотя и есть некая лингвистическая цепочка — начали с Осиновой Рощи, а кончили Орловой, но лингвистика здесь ни при чем. Место было выбрано очень удачно. В 50-х годах прошлого века едва ли кто из сотрудников Физтеха знал о существовании Орловой рощи, а в самом городе Гатчине, тогда закрытом для иностранцев, мало кто бывал. Сейчас названия «Гатчина» и «Орлова роща» хорошо известны многим физикам не только в России, но и за рубежом и ассоциируются для них с нашим институтом — Петербургским институтом ядерной физики им. Б.П. Константинова.

Трудно или не трудно было выбрать площадку, но летом 1956 года в Орловой роще началось строительство реактора ВВР-М, хотя такого проекта еще не было. Начали строить по серийному проекту реактора ВВР-С. Единственное изменение проекта ВВР-С заключалось в том, что мы подняли здание из земли на один этаж вверх —

слишком близко на нашей площадке грунтовые воды подходят к поверхности. Остальные изменения Лев Ильич предложил вносить по ходу стройки.

В период 1957–1961 годов ФТИ интенсивно застраивал Кировскую улицу в Гатчине, позднее переименованную в улицу им. Ю.А. Гагарина. Петр Петрович Волков предусмотрительно заложил вдоль улицы сразу ряд фундаментов. После постепенного строительства на этих фундаментах домов и образовалась самая красивая улица. Сразу все дома не были нужны. В нескольких местах фундаменты заложить не удалось, поскольку требовался снос заселенных зданий. Впоследствии эти ветхие здания были снесены, но проложить улицу в одном стиле не получилось — вышел запрет на так называемые излишества. Выход Кировской улицы на проспект 25 Октября потерял красивую симметрию с двух сторон от кирхи.

Многие сотрудники ФТИ переехали в Гатчину, и причиной было не желание жить ближе к строительной площадке, а возможность получить жилье, на что в Ленинграде шансов не было. Часть людей ездили на работу в ФТИ, а для части в доме № 6 (ныне дом с «атомным» магазином) организовали помещение для библиотеки и работы. На площадке в Орловой роще пока такой возможности не было, и технологи, как и монтажники, трудились в плохо приспособленных для этого помещениях.

На площадке в Орловой роще шла стройка. Пора было набирать кадры, а филиал ФТИ еще не создан. Вся «инфраструктура» состояла из ОКСа и технологов. В подвальном помещении того же жилого дома, где была библиотека, раз в две недели мы с Дмитрием Алексеевичем Яшиным вели прием желающих поступить к нам на работу. В городской газете упоминать о нашей

стройке и ее местоположении не разрешалось, но горожане узнавали сами, и народ шел на прием довольно энергично. За один вечер приходило по десять – пятнадцать человек. Отсутствие официальной информации только подогревало интерес публики. Подбирать нужных работников из местных кадров было сложно, но постепенно коллектив складывался.

1959 год был богат на завершение строительства и пуски реакторов. В марте был пущен реактор ВВР-С в Будапеште, в сентябре — такой же реактор в Ташкенте, осенью — реактор ИРТ в Тбилиси. Летом в Ленинграде был пущен реактор ледокола «Ленин», и мечта Льва Ильича собрать первую в Ленинграде критмассу стала осуществимой. В 1958 году два исследовательских реактора были пущены в Обнинске. Русинов был на пуске в Тбилиси и, вернувшись, потребовал осуществить пуск в этом же году. Лозунг был изменен: не нужна красивая отделка помещений, нужен физпуск! В Тбилиси экспериментальный зал напоминает заводской цех, а не лабораторию. В 1959 году мы не успевали не только с окончанием отделки здания, но и явно с разборным бериллиевым отражателем. Решили пускать с макетом, благо на критстенде увидели такую возможность.

Для обеспечения физпуска требовалось много усилий, и зачастую в самых неожиданных для нас местах. Работать приходилось не считаясь со временем и силами. Удалось собрать все узлы реактора, необходимые для физпуска, только в декабре.

Решение о физпуске принималось уже после назначения директором ФТИ академика Б.П. Константинова и организации филиала ФТИ. Руководил филиалом заместитель директора Д.М. Каминкер. 11 декабря мы прове-

ли загрузку твэлов, проверили реактивности всех стержней регулирования и аварийной защиты, установили громкий щелкун в экспериментальном зале. Осталось приготовиться к официальному пуску 29 декабря 1959 года.

С трудом разыскали стулья для членов ученого совета ФТИ, стол президиума сделали приличным с помощью ткани, установили трибуну и громкоговорители. Превратили экспериментальный зал в зал заседаний. Б.П. Кон-

стантинов и Л.И. Русинов обеспечили высокое начальство. Первый секретарь Ленинградского обкома И.В. Спиридонов произвел официальный пуск реактора ВВР-М.

Об этом событии было написано в «Ленинградской правде». Это была первая открытая публикация о нашем институте. Секретная установка «Р» превратилась в реактор ВВР-М, хотя в отделе кадров еще довольно долго писали: «Начальник смены установки „Р“».

Гатчинскому реактору

Зоя Бобкова

Привет, таинственный и сумрачный сосед!
Мы рядом не одно десятилетье.
Нас не столкнул пока парад планет
И ветер времени не исхлестал нас плетью.

Пока живём... И ты живёшь, и я.
У каждого забот своих немало,
В быту — я, ты за гранью бытия.
Я от своих забот уже устала.

Но лучше будет всё перетерпеть.
Перемолоть. Ты — в жерновах науки,
Твои нейтроны корчатся от муки,
Учёные их заставляют громко петь

Во имя постижения миров
И тайн материи, и глубины сознания.
Когда же выйдет срок твоим исканьям,
Не оставляй пучки нейтронов без оков.

Таинственный и грозный мой сосед!
Ты неизбежен, мы в одной стихии,
Притёрлись и друг другу не чужие,
И впереди у нас немало общих лет.

ПТИЦА — АНГЕЛ...

(отрывки из воспоминаний)
Подруге и поэту АЛЛЕ КОШМЕЛЮК

Зоя Лаврова

Глава 1. Не люблю высокосные

В январе 2020 года Алла разместила на портале «Стихи.ру» стихотворение «Високосное...»

*... Январь. И льнет тоска неизлечимая —
она вернется болью и распутицей,
ко мне придет бедой непоправимую,
печаль свою назначит верной спутницей.*

*Заголотит ветрами высокосными,
и сквозняками выстудит все улицы,
и запоет ветрами безголосыми...
А небо будет долго-долго хмуриться.*

Читатель и поэт портала Элли Блонде сразу откликнулась: «Феечка моя, это предчувствие? Только масок-намордников не хватает, чтобы сказать: да ты круче Ванги! Обнимаю».

Алла в ответ: «Дорогая моя Элиза, прости, что не сразу отвечаю! То я — по гостям, то гости — в дом... Не люблю высокосные годы... Может, отсюда и минор?»

Что это? Предчувствие? Да!.. И лечение (онкология)... И борьба за жизнь...

Минор, скрываемый от друзей, но просачивающийся сквозь строки стихов, впитавших душевную и физическую боль...

*Я переполнена. Я — боль. Я страх
животный.
И страданье.
И на щеках — слезинок соль,
и учащённое дыханье...
За сто зашкаливает пульс,
и сердце гулко бьётся в рёбра...
Я — боль. Озноб.
И я боюсь зловещей ночи и недоброй...*

*Летит куда-то потолок,
меня знобит и лихорадит.
И строчки плавают меж строк
в холодной и немой тетради.*

Друзья и знакомые не знают, знают только муж и сыновья... Около года...

Запрещала и мне говорить о болезни даже родной сестренке, берегла её отзывчивую душу. Но об этой невыносимой боли знали ещё и страницы в тетрадке. Она писала...

Она не могла не писать... «Стать поэтом, — писал Флобер, — значит до времени поседеть... источать себя, отдавая свою кровь, больше чем кровь — своё сердце; переливать его потоками в стихи...» не страшась, что толпа «забросает белоснежные крылья всех

белых ангелов, что вылетели из твоего сердца...»

Поэт иначе не может... И радость свою, и боль доверяет стихам. И они бесстрастно рассказывали о том, что происходило в её душе в этот зловещий нелюбимый высокосный год! Всегда с необъяснимой тревогой ждала его прихода:

*Неизбежность. Обреченность.
Неба мокрая тряпица.
Леса стынь и обнаженность.
Мгла. И пасмурные лица...
Безнадежность. Листьев ржавость.
Ветер песнь поет без толку.
И куда девалась радость?
«Сколько боли? Сколько? Сколько?»*

Аллочка, моя Аллочка...

16 августа 2020 года. Сажу у постели. Держим руки друг друга... Ладонями чувствуем друг друга... Я не могу говорить... только бы не разрыдаться... Подруга — не может... что-то шепчет губами... впадает в забытье на несколько минут и опять смотрит ласково, тепло и нежно... мы понимаем... понимаем друг друга... И — БОЛЬ... жгучая и жгущая, обжигающая, щемящая, пронзительная!!! В молитве — Дай, Бог, Чуда!!! Исцели подруженьку...

18 августа 2020 года.

*Заблудилось лето,
где луга в ромашках,
где ковром махровым —
поле с белой кашкой.
Колокольчик выгнул
тоненькую спинку,
на траве не смятой —
жемчуга-росинки,
пахнет сладко-сладко
горечью полыни,
и внезапно горлом
грусть с печалью хлынет.
Сдавит безысходно.
Не подыщешь слова.
Вологда. Речушка. Родина Рубцова...*

Это Алла — о Николае Рубцове, но читаю сейчас — и вдруг «внезапно гор-

лом грусть с печалью хлынет. Сдавит безысходно...» И не можешь говорить... И не находишь слов...

Слёзы, бесконечные слёзы... скорби... 18 августа случилась неизбежность обречённого рокового предчувствия... «Птица белокрылая Архангельского края», когда-то названная мною в стихах, взлетела в Небо, в Вечность мироздания...

Алла, Аллочка,
Остановись!
Не спеши,

Дарят чуда
Желанного шанс.

Ты успеешь ещё
В небо августа
Вырваться ввысь.
Вытрем
Слёзы разлуки со щёк...

Алла, Аллочка,
Осени бал
Князь готовит —
Октябрь золотой...
.....
Горя — спазм...

Алла, Аллочка,
Сядь, посиди.
Не допели
С тобою романс.
В день нелётный
Нам даже дожди

Горло сдавлено сжал...
.....
.....
Не молчи! Говориши!
.....
Ангел мой.....

26.08.2020. Девять дней...

Глава 2. Возможно, когда-нибудь позже приснятся мне мирные сны...

Человек нежнее цветка
и твёрже камня.
Ахмад-Шах-Дуррани

2001 год. «Свет» увидел «Афганский блокнот» Аллы Николаевны Кошмелюк. Это стало событием в литературной жизни нашей страны. Необычность состояла в том, что это была первая книга стихов о войне в Афганистане и о самой этой стране. И написана — женщиной! Встречались в газетах стихи мужчин-поэтов, но книги — не было! Поэтому я со смешанным чувством гордости и трепета согласилась написать вступительные странички к сборнику «Афганский блокнот».

И неслучайно эпиграфом взяла слова Дуррани, т.к. они наиболее полно отражают характер подруги: хрупкий и нежный, стойкий и выносливый с неравнодушной душой.

Алла оказалась в Афганистане в 1986–1987 гг. на авиабазе Баграм с мужем Игорем Кошмелюком, который служил лётчиком-советником (до этого была Монголия, Чойбалсан, 1980-ые годы):

*... И белое солнце, и бурные реки
во мне поселились отныне навеки,
И краски Кабула, и ветер Баграма,
и горечь, и горе Афганистана...*

Поэт и Эпоха, Поэт и Время воистину переплелись в её гражданских и лирических стихах.

*Мальчишки, наши русские мальчишки,
вы знаете войну не понаслышке.
С печальною улыбкой на устах
и с ранней сединою на висках,
С недетской горькой мудростью в глазах...
и
Кипарисы в снегу удивлённо застыли...
Снег такой же, как дома,
только жаль — не Россия...*

Поэзия Аллы Кошмелюк — не просто свидетель необъявленной войны, она является личным эмоциональным переживанием автора: «только той войной до сих пор больна, и за ту войну я плачу сполна...», и, в то же время, приговором без суда и следствия, трезво оценивающим происходящие события: «и сгорает, как жизнь, дотлевающая, дымит сигарета...

в этой дикой стране на бездарной, нелепой войне...» Война вошла в душу Аллы, наложила неизгладимый отпечаток на её судьбу: «мне война сломала крылья, не взлетишь...» Её творчество вошло в классику военной «афганской» поэзии. Стихи звучат со сцены, их изучают в школах на уроках, посвящённых войне. Соратники «по Афгану» преклоняли колени перед хрупкой талантливой женщиной, правдиво отразившей правду войны и её последствия:

*Стихнут раскаты недалекого боя,
сердце до боли разъезет тишина...
Даже во сне не даёт мне покоя —
необъявленная война...
и
Войну когда-нибудь я, может, и забуду,
избавлюсь от её стальных оков.
Но вот, пока дышу, то помню буду
тех мальчишек с глазами стариков...
и
Казалось бы: да где она, война?
Ты, дура-баба, памятью больна!
Но... Щелкнул среди ночи автомат,
и темнота. И сполохи гранат.
На ощупь я ищу свой АКС,
а духи тихо «падают» с небес.
Нет дома. Сада. Нет пути назад.
Есть только верный друг мой автомат.
Вновь слышу крики. Стоны. Запах гор...
Я на войне бываю до сих пор...*

*(из ст. «В предгорьях Гиндукуша»,
написано 22.10.16. Жуткий сон)*

Глава 3. Я люблю до озноба, до слёз край ромашек и сочного клевера...

*Видно в детстве напоили зельем,
коли нет дорожке Ваги с Велью!»
и
Гулким эхом в сердце отзовется
милый край, что родиной зовётся!*

Вага и Вель — реки её счастливого северного детства. На праздновании 80-летия ЛИТО Вельска, Алла, поздравляя поэтов города, призналась: «Я — вельчанка, коренная». Да, Алла

Меньшуткина родилась в Вельске, окончила в 1970 году школу № 1, с 15 до 22 лет занималась в цирковой студии «Романтики»: «Цирк — волшебная страна, цирк — откровение!» У неё был необычный воспитанник — медведь, которого она кормила и за которого «несла ответственность». Смелая была, однако.

*Я вхожу к медведю в клетку и твержу себе:
«Не трусь!» Мой Михайла — малолетка,
и его я не боюсь!»*

Работала инструктором в Доме Культуры. Там же, в семидесятых, была принята в ЛИТО, в те же годы впервые было напечатано её первое стихотворение в вельской газете «Ленинский путь». Но вскоре вышла замуж и уехала на Кубанские просторы. Творческая связь с друзьями не прекращалась, тем более, что в ЛИТО была и её старшая сестра Ольга, замечательный поэт города и России. Стихи Аллы были напечатаны в коллективных сборниках поэтов города Вельска, были встречи с читателями и выступления. Интервью с ней и её мужем Анатолием Гессе, тоже поэтом, опубликовано журналистом-земляком Малолетовым в местной газете.

*Я люблю до озноба, до слез
край ромашек и сочного клевера.
Расплетенные пряди берез
треплет ветер слепой — ветер северный.*

*Я люблю до саднящей тоски
деревенку на дальнем угорочке,
али хутор вдали, али скит?
Вкруг него крутояры, да горочки.*

*Грусть рубцовская. Тихая грусть.
Здесь родные мои похоронены...
Я люблю тебя, гордая Русь,
я люблю тебя, тихая Родина!*

Глава 4. Град-Сиверско — жемчужинка России, агатом чёрным Оредеж-река...

Первое наше удивительное знакомство с Аллой состоялось в далёких восьмидесятых. После работы прихожу за сыном в детсад, и вдруг подходит ко мне музработник и спрашивает: «Это не Ваши?» — и протягивает монеты. «Дааа...» Оказывается, пока лежала в больнице, сын брал из шкапулки монетки и раздавал однолеткам в группе. Олеся, её дочь, была с ним в одной группе. Так «подарки» оказались у её мамы. Поразили приятный блеск голубых глаз женщины и её честность и добродушие... Могла бы и промолчать... и не возвращать... Сразу своей искренностью запала в душу... А потом были общие праздники гарнизона, где мы сталкивались как участницы женсовета: Алла — от эскадрильи, я — от батальона. Затем школа, в которой наши дети учились в одном классе. И ещё ближе и крепче нашу дружбу скрепили овчарки: её Кузя и моя Джина, подарившие нам щенков и не раз. Ну, и конечно, любовь к поэзии... безграничная и безраздельная...

Однажды она пришла ко мне с тетрадками, доверчиво протянув их, сказала: «Прочитайте... И скажите, можно ли их считать стихами?..» Тогда мы ещё общались на «Вы»... Читала... Ритмы были сбивчивы, рифмы диссонировали... Но тексты привлекали внимание сюжетами и глубиной мысли, чувствовалась душа с её тревогами и сомнениями. С этого дня нас объединило творчество и равнодушие к стихам.

*Много ли, мало ли лет нам осталось
Век коротать? Эка малость... Важней,
Что на пути твоём повстречалась
Вольности Вельской, чудь Белых морей.*

*Дружбу я чту, как о прадедах память,
Верность родителей, детский наив.*

*Славу пою тебе, милая Алла.
Если окажется, что я вдали,*

*Слушай мотивы, что я написала
К светлым стихам твоим, сердце прожгли
Чуткое мне. Пой, душа моя, Алла,
И вспоминай в тишине Зою Ли.*

Совместные поездки и выступления. Ленинград. Гатчина. Павловск и Пушкин и другие города области. Неизменные выступления в Сиверском, Луге, Гатчине, Павловске, Сланцах, Старой Ладоге вместе с другими участниками «Братства Сиверских Поэтов» с конца девяностых годов. Участие в музыкальных фестивалях и победы.

Феноменальность лирики Аллы Кошмелюк заключалась в том, что она нигде не обучалась поэтическому мастерству, она любила слово, стихи, чувствовала их музыкальный ритм и дыхание. Много знала стихов других поэтов, прошлого и настоящего, и читала наизусть с нескрываемым наслаждением и упоением. У неё была прекрасная память. Схватывала на лету... Она знала и мои стихи. И стоило мне только замолчать в волнении на какой-нибудь встрече, как она тут же подсказывала следующую строку. Замечательно пела (ещё в Вельске ей предлагали «карьеру солистки») и, может быть, поэтому она была постоянным сценаристом гарнизонных праздничных вечеров и майских дней, посвящённых Победе России в Великой Отечественной войне. С годами её перо оттачивалось острее, её слово было убедительнее и глубже проникало в душу читателя и слушателя. Она — соавтор многочисленных коллективных сборников и альманахов. Горизонты её образов от Архангельска до Стамбула и Болгарии, где у неё остался свой дом милым сыновьям и внукам; от Ленинграда-Петербурга до Забайкалья «Это жаркое лето в Джиде. Лист

резной падал с хрупкого древа...». И все образы узнаваемы, очень выразительны и красивы. Говорить об её стихах можно долго и восторженно. Но об этом в другой раз. Сейчас у меня другая задача: отразить хронологию судьбы от рождения до... с небольшими вкраплениями воспоминаний. С трудом, с сокращениями регламент выдержан. Когда-то цикл стихов, посвящённых Алле, я назвала «Птица - Ангел...». Оно и стало заголовком моего небольшого эссе о подруге.

А стихи говорят... и защищают себя сами, да и защищать их не надо!, так велика сила слов их; поэтому я попыталась больше включить стихов, нежели рассуждений о них. Стихи должны читать. Думаю, уверена, о творчестве Аллы ещё напишут и напишут немало. Стихи о Гатчине, Петербурге, о Родине — с любовью и грустью:

*А в душе моей плачет Россия,
безутешно рыдает навзрыд...
и
Осень сонатой Бетховена —
музыкой в душу мою!
Солнечно и успокоенно тихо стою на краю
я между летом и осенью!
О, как пылает закат...
Бисером ноты — как россыпью,
трепетной музыке в такт.*

Глава 5. Ты и я

В далёкие девяностые мы часто ездили в Павловск к «собратьям по перу». Читали стихи, слушали других, участвовали в концертах, а потом в глубоких потёмках возвращались домой. Иногда собиралась компания, разноликая и разновозрастная. С гитарами и баянами. И вечера могли продолжаться уже у кого-нибудь дома до утра.

Алла замечательно пела, заражала своими эмоциями, так возникли и мои мелодии на её стихи. Аккомпанировал нам музыкант Анатолий Аниконов, в

последующем — Евгений Пестриков и Владимир Логинов. В один из вечеров к нам присоединился и Анатолий Гессе, поэт из Луги. Электричек уже не было, моросило... и он был вынужден остаться:

*А ночь разбилась, как стекло,
и замерла в осколках луж...
А мне с тобою так тепло...»;
Я слёз не утираю, они немного значат.
Теперь я точно знаю:
от счастья тоже плачут.*

Так незаметно судьба Аллы сделала виток на новый двадцатилетний этап жизни: счастья и любви. «Одиночество» завершилось.

До этого же случились потери: умерла дочурка Олеся, ей посвящён пронзительный рассказ «Ангел мой», а вслед за ней — муж.

*Какого вкуса эта ночь?
Какого цвета эта боль?
Бессонницу гоню я прочь, и на щеках
слезинок соль, и меланхолии волна,
и бесприютная печаль...
В холодном доме я одна...*

Одна поднимала двоих сыновей. Стойким оказался «хребет» хрупкой, на первый взгляд, женщины. Сильная Духом вырастила мальчишек, обеспечила им все условия для образования и выхода в жизнь на большую дорогу.

*Два сына любимых моих — два крыла.
Упасть не дадут и разбиться.
Я с ними от счастья взлетаю стремглав,
И жизнь моя в них же продлится.
Два сына любимых моих — два крыла.
Спасибо судьбе, что мне крылья дала!*

Выдержала все испытания и тяготы жизни. И в этом ей помог Анатолий. Наступило вдохновение... Новые стихи образовали яркий поток чувств, любви и страсти.

Незаметно родилась совместная книга «Ты и я». Сейчас Анатолий готовит к печати сборник стихов: Аллы (из оставшихся черновики) и его лириче-

ского цикла, посвященного любимой и единственной.

Високосный 2020 год, который она встретила пророчески настороженно (впрочем, как всегда), забрал её в свои объятия, попытался приглушить её голос физически, но СЛОВО ЖИВО и БЕССМЕРТНО. Мы всегда будем слышать голос Аллы, читая её стихи и рассказы, и ещё не раз вернёмся к необыкновенному её творчеству, её биографии, как поэта. И я — в том числе, так как в данный момент ограничена регламентом альманаха и вынуждена говорить кратко. Алле посвящено много стихов на литературных порталах страны. Жаль, всё не совместить...

Надеюсь, мы ещё продолжим разговор о поэте и её большой семье.

*Для каждого, кто грешен на Земле,
Есть место в бесконечности Вселенной,
Где для Души в ковчеге-корабле
Хранится вечность истиной нетленной.*

*Пока грешим и на земле живём,
То про себя надеемся и верим,
Что, умирая, всё же не умрём,
Как только прикоснуться к ней сумеем.*

«Написал эти строки сегодня, потеряв близкого друга (сестрёнку), поэтессу Аллу Кошмелюк.

Пусть Душа её живёт вечно.»
Поэт из Тулы Николай Шестов.
18.08.2020.

Дорога в одну сторону

Владимир Свиридов

Капля висит на листе,
кап-ля.
Воздуха ль шёпот и...
лучиком вниз.
Жизнь, ты — прекрасная, чистая, ясная...
Ты — капризная, властная, страстная
жизнь.
В небе — восторг и
тоски прилив.
Каждому облаку —
пожеланья знак.
Куполом белым застыл от вопросов крик.
Черным приблизился вещей ответов мрак.
Эхо часов — это
сердца стук.
Маятник дробью —
из минувших дней.
Время вчерашнее чертит судьбы круг.
Вчерашнее время — дороги назад нет.
Мир, что капля в море миров
мир.
Мир освятил на своей ладони
Бог.
Как зачарован, торжественен, долог миг,
Если бы кто удержать его дольше смог.
Капля висит...

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

*Сберегите нас от серой прозы,
От всего, что сбило и затерло.
И пускай бесстрашно льются слезы
Умиленья, зависти, восторга!*

Давид Самойлов

ПРО КОМАРА

*Ах, лето красное, любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи...
А.С. Пушкин*

Александр Сёмочкин

Прихлопнуть надоедливую комара ничего, кажется, нет проще — хлоп, и нет его, одно только мокрое место осталось. Только очень уж их много, комариков, так что они, пожалуй, и победят, убежишь от них куда подальше, где яркое солнышко и ветерок — не терпят они, паразиты, ни того, ни другого.

Вообще говоря, любителей попить чужой кровушки среди насекомых немало, у нас их обитает с десяток видов, по моим подсчётам. Это, прежде всего, всем известные вши, блохи и клопы — народец, прямо скажем, малоприятный. Теперь они нечасты в наших жилищах, но лет сорок назад те же клопы были повсеместны, а в средние века паразиты являлись сущим бедствием для всех слоёв населения, парижские модницы тогда ходили с блохоловками на груди — попав в такую, блоха выбраться оттуда сама уже не могла. У нас, в России, спасались от этой напасти парной баней, да не всегда успешно, как говорит тот же Александр Сергеевич Пушкин;

*Теперь у нас дороги плохи,
мосты забытые гниют,
На станциях клопы и блохи
уснуть минуты не дают...*

Кажется, досадная мелочь, но не нужно высокомерно отмахиваться от мелочей — они бывают причиной больших бед. Известно ведь, как эти блохи сгубили великий Рим: насекомые изводили гордых патрицианок своими укусами, а те уже знали, что блохи не заводятся исключительно в шёлковой одежде, и

требовали её, эту шелковую исподнюю одежду, от своих мужей. Шёлк, между тем, стоил тогда огромных денег, производился он только в Китае, а китайцы свято берегли секрет кокона тутового шелкопряда. Доставка же шёлка в Рим по Великому шёлковому пути была трудна и опасна, караваны должны были преодолеть горы, пересечь пустыни и области, где хозяйничали свирепые разбойничьи племена.

Но, как известно, ночная кукушка всякую дневную перекукует, так что патриции и сенаторы, в конце концов, сдавались, капризы своих матрон выполняли — и запускали руку в казну или требовали с клиентов больших взяток. Всё это развратило и разложило великий Рим настолько, что он сделался лёгкой добычей варваров.

Но эти кровопийцы ползают или прыгают, они привязаны к человеку и его дому, а есть ещё летающие, вольные, и от них избавиться намного сложнее. Носят они общее имя — гнус, это и комары, и мокрецы, и некоторые мухи, и слепни, и клещи. Из последних иные, правда, летать не умеют, но они как раз самые опасные...

Вот, сказал «комары», и сразу изображение нарисовало маленького, и, в общем-то, довольно изящного летуна с длинным хоботком и противным, визгливым каким-то «голосом» (хотя это и не голос вовсе, а звук его с сумасшедшей скоростью машущих крыльев). Да, но это только один вид, а точнее сказать, половина вида, поскольку кровь пьют

только самки, самцы же мирно кормятся росой и нектаром (о, эти женщины!). Но комаров много и других, и далеко не все они так кровожадны. Одни, например, самые у нас крупные, вовсе безобидны. Их называют долгоножки, или караморы, или коси-нога. За ними забавно наблюдать, как они передвигаются на своих гигантских ногах-ходулях — важно, и медленно, словно они сами не уверены в устойчивости этих своих ходуль

Другие — комары-дергуны, всякий наблюдал их суматошный полёт в стайке, которая зыбким облачком колышется в воздухе, чаще вечерней порой. Их у нас называют толкуны, о них так писал Владимир Набоков:

*Какой закат!
И завтра снова, и долго-долго быть жаре,
Что безошибочно основано
на тишине и мошкаре,
В луче закатном повисая,
она толчётся без конца,
Как бы игрушка золотая
в руках немого продавца...*

Да, эти их брачные игры предшествуют, по народной примете, хорошему ясному дню. Порою ещё снег лежит, а в солнечный мартовский, даже, бывает, в февральский, денёк глядишь — сидят комарики на снегу и даже пытаются летать... Хотя, может быть, это вовсе не дергуны, я точно не знаю. Те, толкуны, пожалуй, ещё не вылетели, они копошатся в речном или прудовом иле в виде красных, почти прозрачных, не то червяков, не то гусениц, всем рыбакам известным по имени мотыля. А это основной корм рыбы в зимнее время, когда всё подо льдом, и водоросли умерли, а до весны доживают только сильные и ловкие. Так что от этих комариков немало пользы человеку — они и поражают его своими вечерними танцами в виде этой «игрушки золотой», они и рыбу покормят в трудное для неё время.

Но есть и другие комарики, которые

суть бедствие настоящее для крестьянина, и это вовсе не привычные всем кровососы. Называют их гессенская муха или хлебный комарик, эти откладывают свои яйца в стебли растений, где появившиеся личинки благоденствуют — и защищены они, и питания в виде сока растения им вдоволь. Только колосок на таком стебле вырастет хилый и кривой, и если этой гессенской мухи много, то урожая не жди, а, значит, впереди голодная зима и нищета. Общее название у этих комариков — галлицы, потому что на стеблях растений с их помощью появляются вздутия — галлы, откуда в своё время вылетят новые полки хлебных вредителей.

Поэтому, наверное, у сельских жителей отношение к кровососущим комарам такое снисходительное — ну, покусывают, что неприятно, но, как говорится, не смертельно. Присутствует здесь, видимо, и то соображение, что комарики не от злобы, не от лютой кровожадности это делают, а по нужде — им из этой крови нужно сконструировать яички, которые они отложат в воду, и которые дадут новое поколение комаров. Материнский инстинкт, что ни говори, нужно, как минимум, уважать. А что до укусов, то, во-первых, комариха честно предупреждает своим писком о нападении (этакое рыцарское «иду на вы!»), а во-вторых, укус комара может быть и вовсе безболезненным, если ему повезёт, и он вонзит свой хоботок в такую точку, где нет нервных окончаний. Я думаю, что китайцы внимательно изучили этот комариный опыт, прежде чем придумали своё иглоукальвание, или акупунктуру.

Пытливому человеческому уму свойственно обращать на пользу себе все явления природы, нашёл тут своё применение и маленький кровопийца — существовало мнение, что комар отсасывает только «дурную», венозную кровь, она, мол, ему нужнее, поэтому иные врачи рекомендовали эту ко-

маротерапию для обновления крови и как средство от «полнокровия». Используют комариков и отшельники, аскеты, но не «здоровья для», а ради воспитания в себе терпения и «нечувствия». Известно, что это практиковал и Григорий Ефимович Новых, нам знакомый под именем Григория Распутина. Не этим ли хоть отчасти объясняются его действительно необычные способности?

Впрочем, человек не был бы человеком, если бы не использовал комариный род и в иных, отнюдь не благородных целях. В Сибири, скажем, существовал такой вид казни для воров и насильников — человека голым привязывали к дереву на ночь, за эти часы комары успевали выпить из него всю, или почти всю кровь. Там, однако, есть твари и пострашнее комара, это так называемые мокрецы, в Сибири именуемые гнусом, а у нас — мошкой, эти буквально съедают заживо, поскольку не кровь пьют, а отгрызают кусочек плоти. Да, кусочек крохотный, но гнуса в тайге миллиарды, если не триллионы, и от живого существа остаётся один скелет.

Конечно, мало привлекательного в существе, которое жаждет твоей крови, но нужно отметить и уникальность комара — это единственное существо, способное летать в дождь, даже сильный! Прежде считали, что он способен как-то уворачиваться от дождевых капель, но потом выяснилось — нет, капли попадают в комара, а ведь это всё равно, что человеку столкнуться с мчащимся паровозом, но комарику хоть бы что, его отбросило в сторону, и он продолжает свой полёт.

В советское время, в эпоху «Великого преобразования природы» с комаром активно боролись, сырые места, где он плодился и размножался, поливали всяческой дрянью, чтобы личинки его задохнулись и перемёрли. Ни к чему хорошему это, понятно, не привело, кроме явного вреда всей экосистеме

местности. Вот и у нас — насколько за последние десятилетия оскудела природа! Раньше наше вечернее небо полосовали, словно чёрные молнии, стрижи, теперь их нет. Эти удивительные охотники за мошкаррой развивают в полёте сумасшедшую скорость — до трёхсот километров в час, а на такой скорости охотиться за каждой мошкой просто невозможно, да стрижу это и без надобности: заметив скопление мошкарры, он широко раскрывает свой рот (а пасть у него — «от уха до уха») и пронзает облачко мошек, а что в рот попало, то и его.

Нет и так любимых в народе ласточек-касаток, исчезли они у нас, да только ли ласточки! Давно нет майских хрущей, которые раньше, бывало, облепляли молодые берёзы, кормясь их сладким соком, нет ивановских светлячков, а ведь ещё лет сорок назад, под Ивана Купалу, вся трава по ночам светилась их зелёными огоньками. Почти нет оводов, потому что нет скотины. Кажется, потеря невелика, но как жадно клевал на него хариус! Впрочем, и хариуса в реке давно уже нет. Почти не стало соловьёв, а в своей молодости, с последней электричкой из города, опоздав на последний рейсовый автобус, топаешь до родной деревни шесть километров пешком, и весь этот путь сопровождают тебя громкие соловьиные трели. Теперь, если и поёт, то один, и тот далеко.

Конечно, жизнь стала не в пример легче и комфортнее, чем раньше, а за комфорт, скажут, нужно платить. Только не слишком ли велика цена? Дело ведь даже не в том, что нет ласточек, хариуса и ивановских светлячков, а в том, что наши внуки этим обижены и ограблены. Сами они, понятно, до поры до времени этого понять не могут, да и смогут ли они это когда-то понять?

Грустно как-то становится от таких мыслей...

ИСТОРИЯ АЛЕКСЕЯ И ШУРИКА

Александр Златкин

Алексей вырос в доме, крайнем в нашей деревне. У его отца было шестеро детей, и всех поднял Александр Иванович, здоровый, как медведь, рост под 190. Леша — младший в семье, привык, что в доме всегда держали скотину. Корову, бывало, и не одну, овец и поросят обязательно. Значит, постоянно заботы по хозяйству, сенокосы и все, что с ними связано. Парень с детства ездил на любой технике, которая водилась в деревне, разбирал и собирал, почистив, потом все, что только в этой технике можно было разобрать. В 80-х отслужил в ВДВ, женился на светлокозой красавице и воспитывал мальчику и девочку.

Шурик — постарше, невысокий, крижистый, был тоже из большой семьи, окончил техникум (учился Шурик всегда хорошо), отлично разбирался в технике и ремонтировал все, что могло передвигаться. Отслужив в группе Советских войск в Германии, вернулся. Красивый, сильный, малопьющий, работал в умирающем совхозе, занимаясь всем, что может делать рукастый и головастый умелец. Женился не рано на странной женщине, которая успела родить ему двух мальчишек-погодков. Успела потому, что жизнь была сложна, и всем ее переменам соответствовать было невозможно.

На примере этих, тогда еще молодых, мужчин, умелых на все руки, тружеников, любящих и умеющих работать, готовых, казалось бы, к любым трудностям, можно посмотреть, как все сложилось в нашем краю.

В начале 90-х в России развалилась система совхозов, как и многие про-

чие системы нашей страны. Самые проворные в эти годы удачно приватизировали или приобретали газо-нефте-металлопромышленность. Кто-то по-тихому перегонял на свои дворы совхозные тракторы и комбайны, пытаясь постелить себе соломки с падающей в пропасть державы. Уже перестали засеивать окраинные поля, а Алексея с Шуриком все пугали милицией за то, что они косили травы для своей скотины на лесных полянах.

Потом пошли непонятные разговоры о том, что землю можно будет брать в аренду, делить на пай или выкупать (ещё все было непонятно), обрабатывать ее, что, вроде, нужно приветствовать фермерство, избавляясь от иностранной зависимости в сельском хозяйстве хотя бы. И наши герои вдвоем обратились в администрацию с просьбой выделить им уже практически не обрабатываемые окраинные поля. Казалось бы, что может быть лучше с позиции здравого смысла? Поля уже брошены и никому не нужны, сил, средств и желания на обработку их у местного руководства уже не было.

Но не дали. Причины не знаю, да они и не важны сейчас. По слухам, земли вокруг деревни в себе содержат то ли алмазы, то ли нефть, то ли еще что-то. Но природным местным крестьянам, выросшим здесь, обрабатывать земли, лежащие вокруг их домов, не позволили.

Финал этой истории еще пишется, но вот что мы видим на сегодня: Шурик заболел и умер от онкологии, не дожив до 50-ти. Его жена с детьми уехала поближе к своим родным, мальчишки

Шурика выросли и уже отслужили в армии, живут и работают в райцентре.

Алексей построил дом в Вельске, но его жена переезжать туда не захотела и, пока муж дорабатывал до пенсии, жила одна на краю деревни, в доме у леса, ожидая на выходные и мужа, и детей, а теперь и внуков. Алексей потерял былую живость и ждет пенсию, которую все время отодвигают, несмотря на северные льготы.

Деревни практически уже нет. Ведь все населенные пункты, столицы и хутора — это не строения, а люди. А наша деревня молча, и как будто дружно, переехала на кладбище. И на деревенском кладбище все они уверенно и спокойно смотрят на нас, пока живых, задержавшихся еще здесь. Смотрят, как неотвратимо оседают на подгнившие венцы их дома, проваливаются крыши, загнивает вода в некогда чистых колодцах. Уже почти не видны жердяные изгороди в высокой осоке и среди иван-чая. Они, наверное, не понимают, что такое борщевик, захвативший брошенные поля, и радуются знакомым бодрым молоденьким соснам и чистеньким, как невесты, березкам. И все бы, может, и ничего, если бы это не росло на полях, обильно политых потом этих людей, с погоста.

Там они все рядом, кавалеры орденов и медалей: могучий Александр Иванович, встретивший Великую войну в июне сорок первого; худой и жилистый Акиндин, с орденом Славы на груди; деды (хотя редко кто из этих стариков доживал до 70-ти) — участники всех передраг двадцатого века. Бабушки, солдатки и матери солдат, сгинувших без известий. Мальчишки, отслужившие и вернувшиеся в разоренную деревню, спившиеся, потерянные, никем не понятые, никому не нужные. А сколько здесь просто и страшно погубивших себя... Все они, словно вышли

из своих домов, осмотрелись и решили, что на погосте спокойнее.

И успокаивает их чувство, что освобождается, будто очищается, несмотря на чуждые огромные зонтичные, земля. Ведь перестали сыпать без счета и ума химию, снова запели птицы, леса отвоюют земли у ненужных теперь полей, и даже церковь возрождается. Наша деревянная церковь, построенная во славу Святого Николая еще в XVIII веке на высоком берегу над рекой. Церковь, испоганенная и изуродованная во времена радостного и пьяного застоя, возрождается руками волонтеров-интеллигентов из Москвы (еще один парадокс нашего времени). Только вот кто будет ходить на службы в нашу церковь — непонятно. Прозрачная Елюга журчит на перекатах. Хорошо!

А то, что на три деревни вокруг живут в одном доме только Алексей с женой, что уж тут поделать. Время такое... Сельское хозяйство у нас возрождается — аграрно-промышленный комплекс, урожаи зерновых, слава Богу, рекордные. Значит, где-то все хорошо, дай-то Бог!

Жалко до слез, до боли нашу умершую деревню, жалко, что дом, построенный на горке дедушкой жены еще в 1922 году, неотвратимо ждет судьба тысяч таких же домов и тысяч таких же деревень. Жаль, что уже умерла целая цивилизация с прялками, туесами, братнями и деревянными граблями, что дедушка, которого я никогда не видел, не научил меня катать валенки, а мой тесть не научил меня так работать топором, как это он мог. И никто не вынет из печи противень с шанюшками, как это делала теща.

Эта цивилизация ушла. Ее не вернуть, как не вернуть культуры Древней Греции и империи инков.

Пройдет еще 30–50 лет, и на месте

нашей деревни останутся только следы фундаментов, поля станут веселыми сосновыми борами, которые сами победят все нехорошие сорняки. Земля очистится, реки оживут, на перекатах будет плескаться рыбка, большая и маленькая, безгрешные птицы затеют свои шумные разборки. Возможно, и леса наполнятся живностью. Правда, меня пугают шустрые и целеустремленные охотники на всюду проходимом транспорте. Только явление в русской жизни, называемое культурой русского Севера, уйдет навсегда. Наверно, в краеведческих музеях будут изучать, и в экодеревнях еще долго будут петь старые песни, и рассказывать сказки о том, что было и не было, и как красиво жили здесь люди.

Цивилизации без причин не исчезают. А здесь как будто закончился какой-то непонятный ресурс. В XX веке слишком много было напастей, слишком много всего наломали. Войны, революции, раскулачивание, воинственный атеизм, коллективизация, культ, волюнтаризм, застой, укрупнения, мелиорация, оптимизация, перестройка и прочее. Всего уже не вспомнить. Все это убило, обескровило, осиротило. Интересно, что, со времен освоения этого края, здесь всегда население прибывало. Свобода, отсутствие крепостного права, просторы без края и т.д. И вдруг, как будто в одночасье — разруха, истребление, унижение, вымирание, бегство, исход. К девяностым деревня была смертельно больна, но еще жива.

Нужно было лечить. Но не хватало на это понимания, воли, денег у тех, у кого в жизни хватает всего. Да и что такого случилось? Всего лишь умерла деревня на Русском Севере.

И не нужно обольщаться, сюда не вернуться ни потомки местных, ни какие-то мифические переселенцы из южных областей (они смогут найти себе места с более привычным климатом). Теоретически могут появиться рабочие из южных стран или добросовестные китайские труженики, но что-то не хочется, чтобы это случилось. Да и с культурой, о которой мы говорим здесь, это все не будет иметь ничего общего.

А я чувствую свою вину и перед Алексеем, и перед всеми с кладбища за то, что не получается спасти и сохранить ни дома, ни деревни. Пытаюсь задержать неотвратимое, как могу, но надолго меня уже не хватит...

Леша только что проехал мимо меня на небольшом тракторе, рядом с ним сидели два его внука. Может, все не так и плохо? Хочется помечтать о том, что внуки и Шурика, и Алексея вернуться, ведь их будут ждать здесь отдохнувшие, еще не окончательно потерявшие среди лесов поля, речка, из которой можно напиться, просто зачерпнув воду ладонью, и вековая, на генетическом уровне, память. Память цивилизации. И хорошие дороги, конечно, по которым они будут возить в школу своих детей.

Здоровья всем!

ТЫ — САШКА

Елена Донцова (Булганова)

Ой, как же не хочется идти в школу! Хотя бы она сгорела, что ли. Не полностью, конечно, а так, чтоб много-много дыма и совсем чуточку огня. Или пусть бы кто-нибудь сообщил, будто в школе заложена бомба. И тогда ее бы оцепили, и собак бы пригнали, и искали бы наверняка до самого обеда. Вот было бы здорово на это посмотреть! У нас с Сашкой был такой план, но Сашка сказал, что звонить со своих телефонов нельзя — враз вычислят по номеру. И из автоматов нельзя — вдруг рядом установлена камера слежения. А нужно запастись левой симкой и после звонка немедленно ее выкинуть. Но раздобыть такую симку нам так и не удалось.

Может, повернуть назад, сказать матери, что разболелась голова? Она наверняка разрешит остаться дома. Раньше бы ни за что не разрешила, но в последнюю неделю ее на что угодно можно уломать. Я чувствую, она бы мне позволила хоть целый месяц не ходить в школу. А я все равно хожу — из вредности. Хотя мне совсем этого не хочется.

Даже ноги не идут. Спотыкался на каждом шагу, вот и опоздал, конечно. Звонок застучал меня еще в раздевалке. Пришлось бегом нестись на третий этаж. Первый урок — инглиш, его ведет классная — Марьяна, а она в последние дни так странно на меня смотрит. В общем, лучше не выделяться. Снова станет уговаривать меня пересесть, хотя это тупость: кому надо, чтобы пустая парта торчала посреди класса, как... воронка от астероида. Нет, я за свое место еще поборюсь.

Вдруг радостно екнуло сердце: перед классом английского толпятся ребята. Значит, урок еще не начался, а если повезет, не начнется вовсе. Может, заболела Марьяна, а может, кто-то подсуетился и напихал жвачку в дверной замок. Или еще что-нибудь замечательное произошло.

Пока я шел, не торопясь, к классу, навстречу мне кинулся Мишка. Пухлые щеки пылают, сам так и трясется от волнения и восторга. Мишку можно понять: английский для него — ужас и кошмар, он ведь даже алфавита до сих пор толком не знает.

— Слушай, Дэн, там такое случилось! — выкрикнул он на ходу.

— Класс сгорел?!

— Нет пока. Но там какой-то мужик, представляешь? Пришел и сидит. Марьяна побежала за охраной и директором.

Наверно, сначала за директором, иначе я бы столкнулся с ней на лестнице. Но это и в самом деле становится интересным.

— Какой мужик? — спросил я.

— Да не знает никто. Странный такой! Зашел и сел за вашу с Сашкой парту. Мы думали, проверяющий. Но потом Марьяна пришла и чуть в обморок не рухнула. Спросила, кто такой, а он только улыбается. Тогда она приказала всем выйти из класса, заперла мужика на ключ и умчалась.

— За нашу парту? — повторил я то, что поразило больше всего. — Это точно? На какое место?

— На Сашкино, прикинь! И начал какие-то бумажки раскладывать. Правда, я поздно пришел, мне самому уже рас-

сказали, — с тоской в голосе признался Мишка.

Я подошел ближе к двери. Конечно, событие никого не оставило равнодушным. Девчонки испуганно забились по углам, некоторые даже звонили родителям и просили, хитрые, немедленно забрать их домой. Парни штурмовали стену класса, чтобы заглянуть через окошко под потолок. А Стася Пуговицина визжала на весь этаж:

— Не надо, не смейте, вдруг он стрелять начнет!

Я подозвал Мишку, совсем уже готовился влезть ему на спину и заглянуть в класс, но тут раздался громopodobный голос директора:

— А ну, живо освободили коридор!

Рядом с директором трусила наша классная, а впереди вышагивал охранник. Его правая рука была погружена в карман, и мы так и впились глазами в эту руку, гадая, есть ли там пистолет, а если есть, то какой: травмат или настоящий. Но, конечно, ничего не увидели.

Троица скрылась в классе. Девчонки разбежались по этажу, но парни все остались на месте. Мы напряженно ждали: не начнется ли стрельба? Или еще что-нибудь интересное? Но за дверью было тихо.

Я уже совсем решил приоткрыть незаметно дверь и заглянуть в щелку, но тут она сама распахнулась настежь. Они вышли все разом, едва в проходе не застряли: посередине неизвестный мужчина, рядом с ним Марьяна, с другой стороны — директор. И самое странное: Марьяна обнимает чужого мужика за плечи, и глаза у нее мокрые. Директор не орет, как обычно, а что-то говорит тихонько на ухо тому дядьке. Да еще сзади плетется охранник, совсем кислый.

Я, конечно, сосредоточился на мужике. Но ничего примечательного в нем не увидел. Возраста примерно

такого же, как мой отец, но толстый и почти лысый. К груди прижимает обеими руками какую-то папку. Одет почти как бомж, ботинки грязнющие. А самое странное — лицо его как будто мне знакомо, а с другой стороны — нет, точно никогда его не видел. У меня память хорошая.

Мужик смотрел себе под ноги и совсем не обращал внимания на классную и директора. И вдруг увидел меня и кивнул головой, честное слово, кивнул! Как будто мы с ним отлично знакомы. У меня даже дыхание перехватило, пришлось долго кашлять и отдуваться.

Конечно, когда они ушли, все меня стали расспрашивать: что за тип, откуда тебя знает. Но тут прибежала Марьяна и загнала нас в класс. И первое, что она сказала, было:

— Денис, пожалуйста, сядь за другую парту.

— Почему? — спросил я.

— Ни по чему. Просто пересядь... Вот к Мише, например.

— Этот тип что, напачкал там? Или что-то сломал?

— Нет, конечно, ничего такого, — поспешила сказать Марьяна.

— Тогда я лучше пойду на свое место.

Классная вздохнула, но больше не спорила. И начала с ходу объяснять новый материал.

А я украдкой осматривал парту. Интересно, почему мужик сел именно сюда? Именно на Сашкино место? Я коснулся пальцем сидения — оно еще было теплое. И вдруг внутри парты что-то блеснуло. Пистолет?!

Да, точно, только очень маленький и совсем не опасный: черная флэшка в виде пистолетика, на металлической цепочке. Я смотрел и не верил своим глазам: прежде эта вещь существовала только в моем воображении, я уж и не надеялся ее однажды увидеть.

Это Сашка месяц назад мне пообещал, что подарит на день рождения флэшку — полное подобие пистолета. Я ждал этого подарка, мысленно уже видел его у себя на шее. Но так ничего и не получил. Ко мне в гости Сашка пришел хмурый и злой, сунул мне подарочный пакет с какими-то дурацкими шоколадками. И сказал:

— С флэшкой не выгорело. Извини.

Я сделал вид, что совсем не огорчился, но Сашка остался таким же сердитым, даже от торта отказался и ушел самый первый. И вот теперь пистолетик лежал у меня на ладони, я тыкал в него пальцем, чтобы убедиться, что он не растает на моих глазах. А потом для сохранности надел на шею.

Остальные уроки в этот день я как-то не заметил.

На улице шел мелкий противный дождь. Мишка, как всегда в последнее время, увязался за мной:

— Пошатаемся?

— Мне еще к репетитору по английскому пилить, — отказался я. Хорошо, что был предлог: я бы все равно не пошел. Хотя прежде мне Мишка нравился, и мы с Сашкой часто брали его в нашу компанию. А когда Сашка болел, так мы и сидели вместе, и тусовались, и уроки делали. Но теперь я заметил: одному мне легче, а с Мишкой — совсем паршиво.

На самом деле, от репетитора я точно мог откосить, мать не настаивала бы. Но такой уж у меня странный характер: если нет сопротивления, сразу становится неинтересно. Хотя не могу сказать, что готов к занятию.

Дело в том, что к репетитору мы с Сашкой ходили вместе, и с первых же занятий у нас возникло вроде как разделение труда: я хорошо справлялся с заданиями, даже самыми хитрыми, зато у Сашки здорово получался пись-

менный перевод. А репетиторша Белла Аркадьевна любила, чтобы перевод был литературный, типа маленький рассказ. Твердила, что только так можно постичь душу языка. У меня с этой душой была напряженка, а вот Сашка — нормально, постигал. Поэтому он писал два разных перевода, распечатывал и приносил на занятие. А чтобы я не заподозрил, что для себя он больше старается, в лифте мы всегда тянули жребий, то есть листок с переводом. Ну а прочие задания я обычно ему еще в школе давал списать.

И, конечно, я про этот перевод начисто забыл, вспомнил только на последнем уроке, когда уже поздно было метаться. Понятно, репетиторша двойку не поставит и орать не станет, но все равно неприятно. Ладно, переживу.

Вот с этими мыслями я брел на автомате по знакомой дорожке между домами. Как вдруг кто-то загородил мне дорогу. Я глянул — и чуть не заорал от страха. Потому что передо мной стоял тот самый псих, что с утра вломился в наш класс.

Да, но в школе-то нас было много, а здесь, хоть вокруг и теснятся огромные дома, народа толком поблизости и нет. Поэтому я так перепугался, что даже ноги стали ломкими в коленках. И попытлся от мужика, потихоньку таща из кармана мобильник. А он стоял на дорожке и смотрел на меня странными отчего-то знакомыми глазами. А потом вдруг улыбнулся и протянул ко мне руку с зажатыми между пальцами бумажками. Я отпрыгнул назад.

— Возьми, — робко улыбаясь, попросил мужчина.

— Зачем? — совсем перетрусил я. — Что это такое? Нет, мне не надо, я не возьму!

Сколько у меня версий за один миг в голове пронеслось — не рассказать.

Не зря же боевики и ужастики каждый день по компу смотрю. Я совсем уже решил звать на помощь и вдруг заметил, что мужик уходит прочь. Странно так идет: голову повесил и загребает грязь ботинками. А потом уже я обнаружил, что те бумажки, которые он хотел мне всучить, висят наколотые на сухую ветку.

Я сначала хотел пройти мимо, но потом понял: до смерти буду гадать, что там было на этих листах. И осторожно так стянул их с ветки. Развернул — и даже вскрикнул от изумления: это был перевод английского текста, выполненный в двух вариантах. Я стоял с листами в руках и тарачился на них как полный идиот. Но тут Белла Аркадьевна позвала меня с балкона — она всегда выходила посморгнуть, не заигралась ли мы с Сашкой во дворе. В лифте я закрыл глаза и наобум вытянул один листок. Сунул в свою папку, а оставшийся запихал в карман.

Сначала мы, как обычно, здоровались и обсуждали погоду на английском, а потом репетиторша спросила насчет домашнего задания. Я только удивился, что она прежде не спросила про Сашку. Но достал измятый лист с дыркой посередине и протянул ей. Потом подумал, достал другой и тоже положил рядом:

— Это Сашкин. Только он пока ходить не будет.

— Я знаю, — ответила Белла Аркадьевна и отвела взгляд. И мне вдруг так паршиво стало от этих слов! Страшно пожалел, что вообще приперся на этот чертов английский. Белла Аркадьевна проверила оба листа, сделала какие-то устные поправки (я даже не пытался слушать). А потом вдруг сказала:

— Знаешь, давай-ка я тебе почитаю.

И до конца урока читала мне с середины какую-то толстую английскую

книжку. Нет, все-таки нормальная она тетка, эта репетиторша.

После урока за мной зашел отец. Я сначала дико обрадовался, потому что боялся, что в темноте странный мужик снова подойдет ко мне. А потом подумал: как же я теперь узнаю, откуда он взял те листы. Ведь я, наверно, до самой смерти буду теперь думать об этом.

А на следующий день в школе все повторилось, только без моего опоздания.

— Мужик снова приперся! — с этим криком Мишка бросился мне навстречу. — И сел в классе истории за вашу парту! А историчка набросилась на него и потащила к директору. И теперь требует уволить всех школьных охранников!

Я помчался на третий этаж к кабинету директора. Крики оттуда были слышны уже на лестнице. Дело в том, что с нашей историчкой шутки плохи, она даже сама нас иногда предупреждает, типа, осторожней со мной, ребятки, я нервная, огорчите — мало не покажется. Сейчас, наверно, мало не казалось директору и охране. Но не они меня волновали.

Вчерашнего мужика я сразу увидел: он стоял рядом с кабинетом директора, вернее, подпирал спиной стенку. Я удивился, что его одного тут оставили, но потом заметил, что шагах в десяти бдительно прогуливается наш физрук. Мужик тоже меня заметил, улыбнулся и помахал пухлой ладонью. А я так растерялся, что сумел только сказать:

— Спасибо.

— За что? — спросил он и хлопнул ресницами. И снова показался мне удивительно знакомым, хоть я никогда его прежде не видел.

— Ну, за английский.

— А-а... Ерунда. Белла не придиралась?

— Не-а.

— Хорошо. А то я весь вечер за этим переводом просидел. А на следующий раз какой текст задала?

— Следующий. Наверно. Она читала весь урок, ничего не спрашивала.

— Здорово! Ты не волнуйся, сделаю я этот перевод.

И тогда я втянул в грудь и живот огромную дозу воздуха и спросил:

— Кто вы такой?

— А ты разве не узнаешь меня? — удивился он.

И в этот момент в коридор вывалились директор с вытаращенными глазами, красная историчка и возмущенный охранник.

— Да это какое-то сумасшествие, — говорил охранник директору, а на историчку старался даже не смотреть. — Я ни на секунду не отлучался с поста. Я что, не понимаю, я сам отец. Я не могу объяснить, как этот гражданин попал в школу. Вы лучше его спросите.

И он умоляющими глазами посмотрел на мужика. А тот глянул на меня, и вид у него стал ужасно хитрый. И губы он крепко сжал, чтобы не обижать охранника смехом. Но тут директор увидел меня и почти просто-нало:

— Ковалев, живо в свой класс. Был звонок. И вы, Маргарита Петровна, умоляю, идите к детям! Мы тут сами разберемся.

Я не стал нарываться и помчался вниз по лестнице. И вдруг на бегу понял, как этот псих попадает в школу. И почему его не видят охранники. Это так просто, и в то же самое время невероятно. Потому что это была только наша с Сашкой тайна.

И я вместо класса побежал на первый этаж. Хотя Маргарита шла за мной и все видела. Даже что-то угрожающе орала вслед.

На первом этаже я сначала нырнул в раздевалку, потом через другую дверь вышел в узкий коридор уже за постом охранника. И оказался в таком уголке нашей школы, куда редко кто заглядывал — здесь просто было нечего делать, и даже курить нельзя — немедленно прибежал завхоз. Это была его территория.

А еще — наша с Сашкой. Началось все еще в конце четвертого класса, когда мы весной на большой перемене шлялись вокруг школы. Ходили-ходили и вдруг заметили в задней стене школы дверь — древнюю такую, будто вросшую в каменную кладку. Видно было, что ею сто лет никто не пользовался, и никакого замка на ней не было. Мы попинали ее ногами, но дверь даже не шелохнулась. И помчались в школу: выяснять, куда же она ведет.

Обшарили на первом этаже все стены — никакого намека на дверь. Мы уже совсем было решили, что ее замуровали внутри, ведь школа у нас старинная, и ее наверняка сто раз перестраивали. Но потом Сашка догадался обследовать огромный фанерный шкаф, стоящий вплотную к стене. Заглянули внутрь: там хранились лопата для снега, ломик, прочая ерунда. Сдвинуть шкаф оказалось делом нереальным, но засунуть руку за него удалось, и мы нащупали ту самую дверь!

На следующий день Сашка принес из дома ножовку, и целую неделю мы по очереди — один пилит, другой сторожит завхоза — выпиливали заднюю стенку шкафа. А когда закончили и сдвинули ее в сторону, то добрались до двери. Она изнутри была закрыта на проржавевшую щеколду. С ней тоже пришлось повозиться, но, в конце концов, мы получили свободный доступ в школу, о котором никто даже не догадывался.

Зато нам он много раз пригождался.

Например, если кто-то из нас забывал смену, а у входа торчали дежурные. Или если опаздывали в школу, а на посту сидел противный охранник-придира. А уж когда началась история с Карловым и компанией, потайная дверь стала нам просто необходима.

А еще мы здорово веселились. Например, выходили из школы мимо охранника, хором с ним прощались, чтобы обратил на нас внимание, потом бегом неслись за школу, проникали внутрь через нашу дверь и снова проходили. Охранник просто цепенел от изумления. Правда, часто так развлекаться было нельзя, иначе кто-то мог догадаться о нашей тайне.

Еще я знал, что у Сашки была мечта: вот начнется в школе пожар, огонь отрезет главный выход, и тогда мы всех выведем через нашу дверь. И станем героями. Но пожар почему-то все не случался.

И вот теперь, впервые в одиночку, я распахнул дверь шкафа, сдвинул задник и ногой распахнул дверь на улицу. И сразу увидел на фанере мокрые следы от ботинок. И понял, что не ошибся. Жалко, если директор уволит охранников — они ни в чем не виноваты. Но как этот тип узнал нашу тайну?!

Я так задумался, что даже не заметил, куда несут меня ноги. А когда очнулся, увидел, что стою рядом с учительским столом, класс ржет, а Маргарита Петровна спрашивает, где я изволил половину урока прохладиться. И требует дневник. А когда я сел за парту, то вспомнил, что собирался ей соврать, будто меня затошнило, вот и вышел на воздух. Но было уже поздно.

Когда прозвенел последний в этот день звонок, я не побежал сразу в раздевалку, а с деловым видом поднялся на третий этаж и там минут двадцать просидел в пустом актовом

зале. Во-первых, я хотел отвязаться от Мишки, потому что знал: он снова будет набиваться в друзья. Во-вторых, нужно было решить, что делать с тайным входом. Наверно, я должен его закрыть на щеколду, тогда мужик перестанет шляться в школу, и прекратятся все эти непонятки. Да, точно, так и нужно поступить. Хотя и не хочется.

Я спустился к опустевшей раздевалке, и тут мое сердце как-то нехорошо ухнуло и провалилось в желудок. Потому что у раздевалки стояли Карлов и еще пара пацанов из десятого. Очень похоже, что специально меня поджидали.

— Эй, мелкий, не забыл про свой должок? — тут же попер на меня высокий и мощный Карлов. — Я что, до бесконечности должен ждать?

— Так это же не... — забормотал я, но так устыдился того, что собирался сказать, что заткнулся на полуслове. Хотя Карлов меня понял.

— Ничего не знаю. Вы вместе всегда ходили. Значит, тебе и отдавать. Сегодня отпускаю, а с завтрашнего дня буду трясти, пока все не отдашь. Понял?

— Ну, понял...

— А без ну?

— Понял.

Они ушли, а мне стало не до двери. Теперь я мог думать только о том, где достать деньги, чтобы рассчитаться с Карловым.

А началось все сразу после моего дня рождения. Того самого, с которого Сашка ушел. Сначала я обиделся на него, но на следующий день и думать забыл про свои обиды. Бежал в школу, собираясь рассказать, какие подарки получил, и пригласить Сашку после школы к нам на остатки торта.

Но на нашем обычном месте встречи Сашки не оказалось. И на звонок он не ответил. Я обнаружил его в шко-

ле, за партой, злого и взъерошенного. Со мной он почему-то разговаривал сквозь зубы, хотя я точно помнил, что ничем его не обидел.

Сначала я почти не обратил внимания. Ну, мало ли, может, живот болит, или с родителями поругался. Но к большой перемене мне это здорово надоело. Сашка вроде не избегал меня, ждал после урока, пока я соберу рюкзак, шел со мной до класса и в буфет ходил. Но смотрел в сторону, отвечал нехотя. Как будто это я пообещал ему суперскую флэшку, а потом зажал!

А на большой перемене я просто сбегал от него: спустился на первый этаж — пусть поищет. И вот там нарвался на Карлова и его друзей. Вообще-то у нас школа нормальная, хулиганов в ней не держат, и старшие младших не особо трясут. Но иногда на старших что то находит, особенно весной, и тогда от них лучше держаться подальше. Вот и в тот раз они обрадовались мне, как родному.

— А мы-то думали, где мячик взять! — завопил Карлов, схватил меня за шкирку и швырнул своему приятелю. Они моментом выстроились в круг и начали меня перебрасывать. Стены так и замелькали вокруг. Я ничего не мог сделать.

Нет, смог все-таки, хоть и случайно получилось: я на лету укусил кого-то из них за палец. Тот парень просто озверел, сгреб меня в охапку и куда-то потащил. А в следующий момент я уже барахтался, подвешенный за ворот пиджака на крюк, неизвестно зачем торчащий из стены рядом с расписанием.

Было очень больно подмышкам. А главное, я видел, что Карлов снимает меня на свой мобильник. И думал о том, что завтра это видео в интернете увидят все в нашей школе. Может, и родители тоже. А когда я вырасту, и у

меня, возможно, будут свои дети, то придется уничтожить все свои детские фотки, чтобы они не узнали о позоре своего отца.

— Может, штаны с него стянуть? — предложил кто-то, и я моментально подтянул коленки к подбородку, собираясь дорого продать остатки своей чести. И вот тут в холле появился Сашка.

Он головой быстро-быстро повертел, мигом оценил ситуацию, а потом подпрыгнул, вырвал у Карлова из рук телефон и бросился бежать. Они, понятно, ломанулись за ним. А я получил время, чтобы онемевшими пальцами кое-как расстегнуть пиджак и выползти из него, как змея из старой шкуры.

Потом я вышел на порог школы и стал ждать — больше я ничего не мог сделать. Через пять минут из-за соседнего здания появился несущийся во весь опор Сашка. Пролетая мимо, командовал:

— В шкаф, живо.

Даже из нашего шкафа мы слышали, как пронеслись с топотом по этажу эти типы. Как обыскали раздевалку и умчались ловить нас на верхних этажах. Только после этого я спросил Сашку, что он сделал с телефоном.

— Все нормально, — выпалил довольный Сашка. Он тяжело дышал, но от утренней мрачности не осталось и следа. — Успел добежать аж до того места, где торговый центр строят. А там котлован со свежим цементом — ну, я туда его и пристроил. Прикинь, когданибудь лет через сто центр снесут и в фундаменте найдут Карловскую мобилу!

— Круто, — сказал я. — Наверно, целый институт его будет изучать. А потом выставят в музее.

— А если случится ядерная война, и люди снова одичают, то даже не поймут, что это такое, — сказал Сашка.

— Сейчас же вот находят в земле всякие штучки и не понимают, откуда они взялись.

— А может, его вообще инопланетяне найдут?

Мы еще долго обсуждали великое будущее телефона, а потом — как нам добраться до класса и не нарваться на Карлова. В результате получили по замечанию в дневники, когда на географию явились в середине урока. А когда вышли из класса, Карлов и компания нас уже ждали в коридоре.

Конечно, здесь, среди учителей, они зверствовать не могли. Карлов только мрачно сказал:

— Три дня вам на то, чтобы отдали деньги за телефон.

Сашка, похоже, был к этому готов, потому что сразу вынул из кармана свой собственный:

— Возьми.

Старшеклассники заржали.

— На что мне твой лом? — заявил Карлов. — Мой тридцать тысяч стоит, крутая модель. Я сегодня новый куплю, а вы отдадите деньгами. И не частями, а сразу. А если нет — вы покойники, ясно?

Мы даже онемели от такой суммы. Побежали потом в салон сотовой связи — нет, не соврал Карлов. Я видел, как у Сашки вытянулось лицо.

— Ладно, не бери в голову, — сказал он мне осипшим голосом. — Я сам с ним разберусь.

— А деньги где возьмешь? У отца попросишь?

— У отца? — тут Сашка как-то нехорошо усмехнулся, никогда прежде у него такого выражения не видел. — Больно надо. Сам найду.

Конечно, я не собирался оставаться совсем уж в стороне, ведь Сашка меня спасал, уничтожая этот поганый телефон. Я тут же решил не тратить те

деньги, которые подарили мне на день рождения многочисленные дядья и тетки. И на обедах в столовке немного сэкономить. Но в глубине души я считал справедливым, если большую часть долга возьмет на себя Сашка. Ведь из-за него я оказался в такой дурацкой ситуации. И отец у Сашки — крутой бизнесмен, а мой работает на мебельной фабрике.

А вот теперь весь долг лег на меня, и эта мысль просто сводила с ума. Я бросился домой, пролетел пулей мимо изумленной матери, заперся в своей комнате и пересчитал деньги. Оказалось всего девять тысяч с копейками. Может, у Сашки и была скоплена большая часть суммы, но какое это теперь имеет значение. Это был конец.

Конечно, я так и не решился попросить у родителей недостающую часть. А утром был очень рад, что хотя бы не запер вчера нашу тайную дверь. Но она мне не пригодилась. Потому что поймали меня раньше, на подходе к школе.

— Ну, принес? — спросил меня Карлов. Я вынул из одного кармана девять тысяч и протянул ему. Потом выгреб из другого две тысячи на репетитора. Он даже считать не стал, сразу швырнул мне эти деньги обратно:

— Я же сказал: всю сумму. Или тебе по-особому объяснить надо?

И они начали окружать меня со всех сторон, каждый куда выше и здоровее меня. Если кому-то из учителей и взбредет в голову выглянуть из окна, меня они просто не увидят, на помощь не придут.

Чья-то тяжелая рука вмазала по щеке. Одновременно последовал тычок под ребра. И тут вдруг Карлов громко вскрикнул:

— Что за черт?

И круг распался. Я увидел, что на шее у него висит неуклюже тот самый мужик. Карлов, конечно, сразу рухнул на

карачки, ведь в мужике, наверно, были все сто кило. А потом ловким приемом скинул его и завопил:

— Эй, дядя, что за дела?!

А мужик, набычившись и сжав кулаки, готовился к новой атаке. Выглядел он совсем уж дико — в рваном свитерке, в заляпанных грязью ботинках. Конечно, никакого страха он этим громилам внушить не мог.

— Это же тот псих, что шляется в нашу школу, — сказал один из пацанов. — Давно пора его пристроить по адресу.

Он вынул телефон, набрал короткий номер, а потом вдруг заблажил испуганным голосом:

— Полиция, ой, на нас тут педофил напал, приезжайте срочно к школе номер...

Я не стал дожидаться продолжения. Просто схватил мужика за руку — хотя еще вчера ни за что бы к нему не притронулся — и потащил прочь. Он не сопротивлялся. Мы выбежали из подворотни прямо к остановке и вскочили в отъезжающий автобус.

— Кто вы? — снова спросил я. В салоне от силы было человек пять, все в передней части. Но я старался не переходить на крик.

— Почему ты спрашиваешь? — мужчина смотрел на меня и улыбался. — Разве ты не узнаешь меня?

— Нет! Кто вы?!

— Я — Сашка, — ответил он и пожал плечами.

— Нет! — завопил я, пятясь от него вглубь салона. — Что вы врете? Вы просто псих!

— Что эти парни от тебя хотели? — вдруг перебил он мои вопли так делово, что я притих. Но ненадолго.

— Ага! — возликовал я. — Вы не знаете! Чего же вы врете? Сашка знал, почему. Он выбросил телефон одного из них, спас меня, только телефон оказал-

ся очень дорогим! Тридцать тысяч!

Мужик наморщил лоб, потом снова улынулся и сказал:

— Ерунда. Попрошу у отца, он даст.

— У какого еще отца?

— У моего...

Он смотрел на меня недоумевающим взглядом, и вдруг я узнал эти глаза: такие бывали у Сашки, когда он не злился и ничего не придумывал, а был в тупике. От моей тупости, к примеру. И все в моей голове стало на свои места.

— Я знаю, кто вы! — завопил я. — Вы — Сашкин отец!

Он качнул головой, не соглашаясь.

— Точно, вы его отец. Я, правда, вас никогда не видел, вы же всегда на работе, но все равно узнал...

В этот момент автобус остановился, и водитель выглянул в салон. Наверно, пассажиры ему сообщили, что происходит что-то странное.

— Эй, что там у вас?

— Ничего, — крикнул я в ответ.

— А ну-ка, выходите: или оба, или кто-нибудь один, — и он распахнул двери. Мужик пошел к выходу, но потом обернулся и спокойно произнес:

— Не волнуйся, Дэн, отец даст деньги. Встречаемся завтра на нашем месте.

И соскочил на тротуар. А я поехал дальше. На конечной остановке пересел на другой автобус, который вез прямо к моему дому. Потому что в школе от меня все равно не было бы толку.

«На нашем месте». Это фраза так и металась как белка в моей голове. Ее крикнул мне Сашка через неделю после того, как похоронил в цементе Карловский мобильник.

— Собрали деньги? — они подошли к нам, как и сегодня, на школьном дворе.

— Собираем, — спокойно ответил Сашка.

— Уверены? А как насчет процентов?

— Насчет процентов разговора не было.

— А теперь будет. Давайте-ка сюда ваши мобильы.

— Беги! — крикнул мне Сашка и метнулся налево, в сторону сквера. А я сразу рванул в противоположную сторону. Так мы заранее договорились, ведь двоих догнать труднее. Сашка брал на себя более сложную трассу: сначала сквер, потом аж две проезжие части, да еще и перебежать их желательно так, чтобы преследователи отстали на светофоре. Мне же через подворотню нужно было только промчаться с десятков метров, а там — проспект, толпа народа. Да еще рядом автобусная остановка, всегда можно вскочить в автобус и оставить преследователей с носом. И это справедливо, потому что Сашка стайер, а я — спринтер.

— Встретимся на нашем месте! — донесся до меня Сашкин крик.

Я миновал подворотню, смешался с толпой, оглянулся и понял, что они выбрали Сашку. Но бегал он будь здоров, так что я не особо волновался. Отдыхался и пошел на наше место.

Наши с Сашкой дома разделял один двор. В середине его была детская площадка, а там — теремок на горке. В этом теремке мы и встречались с первого класса. И вместе шли в школу. Или гулять.

Я ждал полчаса. Потом позвонил Сашке на мобильник, но он не ответил. Тогда я заволновался и пошел к нему, но дверь в подъезд мне тоже никто не открыл. И я вернулся домой.

Мама вышла в прихожую меня встречать, и я сразу увидел, что у нее заплаканные глаза. Перетрусил: что случилось, из школы, что ли, успели позвонить? А она крепко обняла меня и прошептала:

— Дениска, родной. Случилась большая беда. Саша попал под машину.

— Да ты что! — ахнул я. — Он в больнице?

— Нет.

— А, дома, — я сразу успокоился, значит, ничего серьезного. — Можно я к нему сбегаю?

— Нет, — сказала мама. И еще крепче прижала меня к себе.

— Почему? — я вырвался из ее объятий, попятился к двери. Но мама крепко схватила меня за рукав куртки:

— Денис, стой. Не надо никуда бежать. Саши больше нет.

Я до сих пор не могу простить мать за эти слова. Почему нельзя было сказать как-то иначе? А эта фраза постоянно звучала в моих ушах, и когда ночью я закрывал глаза, мне казалось, что она написана на изнанке моих век.

Мама с распухшими глазами выскочила в прихожую, ничего не спросила, только схватила меня за плечи. А я чуть не умер от страха. Все как неделю назад!

— Что случилось?! — заорал я. — Где папа?!

— Ты что, успокойся, все нормально, — встряхнула меня мама. — Просто... Нужно было нам все рассказать.

— О чем?

И тут из кухни вышла тетя Ира, Сашина мама. Она не была заплаканной, просто какой то желтой и очень худой.

— Дениска, ты не бойся моего мужа, — сказала она. — Он ничего плохого тебе не сделает.

— Я и не боюсь...

— Я совсем с ним не справляюсь. Нужно держать его дома, из школы уже звонили. А сегодня он прибежал такой встревоженный, стал говорить про деньги, про тебя. И я сразу пошла к вам.

— А что с ним случилось? — спросил

я, ощутив, что со мной разговаривают как со взрослым, значит, можно задавать любые вопросы.

— Врачи говорят, временное помутнение. До похорон он был нормальный, обо всем договаривался, ругался. А потом исчез. Вернулся уже после поминок, без машины, странный. Стал спрашивать: где папа, когда придет? Я и смекнула, что он не в себе. Так и Санечка каждый вечер ко мне приставал.

— Он все знает про меня, — сказал я. — И что мы у репетиторши проходим, и про флэшку. Я не понимаю...

— Да ведь Санечка все ему рассказывал, — перебила меня тетя Ира. — Мог за полночь вылезти из постели, пока отец ужинает, все крутился вокруг него, говорил, говорил. А у того одна работа на уме. И с флэшкой этой ужасно получилось: сам ведь сказал, что подарить тебе на день рождения. А когда накануне дня рождения Санечка снова спросил про флэшку, отец еще и накричал на него, мол, не лезь со всякой ерундой. Саша после этого замкнулся, перестал об отце даже спрашивать.

Моя мама в очередной раз вытерла слезы, потом спросила:

— Денис, а что за история с деньгами?

Я коротко, по-взрослому, рассказал, как было дело. Мама покачала головой:

— Ну почему ты нам не сказал, дурачок? Мы бы помогли в тот же день. Я сейчас же позвоню папе, он привезет деньги.

— Не надо, — тут же вмешалась тетя Ира. — Я сама дам мужу нужную сумму из наших сбережений.

Потом я ушел в свою комнату, а они еще долго сидели на кухне. А я был весь какой-то пустой снаружи внутри (???), и даже обед и две чашки чая мне совсем не помогли.

На следующее утро я спешил с утра на наше с Сашкой место встречи, и сердце скакало в груди, как сумасшедшее. Теперь, когда я все знал, как общаться с ним? Волновал и вопрос с деньгами — их ведь по любому надо отдавать.

Александр Ильич уже был на месте, заполнял собой весь малышковый домик. Лицо его сияло.

— Все в порядке! — крикнул он, едва увидев меня на пороге. И помахал в воздухе солидной пачкой денег. — Достал! Отец дал — оставил утром на столе.

— Здорово! — обрадовался я.

— Теперь надо подумать: как отдавать-то будем?

— А что за проблема? — не понял я. — Карлову и отдадим.

— Нет, надо так отдать, чтобы свидетели были. А то ведь он такой гнилой чертяка — потом еще скажет, что никаких денег в глаза не видел.

Я задумался — да, стоило подстраховаться. И тут же мелькнула идея.

— В столовой, на перемене, — предложил я. — Там всегда полно народа.

— Но только так, чтобы препода не заметили, — дополнил Александр Ильич. — А то будут потом приставать: что за деньги, откуда взяли?

— Да они раньше большой перемены в столовку не суются!

— Точно. Ну, пошли! — и он решительно полез на карачках вон из домика.

— Куда? — растерялся я.

— Здрате, куда! Да в школу!

— Но вам... Тебе куда нельзя...

— Это почему еще? — он смотрел на меня такими изумленными глазами, что я не выдержал, махнул рукой и сказал:

— Ладно, двинули.

Конечно, мы подошли к школе с тыла. Я толкнул дверь черного хода —

она тут же легко приоткрылась. Мы один за другим привычно шмыгнули в шкаф, такой большой, что разместились в нем без труда. Потом я скомандовал:

— Ты подожди здесь, а я все проверю. А то вдруг Карлов в раздевалке сторожит? Сразу начнет трясти, докажи потом, что отдали все до копейки.

Я бесшумно промчался по темному коридору, шмыгнул в раздевалку, осмотрелся. Все чисто, только малышня возится в своем уголке. Затем я проверил второй вход в раздевалку и холл, и тут меня ждал неприятный сюрприз. Охранник, которому вообще-то полагаются сидеть у дверей, почему-то покинул свой пост и стоял теперь так, что мог видеть и вход в школу, и дверь раздевалки, и лестницу. А это означало, что Александру Ильичу мимо него ну никак не проскочить.

Я наблюдал за охранником до самого звонка на урок. Он даже не шелохнулся, только головой крутил как заведенный: пытался ничего не упустить. Когда холл совсем опустел, я вернулся за мужчиной, который уже вылез из шкафа и беспокойно топтался в темном коридорчике.

— Пошли в раздевалку, — прошептал я. — Ты спрячешься, а я кое-что сделаю. Когда крикну, беги наверх, к классам.

В раздевалке и прятаться не пришлось — там никого не было. Я же тем временем через тайный вход выскользнул из школы, обежал ее, ворвался с главного и бросился к охраннику, вопя как можно отчаянней:

— Дяденька охранник, там у входа та-акая драка!

Охранник, конечно, тут же бросился к выходу, а я крикнул:

— Давай!

И Александр Ильич очень даже быстро промчался мимо меня.

Но это была еще только первая часть всех препятствий. Нужно было как-то попасть на урок, а я не до конца представлял, как это можно сделать. Правда, первым уроком был английский, а с нашей Марьяной можно договориться. Вот только сама бы она не струсил.

И вот, вместо того, чтобы с виноватым видом заползти в класс, я просто сунул в дверную щель голову и сказал:

— Мария Яновна, можно вас на минуточку?

Класс захихикал, а Марьяна сразу вышла и даже дверь за собой прикрыла:

— Что случилось, Денис? Тебя за мной послали?

И тут она увидела Александра Ильича и замерла с открытым ртом. Зато я быстро заговорил:

— Мария Яновна, разрешите ему побыть на уроке! Только один разок! Это нужно, правда, очень нужно! Один урок, а потом он уйдет!

Классная сделала шаг прочь от класса. Я испугался и заголосил:

— Только не зовите директора! Мы уже уходим!

Но она просто оглядела пустой зал, а потом краешком рта скомандовала:

— Ладно, на свои места, живо!

В классе, конечно, начался шум, когда мы вошли. Но Марьяна живо все пересекла — иногда она бывает очень убедительной. Мы быстро заняли свои места, я вытащил из портфеля тетрадку и вырвал листок для Александра Ильича. А потом до самого звонка классная объясняла новую тему. Я записывал на автомате, потому что волновался о том, что будет на перемене. Наверно, впервые в жизни мне хотелось, чтобы урок длился как можно дольше. И еще: когда я закрывал глаза, мне казалось, что Сашка снова сидит рядом со мной. И это было так здорово!

Но звонок все же прозвенел. Ребята тарасились на нас, но спросить никто ничего так и не решился. Я быстро собрал вещи и потащил Александра Ильича за собой. По пути кивнул классной: типа, мы уходим, не волнуйтесь. И спасибо.

Карлов с компанией уже торчали в столовке: сидели в дальнем углу и жевали пирожки. Рядом за столиком — целая компания ребят из одиннадцатых. Я подошел к столу, вынул деньги, поднял их над головой и громко сказал:

— Вот, возвращаю долг за телефон.

Карлов поднял на меня глаза, усмехнулся, потом выхватил деньги из моих рук и сунул в карман.

— Ладно, свободен, мелкий!

Но тут на первый план выдвинулся Александр Ильич, громко произнес:

— Нет, так не пойдет. Пересчитай и скажи при всех, что мы в расчете!

Тут они повскакали из-за стола, и дружок Карлова завопил:

— Опять этот псих пожаловал! Хватайте его — и к директору!

Мы бросились бежать. Пробились сквозь очередь, выскочили наружу. Александру Ильичу удалось очень ловко опрокинуть на бегу стоящую у стены стремянку и заблокировать выход из столовой. На повороте я краем глаза заметил, что там уже образовалась куча мала.

Бок о бок мы неслись по коридору к выходу из школы.

— Рядом с постом сбрасывай ход! — на бегу, тяжело дыша, велел мне Александр Ильич. — Чтобы охранник не привязался.

Я кивнул головой. Была надежда, что компанию Карлова охранник попросту не выпустит из школы, начнет выяснять, куда собрались. А к нам не придерется: я ведь со взрослым. Разве что удивится, что мы без курток.

Но тут рядом с постом охраны я увидел нашу историчку. Кажется, она только что вошла в школу. При виде нас она сначала выкачала выкатила (???) свои глаза, а потом завизжала:

— Что происходит?! Охранник, задержите этого мужчину.

Но охранника от нас отделял стол, а от его растопыренной пятерни Александр Ильичу ловко увернулся. И мы вылетели в школьный двор.

— Давай ты через подворотню, а я — через... — прохрипел Александр Ильич.

— Не-е-ет! — завопил я, схватил его за руку и поволок за собой.

Мы пробежали подворотню, увидели автобус и влетели в него прямо на ходу.

Первые минуты две мы только бурно дышали и даже не поглядели, есть ли за нами погоня. Какая разница, если теперь мы в безопасности. Потом к нам подошла кондукторша и потребовала деньги за проезд.

Александр Ильич вывернул карманы своих заляпанных грязью брюк и вопросительно глянул на меня. Я уже собирался достать деньги и проездной, когда сообразил, что все это осталось в рюкзаке, а рюкзак — в столовой. И покраснел.

— Все понятно, — сказала кондукторша. — Чтобы на следующей остановке выметались из транспорта, позорники. Папаша с сыном, наверно? Семейка!

— Зачем вы так, — вступилась за нас какая-то девушка. — Мало ли какие у людей обстоятельства? Я могу за них заплатить.

— Не надо, — пробормотал я. — Мы все равно выходим.

— Пока вы застываетесь, вот такие и будут борзеть! — кондукторша ткнула пальцем в Александра Ильича, притихшего на сидении. Он никак не мог

отдышаться и разминал руками грудь.

— Какие «такие»? — возмутилась девушка.

— Такие вот. Сами не видите, что ли?

Тут, к счастью, мы уже подъехали к остановке. Я потянул Александра Ильича за рукав:

— Выходим... Сашка.

Но он даже не шевельнулся. А кондукторша уже надвигалась на нас с самым грозным видом.

— Я что, непонятно сказала? Видите, вот вы заступились, так они в момент обнаглели!

— Пойдем, Сашка, пойдем! — я тянул уже изо всех сил. И плечом отталкивал кондукторшу.

И вдруг та самая девушка закричала:

— Посмотрите, ему же плохо!

И схватилась за свой мобильник.

В приемный покой за мной приехали отец и мама. И стали уговаривать вернуться домой.

— Он в реанимации, туда все равно не пускают, — твердила мама.

— А тетю Иру пустили!

— Так ведь она его жена. Родственникам можно.

— Ну, и меня тоже пустят.

Родители махнули на меня рукой. И тут в конце коридора показалась тетя

Ира с красными глазами. Она подошла ко мне, обняла за плечи и шепнула в самое ухо:

— Ты можешь зайти к нему на минутку. Я договорилась. Вот, халат накинь.

Она проводила меня до нужной двери. Я зашел, огляделся и увидел Александра Ильича. Он лежал весь обмотанный какими-то проводками и улыбался мне. А когда я подошел, поднял руку и погладил меня по голове. И я сразу понял, что он перестал быть Сашкой, потому что тот гладить меня по голове уж точно бы не стал.

— Когда вас отпустят, Александр Ильич? — спросил я.

— Называй меня Сашкой, — попросил он. — А выпустят скоро — на следующей неделе.

— Я вас буду навещать.

Он поморщился:

— Да брось, не надо. Нечего тут делать. Слушай, а ты на следующий английский к репетитору пойдешь?

— А куда я денусь? Но только через две недели, после каникул.

— Здорово, а я как раз оклемаюсь. Встретимся во дворе. Принесу тебе перевод. Договорились?

— Ага, — сказал я. — Я тебя дождусь. Спасибо, Сашка, сочтемся!

Стас Иванович, уже изрядно захмелев, выбрался наконец на свежий воздух — отдышаться. Тут-то его и настиг Савенков:

— Ну, здравствуй, что ли, капитан! Окружили тебя черты сухопутные, не подойти, не пообщаться!

— Привет, Игорь, — улыбнулся в ответ Бальчукас, — сам-то себя еще сухопутным не считаешь?

— Добью институт — вернусь, Стас Иванович. Возьмешь снова, или тебе слишком грамотные не нужны?

— Так грамота грамоте рознь, Игорек. Я вот и со средней мореходкой не худший капитан по базе, а кому и три института не помогут рыбку ловить.

— Не прибедайся, Иваныч, одним из лучших тебя считают...

— Ой, Игорек, — засмеялся Бальчукас, — как тебя жизнь береговая развратила: комплименты отвешиваешь, будто даме! Можешь не напрягаться, я и так знаю, чего выведать хочешь: откуда план, так? Поделюсь, Дмитрич, с тобой — поделюсь. Только между нами, не выдавай старика.

Бальчукас прищурился, улыбнулся заходящему солнцу, оно ответно блеснуло на потускневшем золоте капитанских погон.

— Знаешь, Игорек, иногда, чтобы выиграть партию, надо пожертвовать фигурой, — как-то не совсем в тему начал капитан, — гамбитом это называется.

Савенков вопросительно молчал.

— Почему, спросишь, у меня улов больше? Так я соцсоревнование на свой манер устроил с премией в конце каждой смены. Кто больше наловил, тому бутылка водки. Ребята сами учетчиков назначали, чтоб без обману...

— Постой-постой... Это ж... — Савенков зашевелил губами, подсчитывая. — Три ящика? Откуда?..

— Ну вы же сами загрузили мне для консула в Аргентине, Дмитрич.

— Ё-ё!.. Ты эту водку?.. Иваныч, ты знаешь, чей он родственник? — глазами показал куда-то вверх Савенков.

— Знаю. Да ты не беспокойся, встречался я с ним, когда заходили на отдых. Кстати, нормальный мужик, хоть и родственник, — тоже показал в небо глазами Бальчукас. — Хотел я откупиться, виски ему предлагал, да он руками замахал: мол, водки для дела не жалко, а виски я себе и сам могу купить, ты мне лучше подари штурвал на память.

— И?..

— Что «И»? — засмеялся Стас Иванович. — Снял я для него штурвал с аварийного привода, да в придачу подарил ракетницу сигнальную и ящик фальшфейеров. Пусть салютует на здоровье!

*джаггер — разновидность блесны, напоминает яркий поплавок с шарнирно закрепленными по периметру в несколько рядов крючками, до 40 штук.

МОЙ ГЕРОЙ (ИЛИ ГОРКИ С ТРАМПЛИНАМИ)

Анна Калинина-Забывовская

Несомненно, он был Героем. Гордая осанка, добрый взгляд серых внимательных глаз, неизменная фуражка с черным козырьком и шинель с погонами военнослужащего ракетно зенитных войск. На 9 мая — два ряда сверкающих медалей на парадном кителе. Друзья — такие же военные, как и он, торжественно и с явным удовольствием подающие ему руку для рукопожатия, стоят рядом в колонне...

...Потом они приходили, особенно Саша и Петр — они были самыми близкими, играли по несколько шахматных партий, соревнуясь друг с другом в возможности побыть с ним рядом, назначить ближайшую вылазку на озеро с неременным условием поймать щуку, шуточно обсудить его очередную победу в очередном домашнем турнире, и рассматривали фотографии в семейном альбоме, его самого, такого веселого и некурящего, неизменно восклицая: «Юрка! Да ты — вылитый Гагарин! Не снимай фуражку, так вас вообще отличить невозможно! Улыбнись только, когда смотришь на Лиду!»

Когда был молодой, был заядлым шахматистом, грибником, рыбаком, лыжником, летом — футболистом, зимой — хоккеистом. Армия дисциплинирует дух и задает высокие нормы физического состояния естественным порядком. Чтобы встать на лыжи, не надо себя напрягать, надо просто в выходной не валяться утром в постели, а, вычистив заранее свои армейские сапоги до блеска, надеть просторный свитер, связанный женой, с узорами на тему северного сияния и высоким воротом, и смазать лыжи такой специ-

альной ваксой, которая пахнет потом долго новогодней елкой на всю квартиру. Взять с собой дочку, предварительно спросив: «Ну, куда сегодня пойдем: на лыжню или на горки?»

«На горки!», — неизменно ответит ему белобрысая вертушка. Тем более, что горки были с трамплинами — это интересно. Эта тархтелка с жидкими косичками ни минуты не может устоять на месте и тем более усидеть. Третий класс, а болтает безумолку! И летающие тарелки ее интересуют (прошлым летом, говорит, видела воронку за городком, в поле, ну точно от такой тарелки: трава по окружности как выжжена, и земляника там не растет), и устройство цветного телевизора (это, говорит, невозможно нормальному человеку разобраться, какие там проводочки правильные, а какие можно обрезать!), и пластилиновый Чебурашка из мультиков — она песню про него, «безымянного и странного», уже умеет играть на пианино двумя руками! Она надевает лыжный комбинезон, ежеминутно подпрыгивая, и даже ботинки завязывает, пританцовывая. Ну, как ее не взять с собой, чтобы наконец обеспечить остальным домочадцам тишину и покой?..

Она потом ломала лыжи — частенько не вписывалась в траекторию полета, приземлялась на мягкую точку, которую можно было назвать мягкой лишь с большой натяжкой. Ковыляла тогда домой с лыжами наперевес по заснеженному лесу, а это совсем не близко, ибо городок их военный находился буквально в лесу. Все три дома, стоящие буквой «П», со всех сторон

были окружены елями и другими зелеными насаждениями разнообразной формы, чтобы скрывать от возможного противника и трехэтажные дома старой крепкой кирпичной кладки, и сараи для бытовых нужд с обязательной горкой поленьев для растопки титанов (горячей воды, естественно, не было), и даже детские качели-лодочки и лесенку-ракету посередине этого военно-лесного царства. А лес был самый что ни на есть настоящий, не городской парк с зоной культурного отдыха. Тут не только белки с зайцами водились, но и медведи, говорят, иногда выходили на тропу, если им по какой-то причине надоело валяться в берложей постели по утрам. Им тоже хочется впечатлений!

Но он, Юрка, все равно шел далеко в лес и брал девчужку с собой. Этот сценарий был основной и неизменной деталью их семейного воскресного отдыха. Остальные члены семьи по какой-то причине неизменно отлынивали, кое-кто по уважительной...

Он любил своих детей безумно. Обоих — младшего сыночка и дочку. Нет, он никогда не сюсюкал с ними, не тискал и не давал послаблений. Обещали сложить елочные игрушки по коробкам — будьте любезны, выполняйте. Можно без секундомера, но и без повторного напоминания, будьте любезны. Он просто всегда и своевременно делал для них то, что нужно.

Дочка, обожающая все виды зимних спортивных развлечений, просила коньки, но их не было в продаже в близлежащих магазинах. Надо искать, ехать в город. Интернета не было — никто не подскажет оптимальный маршрут для скоростного решения вопроса. Но коньки у нее обязательно появлялись как по мановению волшебной палочки. И велосипед, и школьная доска (настоящая коричневая школь-

ная доска — его маленькая пианистка любила «играть в учительницу»), только уменьшенная, с подставочкой для мела. Рассадит она своих кукол (и кошку Дарку туда же, в игрушечное креслице — пусть привыкает к дисциплине), ручки на коленочках, указку в руку, и давай вызывать к доске по списку. Дверь к себе закроет — не мешайте, говорит, у меня уроки. Строгая «учительница»! Каждому дневник завела, малюсенькие тетрадочки в клеточку, домашние задания за них делала, оценки в специальный журнальчик выставляла — и не лень ведь было, вот смешная! Но папе Юре так радостно было замечать ее любознательность, подвижность, похоть на него, если смотреть сбоку... Это потрясюще, как природа копирует, воспроизводит такие тончайшие нюансы в таком маленьком человечке!

С сыном надо было заняться настольным хоккеем, доктор сказал — это развивает, помогает, восстанавливает. Надо починить ему самокат и купить новый ранец — из самого легкого материала найти, чтобы не травмировал спину. А времени у него для этого было катастрофически мало. Сначала он учился на заочном отделении политехнического института параллельно со службой в гарнизоне. В военную академию его не взяли по состоянию здоровья: с ушами что-то там — повредил в детстве, ныряя с мостков. Забраковали. Он не сдался — пошел в обход, ибо высшее образование считал для себя обязательным. «Нормальные герои всегда идут в обход!» — пели с экрана смешные бородатые человечки советских детских кинофильмов 70-х. Дочка радостно подпевала... Он обходил заданное препятствие долго, 10 лет — год шел за два, иначе никак не успеть. Дети — птенцы регулярно открывают свои клювики — просят есть. А чтобы

сдать зачет, надо от них оторваться, взять увольнительную, проехать в электричке до Ленинграда, час туда и час обратно, да на автобус успеть. Тут и лыжи не помогут. Потом, когда уже выучился, тоже времени не было — назначили командиром дивизиона. Придет домой после службы, только ложку ко рту поднесет — сирена! Боевая тревога — надо бежать, какой уж тут суп. Но какой бы ни был усталый, если детям нужна помощь в решении задач по физике или химии, или самолетик срочно смастерить задали, а у них не получается, отложит эту самую ложку и сядет с ними за учебники. Он был зенитчик — в самолетах и ракетах как раз очень даже понимал. И задачки щелкал, как орешки.

Сына любил особенной любовью — тот был большим мальчиком. Родился недоношенным — 1 кг 200 г живого веса, как это можно представить? Умещался на его ладони, только ручки с ножками свисали слабыми стебельками. Левая нога и рука были короче правой пары на несколько сантиметров. Какие уж тут лыжи... Выхаживали в роддоме под стеклянным колпаком первые два месяца. Потом нужны были ежедневные массажи, соленая морская вода и специальные ботинки с супинаторами. Это было главным, поэтому никакой новой мебели, никакой машины или шубы жене — все деньги уходило на Алешкино лечение. Какая морская вода под Гатчиной? Санаторий в Крыму на все лето. Алеша был послушным ласковым мальчиком, но уж очень худеньким, тихим, бледненьким, с постоянным немым вопросом в глазах: а где мама? Почему вокруг только другие дети, воспитатели? Я хочу, чтобы мама сидела на краешке моей кровати, читала на ночь книжки про добрых волшебников... Я не поеду больше на курорт, не хочу море, если опять надо

расставаться с домом, с мамой. И самолетики не хочу, и ракеты! Не хочу быть космонавтом. Хочу водить большой автобус — сидишь себе в отдельной кабинке, руль держишь, кнопки всякие нажимаешь, и автобус тебя слушается. А вокруг панорама снежного царства, домики деревенские, как игрушечные, и снегом запорошены, а в салоне у тебя — не пассажиры, нет. В салоне только мама, моя мама, которую я буду вить по кругу, сколько она ни пожелает!..

Да, он, Алешкин папа, не слетал в космос, хоть был как две капли воды похож на «того Юрия», носил погоны подполковника и точно такую же военную фуражку. Да, фамилия его была не Гагарин, хоть и тоже Юрий и практически ровесник, но он тоже был Герой. Почему? Во-первых, потому, что сначала была молодость — там все и началось. Началось, стремительно закончилось, а потом опять началось. «Уж лучше бы и не начиналось», — иногда думал Юрий не Гагарин, ведь нормальному человеку это все не выдержать без специальной подготовки. Видимо, специальная подготовка случилась глубоко до его рождения. Но все по порядку.

Молодость пришлось на послевоенные годы, как и у Гагарина. Она, родимая, практически сразу после выпуска из Нижегородского военного училища и распределения в Ленинградскую область, принесла огромное счастье и огромную боль — он оказался однолюбом. Однолюбом стоическим и окончательным. Как судьба ни подсказывала ему другие пути, он шел выбранной дорогой четким военным шагом.

...Он нашел свою судьбу за печкой, буквально. Пошел как-то на танцы в свободное от дежурства гарнизоне время и нашел там ее, Лиду. Она сидела в темном углу, сложив руки на коленках, не участвуя в процессе, с отрешен-

ным лицом с отсветами от непреходящей грусти и немножко от всполохов разгорающейся печки. Было холодно — зима, печка давала тепло и радость, хоть пожарники велели строго-на-строго не использовать, ведь клуб деревянный, мало ли что случится? Это была жесткая инструкция, но они нарушали. Инструкция инструкцией, а без печки зимой пропадешь. И Юрий сразу увидел, что лицо ее было такой невероятной красоты, что можно было умереть от потрясения прямо на месте, умереть и не встать! Молодые, они такие чувствительные! Даже военные. А ему надо было еще вернуться в гарнизон. Поэтому он немедленно пригласил ее на танец и больше уже не выпускал из поля зрения, держал «под прицелом».

Влюбился до умопомрачения, что называется. Повреждения в сознании происходили ежедневно и ежечасно. Чистит зубы утром, а в зеркале видит ее — Лиду, смеющуюся и распускающую свои изумительные волосы из косы в густую струящуюся копну, которая любого сведет с ума одним только цветом — белокурым, золотисто-волшебным. Волосы были потому еще волшебные, что мгновенно принимали любую заданную им форму. Закрутит она, сверкая глазками, локон на пальчик, отпустит — получаются великолепные кудри произвольной волной. С ума сойти! С какими бы проблемами ни засыпал вечером после несения служебной вахты, утром первая мысль о ней, Лидочке — девушке с точеной фигуркой, глазами цвета неба и маленькой балетной ножкой 34-го размера. Где она, хорошо ли спала, и о чем сейчас думает?.. Какое бы кино ни смотрел с друзьями по телевизору (просмотры были коллективными — не у всех были телевизоры, и не у всех отдельная комната в общежитии), в го-

лове пульсировало одно слово. Вернее, одно имя, самое прекрасное в мире, ее имя — Лида, Лидушка, Лидок... Везде: в голове, в сердце где-то справа, под гимнастеркой, в кончиках пальцев рук и ног, когда бежал на утреннюю пробежку. Это было наваждение, бесконечный круглосуточный коллапс. Так долго продолжаться не могло. И они очень скоро поженились.

Но и ее смех, ее дурашливое хорошее настроение, однако, тоже долго продолжаться не могли. Настроение делало крутые виражи по семь раз на дню. То смех, то слезы, он не успевал перестраиваться. Лида выросла в детском доме при живой матери. Это было невыносимо больно: знать, что мама где-то с кем-то пьет на кухне свежесваренный чай, держит за руки старшего брата Ваню, а она, Лида, целыми днями смотрит на тот поворот за изгибом дороги, откуда должна появиться мама и кинуться к дочери с объятиями. Она, Лида, отдаст за это все, что у нее есть — ту пластмассовую куклу с льняными волосами в красном сарафане (чудо просто! У некоторых девочек были тряпочные куклы со спичками вместо глаз, ушей и прочих кукольных принадлежностей, а ей бабушка какая-то, совсем седая, принесла неожиданно на утренник это сокровище (а потом выяснилось, что это ее, Лидочкина, настоящая бабушка)). Она отдаст блестящий, хоть и несколько облупленный, почти золотой обруч, который предназначался для ее, Лидиных, волос, но зачем он ей — ее обрили наголо, так удобнее для детдомовских. Отдаст все все, лишь бы мама скорей приехала за ней и забрала. Куда угодно, но забрала. Пусть будет холодно и голодно. Пусть отчим будет шпынять ее по каждому поводу, приставая с нравочениями и претензиями по списку. Пусть, она потерпит! Вытерпела же она эту пыт-

ку общим строем в столовую и туалет, терпит эту невозможную Люську, которая вечно хвастается, что ее папа был «главным по танкам» в войну, которая недавно наконец-то закончилась, а папа почему-то пропал... Выдержала эту новость о том, что она, Лида, никогда своего папу точно не увидит.

Собственно, она никогда и раньше его не видела. Потому что его расстреляли. Как «врага народа» в 1937 году, за несколько месяцев до Лидинового рождения. Только ее мама забеременела в конце лета, только осень постучалась в дверь своей мягкой бархатной лапкой, а Лида уже — сирота, а ее мать почти вдова в 30 с небольшим. Кто из них, расстрелянных, возвращался? Перед кем потом извинялись за «непоправимую ошибку»?..

Это был главный предмет их споров с мужем. Камень преткновения. Лида почти ежедневно плакала — за что, почему?! Вот если бы был сейчас жив мой папочка, он бы любил меня за двоих, уж сомневаться не приходится, я бы выучилась музыке, как когда-то мечталось! А так, что — сидеть всю жизнь в твоём гарнизоне среди трех сосен, кашу варить да деток кормить? Да и деток никаких она не хотела. «Ты что, не понимаешь, — кричала, краснея от праведного гнева, — я была служанкой вторую половину детства, когда бабушка все-таки взяла меня, а потом отдала работать в няньки, чтобы я не была нахлебницей! Какие дети, ты с ума сошел?! Я для себя теперь пожить хочу!»

Потом, после детского дома и нескольких лет, проведенных у бабушки на Дальнем востоке, вскоре после ее совершеннолетия, появилась мама. В первый раз. Ее настоящая родная мама. Но слушать сказки на ночь уже не хотелось — пришли другие времена. Лида считала: если виновата, попроси прощения. Но та посчитала, что про-

щение тут совершенно ни при чем, зато самое время взять дочери полную правную опеку над ней, уже почти старой и больной матерью. Мать показала Лиде старую черно-белую фотографию с обломанными краями, где смотрел на нее светлыми глазами молодой усатый красавец в португее и форменной военной фуражке, да выцветшую мятую вырезку из газеты. Там, в небольшой статье за 1935 год, было написано о нем — ее муже, Лидином отце. Он был красным командиром, талантливый — и пел, и рисовал, и командовал с одинаковым успехом. На газетной фотографии он был в окружении людей, и они были радостно обращены к нему своими благодарными улыбающимися лицами. Конечно, со страниц газетных полос все обычно улыбаются. Но тут был особенный случай — Лида это чувствовала восьмым запасным чувством. Или третьим глазом, который у мнительных и тонко организованных личностей спрятан где-то на середине лба. К тому же, в центре кадра был Он — ее отец, и он был строг и серьезен.

«Тогда ПОЧЕМУ?! — опять не понимала Лида, — если он был талантлив, был хорошим руководителем, если его любили люди, почему его убила собственная страна?!» Она не могла соединить в своем сознании такие кощунственные противоположности. А Юра отвечал: «Нет дыма без огня. Значит, был в чем-то виноват». А что еще мог ответить на это другой красный командир, партийный, выросший на тезисах в духе «Партия — наш рулевой!», когда целями и задачами партии в 50-е, 60-е, 70-е годы XX века было поднимать престиж страны, вести ее в мощной колонне с другими командирами, вперед, к светлому будущему, которое разглядел даже из космоса наш славный Юрий Гагарин? Что мог ответить он, который воспитывался и подпиты-

вался семьей, школой, друзьями, учителями, коллегами, толпой на улице и в телевизоре на предвоенных и послевоенных маниакально вопящих лозунгах: «Сталин — отец наш родной!» Что?! Виноват — отвечай. И это сразу же выводило ее из себя. Она вспыхивала мгновенно, как щепка из той печки. «У тебя были папа и мама, семья настоящая, ты никогда меня не поймешь!» И, разбив очередную тарелку, закрывалась одна в комнате на целый день. И плакала, смотря на заснеженную дорогу, ведущую к КПП, где был вход и выход из гарнизона...

Это терпеть было невозможно, каждый день терпеть. Невозможно нормально жить с таким количеством детских обид в сердце. Сердце тогда превращается в глыбу — камень, покрывший мхом. И никакие ванночки и обтирания не вернут этому камню сиянье и красоту. Есть, конечно, и драгоценные камни на свете. Но те, которые обросли плесенью, они другие. И через три года таких споров с криками они развелись. Юра остался служить в том самом гарнизоне под Ленинградом, а Лида укатила на Дальний Восток. К той самой бабушке, которая теперь уже и хотела, чтобы хоть кто-нибудь из «нахлебников» побыл бы рядом... Никто теперь не мешал Лиде рыдать, проклиная свое сиротство, Сталина и того же Юру, который имел за спиной хорошую дружную семью, благополучное детство (...а он якобы рос на булках с маслом?) под родительским крылом, обожающую его многочисленную родню и даже сестру, посылающую ему посылочки на праздники и просто так, без повода: вязаные собственноручно носочки, грибочки сушеные, тоже собственноручно, и даже банки солений и варений умудрялась переправлять периодически из Горького в Ленинград, невзирая на некоторое ворчание

ее молодого мужа и общие трудности с продуктами и со средствами связи в послевоенное время. Вот пусть они там все друг друга любят, холят и лелеют! А она, Лида, уйдет в сопки, спрячет там за серые гладкие камни свои истрадавшееся тело и душу, вдыхая часами в одиночестве живительную свежесть океанского бриза... Впрочем, душу разве можно спрятать? Она соткана из такого особенного материала, который впитывает в себя, как губка, все печали и горести. А о том, что душа Юрия, ее мужа, тоже соткана из чего-то такого нежнейшего, хотя и прочного на первый взгляд, она не задумывалась. О том, что не одна она, а вся страна хлебнула в те годы горя сполна — это ее не касалось. Она не смогла получить нормального музыкального образования — вот что ее терзало. Одиночество — спасение, одиночество — пытка. Хорошо, сейчас она спряталась за сопками, а дальше что?! Что потом? Что там за этими сопками, а она ведь еще такая молодая?..

А тут как раз Юрка прислал письмо: «Как ты там?» (без имени и всяких ласковых прозвищ, разумеется). Но это можно простить, если он задал главные вопросы: «Хватает ли тебе денег на жизнь? Тепло ли ты одета? Есть ли рукавички? Если тебе на баяне учиться надо, пальчики должны быть теплыми и подвижными». Ага, конечно, откуда их хватает? 23 года — еще учиться и учиться, а бабушка такая старенькая, ее пенсия такая маленькая, и каждый день полы мыть музыкальными пальчиками приходится, и готовить, и перешивать старое — в чем же ей ходить, чем привлечь нового мужа? «Ну, муж пока не нашелся, Юрочка («Хотя женихи имеются!» — приврала она), зато тут есть культпросветучилище. В твоём же гарнизоне, ты же помнишь, нет ничего, кроме трех сосен, солдатской вонючей

столовой и котельной! А, может, я стану даже хоровым дирижером», — отчеканила ему имеющая неплохой голос и слух бывшая жена.

«Ну конечно, я понимаю, — вздохнул Юра, — сколько тебе надо в месяц? Я буду помогать». И добавлял: «Ты только не простужайся там. Если заболела, дыши над картошкой. Помнишь, как у нас всегда делала? А помнишь?..» И замолкал. И посылал, и помогал. Работал, считай, на нее. Самому так хотелось мотоцикл, матери новый приемник пообещал, но нет, главное, чтобы Лидушка там не мерзла, не маялась и не плакала. Любящая сестра ему звонила по междугородке, говорила: «Ты что, обалдел, Юрка? Радоваться надо, что избавился наконец от этой истерички! Что она там тебе наплела, что она из рода Меньшиковых? Ха-ха! Да слушай ты ее больше, она и матери своей толком не знает, и отца, а все туда же в придворную свиту метит?! Сквородки мы неправильно, видите ли, чистим! Вот и пусть идет в посудомойки, чистит хоть до посинения! Не нужны нам такие «принцессы на горошине», вон у нас сколько подходящих нормальных невест для тебя, такого молодого и достойного! Выбирай не хочу».

«Не хочу», — ответил Юра и закрыл эту тему в обсуждениях с родственниками навсегда. Впрочем, они все равно присылали ему соленья и варенья. Которые он не мог теперь есть. Одному ему неинтересно было накрывать на стол и что-то там пробовать. В столовке ему всегда порцию супа и каши дадут, а больше ему ничего и не надо... И полетели письма. Три года летели непрерывным потоком! Не скоростные электронные, нет, а настоящие, живые, теплые письма в сероватых конвертах с красно-синей окантовкой. Которые можно потрогать, понюхать, поставить на стол перед глазами, а то

и всплакнуть над ровными буквами такого до боли знакомого почерка... Письма летали самолетами «Аэрофлота» каждую неделю, а то и чаще. Через всю страну, почти через весь европейский континент — из Ленинграда на Дальний Восток, в Уссурийск. Юра не мог найти замену своей капризной красавице. Вернее, не хотел. Он с ней замучился, но он ее любил больше жизни — такую, какая она есть. Называл ее «маленький звереныш». Ему необходимо было ее защищать, кормить — можно даже с ложечки, если потребуется. Пусть она выучится на хорового дирижера, а потом вернется к нему. И придут гости в дом, и она как распушит свои струящиеся золотом локоны, как улыбнется, как споет — все гости хором скажут: «Как тебе повезло, Юрка! Ну и что, что не слетал в космос? Зато у тебя вон какая потрясающая Лида!»

...И через тысячу дней и ночей (как в сказке у Гоголя) он сел в поезд, проехал всего за шесть дней эти всего-то 10000 км и забрал свою Лиду обратно в свою лесную епархию. Тогда, в 1965 году, он еще не был командиром целого дивизиона. Он был всего лишь лейтенантом, делящим одну комнату в общежитии с другими холостяками. Лиду же привез практически в хоромы — в отдельную комнату. Если ты Принцесса, негоже тебе жить в закутке за ширмочкой общей комнаты на шесть человек!.. И только после этого родилась я. Потому что Юра и Лида — это мои папа и мама.

Я только спустя три десятилетия (10 000 дней и ночей!) осознала, что ее детское послевоенное сиротство искалечило ее хрупкую психику настолько, что ей необходимо было на ком-то «отыграться». Тем более что была она прирожденной артисткой. Она должна была сыграть не роль маленькой, в ко-

торый уже раз брошенной девочки, а той самой матери, которая царственно правит ситуацией — приехать или не приехать, забрать ребенка или не забирать. И именно поэтому в дошкольном возрасте я точно так же смотрела из окна круглосуточного детского садика с обшарпанным подоконником на такую же скучную дорогу с поворотом налево, ненавидя эту шпану вокруг и злых воспитательниц, которые не давали во время тихого часа пойти в туалет. И я плакала от бессилия и обиды под одеялом... Мама, мама...

Папа Юра погиб 9 мая 1990 года. Утром он надевал свой парадный китель с позвякивающими в такт ходьбы медалями за служебные и общечеловеческие заслуги, улыбался ясному майскому солнышку, первым клейким зеленым листочком, воробьям, этим шумным и бестолковыми маленьким хулиганам, и праздничным огромным транспарантам, радующим глаз, был с друзьями и коллегами на демонстрации, вышагивал со всеми в парадной колонне. А после, около 9 вечера этого же дня, попал под колеса слишком быстро проезжавшего мимо транспорта — это только догадки. Виновные не обнаружили. Нашли его под утро с разбитой головой, на обочине проселочной дороги...

Вечером этого 9 мая мы с мужем поехали в Парк Победы смотреть салют. Тогда, в 1990-м, он еще был ленинградским. Мы жили в городе Великого Ленина и Великой революции. Я взирала на эти военные пушки, делающие такие мощные торжественные залпы для ликующей толпы, и думала: «Боже мой! Боже мой, как страшно!..» Почему?! Почему я испытывала в ту минуту такой вселенский ужас?! Не было никакой угрозы войны, голода или разрухи. Впрочем, нет... На следующий, 1991, год случился тот августовский путч,

когда Михаил Горбачев лишился власти, и страна вступила в новую полосу испытаний. В этот год развалился Советский Союз. Папа Юра не смог спокойно пережить все эти катаклизмы. Получается, Бог забрал его неслучайно в тот теплый майский вечер?.. Но в тот вечер 9 мая у меня закипала кровь от ощущения неминуемо надвигающейся беды, как будто метеорита в космическом пространстве, разрастающегося на глазах до огромных устрашающих размеров! Я не осознавала предмета моего беспокойства. Я еще ничего не знала, но уже почувствовала... На следующий день, 10 мая, у нас были билеты в Кировский оперный театр. Но как только я услышала в шесть утра этот пронзительный телефонный звонок из родительского дома, я мгновенно поняла, что «мой театр» накрылся. Возможно, навсегда. Невозможно было поверить: всего 53 года, ничем не болел, все так же выигрывал у всех в шахматы, не так давно демобилизовался...

Долгие годы потом я себя корила, что не оказалась с ним тем вечером 9 мая за праздничным столом. А он после демонстрации не захотел, видимо, оставаться с Лидой. Петр с Сашей пригласили на рыбалку, Юрий радостно согласился. Сидели втроем на озере хорошей мужской компанией. Вернее, впятером — жены его друзей охотно делили с мужьями их рыбацкий досуг, только Юрина жена не приветствовала... Саша так уговаривал его остаться у них за городом ночевать, но папа не согласился. И он поехал обратно один, на мотоцикле, но живым домой уже не вернулся...

А Лида так и не смогла простить свою маму. Я и раньше, и потом, много лет подряд, гораздо больше 1000 дней и ночей, говорила ей, уговаривала: «Мамочка, ты должна ее простить, обязательно. Она совсем не «злая колдунья»!

Она отдала тебя в детский дом в младенчестве не потому, что не любила, а потому, что хотела спасти. Убереечь от злой участи члена семьи репрессированного. Ты же знаешь, — убеждала я ее, — сколько деток погибли вместе с родителями, или от них отказывались другие родственники, или даже жены отрекались от мужей, мужья от жен, — этот список можно перечислять долго! Ты же — счастливая, ты уцелела в этой чудовищной мясорубке, тебя наш папа Юра охранял лучше всякого ангела! Да, твоя мама вышла замуж второй раз, уехала с новым мужем подалее от того места, где был этот страшный Дом, эта тюрьма для маленьких зверенышей, оставшихся сиротами... Но не от тебя же!» Но она не верила, упрямо твердила одно: бросила, предала... Ее главный аргумент был: «А брат? У матери был еще и старший сын, Ваня. Почему она его растила, а меня — нет?! Почему он и сейчас не пускает меня на порог? Я его с днем рождения каждый август поздравляю, а он меня — ни разу?!»

Этих «почему» было слишком много. Мой детский, юношеский и даже зрелый впоследствии организм не справлялся с такими нагрузками. У меня поднималась температура после таких разговоров, я заболела. Но я так и не открыла ей секрет, от которого, вероятно, ей стало бы немного легче. Ее брата тоже, как выяснилось, с рождения растили чужие люди. Совершенно чужие, даже не родственники. Как так? Почему?! Еще не было репрессий в 20-х годах прошлого века! Я нигде не могла найти ответ на этот вопрос, он был за семью замками с гербовыми, похоже, печатями. Я не умела обращаться с реликвиями такого порядка. Но это все было потом.

...А тогда, в начале 60-х годов, поставившая мать Лиды, похоронив второго мужа, внезапно заболевшая раком же-

лудка, сначала пришла к сыну Ивану. Пришла к нему жить. Вернее, умирать. Сын не имел ни малейшего желания находиться с ней на одной территории. Имел все основания. Семья его поддерживала. Дочка имела те же основания и тоже не хотела ее принимать. И только мой Папа, не Гагарин, но тоже Юрий, сказал отчетливо и твердо: «Нет, ты не можешь закрыть перед ней дверь. Как бы ни была ты на нее обижена, и что бы она ни натворила в молодости, она — твоя мать. И она будет жить с нами». И таскал ее на спине в туалет, больную и беспомощную, когда не был на ночном дежурстве, ведь памперсов тогда еще не изобрели. И кормил с ложечки, потому что она ничего не могла взять в рот, доктор же сказал: «Кормите насильно», а Лида не могла — у нее поднималась температура от таких непростых, изматывающих жизненных сцен... У нас ее мать и умерла — сторела за три летних месяца. Так и не сказав ни «прости» дочке, ни «спасибо» зятю. Она не призналась никому в своих ошибках. Никто так и не узнал, что же на самом деле случилось в те страшные годы, когда оба ее ребенка оказались брошенными на выживание в этот бурный поток сталинского времени... Но это уже не так важно.

Важно, что мой папа поступил именно так. И он тоже никогда не признался мне, каких нечеловеческих усилий и душевных болей все это ему стоило. Так же как и в том, что мой младший брат Алексей был вовсе не его родной кровный сын...

Важно, что маминого отца, моего деда Георгия Антоновича, реабилитировали посмертно в середине 50-х годов. И дочь, и папа, и люди узнали: он не был врагом, это была одна из миллионов ошибок тех лет. Но!!! «Никто не забыт — ничто не забыто». В том числе и мой дед по фамилии ЗАБЫ-

ТОВСКИЙ. Справедливость восторжествовала.

Я пишу эти строки через 26 долгих лет после гибели моего отца, Юрия Константиновича Калинина. Я пишу поздней осенью, находясь в гостях, в республике Коми, в маленьком городе с историческим названием Печора. Все думали, теперь я еду на каникулы по пушкинским местам — в Печоры, а я закатилась неожиданно на север... Название «Печора» заставило вспомнить и о лермонтовском многострадальном Печорине... Нервические перепады настроения разве могут помочь военному человеку стать настоящим Героем?..

Так вот, в Печоре первое, что я увидела, уже закончив мои грустные воспоминания и отправившись на прогулку по заснеженному городку, — это огромный, во всю стену дома, портрет Юрия Гагарина, Героя самого настоящего! Совсем недавно его, этого пор-

трета, еще не было — мне доложили. Это даже не плакат, а настоящий живой яркий рисунок на стене школьной гимназии. Два года назад решили вспомнить заново великого русского первого космонавта. Тем более, главная магистраль города уже давно — проспект его имени.

Гагарин в фуражке и шинели улыбается своей замечательной улыбкой, а рядом, сверху, на рисунке — рельсы, ведущие в небо. А там... Я даже не поверила, потому что во времена гагаринской молодости утверждали, что БОГА НЕТ?! Нет и не может быть ничего, кроме атмосферы, спутников, малых и больших планет, а также невесомости в открытом космическом пространстве. А, оказывается, там... Стоит Церковь. Седого добродушного старичка Бога оттуда не видно. Но он именно там, я подсмотрела.

Где же еще ему быть?..

Маме

Ирма Пеннонен

Мама, мы с тобою попрощались
В марте, звёзды вешние
зажались...
Я с погоста шла и улыбалась,
А потом проплакала всю жизнь...
Мне хотелось ласково обняться,
Осветив твой новый горный путь,
Чтобы не боялась подниматься
И смогла на небе отдохнуть...
Лишь сейчас я поняла, как верно
Между мной и миром ты жила,
Защитив от подлости и скверны,
Столько доброй силы мне дала!

Вот стою, хоть гнут меня метели,
Отчий дом я подняла с нуля,
Сын и дочь так быстро повзрослели!
Им тобою завещана земля.
Помню, как любила песни слушать
И читать несмелые слова!
Подарила мне такую душу,
Что она лишь музыкой жива...
Мама, мы с тобой не расставались,
В каждой ноте чувствую тебя!
Я с погоста шла и улыбалась,
Ты же ветром тёплым прикасалась,
Снова защищая и любя...

ЧЁРНЫЙ ВСАДНИК

Вера Гроховская

Вокруге его боялись как огня. Ближе к обеду спрашивали друг у друга: «Был ли?» И опускали тревожно глаза. Но чаще всего спрашивать и не приходилось. После утренней дойки, ближе к одиннадцати, у какой-то избы поднимался шум: сначала громко кричал Тихон-косой и стучал в калитку бичом, не слезая со своего чёрного убогого конька, на котором, как ему казалось, он вихрем пронёсился по деревне, развозя почту. Потом заходила в плаче женщина, к ней иногда присоединялся чей-то тоненький голосок, а Тихон ловко вскакивал на своего Чёрта и, громко понукая, уже гнал его на конец села, к сельсовету, рядом с которым жил в немазаной избёнке. Вслед ему часто плевали, а отвернувшись, осеяли себя честным крестом: «Помилуй, Господи!» И конька, и почтальона многие не любили, судачили:

— Все на фронте, бабы да ребятишки в колхозе, а этот почитай что герой, с георгиевским крестом, а смотри, что выделывает, совсем умом подвинулся. Мать схоронил, не успел из огня-то вытащить, коня спас, а ее, горемычную, — нет..

— Да и где ему с одной-то рукой? На империстической, ты ж знаешь, сестричку спас, а ему руку не сберегли. Да и без хозяйки жизнь несладкое... Не в себе он после всего-то... Да ещё Чёрт этот душу тянет: никого не подпускает, кроме Тихона-то...

Конёк был без уха и с опалённым боком, но гонористый, беспокойный, ржал как-то тревожно тяжелым внутренним голосом, стоять на месте не мог, всегда нетерпеливо перебирал но-

гами, грыз удила. Всадник был ему под стать: излишне подвижен, невысок, головаст, немного горбат, хромоног, с большим рябым лицом и корявой ладошкой на левой руке. Правой руки вовсе не было: пустой рукав Тихон управлял за выдавший виды потертый ремень со всегда начищенной до блеска пряжкой с орлом.

Прискакав к калитке, Тихон спрыгивал с конька и, нервно и неуклюже прихрамывая, быстрее бежал в избу, оставив Чёрта во дворе, где тот наконец и сам успокаивался. Сняв ремень, отдышавшись, долго пил прямо из ведра воду, будто не мог напиться. Потом открывал рассохшуюся дверцу выдавшего виды буфета, доставал большую бутылку с мутноватой жидкостью, наливал, разбрызгивая её во все стороны, в стакан, быстро опрокидывал, и, закусив грязным рукавом, бросался в угол к образам.

Молился он долго, громко перечисляя имена, потом истово клал земные поклоны, ненадолго затихал, будто собирался с силами, и начинал заново молиться, сначала тихо, потом всё громче и громче выкрикивая имена. Потом он снова срывался, затихал, будто даже засыпал. И так до рассвета.

А на другом конце деревни так же, как Тихон, у старенького закопчённого образка Богородицы так же истово, но тихо, почти шёпотом, молилась статная красивая женщина. Сколько ей было лет, определить было трудно: высокая, солидная, а глаза выплуканные, неживые, прозрачные, будто и не её вовсе, чужие. Молилась она тихо, чтобы не разбудить мужа, спавшего на

широкой семейной кровати, свернувшись клубочком, отчего казавшегося маленьким. Рядом стоял деревянный потертый протез с широкими ремешками: вернулся с ним ещё с гражданской. Теперь вот в колхозе второй год председательствовал. Все знали, что раз раздаётся скрип и стук, это Дмитрий Иваныч идёт работу принимать: у него не забалуешь. Вставал он рано, долго собирался, что-то записывал: шутка ли, одни бабы да ребятня, а планы и отчёты на мужиков рассчитаны. Да где их взять-то? Всем селом почти сразу на фронт и отправились. Своих сыновей всех семерых проводили — старшему 35, а младшим по 23-то и было. Только фотокарточка и осталась, как прощались у военкомата. Она-то и стояла рядом с иконой, и о них, своих кровиночках, просила Васильевна. Ей тоже вставать рано: хозяйство свое какое-никакое, да колхозное — на ней все девчонки-малолетки, трудодни и зерно... Да разве уснешь: второй год никаких весточек с фронта! — Первое письмо о том, что всех в действующую часть отправили, получили. Младшеньких в одну часть забрали. И всё: жди-пожди... Другим этот полоумный Тихон уже несколько раз привёз письма и даже похоронки, а им всё нет... Не робкого десятка, да стала уже бояться этого Чёрта с его хозяином: не к ней ли? На работе в поле или на току только и забудется, а вечер придёт — и встают перед ней как один её сыночки один другого краше: высокие, крепкие, как дубки, русоволосые, вихрастые...

Уже чуть забрезжил рассвет, когда Прасковья Васильевна тихонько прилегла рядом с мужем, ещё раз перекрестившись: «Господи Иисусе Христе, помилуй моих сыночков: Петра, Андрея, Дмитрия, Николая, Василия, Павлушу, Константина...». Уже засы-

пая, с глубоким вздохом проговорила: «Надо к Арине с утра зайти, как она там, голубушка моя горемычная? И братьев всех проводила, и мужа, одна с семерыми-то мал мала меньше ведь бьётся...»

А Арина в это время у окна качала на руках хнычущего уже второй час Вовку:

— Угомон тебя возьми! Ну что ты не унимаешься, маленький мой? Зубки ли? Животик? Вон и бабушка Прасковья твоя прилегла уже, камелёк притушила. Ей ведь завтра с утра зерно готовить, а мне с девчонками пахать. Тебя-то с Любашей завтра оставлю до обеда. И ей дай поспать, радость моя!

Мать крепче прижимала сына, покачивала, ходила по комнатам туда-сюда, смотрела на остальных детей, кому-то поправляла одеяльце и тихо, тонко напевала почти шёпотом:

— А-а-а-а-а-а...

Когда годовалый Вовка наконец внял просьбам матери, она положила его в качающуюся люльку и почти без сил опустилась рядом на топчан, успела только перекреститься да спросила куда-то в угол:

— Где же ты, мой Афанасий? Ни одной весточки от тебя...

Проснулась она от стука в окно, вскочила, поняла, кто там. Мать и дочь обнялись, будто давно не виделись. Будто все за работой рядом, живут рядом, а словом обмолвиться и некогда: дел невпроворот, и поесть нечего и поспать некогда.

— Ну как ты, справляешься? Девчонки трактора-то освоили? Как посевную отстоим, и не знаю. Отец-то только и ночует дома, а душа-то вся там.

— Да мы, думаю, осилим. Танюшка наша и ремонтировать уже научилась, не только управлять. Толковая растёт, да и другие под стать. Мальчишек только вот нет, а десятилетние все на овчарне: то стригут, то прядут, то вя-

жут. К зиме всё приготовить на фронт надо: и носки, и шарфы. Мишка Черенков лучше тебя уже вязать научился — из носа вечно течёт, а туда же — бригадир! А вам зерна-то хватит?

— Посмотрим сегодня, достанем, увидим, всё ли сохранилось... Как спалось-то?

Вопрос повис в воздухе. Вовка опять захныкал, потом заревел, мать побежала к нему да будить старшеньких. Прасковья Васильевна разлила в кружки уже подостывшее молоко, положила сверху по ломтику чёрного хлеба, обняла подошедшую к ней растрёпанную проснувшуюся Таньку и поспешила на ток: ни зёрнышка нельзя потерять — всё для фронта, всё для победы. За зерно она да бабы-молодухи головой отвечают.

Пока шла до усадьбы колхоза, почувствовала, что её знобит. Да отмахнулась: одета тепло — просто не выпалась. Но внутри что-то смутно ворошилось: «Дмитрий Иваныч мой тоже сегодня какой-то смурной ушел: есть не стал, только долго цигаркой дымил?»

Бабы встретили шумом и шутками, разогревали себя перед работой, рассказывали, что у кого нового случилось. Потом работали споро, слаженно, каждое зернышко руками щупали, будто согревали. Такого зерна дома-то и не видели второй год. Прасковья Васильевна любовалась бабёнками: ладные, спорые, весёлые — хоть и без мужиков давно и всё больше вдовы да с кучей ребятни. За работой и не замети-

ла, как подъехал кто-то на коне. А когда прямо перед ней прыгнул со своего Чёрта неуклюжий Тихон, она даже вскрикнула. Бабы притихли. Громко поздоровавшись со всеми, Тихон полез в свою потрепанную сумку. Ещё не развернув треугольник, Прасковья Васильевна будто выдохнула, с усилием растягивая слово:

— Пёётр ...

А когда пробежала глазами по бумаге, запричитала: «Петрушааа! Петрушааа!», сдёрнула полшалок, будто ей жарко стало, и кинулась хлестать им Тихона и причитать. Тот, не зная что делать, стоял как вкопанный и позволял ей накричаться, а потом обхватил одной рукой, прижал к себе и долго держал, пока она не затихла у него на груди. Когда он отпустил её, Прасковья Васильевна опустила руки вдоль вытянутого в струнку туловища, подняла высоко голову и медленно пошла прочь от всех, в поле, волоча платок по земле.

Бабы заговорили, Тихон раздал ещё несколько писем, вскочил на Чёрта и понёсся что есть духу в другую сторону. Стали читать письма, послышался плач и радостные выкрики, всё вперемышку. О деле будто забыли. Из толпы вышла самая маленькая бесцветная бабёнка и громко, чтобы все услышали, сказала:

— Дождались... Их ведь у нее семеро... Кто Дмитрию Ивановичу и Аринке-то скажет?

Все переглянулись. А чёрный Чёрт всё скакал и скакал вдалеке...

Владимир Гамаль

Светлый образ

В мае к отцу на могилу приду,
На скамейку присяду устало.
Вспомним, батя, большую беду,
Что на юные плечи упала.

Стал я старше тебя, по годам перерос.
Теперь ты для меня как сыночек.
Помнишь, батя, всей жизни вопрос,
Что судьба, словно ниток клубочек.
Оборвалась та нить в том победном бою,
Треугольник письма, как надежда.
По тебе измеряю судьбу я свою,
Для меня ты в строю, как и прежде.

Ну а время спешит, новых дней череда.
И всё дальше от памятной даты.
Но пока я живу, в моём сердце всегда
Светлый образ простого солдата.

ПОЭТИЧЕСКОЙ СТРОКОЙ

*Вот они на портретах
с улыбками благопристойными.
Так что цельтесь в поэтов —
и вы попадете
в историю!*

Роберт Рождественский

Зоя Бобкова

В Рождество

В конце набоковского парка
Есть место гиблое, как смерть.
Здесь по легенде давней, яркой
Однажды провалилась твердь.

Шёл век тринадцатый. От шведов
Стонала Русская земля,
Не раз вставляли на смерть деды,
Чтоб защитить свои края.
И здесь, средь северных уделов,
Среди рождественской земли
Николы церковь голубела,
К ней тропки древние вели.

Звон колокольный цвёл в округе,
И пахарь борозду тянул,
И солнце шло привычным кругом.
Но... вдруг раздался страшный гул,
И на глазах всего народа
Ушла под землю церковь та,
Ушла, как бы ушла свобода,
Покой земной и красота.
И через день в пределы края
Вступила шведская нога.

... В крови по плечи утопая,
Изгнали русские врага.

* * *

На берегу форелевой реки,
Под Гатчиной старинной — не во сне ли? —
Столетиями сидели рыбаки,
А им прекрасные Жар-птицы пели
О том, что у форелевой реки
Не будет ни конца, ни края.

В вечернем небе звёзды-угольки
Вдруг вспыхнули, и солнце, догорая,
Лучи свои в форелевой реке
Омыло, и дневных забот не стало.

И только удочка у рыбака в руке
Дрожать не перестала.

Ирма Пеннонен

Размышления...

Застыла над тёмной планетой
Незримая стрелка весов,
Когда постучатся рассветы
В потухшие окна домов?
Почувствуйте трепетность мига:
Стоит чёрно-белый конвой.
Как капля, повисла интрига:
Куда поведёт за собой?
Полны подозрений и страхов
Бокалы судеб до краёв,
И гасит тревога с размахом
Спасительный свет маяков...
Кто дружен с надеждой несмелой,
Тот чёрному цвету не рад,
А СВЕТ, он становится белым
От верой зажжённых лампад...
Улыбками мир разукрасьте,
В сердцах поселите любовь,
И сдвинется в сторону счастья
Незримая стрелка весов!

Не проси у судьбы покоя

Не проси у судьбы покоя,
Пусть заставит тебя идти
Той запутанною тропкою,
Где непросто себя найти.
Будешь падать, но, поднимаясь,
Вновь и вновь понимать, что ты
Пусть пока не бутон, а завязь
В предвкушении красоты...
Не избалует жизнь дождями,
Что из тёплого неба льют,
Лишь, рассыпавшись жемчугами,
Слёзы на землю упадут.
В них вселенная отразится:
Колыбельная и погост,
Ты ж от бед оторвёшься птицей,
Запоёшь и взлетишь до звёзд!
Песня пусть отзовется эхом,
Станет прочным щитом от зла,
Не проси у судьбы успеха,
А проси для души тепла...
И чужого не жди примера
Среди суетных долгих дней!
Не проси у судьбы карьеры,
А проси у неё детей.
Будет солоно или сладко,
Ты друзей за стол созови,
Пусть желают тебе достатка,
У судьбы попроси любви!

Деревенские белые ночи

Деревенские белые ночи
Освещают небес фонари,
Словно юной красавицы очи,
Что от счастья горят до зари.

Не стихает в деревне работа,
Не уснуть, когда можно творить,
А гармоника ищет кого-то,
Чтобы сердце кому-то открыть.

И не прячут ночные покровы
Жарких губ поцелуй молодых,
И вздыхают нестарые вдовы,
И рождается проза и стих.

Засыпать даже солнце не хочет,
Торжествует небес белый пир.
Деревенские белые ночи —
Я влюблён в этот сказочный мир!

Благодатный свет

Простынею белой ослепляет снег.
Я от будней серых совершу побег,
Разорву я путы всех проблем-оков,
Окунусь в пустыню белых облаков.

Задышу свободой белых пустырей,
Радуясь погоде полноценных дней,
Радуясь метели, радуясь пурге,
Солнцу и морозу, жизненной дуге,

Круто изменившей проторенный путь,
И пускай немного, и пускай чуть-чуть.
Для души остывшей солнечный привет,
Как в конце туннеля благодатный свет.

* * * *

* * * *

Мышка, мышка, хитрая игрушка
На веранде солнечной моей,
Что коту шепнула ты на ушко?
С каждым днём становишься смелей.
То кусочек тыквы тащишь с пола,
То морковку за бок грызанёшь,
Нравится коту твоя крамола —
Наблюдает как довольный морж.
Знать, меж вами есть лукавый сговор,
Хоть глаза и глазки так ясны.
Я для вас — простой румяный повар,
Что кормить вас должен до весны.

Аист на стоге сена —
Ангел всея Руси,
Как часовой вселенной
На луговой оси.
Грудью, белей ромашки,
Входит в земной закат.
И троекратно машет:
Свят, свят, свят!

Ушанка

Собака старая — Ушанка,
Прозвали так её ветра,
Что дуют сипло и ужасно.
Собака ничьего двора.

То ляжет у корней берёзы,
Весенний впитывая луч,
То в человеческие слёзы
Не веря, отбегает прочь.

Давно оборвано доверье,
Истлел на шее поводок...
За что судьба пинала дверью?
И чей вослед летел сапог?

Скажу ей шёпотом: «Ушанка...»
Поднимет тусклые глаза...
Ей не нужна чужая жалость,
Но не жалеть её нельзя.

Евгений Докучаев

* * * *

Осени хочу

Если б за стихи платили золотом,
жемчуга б с алмазами текли,
я б нашёл единственное слово то,
что ценнее всех щедрот земли.

От него и звёзды зажигаются,
и не сходят с выбранных орбит.
То любовью божьей называется.
Это вот, попробуй-ка, купи.

Это сострадательное облако
утро обнимает, как роса.
Дай нам боги солнечного золота —
совестью в открытые глаза.

Птицы в осень летели.
Нас с собою не взяли.
Нам остались метели,
толщи снега — горстями.

И зачем этой болью
сердцу нужно томиться?
Остаётся в зимовье
только сильная птица.

Душу в лютую стужу
от мороза не прячет,
даже, если кустарник,
сердце вызнобив, плачет.

И такую же птицей
я нередко зимую,
чтоб сквозь боли влюбиться
в эту сказку земную.

* * *

Тепло нам вспомнится. Придёт апрель.
Затихнут улицы, услышав трель.
И занавесками уже не скрыть,
как солнце режется волною: «Жить!»
Как птица-умница кроит гнездо,
день нарисует нам за горизонт.
Лучи продолжены, они текут.
Любовь тревожная. Но все так ждут!
Любовь возвратная. Она легка,
как птица в радужном под облака.
Пройду по улице ещё чуть-чуть.
А счастье жмурится — тепла хочу!

А птица-умница кроит гнездо.
Как в мире суетном ей повезло
по миру странствовать и тут и там,
и петь во здравицу любым ветрам.

Евгения Корн

* * * *

* * * *

«Суди меня по Кодексу Любви»
Расул Гамзатов

Тихий шёпот трав и листьев,
Дремлет ветер на ветвях.
Август-серпень яркой кистью
Красит гроздь на кустах.
Разрумянилась калина...
Скромница. Склонясь к крыльцу,
Словно дева на смотринах,
Алый цвет ей так к лицу.
Золотым ковром пшеница...
Недалече у реки
Рожь шумит и колосится,
Меж колосьев васильки.
Август-серпень, Август поздний,
Ночь длиннее и темней.
Время ливней, ливней звездных,
Солнечных и спелых дней.

Зовут Любви чарующие звуки,
Играя на невидимой струне.
И вдохновения шальные муки
Огнем пылают в мерзлой тишине.
Не осуждай и не кори напрасно,
Не рви моей измученной души.
Она законам слова не подвластна
И презирает виртуальность лжи.
Не нарушая всех Святых Заветов,
Я стойко приняла неравный бой,
Не раздавая клятвенных обетов
И расправляя крылья за спиной.
Спешу на зов Любви и сердцем таю,
И капли слез на белый лист легли.
Лишь одному тебе я доверяю
Судить меня по Кодексу Любви.

* * *

Снова ночь проходит мимо.
Неизменностью своей
Гонит прочь неутомимо
Тягость суетливых дней.
Кружит за окном метелью,
Укрывая снегом двор.
Будто пишет акварелью,
Завораживая взор.
Проскользнёт в проем оконный
Белой тенью снеговой.
Словно странник утомленный,
Взглядом встретится со мной...

Осеннее настроение

День безветренный и чистый,
Небо — ясно-голубое.
Аромат осенних листьев
Не дает душе покоя.
Кружит сонм воспоминаний
Дней давно упавших в осень,
Долгим отзвуком признаний,
К берегам Любви уносит.

Осенние слезы

Наступили холода,
И на веточках березы,
В капельках дрожит вода,
Как о лете прошлом слёзы.

Синий зимний вечер

Синий зимний вечер,
В окнах дальний лес.
Снег какой-то грустный
Падает с небес.

Медленно кружится,
В свете фонаря.
Под платком пуховым
Спряталась земля.

На небе желтеет
Круглый глаз луны.
Смотрит отстранённо
Вниз со стороны.

Взгляд луны печален.
В грусть погружена.
Магией волшебной
З а м о р о ж е н а.

Закатно-розовое

Зоренька закатная. Розовые облаки.
Солнышко умаялось, прилегло в рогоз.
Горизонт, раскрашенный в огненные сполохи,
Рассекают молнии голубых стрекоз.

Меж кувшинок мечутся водомерки шустрые,
Ломаные линии чертят по воде.
Соловьи-соловушки, певуны искусные,
Разливают музыку в полутемноте.

Наплывают сумерки. Дали закумарились.
В воздухе всё явственней ландышей дурман.
С соловьями спорятся звонкие комарики.
В камышах рождается розовый туман.

Бруснично-пепельное

Август. Начинается страда.
Третья четверть северного лета.
В зеркало уснувшего пруда
Звёздочки глядятся до рассвета.

Словно на закате мошкара,
Блесточки роятся в спелом небе.
Август. Звездопадная пора.
Загадать желание успеть бы...

Очнитесь!

Бескрылые. Летите камнем вниз
И грезите, что вы большие птицы...
Полёт ваш бесконечно будет длиться...
Что с вами-то худого не случится...
Но лучше бы держались за карниз.

Безумные. Рассудку вопреки,
Приемлете за чистую монету
Всё то, чего в действительности нету.
И веруете свято интернету.
Очнитесь! Разобьётесь, дураки!

Юлия Лысанюк

Осень

Это — дерево, это — птица,
это — рыжее солнце кружится
в каждом листике, в каждой капле,
в каждой ниточке легкого платья.

Дождь ушёл по грибы, весёлый,
по промытым просёлкам и сёлам.
Я ушла вместе с ним сквозь осень,
я вернусь лишь в весеннюю просинь.

Не ищи, и не жди, и не надо
превращать меня в камень взглядом.
Я в апреле вернусь — с лукошком,
полным рыжиков и морошки.

Август

Упрямый. Тянешь в самую степь,
в травы, где ветер всю дурь вывевает,
где остаётся лишь умереть —
в радости быть тем, кто жизнь выпевает.

В голос, и в сердце, и в спелую рожь
песня твоя и моя улетает.
Август — для тех, кто бессмертен и вхож
в двери осеннего зыбкого рая.

Юрий Антонов

* * * *

Вода разливается, любит простор,
Течёт водопадами мощными с гор;
Даёт электричество и кислород,
Бурлит в животе у людей целый год.

Из речек течёт в океаны, моря,
Срывает порой с кораблей якоря;
Весёлые песни поёт красоте
И ищет свободу и радость в вине.

Взрывает плотины и тушит пожар,
На фермерском поле даёт урожай...
Бывает горячей, холодной, святой
И в небе сияет земною душой.

Я чай приготовлю из чистой воды
И смерти назло стану вновь молодым.

* * * *

Начищено небо до блеска, но кем?
У лета любовных достаточно тем!
Лишь к ночи включает компьютер луна —
Тогда вся вселенная сразу видна.

А днём на земле у нас много хлопот:
Работает чётко зелёный завод,
Цветы зацветают, деревья растут
И всё это солнца неистовый труд.

Совместно с планетой прекрасной Землёй,
Наполненной чистой, зеркальной водой,
И музыкой радостной, и красотой,
Чтоб мы прогулялись сегодня с тобой

По этим чудесным тропинкам мечты
И всё что искали так долго — нашли.

Грустно

С любовью к искреннему слову,
С нехитрым сердцем мужика
Иду от сложного к простому,
Как отхлебнув из родника.

Не обману, не приукрашу,
Стихом душевным отольюсь.
И тем, друзья, воздам за вашу
Незатишающую грусть,

Что не любилось — до безумья,
Не оторвалось — от земли,
Что дни и страхи, и раздумья
В обыкновенности текли.

Что немудрёными словами
Всё объяснялось без прикрас...
И этим я равняюсь с вами:
Мне тоже грустно в этот раз.

Кому ты нужен

Был много лет приличным мужем,
Теперь, порой, ворчит жена:
— Кому ты, совестливый, нужен?
Другие нынче времена.

— Тебе и детям. Разве мало?
А что до подлости людской,
Её во все века хватало,
Бывало даже, что с лихвой.
На беспардонных, ушлых, бойких
Не по нутру равняться мне.
Они, как мухи на помойке,
Довольны, сыты, но... в дерьме.
Но, лишь объявятся морозы,
От них ни духа, ни следа,
А те, кто скромн, как берёзы,
И есть Россия. Навсегда.

Надо разговаривать

Надо разговаривать друг с другом,
Не сгущать обид до немоты,
Хоть они, как пахарь землю плугом,
Сердце разрывают на пласты.

Все обиды, большей частью, мнимы.
От бессилья хочется молчать.
Сердце — плоть, и потому ранимо,
Но душе назначено прощать.

Немотою не достичь согласия,
От беды молчаньем не спастись.
Надо разговаривать для счастья,
А иначе — лучше разойтись.

Прелести Татчинской старины

Как прекрасны дворцы и поместья —
Это память седой старины.
От отцов нам достались в наследство,
Из далекой пришли глубины.

По соседству, как сестры, озера,
В них, как в зеркало, замки глядят.
Ну а в рощах — чудные узоры,
То дубы вековые стоят.

Ну а осенью, словно художник,
С огромной палитрой стоит.

И как будто шуточный волшебник
О чем-то с листвой говорит.

Здесь красные гроздья рябины
Повисли на тонких ветвях.
И листья склонившейся ивы
Видны в набежавших волнах.

Наши предки трудились на славу —
Есть о чем еще вспомнить и нам.
Но и нам надо тоже подумать,
Что оставим своим мы детям.

Заброшенные

Старинные замки стоят величаво.
Одеты все в мрамор и даже в гранит.
Колонны и шпили совсем неслучайно
Поднялись, как ели, и замок стоит.
В нем планы рождались.
В нем тайны витали,
В нем страсти
Бурлят и кипят.
Здесь принцы купались,
Здесь ведьмы летали,
Здесь рыцари страстно сражались —
Мечи и кольчуги висят.

И стены здесь слышали шепот,
Здесь тайны уснули и молчат.
И стены тут тайну уносят —
Сказать ничего не хотят!
Сейчас же все замки стоят, как скелеты —
Они разрушены до тла.
Теперь забыты все банкеты
И лишь в углу стоит метла.
Остались грязь и тени.
Куда девались удаль и азарт?
Что мы оставим нашим внукам?
Ведь мы, как «вражеский» десант.

Иван Радюкевич

* * *

Я вырос на реке.
И вот опять бреду
Вдоль красных берегов,
До боли мне знакомых.
Река, как встарь, течет
И все еще манит
Прозрачной глубиной
И холодом свинцовым.

Ее язык не прост —
Изменчив каждый миг:
То нежен, то суров,
Баюкающий скалы,
И старую сосну,
И отраженья их.
И, кажется, река
Нисколько не устала.

Я с нею говорю,
Я доверяю ей
Все то, что не скажу
Знакомому иль другу.
Она возьмет мою
Тревогу и печаль
И унесет с собой,
А жизнь бежит по кругу.

* * *

Бархат мартовской ночи,
Кольхание звезд,
И хрустит, что есть мочи,
В лужах вешних мороз.

А на бархатном небе,
Как в театре, на бис,
Золотые созвездья
Разом ярко зажглись.

И на льдинках хрустящих,
В предвкушеньи весны,
О тепле предстоящем
Грезят вешние сны.

Молчание снегов, безмолвие полей
Душе моей милей, чем шум и многолюдье.
От этой тишины и на сердце теплей,
И верится, как встарь, что мир красив и чуден.

Да что тут говорить, люблю я тишину,
Молчание дерев с их мудростью старинной,
В безмолвных небесах безмолвную луну
И молчаливых звезд ночные переливы.

И в этой тишине гораздо больше слов
О мире и судьбе, о жизни быстротечной,
Безмолвие полей, молчание снегов,
И таинство небес, и Путь далекий Млечный.

Валерий Штормовой

Майкову

Здесь когда-то бродил по лужайкам
Замечательный русский поэт
Аполлон Николаевич Майков,
Живший в Сиверской несколько лет.

Здесь писатель в ту давнюю пору
Храм на средства свои основал,
Вместе с ним и начальную школу
Для детей, и читательский зал.

Как прекрасно, что в этом поселке
Ныне памятник будет ему —
Человеку, который настолько
Сделал краше жизнь в нашем краю,

За его величавость творений,
Русь, воспетую в ярких стихах,
За всё то, что свершил здесь наш гений,
Чем поселок прославил в веках.

Большая Вода

Этюд на картину Левитана

Лес проснулся после спячки зимней
И, как все живое поутру,
Он спешит умыться водной синью,
Прежде чем надеть свою листву.

И весной природа в половодье
Щедро умывает все вокруг,
Покрывая все простором водным,
Всю усталость смоем, весь недуг.

Освежит, прибавит больше силы,
Больше жизни матушке-земле.
И, став чище, радостно-счастливо
Расцветет она во всей красе.

У ручья

Этюд на картину Пластова

Девчата после долгой трудной вспашки
Остановили трактор у ручья,
Решив передохнуть и искупаться
В прозрачных струях светлого ключа.

Спадают наземь потные одежки —
Вода манит, прохладна и чиста.
И пареньку с подъехавшей тележки
Открылась вдруг вся девичья краса.

Стоит забытый трактор среди поля,
Урчит дымком окутанный мотор.
А трактористки весело, привольно
Являют солнцу молодой задор.

Наталья Пунжина

Татшинская осень

Я пишу, не зажигая свет,
Отпускаю тихо строчки ввысь я.
Мой полупрозрачный силуэт
В законном тает закусилсье.

Органзы колыхнется крыло.
Мокрый снег —
В плену москитной сетки...
Столько вдохновенья намело
Тенью от качающейся ветки!

Небеса предутренние льют
На сады, на стынувшие тропы
Ледяной смородиновый брют
С капелькой кленового сиропа.

Сохранить пытаюсь неспроста
Послевкусье лета грозового:
Пустоту тетрадного листа
Напитало слово — снова, снова...

Если дни свеченья лишены,
Это ли великая утрата?
Но червонным золотом полны
Закрома глухого Приората.

Здесь в ночи не чванятся века,
Прикасаясь вечностью к озёрам.
И зима как будто далека,
Да кружит, незримая, пред взором.

Кажется, как будто вот она:
В миг один — размашисто и густо —
Сотни вёрст накроет пелена
Юбки, накрахмаленной до хруста.

День доверит шить воротнички
Белошвейке или златошвейке?
...И скрипят по снегу башмачки
Где-то на Карельском перешейке.

Александр Златкин

Старые фотографии

Стоят, молчат они, и славно держат строй,
Отец и дед, и все пропавшие без вести,
Плечом к плечу стоят и ждут рядами вместе,
И ждут меня они, а я еще живой.

Недолго ждать уже, я вдвое старше вас,
А вы, мальчишки сорок первого призыва,
Хоть вы давно и навсегда уже не живы,
Уйти навечно вам не дан еще приказ.

Как я хотел бы с вами встать, дополнить строй
И сделать все, что в трудный час я должен сделать,
И в жизни той нас ничего уж не разделит,
Хотя вы молоды, а я уже седой.

Вы были ранены, а я как-будто нет,
Но я такой же, как и вы, вы мне поверьте,
Осколки лжи, обмана след, вы шрам измерьте,
Не нюхал пороха, но знаю вкус побед.

И вкус борьбы, меня дождитесь, я прошу,
Я, как и вы, в бою приказа не нарушу,
И будут вместе в это время наши души,
И я, как вы, измены тоже не прощу.

Да, я всю жизнь мечтаю встать за вами в строй,
Отец и дед, дядя, пропавшие без вести,
На фотографиях в альбоме все мы вместе,
Хотя вы молоды, а я уже седой.

Сергей Пузатых-Елецкий

Два города свяжу своей судьбой

Я напишу о Гатчине с любовью,
Хоть это и не мой с рожденья городок.
Я сын холмов, политых в битвах кровью,
Руси былинной есть там островок.
Град древний, бабушка Елец,
Он — многим городам отец!
А Гатчина, с имперскими дворцами,
С очарованьем парков и озёр,
С ажурными, изящными мостами,
Во мне развила чувств лиричных хор.
И белой ночью, и осенним днём,
И зимними морозными ночами
Улавливаю, чувствую во всём
Дух творчества, живущий вместе с нами.
Мерцай над Гатчиной божественно звезда!
И отражайся в темноте озёр!
Здесь Пушкин, Северянин навсегда —
В поэзии негаснущий костёр.
Здесь жил Куприн и с Буниным дружил,
А тот любил Елец старинный свой,
И я, насколько хватит моих сил,
Два города свяжу своей судьбой.

Берёзка под окном

Пылает золотым огнём,
С причёскою густой,
Берёзка под моим окном,
Посаженная мной.
Ей жаль наряд свой потерять,
Но дни всё холодней,
Уж ласки не придётся ждать
От солнечных лучей.
Гори, берёзка, на ветру,
Сыпь золото с ветвей,
Укрась зелёную траву
Палитрою своей.
Ты подари в последний раз
Красивый натюрморт,
Порадуй напоследок глаз,
Мы в зимний входим порт.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айдынян Елена Ивановна окончила художественно-графический факультет ЛГПИ им. А.И. Герцена. Работала в Школе творческого развития, Центре образования города Гатчины. Почетный работник образования РФ, восемь лет была куратором Просветительского пространства «Весна» Центра информационных технологий. Сейчас преподает историю искусств в Гатчинской Детской художественной школе.

Акимов Георгий Леонович родился в 1935 году в Москве. В 1942–1947 гг. воспитывался в детских домах. В 1952 году переехал в Минск. В 1964 году окончил Белорусский Государственный орденосный институт физической культуры. В 1977 году окончил аспирантуру, в 1979 году защитил диссертацию на кафедре Спортивных игр. С 1985 по 2005 год работал учителем физического воспитания СШ № 150 г. Минска. С 1982 года сотрудничал с республиканскими газетами, являлся внештатным корреспондентом «Учительской газеты». В 2007 году переехал в Новый Учхоз Гатчинского района. Автор книг, пишет стихи и прозу.

Ананьев Игорь Анатольевич родился в 1984 году в п. Сиверский. Окончил Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, бакалавриат по направлению «Архитектура» и магистратуру РГПУ им. А.И. Герцена, факультет изобразительного искусства по кафедре рисунка. С 2010 года — преподаватель изобразительного искусства в Сиверской ДШИ им. И.И. Шварца. С 2011 года работает в эстампной мастерской факультета изобразительного искусства РГПУ им. А.И. Герцена. С 2015 года член Союза художников России. Участник многочисленных выставок в Санкт-Петербурге, Ленинградской области, Финляндии, Болгарии, в том числе, в Союзе художников Санкт-Петербурга, ЦВЗ «Манеж», ВЗ «Смольный», выставочном комплексе «Ленэкспо», Выставочном зале ЦБС Московского района С-Пб, ВЦ «Эрмитаж-Выборг».

Антонов Юрий Владимирович родился в 1947 году. Член Российского межрегионального союза писателей. Учился в Северо-Западном политехническом институте, Ленинградский филиал. Художник, поэт. Автор четырнадцати поэтических сборников: «Плоды смерти», «Небесные открытки», «Горькая осень», «Телевесна» и др. Публиковался в сборниках: «Горизонты вечности», «Обними идущего меня», «Пути мотыльков», «Царскосельская лира», «Северный вестник». Участник творческого объединения «Долина» со дня основания. Живёт в п. Вырица.

Архангельская Татьяна Альбертовна главный специалист архивного отдела\главный хранитель архивных фондов архивного отдела администрации Гатчинского района. Окончила Гатчинское педагогическое училище и Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики. Живёт в Гатчине.

Безуглов Николай Олегович окончил Петербургский государственный университет путей сообщения, Свято-Сергиевский Богословский институт в Париже, магистрант РГПУ им. А.И. Герцена. Священник Покровского собора г. Гатчина. Увлекается фотографией, архитектурой и путешествиями.

Белик Александр Анатольевич, кандидат культурологии, научный сотрудник МБУ «Музей города Гатчины». Автор ряда научных статей по истории г. Гатчины, участник ежегодных конференций в ГМЗ «Гатчина». Автор первой части «Архитектурного атласа Гатчины до 1917 г.», изданного в 2019 г. в Москве, где по архивным чертежам XIX — начала XX вв. был восстановлен облик трех центральных улиц нашего города: Соборной, Красной и ул. Горького; большинство чертежей фасадов домов, имеющих художественную и историческую ценность, были опубликованы впервые.

Бобкова Зоя Степановна, поэт, прозаик, журналист, член Союза писателей России (СПб отделение), член Союза журналистов СПб и Ленинградской об-

ласти. Главный редактор газеты «Приневский край». Автор около тридцати книг стихов и прозы. Лауреат фестиваля «На берегах Невы» в номинации «Лучший текст песни» (2002 г.). Лауреат I степени в номинации «Автор слов песни о Петербурге» к 300-летию города (2003 г.). Лауреат Литературной премии имени поэта Николая Тихонова (2009 г.). Дипломант премии «Добрая лира» (2010 г.). Лауреат премии им. Е.Р. Дашковой в номинации «Журналист» (2011 г.). Имеет более 50 почетных грамот, благодарностей, благодарственных писем, дипломов от администраций и общественных организаций. Награждена: памятной медалью «А.П. Чехов. 1860–1904» (2009 г.), памятной медалью: «А.С. Грибоедов. 1795–1829» (2011 г.), памятным знаком: «4-й гвардейский миномётный полк» за отличие в общественной ветеранской работе (2011 г.); дипломом им. М.Ю. Лермонтова «Недаром помнит вся Россия» с вручением медали «М.Ю. Лермонтов. 1814–1841» (2014 г.). Награждена: специальным дипломом Международного Берлинского конкурса «Лучшая книга года 2014» в номинации «Крупная проза» за роман «Полёт сквозь бездну» (2014 г. Берлин); специальным дипломом Берлинского Литературного института им. А.П. Чехова «За художественное мастерство и глубину исследования человеческих взаимоотношений» (2014 г. Берлин) за роман «Полёт сквозь бездну»; медалью «За заслуги перед отечественной культурой» (2017 г.); специальным дипломом на Германском Международном литературном конкурсе (Берлин-Франкфурт) «За лучшую книгу о Великой Отечественной войне» за книгу очерков «С нами — из «Бессмертного полка» (2018 г.); специальным дипломом на Германском Международном литературном конкурсе «Лучшая книга года» «За глубину и проникновенность поэзии» (2019 г.) за книгу лирики «О недосказанности вечной». Лауреат премии имени Александра Прокофьева «Ладога» (2019 г.).

Бочина Евгения Борисовна родилась в 1969 году. Сотрудник ПИЯФ, молекулярный генетик. Лоскутным шитьем начала заниматься в 2010 г. в квилт-студии «Гатчина» под руководством Н.Ю. Косьянковской. Участник всех выставок студии.

Бурлаков Андрей Вячеславович, известный краевед и пушкиновед Гатчинской земли, член Союза музейных работников С-Пб и Ленинградской области, почетный гражданин Гатчинского района. Автор нескольких музейных экспозиций, главный редактор журнала «Лукоморье», автор книг и многочисленных публикаций в региональных изданиях, член литературного объединения «Поэтов Сиверское Братство». Лауреат премий Советского и Российского Фондов Культуры. Награжден многочисленными почетными грамотами, дипломами и благодарственными письмами.

Буханцова Ольга Гавриловна родилась в 1963 году. Служащая. Лоскутным шитьем начала заниматься в 2014 г. в квилт-студии «Гатчина» под руководством Н.Ю. Косьянковской. Участник всех выставок студии.

Васильев Виктор Александрович родился в 1959 г. в Гатчине. В 1981 г. окончил факультет журналистики ЛГУ. Последние четверть века занимается историческими исследованиями и издательской деятельностью. Автор пяти книг и многочисленных публикаций по церковной истории. Продюсер и автор сценария четырёх документальных фильмов. Печатался в альманахах: «Петрополь», «Васильевский остров», «Невский альманах», «Оредеж», «Истоки». Лауреат художественной премии «Петрополь» (2014 г.)

Гамаль Владимир Алексеевич, поэт, член ЛИТО «Меридиан». Родился на Украине в 1950 году. Имеет два высших образования. Более сорока лет занимается поэтическим творчеством. Издал два сборника стихов.

Гецман Ирина Дмитриевна родилась в 1956 году. Библиотекарь. Лоскутным шитьем начала заниматься в 2014 г. в

квилт-студии «Гатчина» под руководством Н.Ю. Косьянковой. Участник всех выставок студии.

Голисев Николай Эдуардович, сотрудник поискового отряда «Искра».

Гроховская Вера Михайловна родилась в с. Добролюбовка Самарского района республики Казахстан. Детство провела в родном селе, где и начала печататься в районной газете «Новая жизнь» в качестве юнкора. После окончания школы переехала в Санкт-Петербург, где окончила педагогический институт имени А.И. Герцена по специальности «учитель русского языка и литературы». По распределению была направлена на работу в Карелию. Работала 20 лет в школе, была внештатным корреспондентом газеты «Новая Ладога» в г. Сортавала. С 2003 г. живёт и работает в Ленинградской области. В г. Гатчина периодически публиковалась в газете «Гатчинская правда». Несколько лет жила и работала в Луге, печаталась в газетах «Провинциальные новости» и «Лужская правда». Член Союза лужских писателей с 2015 г. Живет в г. Гатчина.

Дмитриенко Анастасия Александровна родилась в Рязанской области, кандидат исторических наук, научный сотрудник МБУ «Музей города Гатчины». Автор книги «Гатчина. Год 1917-й (глазами горожан)», материалы из которой активно использовались в городских мероприятиях, посвященных 100-летию Октябрьской революции. Автор научных и научно-популярных статей по истории Гатчины в журналах, альманахах и газетах «Родина», «Гатчинская правда», «Гатчина ИНФО», альманах «Оредеж».

Докучаев Евгений Глебович родился в 1961 году, живет в посёлке Елизаветино. Окончил местную десятилетку. Выпустил несколько сборников стихов.

Донова Елена Дмитриевна (Булганова) родилась на Украине, с двух лет живет в Гатчине. По образованию семитолог, однако много лет зарабатывает на жизнь писательством. Сотрудничала с московским издательством

«Центрполиграф», писала детективы и дамские истории. Последние годы издаются в «Росмэне» — изданы три трилогии («Вечники», «Инсомния», «Навия»), работает над четвертой.

Жильцова Нина Георгиевна родилась в 1968 году в Саратове. Родители умерли рано, воспитывалась престарелой бабушкой. Писать начала примерно с одиннадцати лет. После смерти бабушки переехала в Ленинград. Окончила профтехучилище. Специального литературного образования не имеет. Стихи публиковались в альманахах и газетах.

Зимица Лариса Ивановна родилась в городе Куйбышеве. Окончила Воронежский госуниверситет. Профессиональные интересы: образование, просвещение, культура и др. (защита детства, поддержка и развитие русского языка). Автор 8 книг поэзии, прозы. Публиковалась в журналах и альманах: «Подъем», «Ямская слобода», «Царскоесельская лира», «Мгинские мосты», «Оредеж» и др. Деятельный участник «Поэтограда» в г. Воронеже и ТО «Долина» в п. Вырице.

Златкин Александр Ефимович родился в 1954 году. Окончил Художественно-графический факультет Санкт-Петербургского педагогического университета. В 1981 году открыл художественную школу в п. Сиверский. Член Союза художников России с 1990 года. Награжден знаком «За достижения в искусстве». Участник более 200 выставок в разных городах России, а также в Германии, США, Канаде, Китае, Франции, Финляндии, Швеции, Шотландии и Польше. Работы находятся в собрании Администрации Президента Российской Федерации, Патриарха РПЦ, губернатора Ленинградской области, в художественных галереях, в музеях и частных собраниях разных стран мира.

Иванова Татьяна Павловна родилась в 1950 году, работала учителем МБОУ «Большеколпанская СОШ», в настоящее время — пенсионер. Живет в СПб.

Исмаилов Бахиялы (Борис) Балабек родился в 1958 году в г. Куба Азербайджанской ССР. С малых лет увлекался

рисованием. В 1975 году, после окончания школы, приехал в Гатчину. Окончил ПТУ, служил в армии. После службы работал в различных организациях. В настоящее время работает начальником производства в ООО «Форинд». К увлечению живописью вернулся в 2016 году после перенесенной клинической смерти. Член Гатчинского товарищества художников.

Кавина Людмила Григорьевна родилась в 1937 году. Житель Блокадного Ленинграда. С 1966 года живет в п. Сиверский. По профессии — экономист, более тридцати лет работала в Сиверской сельхозтехнике и на Ремонтном заводе. Ветеран труда. Ведет большую общественную деятельность, член Совета ветеранов Сиверского городского поселения.

Кадушкина-Пилипенко Ольга Владимировна родилась в 1973 г. в Гатчине. В 1992 г. окончила отделение скульптуры художественного училища им. Рериха. В 1999 г. окончила отделение керамики и стекла СПбХПА им. В.И. Мухомовой. С 1996 года начала свою выставочную деятельность, участник и дипломант различных городских, областных, международных конкурсов. В 1998 г. состоялась первая персональная выставка «Опыт фантазий». В 2003 г. — персональная выставка «Сотворение Мифа» (ГМЗ «Гатчина»). Всего персональных выставок до 2021 года в родном городе состоялось больше восьми. В 2012 г. — проект «Новый реализм» в г. Нью-Йорк, США. Работы находятся в частных собраниях России, Финляндии, Германии, США. Ольга — многогранный художник. Это — живопись, как монументальная, так и декоративная; скульптура, что позволяет работать с различными пространственными объектами, будь то небольшая квартира, детская комната или общественное помещение. Декоративно-прикладное искусство — это работа по росписи фарфора, скульптура и декоративные фактурные картины на стенах (декоративная штукатурка), керамика, валяние из шерсти (фелтинг).

Калинина-Забывовская Анна Юрьевна родилась в семье военнослужащего в Ленинградской области. Профессиональный музыкант — пианистка и вокалистка, руководитель вокального ансамбля «Белая птица», лауреат фестивалей «Инсайт-2018». Имеет 30-летний педагогический стаж, включая международный опыт. Публикуется в интернет-изданиях с 2006 года. Автор книги «Отель Калифорния» — записки русской пианистки. Является организатором и участником множества благотворительных концертов в Гатчине и Ленинградской области.

Киселева Елена Львовна, народный пушкинист, преподаватель русского языка и литературы в МБОУ «Кобряловская основная общеобразовательная школа», живет в поселке Кобрялово.

Киселева Лариса Петровна, поэт, член Союза писателей России, фотохудожник, заведующая техническим обеспечением Сиверской библиотеки им. А.Н. Майкова.

Кислов Владислав Аркадьевич, врач, краевед, автор книг, живет в городе Гатчина.

Коноплева Ольга Миннихановна окончила Ленинградский областной колледж культуры и искусств по специальности «социально-культурная деятельность». В 2015 году получила высшее образование в СПбГИК по специальности «музейное дело и охрана памятников истории и культуры». Главный хранитель фондов Вырского филиала ГБУК ЛО Музей «Дом станционного смотрителя».

Коноплев Кир Александрович родился в 1930 году в Москве. Физик, чемпион СССР по альпинизму. Окончил Ленинградский политехнический институт. С 19 марта 1954 года работает в Ленинградском физико-техническом институте им. А.Ф. Иоффе и Петербургском институте ядерной физики им. Б.П. Константинова. С 2007 года — главный научный сотрудник, научный руководитель реакторной базы НИЦ «Курчатовский институт» — ПИЯФ и

заведующий группой критических экспонатов. Принимал участие в проектировании реактора ПИК.

Корниенко Евгения Владимировна, поэт, действительный член Российского межрегионального Союза писателей, член Академии русской словесности и изящных искусств имени Г.Р. Державина. Живет в п. Сиверский.

Крылов Павел Валентинович, пастор евангелическо-лютеранской церкви Святой Екатерины Скворецкого прихода, живет в Санкт-Петербурге.

Куорти (Деревлёва) Елена Ивановна родилась в 1944 году в Финляндии. Окончила восьмилетнюю школу, затем училась во Всеволожском сельскохозяйственном техникуме, получила профессию зоотехника. Работала заведующей виварием в НИИ онкологии им. пр. Петрова с лабораторными животными. Пенсионерка. С 2018 года живет в микрорайоне «Мариенбург» г. Гатчины.

Лаврова Зоя Андреевна, преподаватель, краевед, поэт. Член Союза писателей Ленинградской области и Санкт-Петербурга. По образованию педагог и психоаналитик. Работает в Сиверской гимназии. Стихи публиковались в сборниках поэтов «Сиверского братства», альманахах «Ленинградская мыза», «Оредеж» и др.

Ларионова Лариса Георгиевна, родилась в 1968 году. Педагог дополнительного образования. С 2014 года занимается лоскутным шитьем в квилт-студии «Гатчина». Участник всех выставок студии.

Лейкин Михаил Иосифович (1943–2016 гг.), петербургский режиссер, драматург, поэт. С 1986 по 2015 гг. — художественный руководитель, сценарист и главный режиссер Пушкинских праздников. Автор книг о Пушкинских праздниках, о праздниках цикла «Народный календарь Арины Родионовны», традиционному проводившихся в Гатчинском районе, текста гимна Ленинградской области и гимна Гатчинского района.

Лукин Валерий Евгеньевич родился в 1960 году, начальник научно-экспози-

ционного отдела Центрального военно-морского музея, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, профессор Академии военных наук (Москва), действительный член Русского географического общества, член Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Лысанюк Юлия Леонидовна родилась в городе Донецке (ныне — Новороссия). В Гатчине проживает с 2003 года. Окончила философский факультет ПбГУ. Редактор в ряде издательств Санкт-Петербурга, автор-составитель книг. С 2012 года работает корреспондентом газеты «Гатчинская правда». Победитель регионального этапа Всероссийского конкурса «Патриот России» в номинации «Моя Россия» (2015). Победитель премии имени Екатерины Дашиковой в номинации «Журналист» (Санкт-Петербург, 2017). Дипломант второй степени Всероссийского конкурса журналистов «Золотой гонг» (2019). Победитель конкурса на соискание премий правительства Ленинградской области в сфере журналистики в номинации «Лучший медиапроект» (2019). Победитель регионального конкурса «Серебряный бинокль» в номинации «Экотуризм» (2019).

Мачульский Валерий Алексеевич родился в 1955 году. В 1991 организовал Культурно-исторический архив г. Гатчины при отделе культуры и заведовал им до 2008 года.

В архиве было собрано более ста тысяч фотонегативов, тысяча пятьсот фотографий, сотни печатных документов, афиши, пластинки и т.п. материалы, отражающие историко-культурные события Гатчины и района. В 2008 году все фонды были переданы в «Музей истории Гатчины».

В 1997 году в ЦРБ им А.И. Куприна проведена выставка «Монументальное и монументально-декоративное искусство города Гатчины с 1922 по 1997 год». На сорока четырех стендах расположились более двухсот фотографий, документы, эскизы, проекты, макеты. В 1998 году, дополненная новыми матери-

алами, эта выставка была развернута в ДХШ на «Аэродроме».

С 1998 по 1999 год работал заведующим Музея-усадьбы И.К. Клодницкого. За год был собран материал и оформлена постоянная выставка по истории архитектуры и градостроительства г. Гатчины.

В 2015 году выпустил книгу «История Гатчины в бронзе и граните. Памятники революции и гражданской войне, событиям и героям Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». В 2017 году — вторую книгу «История Гатчины в бронзе и граните. Памятники и мемориальные доски 1954–2017 гг.». Сейчас заканчивает работу над третьей книгой «Монументально-декоративное искусство г. Гатчины». Постоянно публикует статьи, заметки по истории г. Гатчины в газетах, журналах, сборниках. Член городского отделения ВООПиК г. Гатчины.

Моисеев Станислав Борисович родился в Ленинграде в 1946 г. С раннего детства увлекался рисованием. После службы в армии в 1972 г. успешно сдал экзамены в Ленинградское художественное училище им. Серова. Член Товарищества художников Гатчины. Многие работы находятся в частных коллекциях в городах России, а также за рубежом.

Мухортова Екатерина Сергеевна родилась в Ленинграде в 1987 году. С детства обучалась изобразительному искусству, начиная с художественной школы. Постоянно принимает участие в различных выставках, фестивалях. Работы находятся в частных коллекциях России и зарубежья. Член Гатчинского Товарищества Художников с 2019 года. Живет в Санкт-Петербурге, проводит много времени на даче в Сиверском.

Новикова Екатерина Владимировна, графический дизайнер. В Гатчинское товарищество художников вступила в 2019 году, где нашла вдохновение и искренних единомышленников. Больше всего доставляет удовольствие изображать природу, людей, и, конечно же, красоту Санкт-Петербурга и Гатчины.

Оболенская Светлана Николаевна, методист по научно-просветительской работе МБУ КВЦ «Дачная столица» Музей Красногвардейского укрепрайона».

Осипова Александра Сергеевна родилась в 1952 году. Пенсионерка. Лоскутным шитьем начала заниматься в 2012 г. в квилт-студии «Гатчина» под руководством Н.Ю. Косьянковой. Участник всех выставок студии.

Осипова Галина Александровна родилась в 1951 году в Подмосковье. Окончила Кишиневский политехнический институт по специальности «инженер-экономист». Увлекается поэзией, литературой, живописью. Член Народной изостудии при гатчинском Доме культуры. Публиковалась в периодической печати, в литературно-художественном альманахе «Под Полярной звездой в бухте Ягельной», на литературном портале «Proza.ru». Автор и составитель альбома о творчестве художника Валерия Осипова «Чайка-Душа моряка». Автор сборника стихов и рассказов «Все начинается с любви...». Живет в Гатчине.

Павлов Андрей Викторович родился в 1973 году в поселке Дружная Горка. Отслужил в армии. Окончил Санкт-Петербургскую Академию управления и экономики. Работает начальником склада. В настоящее время проживает в п. Большие Колпаны. Стихи начал писать ещё в юности.

Пеннонен Ирма Вернеровна, учитель русского языка и литературы высшей категории, учитель финского языка, Почётный работник Общего образования РФ, награждена знаком «Общественное признание профессиональных заслуг», является представителем ингерманландской педагогической династии в четвёртом поколении, 35 лет работает в школе, из них — восемь лет в МБОУ «Сиверская ООШ». Поэт, автор-исполнитель, лауреат городских и областных конкурсов авторской песни и поэзии. Живет в п. Сиверский.

Печенкин Александр Михайлович, краевед-любитель, родился в 1951 году в

г. Грозном. В 1954 году семья переехала в Ленинградскую область, в поселок Су-санино. В 1968 году поступил в Ленинградский техникум железнодорожного транспорта на отделение «Эксплуатация железных дорог». В 1971 году по окончании техникума был направлен на работу в Ленинградский проектно-изыскательский институт железнодорожного транспорта, в отдел узлов и станций на должность техника-эксплуатационника. В составе изыскательской партии института работал на действующих железных дорогах СССР (Октябрьской, Северной и Белорусской). Срочная служба в рядах Советской Армии также была связана с железной дорогой, проходил ее в железнодорожных войсках с 1971 по 1973 год. После демобилизации устроился на работу на Октябрьскую железную дорогу. Занимал должности составителя поездов и маневрового диспетчера. В настоящее время пенсионер. Как краевед-любитель работает над составлением топонимических словарей.

Пузатых Сергей Юрьевич родился в городе Елец Липецкой области. Поэт. Член Союза писателей Петербурга и Ленобласти. Творческий псевдоним — Елецкий. Высшее образование получил в Петербурге. Награжден почетной грамотой лауреата международного поэтического конкурса «ЗОЛОТАЯ СТРОФА», награжден дипломом номинанта литературной премии им. С. Есенина «Русь моя — 2016», дипломом номинанта премии «Поэт года — 2013». Издал два сборника стихов: «О Русь, ты лирики родник», «О Русь, живи во мне всегда». Печатается в журналах и газетах. Член Бунинского общества Петербурга. Награжден памятной медалью И.А. Бунина губернатором Орловской области за вклад в творчество и в связи со 150-летием И.А. Бунина. Российским союзом писателей награжден памятной медалью С.А. Есенина за творчество есенинской направленности и в связи с 125-летием поэта. Художник, состоит в Гатчинском товариществе худож-

ников. Участник выставок Товарищества. Живёт в г. Гатчина. Работает в Петербургском институте ядерной физики.

Пунжина Наталья Викторовна, родилась в 1976 году в Новгороде. Училась на искусствоведческом отделении гимназии и в художественной школе. Окончила с отличием филологический факультет Новгородского Государственного Университета им. Ярослава Мудрого. Публиковалась в периодической печати, коллективных изданиях.

Первая публикация — в 1989 году. Автор поэтического сборника «Глаза-незабудки» (2004). Участник 27-й конференции молодых писателей Северо-Запада (С-Пб, 2007). Финалист Международного конкурса лирико-патриотической поэзии имени поэта и воина И.Н. Григорьева (2016) и лауреат этого конкурса (2017), лауреат конкурса «Выборгская чайка» в номинации «Лирическая поэзия» (2017), дипломант поэтического Конкурса Союза писателей России «В труде и в бою храни беззаветно Отчизну свою» (2017). Член Союза Писателей России с 2007 года. Живет в г. Гатчина.

Пусепт Василий Викторович родился в 1957 году в Сибири, в городе Красноярске. По своей первой профессии — кадровый военный, моряк, служил в должности механика дизельной подводной лодки. Выпустил книгу стихов «Я, как все в этом мире, прохожий...». Сейчас на пенсии. Участник ТО «Долина». Проживает в п. Вырица.

Радюкевич Иван Николаевич, поэт, музыкант, член Гатчинского товарищества художников. Живет в п. Сиверский.

Рыбаков Константин Павлович родился в 1961 году в Ленинграде. Окончил Балтийскую Государственную академию рыбопромыслового флота (г. Калининград). Работал на судоремонтном заводе, ходил в море на рыболовных траулерах, зимовал на 80-й параллели (архипелаг Северная Земля), ходил на речном пассажирском теплоходе, работал водителем-дальнобойщиком, менеджером, курьером, страховым агентом. В ноябре

2009 вернулся в профессию — судовой механик судна вспомогательного флота на Балтийском судостроительном заводе.

Рябов Дмитрий Сергеевич, специалист по информационным технологиям, начальник отдела автоматизации одной из компьютерных фирм, краевед, внештатный сотрудник Музея-усадыбы «Рождествено», публицист. Живет в С-Пб.

Садомовский Геннадий Петрович родился в 1949 году в дер. Наговицко Нижегородской области. Окончил ЛВХПУ им. В.И. Мухомовой. В 1980 году начал трудовую деятельность в художественном фонде РСФСР в г. Северодвинске Архангельской области. В 1980–2020 гг. участник городских, областных, зональной, всесоюзных и международных выставок. В 1983–1990 гг. был участником всесоюзных и международных семинаров по художественному проектированию на базе всесоюзного дома творчества «Сенеж». Член Союза художников РФ. Работы приобретены Министерством Культуры РФ, музеями Москвы, С-Пб, Праги, Северодвинска, Архангельским музеем деревянного зодчества «Малые Карелы», а также частными коллекционерами из России, США, Израиля, Чехословакии, Финляндии, Норвегии, Франции, Италии, Индии, Бразилии, Австралии, Германии и т.д.. С 2013 года живет и работает в г. Гатчине.

Свиридов Владимир Алексеевич окончил художественно-графический факультет СПб ГПУ. Член Союза писателей Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Публиковался в сборниках «Горизонты вечности», «Обними идущего меня», «Пути мотыльков», литературно-краеведческом альманахе «Оредеж», журналах «Царскосельская лира», «Северный вестник». Как художник был участником многих выставок. В творческом объединении «Долина» со дня основания. Родился в 1951 году. Живёт в п. Вырица.

Свиридова Лидия Владимировна окончила Аграрную академию. Работа-

ет в области нанотехнологий. Есть публикации в литературно-краеведческом альманахе «Оредеж» и литературно-художественном альманахе «Царскосельская лира», в поэтических сборниках «Горизонты вечности», «Пути мотыльков», «Обними идущего меня», «Вырица-девчонка — родина моя», литературном журнале «Северный вестник». Участник творческого объединения «Долина». Родилась в 1980 году. Живёт в посёлке Вырица.

Семочкин Александр Александрович, архитектор, писатель, просветитель, кавалер Ордена почета, лауреат Горьковской премии по литературе Российского фонда культуры, Почетный гражданин Гатчинского муниципального района. Живет в д. Выра.

Скорнякова Зинаида Васильевна, член Союза журналистов России и Гатчинского товарищества художников. Лауреат премии имени Е.Р. Дашиковой в номинации «Журналист», Работает библиотекарем в Духовно-просветительском центре Покровского собора в Гатчине. Живет в п. Мыза-Ивановка.

Соломко Марианна Валериевна родилась в 1984 году в Ленинграде. В 2009 году окончила фортепианный факультет Национальной музыкальной академии Украины им. П.И. Чайковского. Автор поэтических книг «Гуси летели на Север...» (2013), «Что бы ни случилось...» (2014), детской книги «За грибами со стихами» (2017), и «Короставник» (2019).

Дипломант всероссийской литературной премии им. А.К. Толстого, лауреат литературных премий «Молодой Петербург» и «Славянские традиции». Переводит с сербского, переведена на сербский и украинский. Член Союза писателей России, член Союза журналистов. Публиковалась в литературных изданиях России, Украины, Беларуси, Казахстана, Сербии, Германии, Канады, Англии.

Спичак (Гусарова) Наталья Васильевна родилась в селе Рождествено. Окончила Санкт-Петербургский уни-

верситет культуры и искусства (СП-ГУКиИ) по специальности «Музейное дело и охрана памятников». С 2001 года работает в музеях Гатчинского района: Музей-усадьба «Рождественно», Музей «Дом станционного смотрителя». С 2010 года — главный хранитель фондов Суйдинского филиала ГБУК ЛО «Музейное агентство» — Музей-усадьба «Суйда».

Томбак Ксения Борисовна родилась в 1947 году. Пенсионерка. Работала в ПИЯФ, химик. Лоскутным шитьем начала заниматься в 2013 г. в квилт-студии «Гатчина» под руководством Н.Ю. Косьянковой. Участник всех выставок студии.

Федорова Валентина Владимировна, советник руководителя ГМЗ «Гатчина». Родилась в 1947 г. в Ленинграде. Окончила Ленинградский государственный университет. В Государственном музее-заповеднике «Гатчина» работает с 1969 года. Возглавляла экскурсионный, научно-просветительный, научно-экспозиционный отделы. Активный участник восстановления Гатчинского дворца, парковых павильонов, охраны исторических и архитектурных памятников Гатчины. Автор многочисленных публикаций по истории Гатчины и Гатчинского дворцово-паркового ансамбля, в том числе: «Гатчинский парк. Страницы истории», «Гатчина. Россия и весь мир».

Хухка Ирина Андреевна, старший научный сотрудник, хранитель фонда редкой книги Государственного музея-заповедника «Гатчина». Окончила библиотечный факультет Санкт-Петербургского государственного Университета культуры и искусств. Работает в Гатчинском дворце-музее с 2002 года. Автор публикаций по истории книжного собрания Гатчинского дворца.

Чудновский Юрий Сергеевич родился в 1964 году в г. Бровары Киевской области. С детских лет увлекался музыкой и живописью. Окончил музыкальную

школу по классу виолончели. В 1981 году поступил в Челябинское Высшее Военное Краснознаменное училище штурманов. После его окончания в 1985 году проходил службу на различных летных должностях в качестве штурмана самолета Су-24. С 1999 года — житель г. Гатчины. Последнее место службы — в/ч 20017 гарнизон Сиверский. В 2004 году уволен в запас в звании майора. До 2016 года работал в сфере логистики. Сделал семь крупных декоративных работ на производстве фирмы «ПЕ-ТРОКО» в мкр. Мариенбург. С 2018 года работает авиационным диспетчером НССА (Национальная Служба Санитарной Авиации). Службу и работу всегда совмещает с любовью к творчеству, живописи. В январе 2018 был принят в Гатчинское товарищество художников. За последнее время прошло шесть персональных выставок художника в Гатчинском районе.

Штормовой (Сабадаш) Валерий Александрович родился в 1952 году в г. Полоцке. Окончил Минское СВУ в 1970 году и Омское ВОКДКУ им. М.В. Фрунзе в 1974 году. Служил в Забайкальском ВО, ГСВГ, Прикарпатском ВО. Службу закончил в должности заместителя командира воинской части, майор. С 1993 года — пенсионер. Член Союза писателей Ленинградской области и С-Пб. Автор двух поэтических сборников. Публиковался в альманахах и разных периодических изданиях. Номинант литературной премии им. Маршала Мерецкова.

Шутов Юрий Алексеевич, член Союза писателей России, работает в разных жанрах. Становление писателя пришлось на 70-ые годы. Учился в Беломорске, в Самаре, там же окончил институт, получил профессию инженера-механика. Служил в армии офицером, вышел в отставку в чине подполковника. Обвездил весь Союз — от Украины и Белоруссии до Дальнего Востока. Мастер спорта по гребле на каноэ и байдарке. Живет и работает в г. Гатчине.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

В.А. Филоненко , глава Гатчинского муниципального района и МО «Город Гатчина», Л.Н. Нецадим , глава администрации Гатчинского муниципального района	3
Пусепт Василий. Речка Оредеж	4
НАРОДНАЯ ПУШКИНИАНА	5
Спичак Наталья. Усадьба Суйда	6
Памяти Михаила Иосифовича Лейкина посвящается	12
Лейкин Михаил. 19 Октября.....	13
Птицы	14
Звезда Арины	16
Мальчишки	18
Киселёва Елена. «Мы все учились понемногу...»	19
Радюкевич Иван. Как мимолетно все и хрупко... ..	21
Оболенская Светлана. Путевые заметки	22
Корн Евгения. А.С. Пушкину	27
КРАЕВЕДЕНИЕ	29
Бурлаков Андрей. Усадьба «Войсковицы» на императорской службе.....	30
Страницы истории. Станция Сиверская.....	36
Корн Евгения. Сиверская	44
Фёдорова Валентина. Остров Длинный на озере Белом.....	45
Печенкин Александр. Топонимическая загадка — станция Семрино	50
К вопросу о топонимических «ляпах» на карте Гатчинского района.....	54
Вырицкий «невидимка».....	55
Дмитриенко Анастасия. Адреса прошлого и новые веяния, или объявления горожан, помещенные в газете «Гатчинские известия» в апреле — июле 1917 г. ..	56
Рябов Дмитрий. «Бунт на Оредеже»: как семёновцы метались от красных к белым и обратно.....	59
Белик Александр. Горожане и дворцовый парк в начале 1920-х гг.	70
Кислов Владислав. Детская поликлиника на улице Хохлова (бывшей Березовой)	76
Хухка Ирина. «Каталог коллекции древних надписей Музея Вероны» (Верона, 1749) с пометами И.В. Помяловского из собрания Гатчинского дворца-музея	80
Жильцова Нина. Гатчине	83
Пеннонен Ирма. Моему поколению семидесятих.....	84
ИМЕНА В ИСТОРИИ	85
Кислов Владислав Анна Михайловна Дашенко (1905–1980)	86
Лысанюк Юлия. Большая ловитва Владимира Набокова	88
Зимица Лариса. Нам важно вернуться	94
ВОЙНЫ И ПАМЯТИ ПРИКАЗ...	95
Оболенская Светлана, Голисев Николай. 80-летию создания и обороны Красногвардейского укрепрайона	96
Жильцова Нина. Каким я не помню деда	100

Архангельская Татьяна. «Голоса победы»	101
Лукин Валерий. «...Отличался изумительной храбростью».....	109
Кавина Людмила. Каждую крошку — в ладошку.....	118
С ВЕРОЙ И НАДЕЖДОЙ.....	121
Васильев Виктор. Из жизни святой Марии Гатчинской	122
Киселева Лариса. Колокольный звон Руси.....	136
ИНГЕРМАНЛАНДИЯ.....	137
Куорти (Деревлёва) Елена. Былое. Воспоминания. Наша земля	138
ПРИРОДНЫЕ БОГАТСТВА.....	147
Иванова Татьяна. Про чернику	148
Лысанюк Юлия. Репузи — земля диких орхидей.....	153
Свиридова Лидия. Лесная столовая. Питательные растения лета.....	157
Пузатых-Елецкий Сергей. Глухомань.....	162
ЛЮДИ ИСКУССТВА	163
Скорнякова Зинаида. Хранитель древностей.....	164
Айдынян Елена. По деревянному кольцу Ленинградской области.....	167
Пунжина Наталия. Манят стёжки-дорожки в заветное чудо-местечко... ..	175
Докучаев Евгений. Будет вечер опять над округой разлит... ..	176
Вот так и жить: в затишье одеваться	176
КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ	177
Коноплева Ольга. Сохраняя память.....	178
Мачульский Валерий. «Нерожденные памятники».....	186
ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО	191
Бобкова Зоя. Ни чинов, ни имущества он из Афгана не привёз.....	192
Осипова Галина. Разбежался год.....	195
Коноплев Кир. НИЦ «Курчатовский институт» — ПИЯФ — 50 лет.....	196
Бобкова Зоя. Гатчинскому реактору.....	203
Лаврова Зоя. Птица — ангел.....	204
Свиридов Владимир. Дорога в одну сторону	210
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ	211
Сёмочкин Александр. Про комара	212
Златкин Александр. История Алексея и Шурика	215
Донцова (Булганова) Елена. Ты — Сашка	218
Рыбаков Константин. Капитанский гамбит	232
Калинина-Забывтовская Анна. Мой герой (или горки с трамплинами)	235
Пеннонен Ирма. Маме	244
Гроховская Вера. Чёрный всадник.....	245
Гамаль Владимир. Светлый образ	248
ПОЭТИЧЕСКОЙ СТРОКОЙ.....	249
Бобкова Зоя. В Рождество	250
На берегу форелевой реки	250
Пеннонен Ирма. Размышления... ..	251
Не проси у судьбы покоя	251
Гамаль Владимир. Деревенские белые ночи	252
Благодатный свет	252
Соломко Марианна. Мышка, мышка, хитрая игрушка	253
Аист на стоге сена... ..	253

Ушанка	253
Докучаев Евгений. Если б за стихи платили золотом	254
Осени хочу	254
Тепло нам вспомнится. Придёт апрель	254
Корн Евгения. Тихий шёпот трав и листьев... ..	255
Зовут Любви чарующие звуки... ..	255
Снова ночь проходит мимо.	255
Осипова Галина. Осеннее настроение	256
Осенние слезы	256
Синий зимний вечер	256
Павлов Андрей. Закатно-розовое	257
Бруснично-пепельное	257
Очнитесь!	257
Лысанюк Юлия. Осень.....	258
Август	258
Антонов Юрий. Вода разливается, любит простор... ..	259
Начищено небо до блеска, но кем?... ..	259
Шутов Юрий. Грустно.....	260
Кому ты нужен.....	260
Надо разговаривать	260
Акимов Георгий. Прелести гатчинской старины.....	261
Заброшенные.....	261
Радюкевич Иван. Я вырос на реке... ..	262
Бархат мартовской ночи... ..	262
Молчание снегов, безмолвие полей... ..	262
Штормовой Валерий. Майкову	263
Большая вода.....	263
У ручья	263
Пунжина Наталия. Гатчинская осень.....	264
Златкин Александр. Старые фотографии	265
Пузатых-Елецкий Сергей. Два города свяжу своей судьбой.....	266
Берёзка под окном.....	266
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	267
СОДЕРЖАНИЕ	277

**Редакция не всегда разделяет мнение авторов,
ответственность за достоверность и точность предоставляемых материалов несут авторы.**

ОРЕДЕЖ

Литературно-краеведческий альманах
Гатчинского муниципального района
Ленинградской области

Выпуск 18

**Издательство «ЛЕТОПИСЬ»
Санкт-Петербург, ул. Мельничная, 23
poligrafia-tut.ru**

Формат 70x100/16. Гарнитура Minion Pro.
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.